3 1761 08821409 3

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobraniest00kolt

Кольцовъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ СПб.

Алексѣй Кольцовъ

Полное собраніе стихотвореній и писемъ

А. В. Кольцова.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

LR
K8173V
Kol'tsov, Aleksyei Vasil'evich

Полное

собраніе стихотвореній и писемъ

Polnoe sobranie stikhotvoreniy i pisem

А. В. Кольцова.

Критически провѣренный текстъ, варіанты, біографія, вступительная статья, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его факсимиле и пр.,

подъ редакціей

Арс. И. Введенскаго.

Ars. I. Vvedenskago.

46275-6
6. 6. 47

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе",
Забалканскій пр., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Оглавленіе.

Стр

Жизнь и поэзія А. В. Кольцова XIII

Стихотворенія.

„Пишу не для мгновенной славы“ 1
Введеніе 3

1825

Сирота. „Не прельщайте, не маните“ 17

1826

„Ровеснику. „О чемъ, ровесникъ молодой“. 18

1827

„Если встрѣчусь съ тобой“ (Пѣсня) 19

1828

Размолвка. „Теперь яснѣй“ . . . . . —
Путникъ. „Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ“ 20
„Очи, очи голубыя“ (Пѣсня) 21
Осень. „Настала осень; непогоды“ 22
Ночлегъ чумаковъ. „Вблизи дороги столбовой“ . . —
Спящему младенцу. „О, всеблагое Провидѣнье“ . . 23
Красавицѣ. „Ахъ, кто ты, дѣва красота?“ 24

1829

„Я былъ у ней; она сказала:“ 25
Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни. „Вся жизнь моя—какъ сине море“ 26
„Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный“ . . . . . —
Мщеніе. „Скажи: какія возраженія“. 27
„По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ“ 28
А. П. Сребрянскому. „Не посуди: чѣмъ я богатъ“ . . 29
Пѣснь русалки. „Давайте, подруги,“ 30
Приди ко мнѣ, когда зефиръ“ 31
Разувѣреніе, „Да! жизнь не то, что говорили“ . . . 32
Теремъ. „Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ“ . . . . . —

Стр.
„Люди добрые, скажите“ 33
Маленькому брату. „Расти счастливо, братъ мой“ . . 34
Письмо къ Кашкину. „Давно, за пустотой безсрочной 35
Сестрѣ. „Сестра, вотъ были чудныхъ сновъ“ . 36

1830.

Молодой четѣ. „Сбылось, что вы желали тайно“ . . 37
„О, не кажи улыбки страстной“ . . . . . —
„Утративъ то, что прежде было“ (Пѣсня) 38
Къ другу. „Развеселись, забудь, что было!“ 39
Къ ней. „Опять тоску, опять любовь“ 40
Элегія. „Въ твои объятья, гробъ холодный“ . . . . —
Первая любовь. „Что душу въ юности плѣнило“ . . 41
Совѣтъ старца. „Скучно съ жизнью старческой“. . . 42
Къ Ж.... „Не мучь, красавица моя 43
Вечеръ. „Ужь рощей лиственная сѣнь“ 48
Земное счастье. „Не тотъ счастливъ, кто кучи злата“ 45
Мука. „Осиротѣлый и унылый“. 46
Сирота. „Когда мнѣ шелъ двадцатый годъ“ 47
„На что ты сердце нѣжное“ (Пѣсня) 48
Кольцо. „Я затеплю свѣчу“ 49
Пѣсня старика. „Осѣдлаю коня“ 50
Крестьянская пирушка. „Ворота тесовы“ 51
Вздохъ на могилѣ Веневитинова. „Какія думы въ глубинѣ“ 52
Къ рѣкѣ Гайдарѣ. „Стою зловѣщей думы полнъ“ . . —
Веселый часъ. „Дайте бокалы“ 53
Что значу я. „Что, крошка мелкая, я значу“ 54
Утѣшеніе. „Какъ жаль, что счастія звѣзда 55
Утѣшеніе. „Внимай, мой другъ“ . . . . . —

1831.

Наяда. „Взгрустнулось какъ то мнѣ“ 56
„Мой другъ, мой ангелъ милый“ 58
Соловей. „Плѣнившись розой, соловей“ 59
Пѣсня пахаря. „Ну тащися, сивка“ . . . . . —

1832.

Домикъ лѣсника. „Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой“. . . 61
Изступленіе. „Духи неба, дайте мнѣ“ 62
Размышленіе поселянина. „На восьмой десятокъ“ . . —
„Ты не пой, соловей“ (Пѣсня) 64

1833.

Поэтъ и няня. „Няня, няня! правда-ль это“ 65
Удалецъ. „Мнѣ ли, молодцу“ 66
Великая тайна, дума. „Тучи носять воду“ 68

1834.

Стр.
„Не шуми ты, рожь“ 69

1835.

Урожай. „Краснымъ полымемъ“ 70
Глаза. „Погубили меня“ 73
Цвѣтокъ. „Природы милое творенье“ 74

1836.

Женитьба Павла. „Павелъ дѣвушку любилъ“ . . 75
Молодая жница. „Высоко стоитъ солнце“ 76
Умолкшій поэтъ, дума. „Съ душою пророка“ . . . 78
„Перстенечекъ золотой“ (Пѣсня) 79
Косарь. „Не возьму я въ толкъ“ 80
Человѣкъ, дума. „Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ“ . 83
Божій міръ, дума. „Отецъ свѣта—вѣчность“ 84
Неразгаданная истина, дума. „Цѣлый вѣкъ я рылся“. 85
Великое слово, дума. „Глубокая вѣчность“ 86
Могила, дума. „Чья это могила“ 88
Молитва, дума. „Спаситель, Спаситель“ 89

1837.

Раздумье селянина. „Сяду я за столъ“ 90
Пора любви. „Весною степь зеленая“ 91
Ура. „Ходитъ окликъ по горамъ“ 93
Первая пѣсня Лихача Кудрявича. „Съ радости-веселья“ 95
Вторая пѣсня Лихача Кудрявича. „Въ золотое время“ 96
Горькая доля. „Соловьемъ залетнымъ“ 98
Два прощанья. „Такъ ты, моя красавица“ 99
Двѣ жизни, дума. „Двѣ жизни въ мірѣ есть“. . . . 101
Человѣческая мудрость, дума. „Что ты значишь“ . . 102
Вопросъ, дума. „Какъ ты можешь“ 103
Царство мысли, дума. „Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью“ 105
Лѣсъ. „Что дремучій лѣсъ“ 106

1838.

Измѣна суженой. „Жарко въ небѣ солнце лѣтнее“. . 109
Къ милой. „Давно разстались мы съ тобою“ 110
„Ахъ, зачѣмъ меня“ (Пѣсня) 111
Послѣдній поцѣлуй. „Обойми, поцѣлуй“ 112
Деревенская бѣда. „На селѣ своемъ жилъ молодецъ“ 113
Примиреніе. „На пиръ сердечныхъ наслажденій“ . . 115
Міръ музыки. „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни“ 117
„Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“ (Пѣсня) . . . . . —
Послѣдняя борьба. „Надо мною буря выла“ , . . . 118

Стр.
Пѣсня разбойника. „Не страшна мнѣ, добру молодцу“ 119
Бѣдный призракъ. „Убилъ я жизнь, искавши счастья“ 120
Бѣгство. „Ужъ какъ гляну я на поле“ 121
Товарищу. „Что ты ходишь съ нуждой 123

1839.

Я дома. „Опять въ глуши, опять досугъ“ 124
Предъ образомъ Спасителя. „Передъ тобою, мой Богъ 125
Путь. „Путь широкій давно“ . . . . . —
„Въ непогоду вѣтеръ“ (Пѣсня) 127
Тоска по волѣ. „Загрустила, запечалилась“ . . . . —
Хуторокъ. „За рѣкой, на горѣ“ 129
Къ **. „Ты въ путь иной отправилась одна“ . . . 132
„Не разливай волшебныхъ звуковъ“ 133
„Что ты спишь, мужичокъ“ 134
„Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись“ (Пѣсня) 135
Лѣсъ, дума. „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ“ . . . 136
„Безъ ума, безъ разума“ (Пѣсня) 137
Посланіе Бѣлинскому. „Будь человѣкъ, терпи“ . . . 138

1840.

Дума сокола. „Долго-ль буду я“ 140
„Свѣтитъ солнышко“ (Пѣсня) 141
„Не скажу никому“ (Пѣсня) 142
Вопль страданія. „Напрасно я молю“ 143
Благодѣтелю моей родины. „Есть люди —“ . . . . —
Такъ и рвется душа“ (Пѣсня) 144
Разлука. „На зарѣ туманной юности“ 145
„Не на радость, не на счастье“ (Пѣсня) 146
Перепутье. „До чего ты, моя молодость“ 147
„Дуютъ вѣтры“ (Пѣсня) 148
Военная пѣсня. „Затрубили трубы бранныя“ . . . 149
Всякому свой таланъ. „Какъ женился я, раскаялся“ . . 150
Дума двѣнадцатая. „Не можетъ быть, чтобы мои идеи“ 151
Поэтъ, дума. „Въ душѣ человѣка“ . . . . . —
„Гдѣ вы, дни мои“ (Пѣсня) 152
„Много есть у меня“ (Пѣсня) 153
Разсчетъ съ жизнью. „Жизнь! зачѣмъ ты собой“ . . 154
Грусть дѣвушки. „Отчего, скажи“ 155
Ночь. „Не смотря въ лицо“ 156
Поминки. „Подъ тѣнью роскошной“ 158

1841.

Доля бѣдняка. „У чужихъ людей“ 159
„Ты прости-прощай“ (Пѣсня) 160
„Не весна тогда“ (Пѣсня) 161

Стр.
Звѣзда. „Гдѣ-бъ ни былъ я — всегда“. 162
„Разступитесь, лѣса темные“ (Пѣсня). . . . . —
„Какъ здоровъ да молодъ“ (Пѣсня) 163
Старая пѣсня. „Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ“ . 164
Жизнь, дума. „Умомъ легко намъ свѣтъ обнять . . 165
Еще старая пѣсня. „Въ Александровской слободкѣ“ . 166
„Не время ль намъ оставить“ (Дума) 167
„Я любила его“ (Пѣсня) 168

1842.

На новый 1842 годъ. „Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно“ 169
„Что онъ ходитъ за мной“ (Пѣсня) 170
„Нынче ночью къ себѣ“ (Пѣсня) 171

Первоначальные опыты и наброски.

Пѣснь утру. „Съ зарею красною восходитъ“ . . . 175
Первый шагъ любви. „Извините, я невольно“ . . —
Пьянюгину. „Козьма, говорятъ, хворъ“ . . . . . —
Простодушіе сосѣда. „Сосѣдъ мой пьетъ“. 176
Ирисѣ. „Не вѣрю, чтобъ Ириса“ . . . . . —
Семинаристу... „Вралевъ, писавшій эпиграмму“ . . . —
Отцвѣтшая краса. „Жизнь моя несется“ . . . . . —
Сонъ. „Въ бурной жизни сновидѣнія“ . . . . . —
Посланіе къ Е. Г. О. „Если, Лизанька милая“ . . . 177
Акростихъ. „Красавицѣ любезной“. . . . . —
Прямое счастье. „Лишь тотъ одинъ счастливый . . —
Посланіе Я. Я. Переславцеву. „Любя тебя, о, братъ“ 178
Тоска о милой. „Въ чужой странѣ далеко“ 179
Посланіе молодой вдовѣ. „Напрасно думаешь слезами —
Рыцарь. „Плыветъ рыцарь одинокій“ 180
Унынiе. „На что мнѣ, Боже сильный“ . . . . . —
Плачъ. „На что мнѣ, Боже сильный“ 181
На отъѣздъ Кашкина. „Что груди тяжельше“ . . . 182
Къ М.... „Вы милы всѣмъ“. . . . . —
Къ А. Д. Вельяминову. „Въ селѣ, при первой встрѣчѣ“ 183
Къ М... „Подобныхъ Машѣ очень мало“. . . . . —
Къ подругѣ моей юности. „Зачѣмъ ты, дѣва, не желаешь“. . . . . —
Повѣсть моей любви. „Красавицы дѣвушки“ . . . 184
„Увижу ль я дѣвушку“ (Пѣсня) 185
Мѣщанская любовь. „И такъ, вчерашній разговоръ“. —
Посланіе Н... П... „И вы на насъ грозой хотите“ . 186
Эпитафія. „Онъ жилъ — и былъ здѣсь всѣмъ чужой“ 187
„Когда есть жизнь другая тамъ“ . . . . . —

Приписываемыя Кольцову.

Стр.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи. „День сокрылъ лице“ 188
„Во широкой степи“ (Русская пѣсня) 189
„Ахъ, не сонъ клонитъ“ (Рус. простонародная пѣсня) —
„Голубонько, доню!“ (Малоросс. пѣсня) 190
„Хмуритъ брови сине небо“ . . . . . —
„Когда моей подруги взоръ“ 191
„Дюканжъ! ты чародѣй и милый, и ужасный“ . . —
Старый казакъ. „Зачѣмъ такъ скоро скрылась“ . . 192
„Не булатный ножъ“ (Пѣсня) 193
„Эхъ, не-во-время“ (Пѣсня русская) . . . . . —
Утѣшеніе. „Не тоскуй, не горюй“ 194
Баяну. „Не играй, молодецъ“ . . . . . —
Измѣна. „Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый 195
„Вянетъ травка осенью“ (Пѣсня) . . . . . —
„Пламенѣя, горя“ (Пѣсня) . . . . . —

Письма.

1831.

1 В. П. Кольцову 199

1836.

В. Г. Бѣлинскому 200
Ему же 201
Князю П. А. Вяземскому 202
5 А. А. Краевскому . . . . . —
Неизвѣстному лицу 203
А. А. Краевскому 205
А. А. Краевскому, Я. М. Невѣрову и В. В. Григорьеву 206
В. Г. Бѣлинскому 207
10 А. А. Краевскому . . . . . —
Ѳ. Н. и А. П. Глинкамъ 209

1837.

А. А. Краевскому 210
Ему же 213
Ему же 214
15 Ему же 216
Ему же 218

1838.

В Г. Бѣлинскому 219
Ему же 222
Ему же 225
20 Ему же 227

Стр.
В. Г. Бѣлинскому 228
А. А. Краевскому 232
Неизвѣстному лицу . . . . . —
В. А. Жуковскому 233
А. А. Краевскому 235
В. Г. Бѣлинскому 236
А. В. Никитенко 239
В. Г. Бѣлинскому 241
Ему же 242
Ему же 243
А. А. Краевскому 244
В. Г. Бѣлинскому 246

1839.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому 249
В. Г. Бѣлинскому 250
Ему же 254
Ему же 259
А. А. Краевскому 260
В. Г. Бѣлинскому 262
В. А. Жуковскому 264
А. Н. Черткову 266

1840.

А. А. Краевскому . . . . . —
В. Г. Бѣлинскому 268
Кн. В. Ѳ. Одоевскому . . . . . 27[illegible]
В. Г. Бѣлинскому 274
Ему же 280
Ему же 289
Ему же 295
А. А. Краевскому 296

1841.

А. В. Кольцовой 297
В. Г. Бѣлинскому 300
Ему же 306
Кн. П. А. Вяземскому 314
В. Г. Бѣлинскому 315
А. Н. Черткову 319
А. А. Краевскому . . . . . —
В. Г. Бѣлинскому 321
Ему же 326
Ему же 328
Кн. П. А. Вяземскому 335
Кн. В. Ѳ. Одоевскому 336
И. А. Малышеву 337
В. Г. Бѣлинскому 338

1842.

Стр.
В. Г. Бѣлинскому 344
В. П. Боткину 349
65 В. Г. Бѣлинскому и В. П. Боткину 356

Примѣчанія 363
Варіанты 370

Иллюстраціи:

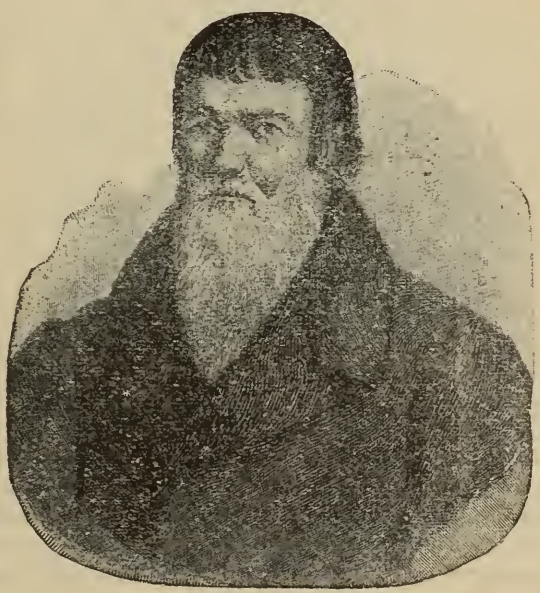
На отдѣльныхъ листахъ:
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. I
Памятникъ Кольцову, въ Воронежѣ XLIII
Автографъ Кольцова. (Подлинн. въ Имп. Пуб. Библ.). I

Въ текстѣ (изъ изданія Гоппе, спб. 1892).
Василій Петровичъ Кольцовъ, отецъ поэта. XV
Прасковья Ивановна Кольцова, мать поэта XVII
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, въ юности XXI

Жизнь и поэзія
Алексѣя Васильевича Кольцова.

Жизнь и поэзія
Алексѣя Васильевича Кольцова.

Народный русскій поэтъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ,—народный не по принадлежности только къ безправному сословію мѣщанъ или крестьянъ, а по всему своему душевному складу, отражавшему русскую народную душу, увидѣлъ свѣтъ въ городѣ Воронежѣ, въ той полосѣ Россіи, гдѣ начинаются южныя степи. Онъ родился въ 1809 году и крещенъ причтомъ Ильинской, Входо-Іерусалимской то-жь, церкви, въ метрической книгѣ которой за тотъ годъ записано: „Октября 3 рожденъ у купца Василія Петрова сына Кольцова и жены его Параскевы Ивановой сынъ Алексій. Воспринимали при крещеніи купецъ Николай Ивановъ Галкинъ и купеческая жена Евдокія Васильева Чеботарева".



Василій Петровичъ Кольцовъ, отецъ поэта.

Изъ этой записи видно, что Алексѣй Васильевичъ, значившійся всю жизнь мѣщаниномъ, примыкалъ по происхо-

женію своему къ купеческому званію. Отецъ его, Василій Петровичъ, могъ бы числиться въ купцахъ, если бы въ томъ была настоятельная надобность; такой надобности, однако, не было, и онъ пересталъ платить гильдейскія. Тѣмъ не менѣе связи его съ зажиточнымъ воронежскимъ купечествомъ поддерживались. Его сестра Прасковья была въ замужествѣ за богатымъ купцомъ Кривошеинымъ; дочь его Марья, старшая сестра Алексѣя Васильевича, вышла за мужъ за богатаго судопромышленника Башкирцева, игравшаго видную роль въ городѣ. Самъ Василій Петровичъ, выдѣленный отцомъ въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, оставилъ глухую часть города, гдѣ искони жили прасолы Кольцовы, и переселился на Большую Дворянскую улицу, пріобрѣтя большую усадьбу съ каменнымъ домомъ на улицу и съ флигелемъ во дворѣ. Здѣсь и родился будущій поэтъ.

Василій Петровичъ занимался ремесломъ прасола: закупалъ скотъ, выпасывалъ его въ степяхъ, которыя нанималъ у крестьянъ и помѣщиковъ, продавалъ его, торговалъ мясомъ, кожами, овчинами, шерстью. Надѣленный отъ природы умомъ и предпріимчивостью, онъ хорошо велъ дѣла, пока, наконецъ, какъ увидимъ, не запутался въ долгахъ, вызванныхъ несчастными случайностями—падежами скота и т. п., и въ судебной волокитѣ.

Такимъ образомъ Кольцовъ-отецъ бѣденъ не былъ. Но по образу жизни и понятіямъ онъ не выходилъ изъ обыкновенной мѣщанской среды, и одѣвался по-мѣщански. Будущій поэтъ прожилъ свое дѣтство и юность въ условіяхъ тогдашней мѣщанской жизни. Предоставленный въ дѣтствѣ самому себѣ, ребенокъ, какъ и всѣ его товарищи, любилъ бродить босикомъ по лужамъ и мокрой травѣ, и это едва не отозвалось на его здоровьѣ серьезными послѣдствіями: онъ чуть не лишился ногъ. Въ концѣ концовъ, однако, онъ выросъ крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ. Его безпризорное „воспитаніе“, если можно въ данномъ случаѣ употребить это слово, проходило подъ крылышкомъ матери, очень любившей его; отецъ былъ строгъ, но въ этой строгости не было ничего въ той средѣ необыкновеннаго, и скорѣе свидѣтельствовало объ извѣстной нравственной требовательности. Бѣлинскій утверждаетъ, что Кольцовъ въ ней „не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій“; что онъ видѣлъ „вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и

не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее", и что только „къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ ..." Въ дѣйствительности, какъ это показали Де-Пуле и Малыхинъ, собравшіе о жизни Кольцова многія любопытныя свѣдѣнія, ничего подобнаго не было. Русская жизнь того крѣпостническаго времени была вообще груба; но въ той средѣ, гдѣ провелъ свое дѣтство поэтъ, еще были сильны нравственные устои старины, и самъ Кольцовъ, уже въ возрастѣ, не относился и не имѣлъ основаній относиться къ ней слишкомъ отрицательно: въ ней было далеко не одно дурное. Первый біографъ его, писавшій со словъ самого поэта, Я. М. Невѣровъ, другъ Станкевича, находилъ возможнымъ сказать, что „первые годы дѣтства поэта прасола протекли мирно въ тиши семейства".

Прасковья Ивановна Кольцова, мать поэта.

Когда мальчику минуло девять тѣтъ, ето стали учить грамотѣ. Для этого былъ приглашенъ воспитанникъ духовной семинаріи, бывшей неподалеку отъ дома Кольцовыхъ. Кольцовъ учился успѣшно и, минуя приходское училище, поступилъ прямо въ уѣздное. Курса въ немъ, однако, онъ не кончилъ: онъ умѣлъ читать, писать и считать, и отецъ взялъ его въ половинѣ учебнаго года изъ второго класса, находя, что сыну бо̀льшаго знать не нужно. Можно предположить, что въ уѣздномъ училищѣ Кольцовъ учился не блестяще; по крайней мѣрѣ вынесъ онъ изъ него немного, и Бѣлинскій не замѣтилъ въ немъ „никакихъ при-

знаковъ элементарнаго образованія"; и писалъ онъ до конца жизни очень безграмотно.

Кольцовъ взятъ былъ изъ училища между прочимъ и потому, что отецъ нуждался въ помощникѣ, которому могъ бы вполнѣ довѣрять. Для юноши наступила дѣйствительная жизнь, съ ея тревогами. Вѣрный своему почти презрительному отношенію къ средѣ, изъ которой вышелъ поэтъ, Бѣлинскій говоритъ, что „Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи" Какъ всякій ребенокъ, Кольцовъ, конечно, не могъ критически относиться къ неприглядным сторонамъ дѣла, которое велъ отецъ его, но степь произвела на него глубокое впечатлѣніе и способствовала развитію въ немъ поэтическаго чувства. „Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій, очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока или овчинаго тулупа. Но привольное раздолье степи, въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта, вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды".

Степь была школою жизни Кольцова и приносила не одни удовольствія, но иногда и большія опасности. Разъ въ степи, когда онъ былъ уже въ возрастѣ, по разсказу Бѣлинскаго, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. „Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на трагикомедію, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ разсчета. При этомъ разсчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ быть и въ томъ, что не удалось ему его выполнить ... Таковъ былъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ. Не съ одними волками, ко-

торые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну".

Кольцовъ вынесъ изъ школы великую охоту къ чтенію. Какъ многіе русскіе люди, вышедшіе изъ классовъ общества, не затронутыхъ или мало затронутыхъ образованіемъ, онъ началъ свое литературное просвѣщеніе со сказокъ „Еруслань Лазаревичъ", „Бова Королевичъ" „Емелюшка Дурачекъ" и т. п. „На Руси", замѣчаетъ Бѣлинскій, „не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе; охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи,—и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи". Читая сказки, Кольцовъ, по словамъ знаменитаго критика, „почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ-какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ".

Удовлетвореніе страсти къ чтенію было не легкой задачей въ средѣ, окружавшей будущаго поэта; книги были въ немъ рѣдкостью. На помощь явился счастливый случай. Еще въ училищѣ Кольцовъ подружился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца, владѣвшаго нѣсколькими десятками разныхъ книгъ, между которыми были романы Дюкре-Дю-Мениля, Августа Лафонтена и т. п. Эти романы и сдѣлались предметомъ обожанія юныхъ друзей. Кольцову больше всего понравились изъ этихъ книгъ арабскія сказки „Тысяча и одна ночь" и „Кадмъ и Гармонія" Хераскова, особенно первая. Возвращаясь изъ степи, по зимамъ, онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность отдаться другимъ впечатлѣніямъ, не менѣе для него привлекательнымъ.

Само собою разумѣется, что поэтическое призваніе Кольцова развивалось подъ вліяніемъ не однѣхъ только книгъ и степи. Народный бытъ, проходившій передъ его глазами, съ его радостями и печалями, народныя пѣсни, отражавшія чувства народа, красота вообще украинской природы привлекали къ себѣ вниманіе необыкновенно умнаго и даровитаго юноши и чаровали его своими поэтическими сторонами, которыя потомъ и нашли выраженіе въ его глубоко прочувствованныхъ стихотвореніяхъ. По Де-Пуле,

эта близость Кольцова съ юношескихъ лѣтъ къ народной жизни имѣла огромное значеніе въ поэтическомъ развитіи его. По словамъ названнаго біографа, „она была совершенно непосредственной, органической, и образовалась не путемъ уступокъ какимъ-либо, въ самомъ дѣлѣ „грязнымъ сторонамъ“ крестьянскаго быта, напримѣръ, пьянымъ оргіямъ или дикому разгулу. Нѣтъ, это сближеніе и органическое сліяніе было дѣломъ самого развивающагося таланта и родственныхъ ему свѣтлыхъ и поэтическихъ сторонъ народнаго быта. Правильное развитіе и образованіе таланта не могло мѣшать этому сліянію, не могло вредить художественной производительности“.

Прошло три года. Товарищъ Кольцова умеръ, и отъ него достались ему на память около 70 книгъ, которыя онъ читалъ и перечитывалъ и въ степяхъ, и въ городѣ. До сихъ поръ онъ не имѣлъ никакого понятія о стихахъ. Случилось ему какъ-то купить на рынкѣ за сходную цѣну стихотворенія Дмитріева. Онъ началъ читать ихъ, и стихи ему очень понравились. Бѣлинскій разсказываетъ, что Кольцовъ пѣлъ стихи Дмитріева. „Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства“. Многія пьесы онъ выучилъ наизусть; особенно ему понравился „Ермакъ“. Какъ со сказками, такъ и тутъ Кольцовымъ овладѣло желаніе самому слагать такія же звучныя строфы съ рифмами, но онъ не имѣлъ никакого понятія о стихосложеніи, и не было у него о чемъ писать. Тему далъ ему опять случай: „Одному изъ его пріятелей“, разсказываетъ Бѣлинскій, „приснился странный сонъ, повторявшійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса подъ названіемъ. „Три видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи, и пи-

сать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу и сталъ покупать только книги, писанныя стихами".

Въ то время въ Воронежѣ существовала небольшая книжная лавка купца Кашкина, и при ней нѣчто въ родѣ библіотеки для чтенія. Кольцовъ, изъ страсти къ чтенію покупавшій книги на деньги, даваемыя ему на лакомства, нашелъ въ ней и купилъ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ старался подражать этимъ поэтамъ, но не зналъ, насколько удачны его опыты, и рѣшился показать ихъ книгопродавцу. По словамъ Бѣлинскаго, не знавшаго Кашкина, книгопродавецъ этотъ „былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый". Но Де-Пуле, лично знакомый съ Кашкинымъ, даетъ нѣсколько иное представленіе объ этомъ человѣкѣ. „Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ", говоритъ онъ: „былъ въ своемъ родѣ и въ свое время замѣчательностью. Воронежскій уроженецъ, принадлежа къ купеческому сословію, онъ велъ сначала довольно выгодную торговлю хлѣбомъ, но страсть къ чтенію и самообразованію заставила его обратиться къ новой (кажется, еще небывалой въ Воронежѣ) дѣятельности—книжной торговлѣ... Ставши „книжникомъ" (такъ называли въ Воронежѣ книгопродавцевъ), онъ предался страстно чтенію и достигнулъ замѣчательныхъ

А. В. Кольцовъ — юноша.

по времени успѣховъ въ самообразованіи; онъ довольно правильно владѣлъ литературнымъ языкомъ и... даже... писалъ стихи". Онъ самоучкою выучился рисовать и играть на гусляхъ и фортепьяно. Это былъ художникъ по натурѣ, никогда не заботившійся о своей выгодѣ—и умершій бѣднякомъ. Такое же представленіе даетъ о немъ и Малыхинъ, бывшій редакторомъ газеты въ Воронежѣ. Въ стихотворномъ письмѣ Кольцова къ Кашкину есть мѣсто, всего краснорѣчивѣе говорящее за такое воззрѣніе на него. Этому то человѣку и рѣшился показать свои опыты Кольцовъ.

По разсказу Де-Пуле, Кашкинъ, тогда еще молодой человѣкъ, хотя много старше Кольцова, еще прежде обратилъ вниманіе на мальчика невзрачной наружности, плохо одѣтаго, но читающаго и даже покупающаго книги, и приласкалъ его. Кольцовъ сталъ ходить къ нему чаще, и рѣшился довѣриться авторитету Кашкина. Онъ показалъ ему „Три видѣнія" и другіе свои стихи. Кашкинъ сказалъ откровенно, что стихи плохи, но чтобы писать хорошіе, нужно познакомиться съ правилами стихосложенія,—и подарилъ Кольцову „изданную для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона" „Русскую Просодію, или правила, какъ писать русскіе стихи, съ краткими замѣчаніями о разныхъ родахъ стихотвореній", предложивъ въ то же время пользоваться книгами изъ его библіотеки безплатно. Книги, которыя Кольцову особенно нравились, онъ покупалъ, и въ его библіотекѣ появились сочиненія Жуковскаго, Пушкина Дельвига.

По свидѣтельству Невѣрова, пять лѣтъ пользовался Кольцовъ безплатно библіотекой Кашкина и, что еще важнѣе, его совѣтами въ чтеніи и сочиненіяхъ. „Цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ", по выраженію Бѣлинскаго. Стихи, которые онъ писалъ теперь, онъ несъ на судъ къ Кашкину. Съ этихъ поръ Кольцовъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую извѣстность въ Воронежѣ въ качествѣ любопытнаго явленія—„мѣщанина-стихотворца", „поэта-прасола".

Кольцову исполнилось 17 лѣтъ. Въ это время съ нимъ произошло событіе, имѣвшее огромное вліяніе на его душевную жизнь. Въ домѣ ихъ всегда была крѣпостная женская прислуга, покупаемая, конечно, на имя какого-нибудь помѣщика. Одна изъ такихъ служанокъ, жившая, впрочемъ, болѣе въ качествѣ подруги и помощницы сестеръ поэта, отличалась замѣчательной красотою,—и онъ влюбился въ нее. По словамъ Бѣлинскаго, „это была страсть глубокая и сильная, вліяніе которой Кольцовъ чувствовалъ всю жизнь свою. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ осуще-

ствленный идеалъ женщины, еще не мечтая объ идеалахъ и не ища ихъ". Чувство его не осталось безъ отвѣта со стороны дѣвушки, разсчитывавшей выйти замужъ за Кольцова. Связь не могла быть долго скрываема, и отецъ, воспользовавшись отсутствіемъ сына, бывшаго въ степи, продалъ дѣвушку. Возвратившись домой и не найдя любимой дѣвушки, Кольцовъ былъ такъ пораженъ этимъ несчастіемъ, что схватилъ сильную горячку, отъ которой едва не умеръ. Оправившись, онъ бросился отыскивать дѣвушку; но всѣ поиски не привели ни къ чему. „Результатомъ ихъ было извѣстіе", говоритъ Бѣлинскій, слышавшій подробности эти отъ самого Кольцова уже въ 1838 году, „что несчастная жертва разсчета, попавшись въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія" ... Такъ, вѣроятно, и представлялось дѣло Кольцову, которому могли сообщить что-нибудь подобное, чтобы разъ навсегда прекратить его поиски; вѣроятнѣе же другой эпилогъ романа, передаваемый Де-Пуле: по нему дѣвушка „вышла замужъ за урядника, жила счастливо, пріѣзжала, уже послѣ смерти Кольцова, въ Воронежъ и была въ домѣ Кольцовыхъ, у матери и сестры поэта".

Послѣ этого происшествія Кольцовъ еще съ большею страстью отдался стихотворству. „Любовь", говоритъ Бѣлинскій: „и въ ея счастливую пору, и въ годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ рифмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Натура Кольцова была крѣпка и здорова физически и нравственно. Какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не ушелъ внутрь себя, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей".

Къ этому времени относится знакомство и дружба Кольцова съ Сребрянскимъ, давшія ему нѣкоторое утѣшеніе въ страшной понесенной имъ потерѣ. Сребрянскій былъ семинаристъ, по общему отзыву знавшихъ его, человѣкъ выдающійся по уму и поэтическому чувству, и Кольцовъ ему много обязанъ былъ своими успѣхами въ литературныхъ занятіяхъ: онъ указывалъ ему недостатки его произ-

веденій. По словамъ Бѣлинскаго, „дружескія бесѣды съ Сребрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ Кольцовъ нашелъ себѣ въ Сребрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ Сребрянскимъ, и прежнія его стихотворенія, и вновь написанныя достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати. Одни изъ нихъ онъ поправлялъ по совѣту Сребрянскаго, а насчетъ удавшихся сразу былъ спокоенъ, опираясь на его одобреніе". Дружба эта не прекратилась и тогда, когда Сребрянскій поступилъ въ Московскую Медико-Хирургическую Академію [1], въ бытность въ которой онъ, впрочемъ, умеръ отъ чахотки, въ августѣ 1838 года. Кольцовъ живо почувствовалъ утрату, которую понесъ въ немъ. „Да", писалъ онъ Бѣлинскому: „лишился я человѣка, котораго любилъ пятнадцать лѣтъ душою, и котораго потерю горько оплакиваю. Третьяго августа былъ роковой день его жизни. Много желаній не сбылось, много надеждъ не исполнилось... Грустно думать: былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ—и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все вокругъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданья мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали"... „Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили", вспоминаетъ Кольцовъ въ другомъ мѣстѣ...

Познакомившись съ Кольцовымъ, Сребрянскій ввелъ его въ семинарскіе кружки, связанные любовью къ литературѣ и поэзіи; въ нихъ велись споры и бесѣды, которыя, не смотря на схоластическій характеръ семинарской науки, были не безъ пользы для Кольцова. По свидѣтельству Малыхина извѣстное вліяніе имѣлъ на него профессоръ воронежской семинаріи Александръ Дмитріевичъ Вельяминовъ, случайно познакомившійся съ поэтомъ; Кольцовъ бралъ у него книги и пользовался его совѣтами; къ нему написано

---

[1] Въ № 88 „Спб. Вѣд." 1867 года, въ корреспонденціи изъ Воронежа, напечатаны отрывки изъ письма А. П. Сребрянскаго отъ 1837 г. къ его брату, въ которомъ онъ обвиняетъ Кольцова въ присвоеніи имъ его трехъ думъ: „Божьяго міра", „Великаго слова" и „Слезы молитвы", утверждая, что въ послѣднемъ стихотвореніи Кольцову принадлежатъ только 6 стиховъ, а во второмъ—2: „На пестрой страницѣ—Широкой земли". Нужно думать, что Сребрянскій не безъ скрытой зависти относился къ возникавшей тогда славѣ поэта-прасола, и такъ какъ онъ поправлялъ стихотворенія Кольцова или вмѣстѣ съ нимъ сочинялъ ихъ, то изъ этого и могла возникнуть сказавшаяся въ письмѣ претензія, которой, однако, онъ не осмѣливался высказать открыто. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Сребрянскій, хорошій цѣнитель чужихъ стиховъ, самъ былъ несомнѣнно плохой поэтъ.

одно изъ юношескихъ стихотвореній Кольцова. И въ средѣ купеческой и гимназической въ тѣ времена возникали литературныя стремленія: въ Воронежѣ было не мало „стихослагателей", страстныхъ поклонниковъ стиховъ, съ которыми Кольцовъ давно былъ сведенъ Кашкинымъ. Все это, конечно, не прошло даромъ для Кольцова и вырабатывало въ немъ поэта.

„Какъ бы то ни было", говоритъ Бѣлинскій, „но поэтическое призваніе Кольцова было рѣшено и сознано имъ самимъ. Непосредственное стремленіе его натуры преодолѣло всѣ препятствія. Это былъ поэтъ по призванію, по натурѣ,—и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣна въ крови присутствующій при рѣзаніи или, лучше сказать, при бойнѣ скота; прикащикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ,—и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца, и умственными сомнѣніями, и въ то же время дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ и покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ-за копѣйки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, отъ которыхъ внутренно отвращается какъ отъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!.."

Въ концѣ 20-хъ годовъ Кольцовъ узналъ отъ Кашкина, что въ Воронежъ пріѣхалъ изъ Одессы „литераторъ", нѣкто Сухачевъ, который желаетъ съ нимъ познакомиться. Кольцовъ явился къ нему съ тетрадкою своихъ стихотвореній. Сухачевъ былъ бездарный стихослагатель, который воспользовался тетрадкою своеобразно: вскорѣ (въ 1830 году) въ Москвѣ появились съ его именемъ „Листки изъ записной книжки", и въ этой тоненькой книжкѣ оказались напечатанными три стихотворенія Кольцова, да и въ четвертомъ множество стиховъ тоже Кольцовскихъ. Поэту, однако, не было это непріятно; напротивъ, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ свои стихи уже напечатанными. Благодаря одному изъ своихъ знакомыхъ-покровителей, Кольцовъ въ слѣдующемъ году напечаталъ въ московской плохой газеткѣ „Листокъ" и еще нѣсколько стихотвореній, подписанныхъ уже его полнымъ именемъ.

Между тѣмъ счастливый случай доставилъ Кольцову знакомство съ однимъ изъ выдающихся людей того времени,

сыномъ Воронежскаго помѣщика, разбогатѣвшаго отъ оброковъ. Это былъ Станкевичъ, глава знаменитаго московскаго кружка, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣхавшій домой на каникулы. Январій Михайловичъ Невѣровъ, который принадлежалъ къ кружку Станкевича, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Не помню точно, въ 1835 или 1836 г., Станкевичъ сообщилъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Кольцовымъ, которое произошло слѣдующимъ образомъ. Отецъ Станкевича имѣлъ винокуренный заводъ, куда мѣстные торговцы скотомъ пригоняли свои гурты для корма бардою. Разумѣется, молодой Станкевичъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ этими лицами. Однажды, ложась спать, онъ долго не могъ найти своего камердинера, и когда послѣдній явился, то, на замѣчаніе Станкевича, привелъ такое оправданіе: что вновь прибывшій прасолъ Кольцовъ за ужиномъ читалъ имъ такія пѣсни, что они всѣ заслушались и не могли отъ него отстать. На другой день Станкевичъ пригласилъ Кольцова къ себѣ и, къ удивленію своему, узналъ, что авторъ этихъ стиховъ самъ Кольцовъ. Разумѣется, Станкевичъ тотчасъ попросилъ Кольцова передать ему всѣ свои стихотворенія“... Одно изъ стихотвореній, именно: „Перстень“ (въ изд. „Кольцо“) Станкевичъ послалъ въ „Литературную Газету“, гдѣ оно и было напечатано въ 1831 г.

Въ томъ же 1831 году Кольцову довелось быть, по дѣламъ отца, въ Москвѣ. Онъ остановился у Станкевича, черезъ котораго пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впослѣдствіи довольно важныхъ для него. Тогда же онъ познакомился и съ Бѣлинскимъ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, все это было лестно и пріятно. Станкевичъ между прочимъ предложилъ Кольцову издать нѣкоторыя его стихотворенія отдѣльною книжкой; по его собственнымъ словамъ, онъ въ одинъ вечеръ сдѣлалъ подписку съ этой цѣлью, выбралъ изъ довольно увѣсистой и толстой тетради 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и въ 1835 году появилась съ именемъ Кольцова маленькая опрятная книжка, которая доставила автору ея большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. „Правда“, говоритъ Бѣлинскій, „тутъ больше всего дѣйствовало волшебное слово „поэтъ-самоучка“ и „поэтъ-прасолъ“, — и будь эти 18 стихотвореній изданы, какъ произведенія человѣка, хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ, на нихъ не обратили бы такого вниманія“. Послѣдовавшая затѣмъ популярность Кольцова говоритъ, однако, что внутреннія свойства его поэзіи играли въ этомъ случаѣ значительную роль. Такъ или иначе,

Кольцовъ сдѣлался извѣстностью, и стихотворенія его начали появляться во всѣхъ распространенныхъ журналахъ и альманахахъ.

Въ 1836 году Кольцовъ по дѣламъ отца снова долженъ былъ быть и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и это пребываніе въ столицахъ было эпохою въ его жизни. Въ Москвѣ онъ ближе сошелся съ Бѣлинскимъ, а Бѣлинскій познакомилъ его со многими московскими литераторами, преимущественно изъ кружка Станкевича: Аксаковымъ, Кетчеромъ, Грановскимъ, Катковымъ, Е. Ѳ. Коршемъ, Кудрявцевымъ, Клюшниковымъ, Красовымъ, Ефремовымъ. Понравились ему особенно Боткинъ и Катковъ, не говоря о Бѣлинскомъ. Познакомился онъ и съ другими, между прочимъ съ поэтомъ Ѳ. Н. Глинкою и его женой, Авдотьей Павловной. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ Краевскимъ и Панаевымъ и пр., былъ хорошо принятъ и обласканъ Пушкинымъ, княземъ Одоевскимъ, Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Плетневымъ, Никитенко, Гребенкою и пр. и проч. „Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему тѣмъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь,—Пушкинымъ“, говоритъ Бѣлинскій. „Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ самъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ“.

Въ этомъ новомъ для него кругѣ людей Кольцовъ держалъ себя умѣло и съ достоинствомъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Бѣлинскій: „Что касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми,—то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой, въ немъ сильно было чувство своего человѣческаго достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому-бы то ни было въ качествѣ таланта или литературной рѣдкости, ему было и неловко, и больно. При томъ же Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такта: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ

своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ, и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностью. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ очень хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо... Другой, тоже очень извѣстный литераторъ, не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а, напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобы изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, то есть съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьяненіемъ или безумiемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ, Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобы играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу, или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства, ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. „Что я ему? Что такое во мнѣ?“ говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви, и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...“

Въ этотъ пріѣздъ Кольцова въ Петербургъ видѣлъ его на вечерѣ у Плетнева тогда еще только начинавшій литературную карьеру Тургеневъ, и вотъ что онъ разсказываетъ:

„...Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ, одѣтый въ длиннополый двухбортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платокъ съ бантомъ; онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское... Это былъ Кольцовъ... Плетневъ сталъ было просить Кольцова прочесть свою послѣднюю „думу“ (чуть-ли не „Божій міръ“); но тотъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Петръ Александровичъ не настаивалъ“. Тургеневъ вышелъ съ Кольцовымъ отъ Плетнева вмѣстѣ и предложилъ довезти его до дому въ своихъ саняхъ. Кольцовъ согласился—„и всю дорогу покашливалъ и кутался въ свою худую шубенку“. Тургеневъ спросилъ, зачѣмъ онъ не хотѣлъ прочесть свою „думу“.—„Что же это я сталъ бы читать-съ“, отвѣчалъ онъ съ досадой,—„тутъ Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!“ — Кольцовъ благоговѣлъ предъ Пушкинымъ“.

Знакомства съ литературными знаменитостями, конечно, были пріятны Кольцову. „Когда онъ“, говоритъ Бѣлинскій, „освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько нибудь освоивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немного изъ подлобья, онъ все замѣчалъ, и едвали что ускользало отъ его проницательности,—что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели проницательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впослѣдствіи“, замѣчаетъ Бѣлинскій въ заключеніе.

„Сперва онъ“, говоритъ далѣе знаменитый критикъ: „и здѣсь (въ Петербургѣ) больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, которому они думали импонировать своею литературною важностью, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость.

То же подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и Иванъ Ивановичъ Панаевъ, къ кототому поэтъ относился чрезвычайно симпатично и не стѣснялся высказываться откровенно. „Эти господа“, говорилъ Кольцовъ съ лукавою улыбкою о петербургскихъ литераторахъ: „не смотря на ихъ внимательность ко мнѣ и ласки, за которыя я имъ очень благодаренъ, смотрятъ на меня, какъ на совершеннаго невѣжду, ничего не смыслящаго, и презабавно хвастаютъ своими знаніями, хотятъ пустить пыль мнѣ въ глаза. Я слушаю ихъ разиня ротъ, и они остаются мною очень довольны, между тѣмъ вѣдь я ихъ вижу насквозь-съ“. Передавая свои впечатлѣнія послѣ сдѣланныхъ литературныхъ знакомствъ, Кольцовъ дѣлалъ при этомъ характеристики петербургскихъ литераторовъ, исполненныя, по словамъ Панаева, „ума, тонкости и наблюдательности и поражавшія своею мѣткостью“.

Какъ бы то ни было, литературныя знакомства были въ высшей степени полезны Кольцову и въ отношеніи его дѣлъ, или, вѣрнѣе, дѣлъ его отца, и въ отношеніи личной жизни. Въ лицѣ Жуковскаго, князя Одоевскаго, князя Вяземскаго и Краевскаго онъ получилъ могущественныхъ покровителей, цѣнившихъ его и его талантъ. Тяжебныя дѣла, которыя тянулись годы и тянулись бы безъ конца, при помощи ихъ двигались быстро и оканчивались по возможности благополучно. Практичный Василій Петровичъ, отецъ поэта, оцѣнилъ эту сторону дѣла, и сыну его, съ его стихотворствомъ, стало житься въ Воронежѣ легче.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ знаковъ вниманія къ поэту, который по достоинству цѣнился и родными Кольцова, и вообще въ городѣ. Въ печати появилась біографія Алексѣя Васильевича, написанная Я. М. Невѣровымъ. Осенью 1836 года въ Воронежѣ былъ превосходительный Ѳ. Н. Глинка съ супругой, и оба они „два раза посѣтили домъ“ Кольцова, „обласкали его семейство, обое такіе добрые, какъ онъ не ожидалъ“. „Были у меня... чего это стоитъ!“ восклицаетъ Кольцовъ.

Въ 1837 году Воронежъ посѣтилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи Императоръ Александръ Николаевичъ. Съ нимъ пріѣхалъ и Жуковскій. Онъ тотчасъ же послалъ за Кольцовымъ и проводилъ съ нимъ все свое свободное время, былъ у него въ домѣ, познакомился съ семьей его, пилъ чай. „Весь городъ видѣлъ“, говоритъ Де-Пуле, „какъ знаменитый поэтъ и воспитатель наслѣдника престола прогуливался (пѣшкомъ и въ экипажѣ) по городу вмѣстѣ съ поэтомъ-прасоломъ, гдѣ и надъ чѣмъ они останавливались, гдѣ присаживались для отдыха“. Вѣроятно, Кольцовъ былъ

представленъ Наслѣднику. Городъ изумлялся, не говоря уже о родныхъ Кольцова. Отецъ его былъ, конечно, въ восторгѣ. Жизнь, повидимому, складывалась для нашего поэта необыкновенно благопріятно; теперь уже ему не стали бы мѣшать въ его литературныхъ трудахъ. Но вскорѣ, какъ увидимъ, обстоятельства какъ-то круто повернулись въ другую сторону.

Въ 1838 году Кольцовъ снова былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и на этотъ разъ жизнь его приняла характеръ довольно широкій „По воскресеньямъ" пишетъ онъ Бѣлинскому, „я обѣдаю у Венеціанова, а иногда у Григоровича.—Эти оба и добрые люди; ко мнѣ ласковы, хороши и, кажется, любятъ. По вторникамъ бываю у Гребенки; онъ ко мнѣ хорошъ. По средамъ у Кукольника и у Плетнева. Плетневъ ко мнѣ будто неподдѣльно хорошъ. По четвергамъ у Владиславлева; онъ мнѣ сулитъ горы, а что-то дастъ? По пятницамъ у Никитенки.— По субботамъ у моихъ земляковъ вечера ихъ собственно, гдѣ бываемъ и мы. По понедѣльникамъ вечера у меня, и всѣхъ ихъ было два. На первомъ были Полевой, Кукольникъ, Краевскій, Булгаринъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Прокоповичъ, Пожарскій, Шевцовъ, Сахаровъ и моихъ земляковъ человѣкъ восемь. На другомъ — Владиславлевъ, Краевскій, Никитенко, Григоровичъ, Мокрицкій, Венеціановъ, Гуриновъ, трое Крашенинниковыхъ, Посылинъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Пожарскій, Прокоповичъ, Губеръ, Шевцовъ, Сахаровъ и земляковъ человѣкъ пять. Вотъ каково, Виссаріонъ Григорьевичъ! — въ Питерѣ живемъ, и добрымъ людямъ вечера даемъ".

Его поведеніе въ литературныхъ кружкахъ нѣсколько измѣнилось, какъ онъ и самъ признается въ письмѣ къ Бѣлинскому. „Да, новость", говоритъ онъ въ немъ: „я въ этотъ разъ вдвое поумнѣлъ противу прежняго; такъ славно толкую, говорю увѣренно, спорю, вздорю, что бѣда; рискъ благородное дѣло. Я съ важными учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь въ сужденія и убѣждаю ихъ на своемъ мнѣніи... Виссаріонъ Григорьевичъ, Михаилъ Александровичъ, какъ думаете?—вѣдь право смѣшно! Чего на свѣтѣ нѣтъ! Въ первый разъ я все больше разыгрывалъ молчанку, а теперь — дудки. Нѣтъ, братцы, лихо говорю; это правда, что оно поподручнѣй, а мнѣ, ей Богу, что-то хочется и самому кой-кого изъ молодежи одурачить; пусть наши копыты помнютъ".

За этой внѣшностью скрывалось довольно критическое отношеніе къ литературнымъ сборищамъ, о которомъ говорятъ Бѣлинскій и Панаевъ, какъ мы видѣли.

„О душевной жизни вечеровъ моихъ и прочихъ“, пишетъ, Кольцовъ: „не знаю, что вамъ сказать Кажется, они довольно для души холодны, а для ума мелки; въ нихъ нѣтъ ничего питающаго душу; искра Божьей святой благодати не проникаетъ. Молчанье въ нихъ играетъ первую ролю; оттого-то кажется я и не послѣдній. Тихій разговоръ по уголкамъ между двухъ-трехъ человѣкъ. Кругомъ диваннаго стола серьезный разговоръ о пустоши людей серьезныхъ — не по призванью, а по роли, ими разыгрываемой. На нихъ можно скорѣе пріучить себя къ ловкому свѣтскому обращенію, а ума прибавить нельзя ни на лепту“.

Въ это пребываніе въ столицахъ Кольцовъ окончательно подружился съ Бѣлинскимъ и испытывалъ наибольшее вліяніе его на себѣ. Въ его письмахъ мы находимъ уже отраженіе тѣхъ туманныхъ философскихъ идей, которые не по плечу были Кольцову, съ его недостаточнымъ образованіемъ.

„Жалѣю объ одномъ“, пишетъ онъ Бѣлинскому изъ Воронежа, „что нельзя было жить еще мѣсяцъ съ вами; хоть бы мѣсяцъ одинъ еще, а то есть еще кое-какіе вопросы темные. Я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта. Не понимаю еще вполнѣ этого безконечнаго игранія жизни, этой великой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ,—и меня ничего на свѣтѣ такъ не успокоиваетъ въ жизни, какъ вполнѣ пониманіе этихъ истинъ. Чортъ ее знаетъ, какъ худо работаетъ моя гол ва: что хочется понять, не скоро понимаетъ. а теперъ, безъ васъ, я самъ собою вовсе не доберусь до этого“. Въ практической жизни у него появляются стремленія, не совсѣмъ гармонирующія съ положеніемъ его и его семьи. Онъ очень любилъ свою младшую сестру Анисью Васильевну и, сообразно тогдашнимъ представленіямъ объ образованіи, о которыхъ съ ироніей позже говорилъ Гоголь, уговариваетъ отца купить ей фортепьяно и нанять для нея учителя музыки и французскаго языка. На этотъ разъ и степь потеряла для него часть очарованія. „А степь опять очаровала меня“, пишетъ онъ Бѣлинскому, „я чортъ знаетъ до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась! и я съ восторгомъ пѣлъ: „Пора любви“, — она къ имъ идетъ... только это чувство было не прежнее, другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ другъ, и то не надолго...“

По стихотвореніямъ Кольцова можно прослѣдить, что прежде занимавшіе его и выражавшіеся въ „думахъ“ философскіе вопросы въ этотъ 1838 годъ его оставляютъ; ни

одной думы имъ не написано. Вѣроятно, на тревожившія его сомнѣнія онъ получилъ объясненія и отвѣты. Письма Кольцова, писанныя послѣ 1838 года, подтверждаютъ сказанное какъ нельзя болѣе. Въ Кольцовѣ совершается несомнѣнное раздвоеніе. Жизнь, окружавшая его въ Воронежѣ и въ поляхъ и степяхъ, и дававшая ему поэтическіе мотивы, вызываетъ съ его стороны уже отрицательное отношеніе къ себѣ. По возвращеніи въ Воронежъ, онъ нашелъ „дѣла комерціи разстроенными порядочно“ и „новыхъ непріятностей кучу“, но все это сдѣлалось для него „будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися“. „Я теперь гляжу на себя и не узнаю“, писалъ онъ. Старикъ-отецъ съ нимъ хорошъ; Воронежъ принялъ его „противу прежняго въ десять разъ радушнѣе“; встрѣчные „такъ любопытно глядѣли“ на него, „какъ на заморскую чучелу“. Но онъ уже съ знакомыми „расходится по-маленьку“: — „наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые“, замѣчаетъ онъ. „Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ“, пишетъ Кольцовъ, „что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и сякъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ поучить—да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые книгопродавцы; и они стали мной довольны, — и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души“...

Изъ всего этого вышли послѣдствія печальныя. И родные, и знакомые отвернулись отъ Кольцова; въ семьѣ пошли непріятности: отецъ, такъ благоволившій къ сыну, теперь съ нимъ все болѣе и болѣе расходился; любимая и преданная ему сестра — сдѣлалась ему чуть не врагомъ. Кольцовъ очутился одинокимъ. При этихъ условіяхъ его внутренняя неудовлетворенность росла. „У меня давно уже лежитъ на душѣ грустное сознаніе“, писалъ онъ, „что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно“. Въ Петербургѣ, гдѣ въ это время уже былъ Бѣлинскій, строились проекты сдѣлать Кольцова то управляющимъ книжною лавкою, основанною на акціяхъ, то завѣдующимъ конторою *Отечественныхъ Записокъ* Краевскаго. Съ умомъ глубоко практическимъ, съ знаніемъ жизни въ ея всяческихъ сторонахъ, Кольцовъ, самъ хозяинъ значительнаго промысла, конечно, не могъ сдаться на эфемер-

ныя предложенія. „Первое предложеніе“, пишетъ Бѣлинскій, „было ему совершенно не по душѣ: сумма акцій была незначительная, а онъ (Кольцовъ) былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество, со всѣми его продѣлками“. И Кольцовъ томился въ своемъ Воронежѣ.

Осенью 1840 года Кольцовъ снова былъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, — опять по тяжебнымъ дѣламъ отца. Отецъ поручилъ ему при этомъ продать 300 головъ скота, стоимость которыхъ въ тѣ времена была до двѣнадцати тысячъ рублей. Около трехъ мѣсяцевъ прожилъ онъ въ Петербургѣ „у одного изъ друзей“, по словамъ Бѣлинскаго; подъ этимъ другомъ разумѣется самъ Бѣлинскій. Новый 1841 годъ онъ встрѣтилъ шумно и весело, въ кругу московскихъ друзей Бѣлинскаго, гдѣ находились Грановскій, Щепкинъ, Кетчеръ, Клюшниковъ и проч. Скотъ онъ продалъ съ убыткомъ, и вырученныя за него деньги прожилъ. Одинъ изъ процессовъ онъ проигралъ, а другой, „самый гадкій“, выигралъ. Желая остаться совсѣмъ въ одной изъ столицъ онъ просилъ у отца денегъ, вѣроятно для того, чтобы открыть какое-нибудь дѣло. „Денегъ нѣтъ ни копейки“, отвѣтилъ отецъ, сердившійся на сына за неудачную продажу скота и израсходованіе денегъ; „а что дѣло кончилось хорошо, — мнѣ все равно, хоть бы кончилось дурно. Мнѣ 68 лѣтъ и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я уже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ, — съ Богомъ, въ святой часъ; благословеніе дамъ,—и больше ничего“.

Съ нехорошимъ чувствомъ видѣлъ Кольцовъ неизбѣжную необходимость воротиться въ Воронежъ, и, занявши въ Москвѣ денегъ, вѣроятно, у Боткина, онъ вернулся на родину въ мартѣ 1841 года безъ копѣйки и совершенно обносившійся, въ худомъ тулупѣ и картузѣ. Одни знакомые укоризненно какъ-то замѣтили ему: „можно ли литератору ходить въ подобномъ нарядѣ“... Онъ отвѣтилъ: „Какой я литераторъ! я прасолъ, пѣсенникъ“. Очевидно, онъ сильно упалъ духомъ.

Дѣла отца Кольцовъ нашелъ сильно разстроенными, причину чего домашніе приписывали отчасти ему, истратившему въ Москвѣ и Петербургѣ значительныя деньги. Отношенія къ нему сдѣлались враждебными. Отецъ строилъ домъ, который долженъ былъ приносить около 6.000 дохода, Кольцовъ разсчитывалъ на извѣстную часть дохода съ него, — и этотъ домъ становится яблокомъ раздора.

Ко всему этому присоединилось обстоятельство, отозвавшееся пагубно и на душевномъ состояніи, и на здоровьѣ Кольцова. „Страстною любовью озарился восходъ его жизни", говоритъ Бѣлинскій, „пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумной жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отвратительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ—красавица, умна, образована". Кольцовъ въ своихъ письмахъ, въ увлеченіи, и представляетъ ее такою. Въ дѣйствительности эта особа, купеческая вдова Варвара Григорьевна Лебедева, урожденная Огаркова, была женщина довольно потерянная: легко сблизившись съ Кольцовымъ, она еще легче бросила его, умчавшись изъ города съ какимъ-то офицеромъ. Но удаляясь, она оставила Кольцову отвратительную болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Тщетно врачъ Малышевъ употреблялъ всѣ средства, предписываемыя медицинскою наукою; болѣзнь неотвратимо прогрессировала, приводя поэта къ роковому концу.

„Она поѣхала здоровая, а я остался больной", писалъ Кольцовъ Бѣлинскому. „Къ лѣкарю,—и все прошло; только вслѣдъ за этимъ открывается боль въ груди, потомъ распаденіе во всемъ организмѣ. Убійственная испарина каждую ночь, желудокъ разстроился, открылся кашель желудочный, и я едва-едва уцѣлѣлъ живой — жизнь висѣла уже на волоскѣ". Это письмо писано въ іюнѣ; а въ октябрѣ, повторяя описаніе своей болѣзни, онъ пишетъ: „Сталъ выздоравливать, понемногу поправляться, осиливать, началъ ходить, проѣхаться,—бухъ, воспаленіе въ почкахъ....."

Родные Кольцова, очевидно, отнеслись къ связи его съ Лебедевой и затѣмъ къ болѣзни съ понятнымъ отвращеніемъ. Между тѣмъ глухая борьба изъ-за дома обострилась. Кольцовъ хотѣлъ получить значительную часть, чтобы вырваться изъ Воронежа въ Петербургъ или Москву. Младшая сестра его, Анисья, между тѣмъ выходила замужъ, и отецъ, сверхъ приданаго, назначилъ ей 3.000 рублей деньгами; Кольцовъ протестовалъ противъ этого, какъ и противъ замужества сестры за человѣка, который ему очень не нравился. Все это создало вокругъ него враждебную атмосферу, въ которой жить ему было весьма тяжело. Часть лѣта онъ провелъ на дачѣ на берегахъ Дона у родственника но, воротившись домой, встрѣтилъ въ семьѣ прямо враждебныя отношенія. Вотъ что писалъ онъ самъ въ декабрѣ 1841 года: „...Послѣднія непріятности многое мнѣ открыли, чего я прежде не зналъ... Сестру отецъ помолвилъ, на святкахъ сговоръ, а тамъ свадьба.... Здѣсь отецъ, а паче

всего сестра сдѣлали со мной удивительную пошлость. Отецъ не пригласилъ меня и на совѣтъ (чему я былъ очень радъ); кромѣ того, даетъ за ней деньгами 3.000 руб. Я ему сталъ говорить, что обошлось бы безъ этого, а давать деньги — ихъ у насъ нѣтъ,—долговъ много, а платить нечѣмъ. Онъ мнѣ на это: „Я выдаю дочь послѣднюю, и дамъ за ней послѣднее, что есть. А нечѣмъ будетъ долговъ платить, ипродамъ домъ. Я старъ, мнѣ жить немного, а объ тебѣ я н не думаю: ты голова у меня. Послѣ этой свадьбы женись самъ, корми меня, мать; а не женишься—прогоню со двора". Взорвало меня страшно. Особенно теперь моя натура еще весьма разстроена; чуть что, я не выдерживаю, взбѣшусь, какъ чортъ, въ минуту. Но на этотъ разъ я какъ-то хладнокровно проглотилъ эту крѣпительную пилюлю и сказалъ: „Какъ хотите, такъ и дѣлайте. Я ни въ чемъ вамъ не мѣшаю, и въ этомъ дѣлѣ не участвую, а васъ прошу оставить меня въ покоѣ, — и спасибо". Съ нимъ тѣмъ у насъ и кончилось..... Кромѣ того узнаю, что перемѣнился ко мнѣ отецъ черезъ нее (сестру Анисью). Говоря съ ней откровенно, часто говорилъ я и о своей любимой мечтѣ переселиться въ Питеръ; она это передала отцу съ прибавленіемъ, что я хочу обобрать его и уѣхать; вотъ откуда вышла его низкая осторожность"... А 27 февраля 1842 года Кольцовъ пишетъ Бѣлинскому: „Въ декабрѣ посылалъ я вамъ письмо, въ которомъ писалъ вамъ обо всемъ, что у насъ дѣлалось въ семействѣ и что дѣлалось со мной. Послѣ его въ скорости у насъ былъ дѣвишникъ, на которомъ я шибко простудился и снова заболѣлъ. Сначала воспаленіе не очень большое было выше праваго костреца, потомъ образовалось довольно опасное въ правомъ боку противу сердца; ну, это воспаленіе мало того что было чрезвычайно мучительно, а больше опасно, и я ужасно трусилъ за жизнь, и духъ мой былъ въ самомъ тревожномъ состояніи; и какъ-то онъ не только упалъ, но этакъ странно какъ-то возмущался. И въ эту пору у насъ была свадьба, пиры, вечеринки почти каждый день. Комната моя была на самомъ проходѣ, черезъ нее съ утра до полночи все ходило, бѣгало, суетилось, шумѣло; а добрая сестра моя, соединившись съ другими, замужними, общими силами овладѣли стариками, одурачили ихъ, расположили ко мнѣ отца еще дурнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Дѣлали безо всякаго стыда все мнѣ на зло, до того, что однажды, когда меня жаръ убійственно томилъ, онѣ въ другой комнатѣ положили дѣвушку, накрыли ее простыней и начали отпѣвать покойника. Это по ихъ называлось „шутка"! Въ другой разъ добрая сестра моя, дѣвушка-невѣста, бранила

мать, я за нее вступился; она мнѣ говоритъ: „пожалуйста, выйдите изъ комнаты: ваше дѣло молчать, безъ васъ все обойдется“.—Ну, что жъ,—послѣ этого я и вышелъ молча. Еще какъ-то она меня оскорбляла, мать за меня вступилась; она ей говоритъ: „что вы за него! погодите. онъ вамъ носъ-то скуситъ“. Но, слава Богу, все я стерпѣлъ, пережилъ, только онѣ меня такъ озлили, что я началъ сплетничать. Эта сплетня открыла много дурныхъ ихъ сторонъ передъ лицомъ другихъ людей, сдернула маску съ ея суженаго, и онъ оказался скотина дворникъ, безъ совѣсти, безъ души. Теперь я и жалѣю о этой сплетнѣ, но тогда не утерпѣлъ,—былъ очень слабъ и раздражителенъ, а лучше-бы слѣдовало терпѣть до конца. Въ отмщеніе-жь мнѣ за нее, доброй сестрѣ моей хотѣлось свадьбу протянуть до Троицы; этимъ бы онѣ меня дорѣзали рѣшительно. Весной-таки еще ничего, можно бъ уходить куда-нибудь, но до Святой погода дурная,—выходить можно только въ хорошіе дни. Бѣда бъ мнѣ была да и только. Да, къ счастью, сплетня моя такъ на нихъ подѣйствовала, что они сами начали спѣшить кончить свадьбу, и вотъ 10 дней, какъ обвѣнчали. Но послѣ сейчасъ же встрѣтилась новая бѣда. На третій день послѣ свадьбы отецъ поутру приходитъ ко мнѣ и велитъ мнѣ переходить жить въ другую комнату, въ сырую до смерти. Я заупрямился, онъ сказалъ: „рѣшительно не хочешь — такъ со двора долой, живи гдѣ хочешь“. И подобныхъ утѣшеній наговорилъ кучу.....“

Великимъ постомъ Кольцову стало лучше: свадебныя хлопоты кончились, и здоровье его поправилось. Но на страстной случился новый, еще сильнѣйшій припадокъ болѣзни, отъ котораго онъ едва не умеръ. Въ половинѣ мая 1842 года Кольцовъ написалъ общее письмо Бѣлинскому и Боткину, въ которомъ говоритъ: „Во время самой схватки болѣзни я говорилъ доктору: докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ее; необходимо чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ“. Затѣмъ переписка съ друзьями прекратилась. Бѣлинскій лѣтомъ написалъ было Кольцову письмо, но отвѣта не получилъ.

Въ августѣ поэта посѣтилъ товарищъ Сребрянскаго по воронежской семинаріи В. И. Аскоченскій. „Комната, въ которой принималъ меня нашъ поэтъ“, разсказываетъ онъ: „была очень бѣдна: столъ, кровать, два или три стула, и больше ничего. На столѣ лежала Библія, одинъ томъ сочиненій Жуковскаго — и только; въ углу на стѣнѣ висѣло небольшое распятіе изъ слоновой кости; по сторонамъ я замѣтилъ миніатюрные портреты Полежаева и Пушкина въ

гробу". Въ этой печальной комнатѣ одиноко доживалъ свои дни Кольцовъ, всѣми оставленный. Во все тяжелое время болѣзни его только мать и старая нянюшка жалѣли его и ухаживали за нимъ.

Умеръ Кольцовъ 29-го октября 1842 года, въ полдень. Онъ скончался неожиданно, держа обѣими руками руку няни, принесшей ему стаканъ чаю. Извѣстіе о его смерти нескоро дошло до его столичныхъ друзей. Похороненъ онъ на кладбищѣ „Всѣхъ Святыхъ", и на могилѣ его, почти рядомъ съ могилой другого воронежскаго поэта, Никитина, нынѣ стоитъ памятникъ изъ черной мраморной призмы, сооруженный сестрою поэта Анной Васильевной Андроловой, вмѣсто первоначальнаго съ безграмотной надписью, поставленнаго отцомъ. На лицевой сторонѣ памятника вырѣзано: „Здѣсь покоится прахъ Алексѣя Васильевича Кольцова, скончавшагося 19-го (?) Октября 1842 года, на 34 году отъ рожденія". На противоположной сторонѣ помѣщены стихи:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.

На правой и на лѣвой сторонахъ — предшествующая и слѣдующая за этими четырьмя стихами строфы того же стихотворенія. („Разсчетъ съ жизнью"). Бульваръ въ центрѣ Воронежа нынѣ называется Кольцовскимъ, и поэту воздвигнутъ на немъ публичный памятникъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что жилъ и дѣйствовалъ, т. е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе человѣческой души и жизни, современной ему, такъ и въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія, въ немъ, и только въ немъ можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувствъ во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильною

работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу только по привычкѣ и животной малосознательности. Некрасовскіе мужики „стонутъ по полямъ и дорогамъ“ и повсюду „свѣту Божьяго — солнца не рады“; это — масса „рабовъ“, завидующихъ житью псовъ. У Рѣшетникова Подлиповцы, взрослые, въ преувеличенной безсознательности, неспособны понять окружающую ихъ жизнь въ большей степени, чѣмъ смышленыя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать бо̀льшую правду о народѣ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ эти односторонніе воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія *содержаніе* поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ, поэтому, въ его историческомъ значеніи, имѣетъ несравненно большую роль, чѣмъ это кажется обыкновенно; онъ — не интересный прасолъ-поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть.

Остановимся на представленіяхъ Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его (конечно, тяжелой) жизни. Поэтъ образованныхъ классовъ, Некрасовъ, не находитъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, онъ восклицаетъ:

„Доля ты! русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать!“

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать „тупого терпѣнія и безсмысленный, вѣчный испугъ“. Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

„Зной нестерпимый; равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная...
Солнце нещадно палитъ...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую“...

Въ общемъ великая русская страна представляется страной тупого терпѣнія народнаго, страной,

„Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“..

Загляните въ стихотворенія Кольцова, и картина народной жизни радикально мѣняетъ свой характеръ. Коль-

цовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но, описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и въ скорбь. „Весело на пашнѣ“, „весело я лажу борону и соху“, „весело гляжу я на гумно, на скирды“, — вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ народномъ трудѣ. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка — вырастетъ и колосъ“, какъ станетъ колосъ „спѣть, рядиться въ золотыя ткани“, какъ „заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы“. О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ и помина, и только узнаете вы о нихъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ“. Природа, съ своей стороны, также мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ“, а только „глядитъ съ горы небесъ“, а когда оно „видитъ — жатва кончена“, то „холоднѣй оно пошло къ осени“. Тѣ „нивы, покосы да ширь поднебесная“, которыя такое тягостное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова являются въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

„Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается“...

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе“ его поэзіи—не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ“; но — говоритъ поэтъ — „родись терпѣливымъ и на все готовымъ“... Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ“; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „нюнилъ“, какъ это случилось именно у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

„ ... съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ ...“

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнія, а разумныхъ и всегда необыкновенно смѣлыхъ исканій

выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться, горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться ...“ И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ“. Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалѣетъ, что нѣтъ у него довольно воли,

„Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать ...“

„Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ ...“ замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій.

И въ трудѣ, и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманіе цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ передъ нами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радости и горе, сомнѣнія и вѣрованія.

Конечно, для Кольцова оставались темными многіе вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе образованныхъ людей, и потому его „думы“ иногда отличаются какой то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова поднималъ его выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самаго поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотой могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа Безъ этого сердца?“ Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. И Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицу“. И то, что̀ такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно, глубоко и самостоятельно мыслящихъ людей.

Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, симпатичнѣе воззрѣнія Кольцова: что народъ русскій — не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный, великій народъ, чрезъ вѣка испыта-

ній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не тяжесть его, а необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Есть мнѣніе, что Кольцовъ идеализировалъ народъ и народную жизнь. Но его не раздѣлялъ Бѣлинскій. „Кольцовъ", говоритъ онъ, „зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи— и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи". Конечно, какъ истинный поэтъ, Кольцовъ отразилъ не жизнь только, но и идеалы жизни, воззрѣнія на то, чѣмъ они должны быть. Если трудъ народа чрезмѣренъ, то это ненормально; но на трудъ все-таки нужно смотрѣть какъ на необходимое условіе жизни, и потому не какъ на бѣдствіе, на страданіе. Такъ именно и смотритъ Кольцовъ и съ этой точки зрѣнія освѣщаетъ народную жизнь, изображая ее всесторонне въ ея радостяхъ и печаляхъ. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова по своему содержанію сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр. на былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, въ которой отражаются черты земледѣльческаго народнаго быта. На первый планъ выступаетъ здѣсь необыкновенное уваженіе къ земледѣльческому труду, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ этомъ трудѣ былина видитъ даже нѣчто высшее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній — только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же — самая основа жизни. И вотъ въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ земледѣльцами:

Молодой Вольга Святославовичъ
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле.
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ на ней ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ ...
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера
Со своей дружинушкой хороброй,

Кольцовъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ.

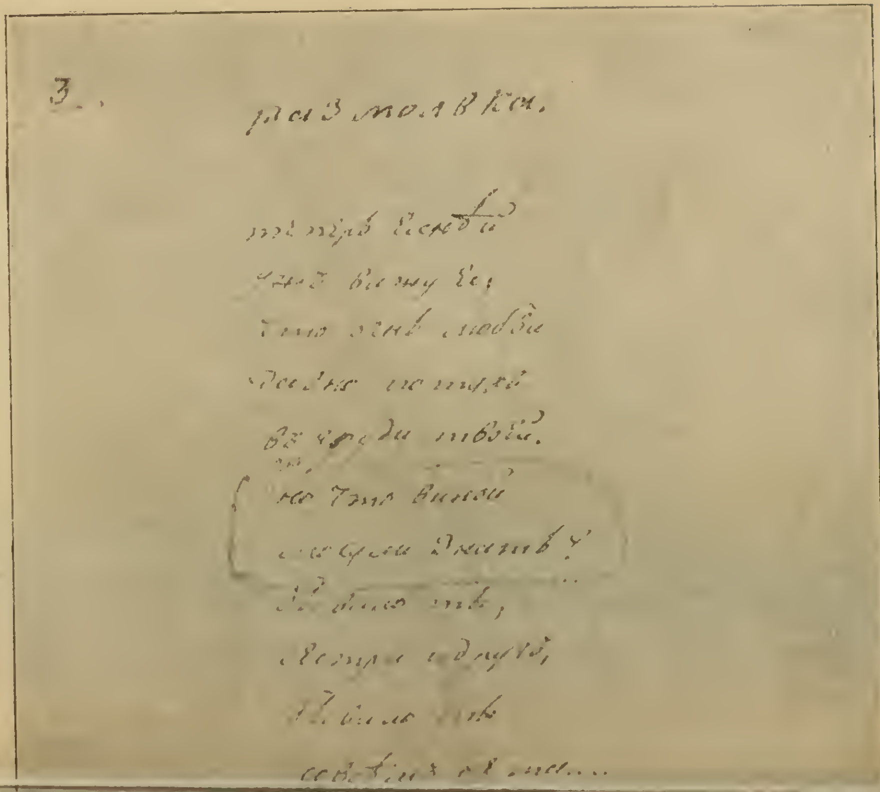
(Фотографія.)

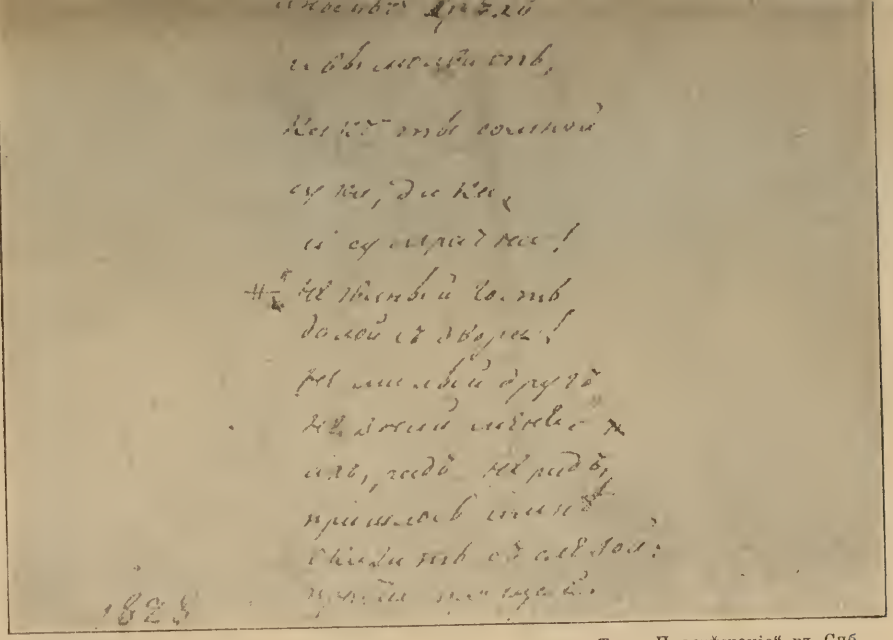
А не могъ до ратая доѣхати,
Ѣхалъ Вольга еще другой день
Другой день съ утра до вечера ...

Ѣхалъ и третій день до „пабѣдья“, пока, наконецъ, „наѣхалъ“ пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря, какъ и Кольцовъ. „Чисто поле“ у нея „раздольице“ (степь Кольцова), „кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые. Былина знаетъ тяжесть труда „ратая“, знаетъ, что ему „надобна Божья помощь крестьянствовать“. Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку „за ракитовъ кустъ“; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ „сошки отъ земли поднять“, а Микула дѣлаетъ это и „бросаетъ сошку за ракитовъ кустъ“. Очевидно воззрѣнія былины тѣ же, что находимъ мы въ произведеніяхъ Кольцова.

Форма лучшихъ произведеній Кольцова, съ своей стороны, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Во времена высокой обработки литературнаго языка, геніальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и позже только нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы. При этомъ въ нихъ есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто геніальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличаются сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературою. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

Арс. Введенскій.


3.



Кольцовъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Автографъ Кольцова.

(Съ оригинала, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ.)

Стихотворенія.

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

1827 г. дек. 14.

Введеніе.

Первое изданіе стихотвореній Кольцова, какъ сказано въ біографіи поэта, сдѣлано было въ 1835 году Станкевичемъ и содержало въ себѣ только 18 пьесъ. Но еще раньше, именно въ 1831 году, три стихотворенія: „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный“, „Мщеніе“ и „Приди ко мнѣ“ были напечатаны въ книжкѣ Сухачева „Листки изъ записной книжки“ и четыре: „Къ ней“, „Опять тоску“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“ и „Мой другъ, мой ангелъ милый“ появились въ плохой московской газеткѣ „Листокъ“. Изъ этихъ семи пьесокъ только двѣ (Къ ней и Вздохъ) вошли въ изд. 1835 года. Въ томъ же 1831 году, въ „Литер. газетѣ“ Дельвига, былъ напечатанъ „Перстень“ (Кольцо), съ замѣткой о Кольцовѣ Станкевича.

Съ 1835 года стихотворенія Кольцова появляются почти во всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ и распространенныхъ журналахъ, и въ теченіе всей своей жизни онъ прилагаетъ старанія издать ихъ съ помощью друзей (Краевскаго, Бѣлинскаго и пр.) отдѣльною книжкою; но это изданіе не состоялось. Въ 1846 году появилось первое посмертное изданіе стихотвореній Кольцова (Некрасова и Прокоповича), со вступительною статьею Бѣлинскаго о жизни и стихотвореніяхъ Кольцова; въ это изданіе вошли нѣсколько пьесъ прямо съ рукописей поэта и появившіяся до того времени въ различныхъ журналахъ и альманахахъ. Нѣкоторыя стихотворенія, какъ „Ура“, „Военная пѣсня“ „Еще старая пѣсня“, „Благодѣтелю моей родины“, въ изд. 1846 года не вошли; очевидно, они не нравились Бѣлинскому по своимъ идеямъ и настроенію.

Изданіе 1846 года многократно перепечатывалось въ Москвѣ К. Т. Солдатенковымъ (послѣднее, десятое, изданіе 1889 года), при чемъ статья Бѣлинскаго то сокращалась, то вновь расширялась. Юбилейный, по смерти поэта, годъ вызвалъ нѣсколько изданій, поставившихъ себѣ цѣлью дать

читателямъ возможно полное собраніе произведеній Кольцова. Изъ нихъ въ изданіе подъ ред. Лященко 1893 года вошли многочисленныя письма Кольцова изъ журналовъ и съ копій, принадлежащихъ Е. И. Якушкину; стихотворенія для него свѣрены съ рукописями, хранящимися какъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ и въ богатомъ собраніи П. Я. Дашкова, предоставленномъ въ распоряженіе редактора, равно какъ и съ черновыми тетрадями поэта (отъ В. И. Исаева), послужившими Малыхину для его статьи о неизданныхъ стихотвореніяхъ Кольцова (въ „Отеч. Зап". 1867 года, т. 170). Тѣ же матеріалы легли въ основаніе изд. 1895 года Маркса, подъ редакціей редактора настоящаго изданія.

Послѣ Кольцова сохранились многочисленныя рукописи, обнимающія, за немногими исключеніями, всѣ, большею частію въ нѣсколькихъ экземплярахъ, произведенія его, которыя были напечатаны какъ при его жизни, такъ и послѣ. Поэтъ неоднократно переписывалъ свои стихотворенія для разныхъ лицъ литературнаго міра отдѣльными экземплярами, для себя составлялъ изъ нихъ тетрадки, при чемъ въ разныхъ экземплярахъ стихотворенія записывались съ различными измѣненіями, обнаруживающими, съ одной стороны, процессъ ихъ творчества, а съ другой—различныя постороннія вліянія на поэта. Рукописи эти и должны составлять основаніе для текстовъ произведеній Кольцова.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся слѣдующія рукописи, преимущественно на отдѣльныхъ листкахъ: 1) **Размолвка.** На отдѣльномъ листкѣ, вмѣстѣ со стихотв. **Сирота;** представляетъ собою, очевидно, ту самую рукопись, съ которой стихотв. печаталось въ изд. 1846 г, Некрасова и Прокоповича: текстъ ея, за незначительными исключеніями, тождественъ съ печатнымъ. 2) **Кольцо.** Рукопись сохранилась въ бумагахъ Краевскаго; передѣлано въ ней только заглавіе. Въ „Лит. Газ." — первая редакція. 3) **Домикъ Лѣсника.** Заглавіе въ изд. 1846 г. „Домъ лѣсника", а въ оглавленіи оставлено „Домикъ"; окончаніе отдѣлено въ особое стихотвореніе подъ заглавіемъ „Изступленіе", съ нѣкоторыми измѣненіями 4) **Удалецъ.** Пропуски въ строф. 6—10 въ изд. 1835 и 1846 годовъ обусловливались, вѣроятно, цензурными сооб-

раженіями. 5) **Молодая жница**. Въ рукоп. стихъ: „Разминется съ ней“, отмѣченъ краснымъ карандашомъ. 6) Въ особой, пріобрѣтенной Имп. Публ. Библ. отъ П. В. Жуковскаго, тетрадкѣ, написаны, съ помѣтками надъ ними (помѣщаемыми нами въ скобкахъ), слѣдующія стихотворенія: **Передъ образомъ Спасителя** (отд. В. А. Владиславлеву); **„Не разливай водшебныхъ звуковъ“** (отд. А. А. Краевскому); **Путь** (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **„Грѣетъ** (а не *свѣтитъ*) **солнышко“** (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **Вопль страданій** (отд. П. А. Плетневу); **„Не на радость, не на счастье“** (отд. А. А. Краевскому); **Послѣдняя борьба** (отд. А. А. Краевскому); **„Въ непогоду вѣтеръ“** (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **Разлука** (отд. А. А. Краевскому); **Лѣсъ**, дума (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **Дуютъ вѣтры** (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **„Долго-ль буду я“** (напеч. въ „Отеч. Зап.“); **„Не скажу никому“** (отд. В. А. Владиславлеву); **„Что ты спишь, мужичекъ“** (отд. А. А. Краевскому). **„Такъ и рвется душа“; Военная пѣсня** (отд. В. А. Владиславлеву); **Примиреніе** (отд. П. А. Плетневу); **Бѣгство** (напеч. въ „Соврем.“); **Хуторокъ** (напеч. въ „Отеч. Зап.“). Напечатанными помѣчены тѣ, которыя появились въ 1839 г., а отданными — которыя появились въ концѣ 1840 или въ 1841 году; слѣдовательно, тетрадка помѣчалась позже 1839 и прежде 1841 года. Она совершенно чистая и безъ помарокъ, и измѣненія ея текстовъ въ печати всего вѣроятнѣе объясняются поправками въ редакціяхъ „Отеч. Зап.“ и „Соврем.“. Плетневъ въ своемъ „Современникѣ“ **Вопль страданій** не помѣстилъ, а **Военную пѣсню** изъ „Утр. Зари“ Владиславлева издатели 1846 г. не взяли. Поправки были сдѣланы въ большинствѣ случаевъ неудачно. 7) **Великая тайна.** Принадлежность Кольцову этого стихотворенія, какъ и стихотв. 8) **Божій міръ** и 9) **Молитва,** заподозрѣна („СПБ. Вѣд.“, 1867 г., № 77. фельетонъ Де-Пуле). Но по всему своему характеру это Кольцовскіе стихи; на „Молитвѣ“ въ рукописи помѣтка: „Степь гр-ни Орловой. 1836“. Нельзя же предположить, чтобы Кольцовъ на чужихъ стихахъ сталъ дѣлать помѣтки для памяти времени своего заимствованія. Нѣкоторая наивность стиховъ, выброшенныхъ изъ рукописи „Божьяго міра“, говоритъ ясно за то же, что стихи совсѣмъ не *медика* Сребрянскаго, который приписывалъ эти стихиотворенія себѣ. 10) **Великое**

слово. 1-я рукопись — въ витринѣ въ Имп. Публ. Библ.; она, за исключеніемъ заглавія, согласна съ печатнымъ текстомъ. 2-я рукопись — на отдѣльномъ листкѣ, такъ же какъ на отдѣльныхъ листкахъ каждое и стихотворенія: 11) **Могила** и Молитва. 12) **Лѣсъ.** Одна изъ рукописей стихотворенія (1-я)—въ бумагахъ Жуковскаго; другая (2-я)—въ тетради. 13) **Сирота.** Рукопись на отдѣльномъ листкѣ, съ котораго печаталось въ изд. 1846 г. 14) **Осень,** съ варьянтами—въ бумагахъ Краевскаго. 15) **Разувѣреніе.** Рукопись въ бумагахъ Краевскаго, текстомъ своимъ немногимъ отличается отъ обычнаго печатнаго. Это же самое стихотвореніе въ автографѣ, подъ заглавіемъ **Отшельникъ,** было принесено въ даръ Имп. Публ. Библ. д. с. с. В. В. Григорьевымъ въ качествѣ „нигдѣ не напечатаннаго", о чемъ и значится въ „Отчетѣ Библ. за 1867 г.". Но оно было напечатано еще въ 1841 году и затѣмъ во всѣхъ изданіяхъ, только подъ другимъ заглавіемъ. 16) **Что значу я?** Рукопись въ бумагахъ Краевскаго. 17) **Цвѣтокъ.** Рукопись на отдѣльномъ листкѣ. Съ нея стих. печаталось въ изд. 1846 г., съ поправками. Въ тетрадяхъ Кольцова, — первая редакція стихотворенія о чемъ сказано ниже.

Въ Публичную же Библіотеку поступила юношеская тетрадь стихотвореній Кольцова отъ издателя „Нивы", Ад. Фед. Маркса. Она носитъ заглавіе: „Незабудки съ долины моей юности. Алексѣя Кольцова 1830 г.". На оборотѣ заглавнаго листа написано: „Сія книга сочиненія Кольцова" и „Сія книга принадлежитъ Алексѣю Кольцову. 1830-го г. Мартъ". Въ тетради заключаются стихотворенія: 1) **Любовь души.** 2) **Вечеръ.** 3) **Утѣшеніе** (Къ другу). 4) **Къ ней же.** 5) **Пирушка русскихъ поселянъ.** 6) **Посланіе къ N... N...** 7) **Посланіе Н... П...** (Къ ***). 8) **Веселый часъ.** 9) **Посланіе С... З...** (Къ С. З.). 10) **Къ молодости** (Пѣсня старика). 11) **Утѣшеніе** (Посланіе къ другу). 12) **Перстень** (Кольцо). 13) **Земное счастіе.** 14) **Мука** (Печаль сердца). 15) **Пѣсня** („На что ты сердце нѣжное"). 16) **Знакомство съ опытомъ** (Разувѣреніе). 17) **Сирота-поселянинъ.** 18) **Пѣсня** („Если встрѣчусь съ тобой"). На предпослѣдней страницѣ написано: „Конецъ". Во всей этой тетради множество поправокъ, сдѣланныхъ посторонею рукой, вѣроятно Сребрянскаго. Эти поправки указаны въ варьянтахъ.

Въ обширномъ собраніи рукописей Дашкова сохранились шесть тетрадей Кольцова, разрозненное, на отдѣльныхъ листкахъ, собраніе стихотвореній изъ бумагъ Бѣлинскаго и множество отдѣльныхъ листковъ различнаго происхожденія.

Тетр. 1-я, въ 4-ку, съ надписью № 1 и заглавіемъ: „Стихотворенія Алексѣя Кольцова 1836 и 1837 годовъ. Воронежъ". Писана рукою Кольцова съ поправками другой руки (Бѣлинскаго?) и заключаетъ въ себѣ стихотворенія, съ помѣтками, заключенными нами въ скобки: 1) **Молитва.** Дума. („Напечатана въ сборникѣ Воейкова 1838 г."). 2) **Что значу я?** („Отдана въ другую часть Сборника Воейкову"); зачеркнуто черн. каранд., безъ даты. 3) **Косарь.** („Напечатано въ Телескопѣ у Надеждина 1836 г."). Вар. „Я слезой любви" приписанъ карандашемъ, другою рукой. 4) **Умолкшій поэтъ.** Дума. („Отдано въ Современникъ Плетневу"). 5) **Могила.** Дума. (Отдано въ Наблюдатель В. Г. Бѣлинскому"). 6) **Спящій юноша.** Заглавіе зачеркнуто и вверху другою рукою карандашомъ написано: „Спящему младенцу". 7) **Разувѣреніе.** („Отдана въ другую часть сборника Воейкову"); зачеркнуто. 8) **Красавицѣ;** перечеркнуто красн, карандашомъ. 9) **Ровеснику.** 10) **„Если встрѣчусь съ тобой".** 11) **Сирота.** 12) **Размолвка.** 13) **Пѣсня:** „Въ стройныхъ звукахъ",— очевидно черновой набросокъ, со многими поправками и варіантами; зачеркнутъ чернилами и красн. карандашомъ. 14) **Міръ музыки,** и 15) **Человѣкъ.** Дума.

Т. 2-я, въ 4-ку, съ заглавіемъ на отдѣльномъ листкѣ: „Стихотворенія Алексѣя Кольцова 1837 и 1838 годовъ. Воронежъ". Писана рукою Кольцова; въ ней на 56 страницахъ написаны стихотворенія: 1) **Раздумье селянина.** („Отд. В. Г. Бѣлинскому въ „М. Набл."). 2) **Русская пѣсня:** „Ахъ зачѣмъ меня". („Отд. В. Г. Бѣлинскому въ „М. Набл."); 2 и 3 куплеты, не входящіе и теперь въ изданіе, вычеркнуты черн. чернил. 3) **Послѣдній поцѣлуй.** („Назначено послать Кукольнику въ альманахъ"). 4) **Вопросъ.** Дума. („Напеч. въ № 12 „Л. Приб." за 1838 г. у Краевскаго и напеч. въ другой разъ въ „М. Набл." въ 2 № за 1838 г."). 5) **Къ милой.** („Отослано В. Г. Бѣлинскому въ „Наблюдатель". Напечатано въ 2 № за 1838 г."). 6) **Измѣна суженой.** („Отд. въ „Лит. Приб." Краевскаго"

7) **Царство мысли.** („Напеч. въ 1 № „Совр.“ у Плетнева“); 3 послѣднія строки, въ изданіе не входящія, вычеркнуты черн. чернилами. 8) **Лѣсъ.** („Нап. въ 2 № „С. От.“ 1838, у Полевого). Послѣднія 4 строфы отъ: „Такъ-то, темный лѣсъ“ — вычеркнуты. 9) **Кольцо.** („Отдана В. Я. Владиславлеву въ Альманахъ на 1839 г.“). 10) **Двѣ жизни.** („Нап. въ 12 № „Лит. Приб.“ 1838 у Краевскаго“). 11) **Два прощанья.** („Отд. въ „Совр.“ Плетневу“). 12) **Горькая доля.** („Отд. въ „С. От.“ Полевому. Нап. въ 2 книжкѣ“). 13) **Ура.** („Нап. въ 10 № „Лит. Приб.“, 1838, у Краевскаго“). Стих. перечеркнуто красн. каранд. 14) **Первая пѣсня Лихача Кудрявича.** („Отд, В. Я. Владиславлеву въ Альманахъ на 1839“). 15) **Вторая пѣсня Лихача Кудрявича.** („Отд. В. А. Владиславлеву въ Альманахъ на 1838“). 16) **Пора любви.** („Отд. Краевскому въ „Лит. Приб.“. Напечатано въ №“). 17) **Деревенская бѣда.** („Отдано Б.); 7 строфа „Такъ за полночь“ и пр. вычеркнуто черн. каранд.: 18) **Русская пѣсня:** „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“. На послѣдней стран. тетради рукой Кольцова написаны какіе-то счеты. Поправки почти всѣ сдѣланы рукой Кольцова.

Т. 3-я, чистовая, въ четверку большого формата, съ золотымъ обрѣзомъ, съ заглавіемъ на отдѣльномъ листкѣ: „Стихотворенія А. Кольцова, 1838. Воронежъ“. Въ тетради на 24-хъ, оторванныхъ другъ отъ друга, листкахъ, написаны рукою Кольцова стихотворенія: 1) **Молитва,** дума. 2) **Человѣкъ,** дума. 3) **„Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“.** 4) **Великое слово.** 5) **Плачъ.** 6) **Раздумье селянина.** 7) **Пѣсня: „Ахъ, зачѣмъ меня“.** 8) **Къ милой.** 9) **Поэтъ и няня,** и 10) **Цвѣтокъ.**

Т. 4-я, въ 4-ку, безъ заглавія. Почти вся писана рукою Кольцова, за исключеніемъ 3-хъ стихотвореній недалеко отъ конца, подписанныхъ П. Мочаловымъ. Безъ заглавнаго листа; содержитъ 29 стихотвореній отъ 1838 по 1840 г. 1) **Пѣсня разбойника** (вмѣсто зачеркнутаго заглавія „Сенька Разинъ“; безъ посвященія Сребрянскому), („Посл. въ „М. Набл.“ Бѣлинскому. Нап. въ „От. Зап.“ въ 7 №, 1840“). 2) **Бѣдный призракъ.** („Посл. въ „М. Набл.“ Бѣлинскому. Нап. въ „От. Зап.“ 1840, №“). 3) **Бѣгство.** („Нап. въ „Совр.“ у Плетнева № 2, за 1839“). 4) **Путь.** („Напеч. въ „От. Зап.“ 1839, №“). 5) **Товарищу** („Сдана

Плетневу“) и **Старому Товарищу,** безъ даты. („Послано Бѣлинскому“). 6) **Тоска по волѣ.** („Послано Бѣлинскому. Напеч. въ „От. Зап.“ 1840, №“). Послѣдній куплетъ „Гой ты сила...“ переписанъ другою рукою, но съ исправленныхъ самимъ Кольцовымъ словъ. 7) **Примиреніе.** („Послана Бѣлинскому“. „Нап. въ „М. Набл.“ 1838, № 12“). (8 **Русачку-мужичку** и **Къ сонѣ земляку („Что ты спишь мужичекъ“);** оба заглавія зачеркнуты карандашемъ, чернилами надписано новое заглавіе: **Лѣнивцу.** („Послано Бѣлинскому“. „Нап. въ „От. Зап.“ 1841“). Куплеты 2-й и 3-й, и приведенные въ варіантахъ, вычеркнуты карандашомъ. 9) **Предъ образомъ Спасителя.** („Послана Бѣлинскому. Отдана Владиславлеву“). 10) **Хуторокъ.** („Послана Бѣлинскому“. „Напеч. въ „От. Зап.“ 1841, № 1“). 11) **Пѣсня:** „Въ непогоду вѣтеръ“. („Послана Бѣлинскому“. „Нап. въ „От. Зап.“ въ 7 № 1841“). 12) **Не разливай волшебныхъ звуковъ.** („Бѣлинскому“. „Напеч. въ „От. Зап.“, 1841, №“). 13) **Пѣсня:** „Говорилъ мнѣ другъ“. („Бѣлинскому“. „Зд 1840 г. напеч. въ „От. Зап.“). Конца стих. нѣтъ. 14) Конецъ стихотв. **В. Г. Бѣлинскому.** Зачеркнутъ карандашомъ. 15) **Дума сокола.** („Бѣлинскому“. „Нап. въ № 5 „От. Зап.“ за 1840“). 16) **Русская пѣсня:** „Безъ ума, безъ разума“. („Бѣлинскому“. „Нап. въ 6 № „Записокъ“ за 1840“). 17) **Русская пѣсня:** „Свѣтитъ солнышко“. („Бѣлинскому“. „Нап. въ 6 № „Записокъ“ 1640“). 18) **Русская пѣсня:** „Не скажу никому“. („Нап. въ Альманахѣ Владиславлева на 1841“). 19) **Вопль страданій.** („Отдана Плетневу“). 20) **Его Превосходительству Дмитрію Никитичу Бѣгичеву.** („Нап. въ „С. От.“ 1840“); стихотв. зачеркнуто красн. каранд. 21) **Русская пѣсня:** „Такъ и рвется душа“, зачеркнута красн. каранд. и черн. чернилами. 22) **Къ ней же,** зачеркнуто красн. каранд. 23) **Русская пѣсня:** „Такъ и рвется душа“, другая редакція. („Нап. въ „От. Зап.“, 1840, №“). Затѣмъ слѣдуютъ 3 стихотворенія, написанныя почеркомъ Мочалова и, по всей вѣроятности, ему принадлежатъ: 1) „Дума“. „Старый боръ, черный боръ“. 2) „Ахъ ты, солнце, солнце красное“ и 3) „Спасибо“, съ пом.: „1840 г. мая мѣсяца 14 дня, П. Мочаловъ“; къ „Спасибо“ выноска; „Написано для Н. Вас. Бѣклемишева на память отъ Мочалова“. Далѣе идутъ опять стихотворенія, написанныя рукой

Кольцова: 24) **Разлука.** („Напеч. въ „От. Зап.“ 1840 №“). 25) **Русская пѣсня:** „Не на радость, не на счастье“. („Напеч. въ „От. Зап.“ 1840, №“); зачеркнуто красн. карандашомъ. 26) **Перепутье.** („Нап. въ „От. Зап.“ 1840“), 27) **Русская пѣсня:** „Дуютъ вѣтры“, зачеркн. красн. карандашомъ. 28) **Всякому свой таланъ,** сперва написано карандашомъ, потомъ переписано чернилами. 29) **Дума двѣнадцатая.** („Отдана Бѣлинскому“). Исписанныхъ страницъ въ тетради 63.

Т. 5-я, разрозненная, въ 4-ку; на заглавномъ листѣ значится: „Стихотворенія Алексѣя Кольцова. 1838, Октября 1 дня. Воронежъ“. Писана рукою Кольцова. На оборотѣ заглавнаго листка рукою Кольцова написано: „Если человѣкъ есть фокусъ всѣхъ стихій подсолнечнаго міра. если онъ отдѣльно не можетъ иначе жить, какъ поглощая жизнь окружающаго его, то значитъ, что онъ не понялъ себя, если сочтетъ жизнь свою мелкою, если поровняется съ плотоядными неразумными, не будетъ допытливымъ наблюдателемъ всей подсолнечной жизни и дѣятельнымъ творцомъ жизни человѣческой; не даромъ многіе стыдятся и скорбятъ о томъ, что не могутъ обойтись безъ мясного; совѣсть, видя безплодіе жизни, шепчетъ, что они не стоятъ смерти телятъ“. Въ тетради стихотворенія: 1) Начало **Посланія** („Бѣлинскому“). На оборотѣ окончаніе Лѣса. 2) **Конецъ стихотв. Пѣсня:** „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись“ со словъ: „Не держи-жъ, пусти, дай вольному“. 3) Начало думы **Лѣсъ** (на оборотѣ стран.), („Жуковскому и Бѣлинскому“. „Нап. въ „От. Зап.“ 1841, №“). Очевидно, эти листки принадлежали къ предыдущей тетради, въ которой и находятся соотвѣтствующіе начала и концы стихотвореній. Написаны стихотворенія карандашомъ рукою Кольцова, но потомъ обведены чернилами, другою рукою. 4) **Послѣдняя борьба.** („Посл. въ „М. Н.“ Бѣлинскому. Нап. въ „О. З.“, 1841, № 9“); 3 и 4 куплеты, не входящіе въ изданіе, вычеркнуты. 5) **Грусть дѣвушки.** Кромѣ того, въ тетради находится конецъ ненапечатаннаго стихотв. „Зарыта, зарыта могила!“, написанный рукою Кольцова, почти безъ помарокъ, можетъ быть изъ другой тетради; подп.: Меркель. Заслуживаетъ вниманія, что въ Репертуарѣ 1841 г. есть стихотвореніе Іеронима Меркли.

Т. 6-я, въ 4-ку; съ заглавіемъ на отдѣльномъ листкѣ „Стихотворенія Алексѣя Кольцова. Перваго сентября 1840. Воронежъ“. (Бумага 1839 г.). Писано рукой Кольцова. Въ ней стихотворенія: 1) **Русская пѣсня:** „Гдѣ вы, дни мои“. („Напеч. въ „От. З.“, 1841, №“). 2) **Шекспиръ.** Дума. 3) **Русская пѣсня:** „Много есть у меня“. („Нап. въ „О. З.“ 1841, №“). 4) **Жалоба,** съ надписью: „Посвящается В. Г. Б—му“. 5) **Ночь.** Москва 1840, 11 декабря. Черновой набросокъ, зачеркнутый чернилами. 6) **Ночь.** Москва 1840, 11 дек. Посвящено князю Одоевскому. („Нап. въ „О. З.“, 1841, №“). 7) **Поминки.** Посвящено памяти Н. В. Станкевича. („Отдано Бѣлинскому“). 8) **Доля бѣдняка.** 9) **Звѣзда.** 10) **Русская пѣсня:** „Не весна тогда“ 11) **Русская пѣсня:** „Ты прости прощай“. 12) **Русская пѣсня:** „Разступитесь, лѣса темные“. 1841, мая 10 дня. 13) **Сельская пѣсня:** „Какъ здоровъ да молодъ“. 14) **Старая пѣсня.** 15) **Ивану Гордѣевичу Козлову;** перечеркнуто. 16) **Жизнь.** Дума. 17) **Дума:** „Не время ли намъ оставить“. 18) **Русскія пѣсня:** „Я любила его“. 19) **На новый 1842 годъ.** 20) **Пѣсня:** „Что онъ ходитъ за мной?“ 21) **„Когда есть жизнь другая тамъ“,** — зачеркнуто. 22) **Русская пѣсня:** „Нынче ночью къ себѣ“. Затѣмъ. 23) Конецъ **Доли бѣдняка** и 24) **Звѣзда,** — на отдѣльной четверкѣ. 25) **Проявленіе Бога.** (Поэтъ).

Въ собраніи стихотвореній Кольцова изъ бумагъ Бѣлинскаго, на отдѣльныхъ листкахъ формата почтовой бумаги, рукою Кольцова написаны: 1) **Свой таланъ.** („Эту пѣсню я вамъ читалъ въ Питерѣ; вы говорили поправить — я поправилъ. Годится — напечатайте, а нѣтъ — не надо. Мнѣ она иногда нравится, иногда — нѣтъ“). 2) **Русская пѣсня,** на оборотѣ того же листика. 3) **Дума двѣнадцатая.** („Эта пьеска ужъ была у васъ, я ее поправилъ и, кажется, стала лучше; по крайней мѣрѣ выяснилась мысль“). 4) **Звѣзда.** 5) **Доля бѣдняка.** 6) **Русская пѣсня:** „Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ“. 7) **Сельская пѣсня:** „Какъ здоровъ да молодъ“. („Если нельзя напечатать: „Проходи, попъ, баринъ“, то можно замѣнить, „Проходи самъ баринъ, или чортъ, діаволъ“. Какъ найдете лучше, такъ и поставьте“). 8) **Проявленіе Бога.** („Я ее было назвалъ: „Шекспиръ“, да оно не идетъ, а это кажется лучше“... „эту пьеску я вамъ въ Питерѣ. Вамъ она не вся

понравилась. Я поправилъ, сколько могъ. Да, кажется, третій куплетъ надо вонъ: послѣ онъ иначе повторяется. Какъ лучше, такъ съ ней и сдѣлайте"). 9) **Русская пѣсня** „Разступитесь лѣса темные...". Куплетъ: „Здѣсь мнѣ доля все туманится... Будемъ жить съ тобой, какъ хочется" — вычеркнутъ чернымъ карандашомъ. („Въ этой пѣснѣ заскобенный куплетъ я думалъ вонъ; безъ него сильнѣе послѣдній. Но вы сами посмотрите, и какъ лучше вамъ покажется, такъ и сдѣлайте"). 10) **Русская пѣсня:** „Въ Александровской слободкѣ". „Посвящаю Василью Петровичу Боткину". На стихѣ: „Да поѣдемъ же въ Москву", страница обрывается.

Отдѣльныя стихотворенія въ рукописяхъ Дашкова слѣдующія: 1) Рукою Бѣлинскаго, на 8^0 простой бумаги (съ одной стороны) конецъ стихотворенія: **Пѣсня** 1840 г., со словъ: „Тогда было — иду, ѣду ли..." 2) Рукою Кольцова, на большой 4-кѣ съ обѣихъ сторонъ: „Его Превосходительству Дмитрію Никитичу Бѣгичеву": 3) На 8-кѣ, форматомъ равной почтовому листку, рукою Кольцова, на первой стр. **Разлука,** на второй — **Русская пѣсня:** „Не на радость, не на счастье". 4) Рукою Мочалова, на 4-кѣ большого формата съ обѣихъ сторонъ. **Послѣдній поцѣлуй, Умолкшій поэтъ, Первая пѣсня Лихача Кудрявича и Вторая пѣсня Лихача Кудрявича.** 5) Рукою Кольцова на полулистикѣ почтоваго формата (почти безъ помарокъ): **Сельская бѣда, Русская пѣсня:** „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ...", безъ даты, и **Пѣсня:** „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни...", безъ даты. 6) **Слеза молитвы.** Писана рукою Кольцова, на половинѣ листка формата почтовой бумаги. Стихи: „Холодное горе..." и до ... „Святой Твоей волѣ" — зачеркнуты черными чернилами. 7) Рукою Кольцова на половинѣ листка почтоваго формата написаны: Конецъ стихотворенія **Примиреніе,** со словъ: „И вотъ ужъ нѣтъ пространства между нами", безъ даты, и **Умолкшій поэтъ.** 8) **Умолкшій поэтъ.** Рукою Кольцова на 4-хъ страницахъ in 4^0; безъ даты. 9) **Умолкшій поэтъ.** Рукою Кольцова на 4-хъ стран. in 4^0; безъ даты. 10) Изъ тетради въ большую 4-ку, 8 стр., писанныхъ рукою Кольцова, стихотворенія конца 1839 и одно 1840 года: **Русская пѣсня**: „Говорилъ мнѣ другъ прощаючись", **Лѣсъ, дума, Русская пѣсня:** „Безъ ума,

безъ разума", **Посланіе** (В. Г. Б — му), **Дума сокола,** безъ посвященія; съ подписью: А. Кольцовъ. 11) **Неразгаданная истина.** Рукой Кольцова на 3-хъ стран. полулиста, слож. вдвое, безъ даты. 12) 4 стран. больш. форм. in 4^0, рука Кольцова; стихотворенія: **Русская пѣсня:** „Такъ и рвется душа"; 5-й куплетъ „То ли дѣло вдвоемъ... Мила друга любить" перечеркнутъ чернымъ карандашомъ; (Помѣтка: „А кажется такъ лучше...") **Дума двѣнадцатая, Послѣдній вопль земныхъ страданій,** и **Русская пѣсня:** „Не скажу никому". („Послано Владиславлеву въ альманахъ на 1841 г."). 13) Безъ заглавія, рукой Кольцова, на 1 стран. полулиста, несложеннаго, обыкнов. формата, стихотвореніе: **Измѣна суженой,** безъ даты. 14) **Русская пѣсня.** „Грѣетъ солнышко", на 4-кѣ обыкновеннаго форм., съ обѣихъ сторонъ, вод. знакъ 1831, рука Кольцова; дата: 1840, февр. 12. 15) **Къ ней же.** На 4-кѣ больш. форм., съ обѣихъ стор.; рука Кольцова. 16) **Русская пѣсня.** „Я любила его", 4 стр. небольш. почтов. форм.; рука Кольцова. Стихи: „И кипитъ горячо", „Я жила для него", „Я любила душой" — зачеркнуты черн. каранд. **Пѣсня:** „Что онъ ходитъ за мной?". **Дума:** „Не время-ля намъ оставить". Стихотвореніе зачеркнуто чер.. карандашомъ; надписано: „Дума". („Если можно ее напечатать просто, то назовите „Дума XIIIV" (sic!), или дайте, которое дано или какое придумаете"). 17) **Великая истина** (Дума). На 4-кѣ, сложенной вдвое, т. е. на 2-хъ 8-кахъ; исписаны 4 стр. рукою Кольцова. 18) **Божій міръ.** Дума. На 4-кѣ, рукой Кольцова. 19) **Бѣдный призракъ.** На 8-кѣ, съ обѣихъ сторонъ, рукою Кольцова. (Въ началѣ рукой Бѣлинскаго: „Эту всю надо передѣлать. Я подчеркнулъ только хорошіе стихи". Въ концѣ стихотв. рукою Кольцова: „Въ трехъ мѣстахъ есть иначе надписано сверху и снизу. Если эта пьеска годится, то, какъ знаете, такъ и замарайте"). 20) **Вопросъ** (Дума), рука Кольцова, на 4-кѣ больш. формата, безъ даты, и **Царство мысли,** Дума. 21) **Лѣсъ.** Рукою К., на половинѣ полулиста простой бумаги, разорваннаго въ длину, и **Послѣдняя борьба.** 22) **Молодая жница.** Рука К., на 4-кѣ, сложенной пополамъ. 23) **Молодая жница.** Рукою К., на полулистѣ, на одной стр. въ 2 столбца, безъ даты. 24) **„Не разливай волш. звуковъ".** На 4-кѣ больш. форм., рукою

К., друг. почерк., каранд. приписано: 1840. 25) **Могила** Дума, на 8-кѣ обыкн. форм., 4 стр., рукою К., безъ даты. 26) На 4-кѣ больш. форм., въ 2 столбца, стихотв. **Такая жизнь** и **Перстенечекъ,** рукой К. 27) На почтовомъ листикѣ обыкн. форм. (4 стр.) рукою К. переписаны 3 стихотворен. Красова: „7 января", „Анакреонъ" и „Лагерь". послѣдн. съ посвящен. А. В. Кольцову, и „Элегія на смерть Грибоѣдова", Пушкина (sic.). 28) Конецъ стихотворенія **„Жизнь",** со словъ: „Но все-жъ успѣхъ", на почтов. полулистѣ обыкн. форм. (2 стр.), рука К., весь отрывокъ зачеркнутъ черн. каранд. и черн. чернилами, и **Русская пѣсня:** „Не весна тогда". 29) **Жизнь,** на полулистѣ почтовой бум. обыкн. формата, рукою К., стихотв. зачеркнуто черн. каранд., и на стихѣ „За царствомъ царство" обрывается; затѣмъ конецъ **Старой пѣсни,** со словъ: „Что за медъ здѣсь". 30) Рукою Кольцова написана **сказка:** „Жилъ былъ въ Питерѣ дуракъ, — не простой, а знаменитый" и т. д., приписать которую Кольцову нѣтъ основаній.

Двѣ тетради Кольцова описаны Де-Пуле и Малыхинымъ. Нѣкоторыя стихотворенія въ нихъ прямо приписаны Кольцову, но въ большинствѣ ему не принадлежатъ. Въ одной изъ этихъ тетрадей находятся стихотворенія: 1) **Очарованный міръ.** 1827, марта 12. 2) **Акростихъ Ив-ну Яковлевичу Петрову.** д: Марта 15. 3) **Сонъ.** д: 12 марта. 4) **Совѣтъ.** д: Марта 13 5) **Отцвѣтшая краса.** Февраля 1. 6) **Превратность свѣта.** Марта 14. 7) **Акростихъ** (Елизѣ): Марта 18. 8) **Посланіе къ Л. Г. А, акростихъ.** Марта 16. 9) **Акростихъ.** Марта 16. 10) **Пѣснь утру.** 1826 года, октября 10. 11) **Роса и цвѣтъ.** 1827 г., генваря 4. 12) **За славой смерть.** Баллада. 1826 г., октября 20. 13) **Первый шагъ любви.** 14) **Смѣсь.** 1. Пьянюгину. 2. Мнимой молодежи. Янв. 8. 15) **Ты послушай, вертеница.** Января 8. 16) **Ирисѣ.** 17) **Повытчику и секретарю.** 18) **Тоска о милой.** 1827 г., марта 25. 19) **Тоска о миломъ.** 1827 г., марта 25. 20) **Прямое счастье.** Стансы. 1827 г., марта 25. 21) **Безпечность.** Марта 27. 22) **Мечтательность.** Марта 27. 23) **Соколову.** Генваря 15. 24) **Рѣзвому поэту.** Генваря 12. 25) **Простодушіе сосѣда.** 26) **Сомнѣнье.** Генваря 25. 27) **Семинаристу, писавшему эпиграмму.** 28) **Полякову.** Февраля 4. 29) **Вялому поэту.** Февраля 4. 30) **Честность въ порокѣ.** Февраля 10. 31)

Вертопраху. 32) **Разговоръ о театрѣ.** Января 9. 33) **Надписи:** I. Глумовой. Марта 27. II. Кривошеину. Февраля 30 (sic!). 33) **Рыцарь.** Баллада. Изъ нихъ только 13, 14. 20, 25 и 35 принадлежатъ Кольцову. — Въ другой тетради стихотворенія неизвѣстныхъ лѣтъ, переписанныя въ 1834 г., очевидно, Кольцову не принадлежащія: I. **Элегія,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". III. **Безъ нужды сорванные цвѣтки,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". VI. **Къ другу. На смерть незамѣнимаго.** VII. **Могила прекрасной,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому (Село К...)". VIII. **Въ память сельскихъ ночей.** Элегія. IX. **Къ С...** Въ смутную пору 1830 г. Съ надп. рукою К.: "Послана Бѣлинскому". XI. **Пѣсня.** („Жилъ и я..."). XIII. **Грозѣ,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XII. **Пѣсня** („Ты замглейся"). XIV. **Счастливъ, кто вѣрить здѣсь мечтамъ,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XV. **Тяжелый часъ,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XVIII. **Къ лучинѣ. Русская пѣсня,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XIX. **Прощанье съ сестрою,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XX. **Поля, поля мои родныя,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XXI. **Къ тучамъ небеснаго небосклона,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XXXIV. **Вино.** XXV. **Тоска по отчизнѣ,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XXVI. **Трава съ могилы П. И. Ст—ва** (Воронежъ). XXVII. **Что мнѣ любить?** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". На поляхъ помѣтка стихами, рукою Кольцова: „Что мнѣ любить? Да что любить? За что чтобъ битому не быть, То и любить. XXIX. **Дума предъ образомъ плачущаго Давида,** съ надп. рукою К.: „Послана Бѣлинскому". XXX. **Послѣдній псаломъ Давидовъ.** Это, очевидно, стихотворенія Сребрянскаго и другихъ, которыя Кольцовъ надѣялся напечатать съ помощью Бѣлинскаго.

Рукописи Кольцова вселяютъ въ изучающаго ихъ убѣжденіе, что поэтъ чутко прислушивался къ мнѣніямъ о своихъ стихотвореніяхъ. Позже онъ слѣдовалъ всегда совѣтамъ Бѣлинскаго. Издатели поправляли стихотворенія Кольцова, вѣроятно, съ его согласія, — особенно Краевскій, издатель „Отеч. Записокъ".

1825.

1.

Сирота.

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Что-жъ вы, злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?

Были дни—и я любила
Сны о радости земной:
Но надежда измѣнила...
Радость—сонъ въ судьбѣ моей.

На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ обольщенье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте-жъ, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

———

1826.

2.

Ровеснику.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна-ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье?
Или нежданная бѣда
Явилась и сразила?
Житейская-ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья,
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ,
Востока отраженье —
Замѣтное волненье...
Ахъ, то любовь, любовь!.. Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она, въ пиру, на ложѣ сна,
Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ... Дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною.

1827.

3.

Пѣсня.

Если встрѣчусь съ тобой
Иль увижу тебя, —
Что̀ за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что̀, —
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои
Что сказать не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ, —
На землѣ, у людей
Выраженья имъ нѣтъ!

Дѣва, радость души!
Это жизнь,—мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!

1828.

4.

Размолвка.

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Любви огонь

Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало ты —
Сестра и другъ;
Бывало ты —
Совсѣмъ не та!
А нынче—грѣхъ
И вымолвить —
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваный гость,
Долой съ двора!
Немилый другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ, —
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезный другъ —
И недругъ мой.

5.

Путникъ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ;
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,

Плетусь къ ночлегу̀ на своей
Кляченкѣ тощей и усталой.
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ, —
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?
То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!..

6.

Пѣсня.

Очи, очи голубыя,
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя,
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?

Мнѣ-ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ-ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ ...

7.

Осень.

Настала осень; непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло:
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день;
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

8.

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.

Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной,
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны, и полны
Преданьями родной страны!..

9.

Спящему младенцу.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!
Еще не знаетъ онъ, что̀ скука,

Что̀ безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь;
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлый умъ мечтой питаетъ.
Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ:
Священнымъ сномъ невинность слитъ ..
Но эти дни какъ тѣнь проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ ...
О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

10.

Красавицѣ.

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди-бъ младой не взволновала,
Когда-бъ ты на скалѣ крутой,
Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла —
Подъ бѣлой дымкой покрывала?..
И вкругъ тебя одеждой снѣжной
Зефиръ привѣтливо-бъ игралъ,
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной

Свитые кудри развѣвалъ?..
Когда-бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой,
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?..
Тогда-бъ, въ сердечномъ упоеньи
Склонивъ колѣна предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!..

1829.

11.

Я былъ у ней.

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милый другъ!
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.

Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять,
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.

Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.

Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить...
Пускай она мнѣ измѣнитъ —
Но я измѣнникомъ не буду.

12.

Отвѣтъ

на вопросъ о моей жизни.

Вся жизнь моя—какъ сине море...
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ —
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ;
Уступятъ вѣтры—и оно
Сравняется какъ полотно.
Иной порою, въ дни ненастья,
Все въ мірѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,
Отвѣтно жизнь заговоритъ;
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною —
И словно черная волна,
Душа въ то время холодна;
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ—и душа
Пьетъ радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло, —
И горя будто не было...

13.

*
* *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! Но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ;
Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой, милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.

Такъ мнѣ-ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья ...

14.

Мщеніе.

(Отрывокъ).

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья?
Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?

Молчи и словъ не трать напрасно:
Я знаю все—и знаю ясно,
Когда... и гдѣ ... и какъ ... кто онъ ...
Но ты ... ты скажешь: это сонъ

Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье ...

Напротивъ; слушай: я скажу ...
Вчера, бьетъ полночь, я лежу,

Не сплю, но спящимъ притворился
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,

Тихонько встала,—и потомъ
Исчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу—тебя ужъ нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился вслѣдъ.

Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгорала,

Какъ жарко друга своего
При разставаньи цѣловала ...
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,

Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу ... Нечаянно злодѣя,
Какъ тѣнь могильную, схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ ...

Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ?.. Теперь и ты
Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то—подобная награда ...

15.

*
* *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка;
На нее-бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ, съ кувшиномъ, за водой,
Маша проходила;
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

„Маша, Маша!“ молвилъ я:
„Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ-ли я,
Милая, тобою?“

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала;
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!..

16.

А. П. Сребрянскому.

Не посуди: чѣмъ я богатъ,
Послѣднимъ подѣлиться радъ.
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много:
Здѣсь каждый стихъ, чай,—грѣшный бредъ.

Что-жь дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки...
Когда-бъ свобода, время, чинъ,
Когда-бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать, —
Тогда, клянусь тебѣ, не шуткой
Я-бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ-собой поэтъ;
Теперь мой геній... Но довольно!
Душа груститъ моя невольно...
Я чувствую, мой милый другъ:
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты?

17.

Пѣснь русалки.

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой;

И пѣснію громкой
Луга огласимъ,
Лѣса молчаливы
И даль усыпимъ

Нарвемъ мы цвѣточковъ,
Вѣнки мы сплетемъ,

Любимую пѣсню
Царицы споемъ;

А съ утромъ, подруги,
Одна за другой
Сокроемся въ волны
Падучей звѣздой.

18.

Приди ко мнѣ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь—весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ: вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться ...

19.

Разувѣреніе.

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты;
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовью, какъ къ братьямъ!
Пришла пора—узналъ и я,
Но ужъ не то, что прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я ...
Узналъ родныхъ—къ родству холодныхъ,
Въ друзьяхъ—предателей притворныхъ,
Въ толпахъ людей—толпы невѣждъ,
Обманчивость земныхъ надеждъ,
Въ обѣтахъ—лживые обманы,
Въ невинномъ взглядѣ—хитрый взоръ,
Въ умахъ возвышенныхъ—туманы,
Надутой глупости позоръ ...
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ, —
И странствую безъ дальнихъ нуждъ
Земли жилецъ—земнаго чуждъ.

20.

Теремъ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить

Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый—дубовый.

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней —
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна-жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатый, я безъ хаты —
Цѣлый міръ мои палаты!

Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой дальней стороною...

21.

*
* *

Люди, добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую-ль тайну вы храните?

За далекими-ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями-ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ-ли порою,
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужь ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья-жь слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

22.

Маленькому брату [1].

Расти счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ—простотою;
На сцену свѣта ты взойдешь
Любимцемъ-ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь, —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ

---

[1] Недолго жившій братъ Кольцова, Владиміръ

Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ чѣмъ Богъ послалъ—послѣднимъ,
Какъ съ рòднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ—не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны,—пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ,
И будь въ ничтожествѣ великъ.

23.

Письмо къ Д. А. Кашкину.

Давно, за пустотой безсрочной,
Къ тебѣ я, милый, не писалъ
И въ тихій край земли полночной
Докучныхъ строкъ не посылалъ;
Давно на лирѣ я для друга,
Въ часы свободы и досуга,
Сердечныхъ чувствъ не изливалъ.
Теперь, освободясь душою
Отъ безпрерывныхъ бурь мірскихъ
И отъ заботъ и дѣлъ моихъ,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый другъ! И ты,
Въ замѣну хладной пустоты,
Съ улыбкой, дружеству пристойной,
Гласъ лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
„Его трудовъ—виновникъ я!“
Такъ точно другъ, мечты младыя
. . . . . .
И чувствъ волненье ты впервые
Во мнѣ, какъ ангелъ, разгадалъ.

Ты—помнишь—разъ сказалъ: „разсѣй
Съ души туманъ непросвѣщенья,
И на крылахъ воображенья
Лети къ Парнасу поскорѣй!“
Совѣту милаго послушный,
Я духъ изящностью питалъ:
Потомъ, съ подругою воздушной,
Нашедши лиру, пѣть началъ;
Потомъ въ часъ лѣни молчаливой
Я рано полюбилъ покой,
Пріютъ избушки некрасивой
И разноцвѣтный садикъ мой,
Гдѣ я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Гдѣ долго въ думы погружаюсь,
И, другъ, тебя благодарю
За тѣ нельстивые совѣты,
Какими хвалятся поэты.

24.

Сестрѣ.

(При посылкѣ ей моихъ пѣсенъ).

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры, —
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь—мгновенье;
Судьбы-жь кто знаетъ назначенье?
Быть-можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ-два,—за суетою,
За лживой радостью мірскою
Забудешь ты меня: но вмигъ
Когда-нибудь—прочтешь мой стихъ —
Вспомянешь брата, и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

1830.

25.

Молодой четѣ.

Сбылось, что вы желали тайно.
Сбылось! насталъ желанный часъ:
Любовь благословила васъ,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручкѣ заблеститъ,
И пастырь васъ соединитъ.
И жизнь счастливая польется,
Какъ серебристый ручеекъ
Черезъ муравчатый лужокъ,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба васъ счастьемъ наградила, —
И будетъ лучъ его свѣтить
Весь вѣкъ надъ нимъ и надъ тобой
Неизмѣнимою звѣздой.
Но если васъ—избави Боже —
Когда день черный навѣститъ,
Любовь все можетъ усладить!
Любовь и дружба! ты дороже
Всего на свѣтѣ; ты одна
Въ несчастьи, въ счастіи равна.
Надежды, радости земныя,
Мгновенья жизни дорогія
Измѣнчивы для насъ всегда;
Прямая-жъ дружба—никогда!

26.

*
* *

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи:

Будь больше мною недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна;
Какъ недруга, пренебрегай;
Въ бесѣдахъ—съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою
Меня, быть-можетъ, охладишь
И—къ счастью—счастія лишишь!..

27.

Пѣсня.

Утративъ то, что прежде было,
Напрасно вновь къ себѣ зову;
Напрасно тѣнь подруги милой
Хочу я видѣть на яву.

Теперь съ тобой одно свиданье
Какой цѣною я бъ купилъ;
Я за твое существованье
Своей бы жизнью заплатилъ.

За нѣжный поцѣлуй, за встрѣчу,
За блескъ привѣтливыхъ очей,
За жаръ любви, за звукъ рѣчей
Я бъ голову понесъ на сѣчу.

Но нѣтъ, вовѣкъ не возвратить,
Что было такъ душой любимо!
Вовѣкъ и тѣнь, съ страны незримой,
Къ призывамъ друга не слетитъ.

О лейтесь, лейтесь же ручьями
Горючи слезы изъ очей!
Безъ ней нѣтъ жизни межъ людями —
Нѣтъ сердцу радости безъ ней!

28.

Къ другу.

Развеселись, забудь что̀ было!
Чего ужь нѣтъ—не будетъ вновь!
Все-ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все-ль взяла съ собой любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой, —
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ ...
И что̀ мы въ жизни потеряли —
У жизни снова то найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы-ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? уже-ль за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ,
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру, —
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ, и страшитъ, —
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тлѣнью въ прахъ низринусь,—
Но скорби не отдамъ себя!..

29.

Къ ней.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое, вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжный,—
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнемъ любви святымъ...
Довѣрься жь, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ,—ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...

30.

Элегія.

Въ твои объятья, гробъ холодный,
Какъ къ другу милому лечу;
Въ твоей обители укромной
Сокрыться отъ людей хочу.
Скорѣе, смерть, сверкни косою
Надъ юною моей главою!
Немного лѣтъ я въ мірѣ жилъ...
И чѣмъ сей міръ повеселилъ?
И кто съ улыбкой мнѣ отрадной

Отъ сердца нѣжно руку жалъ?
Со мной кто, радостью желанной,
Дѣлилъ веселье и печаль? —
Никто! Но въ сей странѣ пустынной
Одинъ лишь былъ мнѣ вѣренъ другъ,
И тотъ, какъ пѣсни звукъ отзывный,
Какъ огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней зарѣ потухъ.
Одна звѣзда меня плѣняла
Еще на небѣ голубомъ
И въ черномъ сумракѣ густомъ
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она—съ тѣхъ поръ
Привѣтныхъ звѣздъ не видитъ взоръ.
Безъ ней, какъ сирота безродный,
Влачусь одинъ въ толпѣ людей,
Съ душою мрачной и холодной,
Какъ нераскаянный злодѣй.
Съ людями, братьями моими
Еще хотѣлъ я жизнь дѣлить;
Попрежнему хотѣлъ межъ ними
Я друга по сердцу найтить...
Но люди взорами нѣмыми
Съ презрѣньемъ на меня глядятъ
И душу хладную мертвятъ.
Къ тебѣ отъ нихъ, о гробъ холодный,
Какъ къ другу милому лечу,
Въ твоей обители укромной
Покоя тихаго ищу.
О, смерть! сомкни скорѣй мнѣ вѣжды!
Вѣрнѣй загробныя надежды.

31.

Первая любовь.

Что̀ душу въ юности плѣнило,
Что̀ сердце въ первый разъ

Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило,
И полюбило не на часъ, —
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое такъ же полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь,—непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!..
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда-жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою?..

32.

Совѣтъ старца

Скучно съ жизнью старческой —
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно, среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И, съ сѣдою мудростью,
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте-жь, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много-ль разъ роскошная
Въ годъ весна является?
Много-ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,

Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно-ль мгновеніе
И веснѣ, и юности?

33.

Къ Ж . . . . .

Не мучь, красавица моя,
Не мучь напраснымъ ожиданьемъ;
Итакъ уже измученъ я,
Итакъ томительнымъ страданьемъ
Душа влюбленная убита, —
Она давно тоской покрыта.
Къ чему-жь незажитыя раны
Ты хочешь болѣ растравлять?
Скажи: придутъ-ли дни желанны?
Иль намъ ихъ вѣчно не видать?
Иль ты, съ притворною душою
Смѣешься, шутишь надо мною?
Теперь—увы!—въ послѣдній разъ
Я жду любезнаго привѣта.
Жестокая! прощальный часъ!
Порадуй ласкою отвѣта!
Скажи, скажи! Но—дикій взоръ!..
Гдѣ сила снесть сей приговоръ!

34.

Вечеръ.

Ужь рощей лиственная сѣнь
Росой каральною дымится,
И чуть замѣтливая тѣнь
На долы, на поля ложится;

Природу клонитъ въ сладкій сонъ
Лѣнивый вѣтерокъ; порхая
И поминутно утихая, —
Ужь съ нею засыпаетъ онъ.
Одинъ я, въ темной тишинѣ,
Оставивъ свой семейный кругъ,
Съ раздумкой сердца въ глубинѣ,
Иду на освѣженный лугъ;
На немъ я съ новою отрадой
Дышу вечернею прохладой
И, съ новой радостью земной,
Веду бесѣды я съ луной:
О смерти, вѣчности, о жизни
О нашей будущей отчизнѣ,
О нашихъ будущихъ мірахъ,
И преселенцахъ-мертвецахъ,
Которые, какъ мы, здѣсь жили
И духъ горѣ переселили.
Ахъ, что есть на ихъ тамъ сторонѣ?
Видна-ли тайна назначеній?
Что не постигъ здѣсь гордый геній —
То тамъ постигнуто-ль вполнѣ?
О, для чего съ земли судьбою
Живымъ въ удѣлъ не дано намъ
Туда къ нимъ улетать душою.
Я бъ, съ ними привитая тамъ,
Учился бъ жить съ самимъ собою;
Но я веригою земной,
Какъ цѣпію невольникъ злой,
Надолго связанъ и окованъ, —
Мой духъ неволей очарованъ
И дольнимъ счастіемъ прельщенъ.
Въ земныхъ онъ таинствахъ теряясь
И для небесныхъ омраченъ.
Безкрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется онъ...
Луна! ты житель горнихъ странъ, —

Ты безпредѣльный океанъ,
Безъ утомленья протекаешь;
Луна! быть можетъ, ты бываешь
И въ тѣхъ странахъ,—повѣдай мнѣ
О тайнахъ ихъ... Но въ тишинѣ
Ты, ходъ урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крестъ и гробъ
И отдаленный неба сводъ,
Лишь свѣтишь намъ, какъ всѣ тѣ звѣзды,
Въ знакъ доброй для людей надежды.

35.

Земное счастіе.

Не тотъ счастливъ, кто кучи злата
Сбираетъ жадною рукой
И, за корысть, родного брата
Тревожитъ радостный покой;
Не тотъ, кто съ буйными страстями
Въ кругу прелестницъ вѣкъ живетъ,
Въ пирахъ съ ничтожными глупцами
Бесѣды глупыя ведетъ,
И съ ними цѣнитъ лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранитъ не дремля подъ замками.
Не тотъ счастливъ, не тотъ, кто давитъ
Народъ мучительнымъ ярмомъ,
И кто свое величье ставитъ
На полразрушенномъ другомъ!
Онъ пренебрегъ земли законы, —
Онъ, презирая вопль и стоны;
И бѣдной, въ горести, мольбѣ,
Смѣется въ перекоръ судьбѣ!..
Онъ Бога гнѣвъ, онъ кары неба
Считаетъ за ничтожный страхъ;

Суму, кусокъ послѣдній хлѣба
Отнялъ у ближняго—и правъ!
Не онъ!—Но только тотъ блаженъ,
Но тотъ счастливъ и тотъ почтенъ,
Кого природа одарила
Душой, и чувствомъ, и умомъ,
Кого фортуна наградила
Любовью—истиннымъ добромъ.
Всегда предъ Богомъ онъ съ слезою
Молитвы чистыя творитъ,
Доволенъ жизнію земною,
Законъ небесъ боготворитъ,
Открытой грудію стоитъ
Предъ казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчій кровъ
Собой пожертвовать готовъ.
Онъ, и не многое имѣя,
Всегда дѣлиться радъ душой;
На помощь бѣдныхъ, не жалѣя,
Все щедрой раздаетъ рукой!

36.

Мука.

Осиротѣлый и унылый,
Ищу подруги въ свѣтѣ милой, —
Ищу—и всѣмъ „люблю“ твержу, —
Любви жь ни въ комъ не нахожу.
На что жь природа намъ дала
И прелести, и розы мая?
На что рука твоя святая
Имъ сердце гордымъ создала?
Ужель на то, чтобъ въ первый разъ
Плѣнить любовію священной,
Потомъ упорностью надменной
Сушить и мучить вѣчно насъ?

Ужель на то, чтобъ радость рая
Въ ихъ взорѣ видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
Въ любови муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развѣйся жь, грѣшная мечта,
Проси отъ неба воздаянья.

37.

Сирота.

Когда мнѣ шелъ двадцатый годъ,
Я жилъ звѣриной ловлей,
И былъ укрытъ отъ непогодъ
Родительскою кровлей.
Отецъ мой всѣхъ былъ богатѣй,
Всякъ знался съ нашей хатой,
Былъ хлѣбъ, былъ скотъ рогатый . .
. . . . . .
Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась;
Такому счастію родня
Съ досадой улыбалась.
И кто бъ подумать прежде могъ,
Что̀ послѣ съ нами стало:
Прогнѣвался на грѣшныхъ Богъ, —
Что̀ было, все пропало.
Два года не рожался хлѣбъ,
Изсохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на дворъ — и денегъ нѣтъ!
Травою заросло гумно,
Кошары опустѣли,
Съ послѣднимъ нищимъ заодно
И въ праздникъ мы говѣли.

Еще бъ мой жребій сносенъ былъ,
Но съ безталанной доли
Я всю семью похоронилъ.
Отъ скорби и отъ боли
Безъ нихъ для горькаго меня
И радости скончались;
Чуждалась бѣднаго родня,
Сосѣди удалялись.
Пришлось съ могилою родныхъ
Навѣки распроститься,
И горевать среди чужихъ
Съ пустой сумой пуститься.
И люди мирныхъ деревень,
Живя безъ нуждъ, не знаютъ,
Что вся мнѣ жизнь есть черный день,
Иль, зная,—забываютъ.

38.

Пѣсня.

На что ты, сердце нѣжное,
Любовію горишь,
На что̀ вы, чувства пылкія,
Волнуетесь въ груди.

Напрасно, дѣвы милыя,
Цвѣтете красотой,
Напрасно добрыхъ юношей
Плѣняете собой, —

Когда обычьи строгіе
Любить васъ не велятъ,
Когда сердца холодныя
Смѣются, други, вамъ.

Любовь, любовь чистѣйшая,
Богиня нѣжныхъ душъ!
Не ты ль собою всѣхъ людей
Чаруешь и живишь

Сердца, сердца холодныя,
Не смѣйтеся любви!
Она и дѣвъ и юношей
Святыня и кумиръ.

39.

Кольцо.

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова...

Загорись, разгорись,
Роковой огонь!
Распаяй, растопи
Чисто золото!

Безъ него для меня
Ты не надобно;
Безъ него на рукѣ —
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится-ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ-ли меня,
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ . .
Ты разсыпься же
Золотою слезой,
Память милова!

Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную . . .

40.

Пѣсня старика.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону,
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь—и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но—увы!—нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

41.

Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ; на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.

Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова;
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ —
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уро̀дитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются,
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

42.

Вздохъ на могилѣ Веневитинова.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда-бъ онѣ сказалися вполнѣ, —
Кого-бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

43.

Къ рѣкѣ Гайдарѣ.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ ...

Гайдарь! все тѣми-жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими-жъ свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ-жъ въ тебя глядятся горы
И моются корни лѣсовъ;
Все тѣ-жъ кругомъ поля, озера,
Все такъ же, ночью, вдоль береговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ
По влагѣ сонной, прихотливой;
Кидаетъ сѣть онъ—и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я—старикъ, всю жизнь прожилъ ...
Гдѣ-жъ вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ?..
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси съ собой мои стенанья!

44.

Веселый часъ.

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье:
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Нынѣ пируемъ!
Юность на часъ!
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что̀ будетъ —
Знаю-ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Нуте жь, все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

45.

Что значу я?

Что̀, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что̀ гожусь?
Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать ...
Но—что до нихъ! пусть какъ хотятъ
О всемъ серьёзно разсуждаютъ ...
Я недоросль, я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду пажкомъ я, какъ слѣпецъ;

Съ смѣшнымъ сойдусь ли—посмѣюсь,
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу:
И не стараюсь знать,—что̀ значу.

46.

Утѣшеніе.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима—настанетъ май;
Бѣда глупа—взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь неправо,
Или неправо кто гонимъ ...
Земныя радости—съ отравой,
Отрава—съ счастіемъ земнымъ;
Все постоянно—лишь за моремъ,
И потому, что насъ тамъ нѣтъ ...
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто ... Таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!..

47.

Утѣшеніе.

Внимай, мой другъ, какъ здѣсь прелестно
Журчитъ серебряный ручей,
Какъ свищетъ соловей чудесно ...
А ты—одинъ, въ тоскѣ своей,
Смотри: какой красой въ пустынѣ
Цвѣты пестрѣются, цвѣтутъ,

Льютъ ароматы по долинѣ
И влагу росъ прохладныхъ пьютъ.
Вдали, тамъ, тихо и пріятно
Раскинулась березы тѣнь,
И свѣтитъ небосклонъ отрадно,
И тихо всходитъ Божій день.
Тамъ вешній рѣзвый вѣтерокъ
Играетъ, плещется съ водами,
Привѣтно шепчется съ листами
И даритъ ласками цвѣтокъ.
Смотри: на разноцвѣтномъ полѣ
Гоститъ у жизни рой дѣтей
Въ безпечной радости на волѣ, —
Лишь ты, мой другъ, съ тоской своей.
Развеселись!.. проснись душою
Съ проснувшейся для насъ весною, —
Хоть юность счастью посвятимъ!
Ахъ! долго ль въ жизни мы гостимъ!..

1831.

48.

Наяда.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной:
Я слегъ
Подъ стогъ
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ. Уснулъ—и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосною,
Съ унылою душою,
Сижу одинъ; передо мною
Со всѣхъ сторонъ
Безбрежность водъ и небо голубое;
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ,
На все навѣянъ легкій сонъ.

Казалось, море—небеса другія,
Казались моремъ—небеса:
И тамъ, и здѣсь одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятьяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,
Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая,
Богиня синихъ водъ—
Наяда молодая ...
Она плыветъ;
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи ...
Какъ сладострастный геній ночи,
Она, съ дѣвичьей красотой,
Являлась вся сверхъ волнъ нагой
И обнималася съ волной!..
Я съ береговъ, я къ ней. И—чудо!—достигаю ...
Плыву-ль, стою-ль, не потопаю.
Я съ ней—ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды;
Сжимаю станъ Наяды,
Цѣлую и шепчу: люблю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила;
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей ...
Я чувствовалъ: въ душѣ моей
Рождалась новая, невидимая сила, —
И счастливъ былъ я у ея грудей ...
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько въ даль плыла;
То, тихо отклонивъ она меня руками,
Невидима была;
То долго подъ водами

Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ;
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою,
И страстный поцѣлуй даетъ;
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы,
Съ вершины—вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся будто сну ...
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь;
Съ воспламененною душою —
Я всю ее объемлю, всю обвилъ ...
Но мигъ—и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно исчезаетъ;
Коварное мнѣ море измѣняетъ —
Я тяжелѣю, я тону,
И страсть безумную кляну.
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною;
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной ...
Проснулся,—потъ холодный
Обдалъ меня.
Поэзія! подумалъ я:
Твой жрецъ—душа святая,
И чистая, и неземная!

49.

*
* *

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя-ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ
И къ нѣжной груди прижималъ?

Или, въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенный,
Твой жгучій, страстный поцѣлуй!
Приди же вновь! страдальца поцѣлуй!
Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе—тебя любить!
Что муки мнѣ? душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить!

50.

Соловей.

(Подражаніе Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день, и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ, —
Невинный сонъ ее объемлетъ ...
На лирѣ такъ пѣвецъ иной
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгораетъ ...
А дѣва милая не знаетъ, —
Кому поетъ онъ, отчего
Печальны пѣсни такъ его ...

51.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну! тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка—
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну! тащися, сивка.
Накормлю досыта,
Напою водою—
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

1832.

52.

Домикъ лѣсника.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій, страшный и косматый;

Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь...
Кто-жъ живетъ тутъ одиноко,
Отъ жилья кругомъ далеко?

Рыболовъ-ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый?
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ—

Лѣсной староста съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ бояринъ окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой,—
Чтобъ не быть ей горемыкой.

53.

Изступленіе.

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь;
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленный,
Безпробудно я засну.

54.

Размышленіе поселянина.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,

Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ —
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ могилу;
Двѣ вдовы невѣстки,
У нихъ дѣтей кучи —
Все малъ-мала-меньше;
Задной головою.
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что сѣять —
Позабыли думать...
Богу, знать, угодно
Наказать подъ старость,
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди —
Старики, на сходкѣ,
Про Кузьму что скажутъ?
Нѣтъ,—мой згадъ, ужъ лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ —
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь: одинъ
Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже

Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть,—
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копѣйкой
Божій праздникъ встрѣтить.

55.

Пѣсня.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

Что-жь поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ.

1833.

56.

Поэтъ и няня.

Няня, няня! правда-ль это,
Что здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть,
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное какъ море;
И что мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День-ли весело проснется,—
Дѣва дню не улыбнется;
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо;
Поглядитъ-ли на дубравы,
На невинныя забавы,

На шелковые луга,
На зеленые брега,—
Все подъ твердью голубою
Дышетъ радостью земною,—
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза...“
— И!.. не вѣрь, мое дитя,—
Они гуторятъ шутя.
Ихъ ты сказкамъ не внимай,—
Плюнь на книжку! пой, играй'

57.

Удалецъ.

Мнѣ-ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать,
Мнѣ-ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля—не другъ,
Коса—мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,

Затяну чекмень, —
Полечу въ лѣса:

Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь-ли —
Всякій молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью встрѣчнаго
Мужика-глупца
За желѣзный грошъ!

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится ...

Лучше-жъ воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову !..

58.

Великая тайна.

(Дума).

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа ...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
„Чѣмъ кончилось дѣло?“
— Вопроси другова, —
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
„Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!“
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной, и бурей
Мысли изумляя ...

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?..
О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

1834.

59.

Не шуми ты, рожь.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердцѣ
Дума чорная!

1835.

60.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину ...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлова ..

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася —
И расширилась,

И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались, —
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земи;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается ...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую;

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко –
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

61.

Глаза.

Погубили меня
Твои черны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ.

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ;
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя.

Не глядите же такъ;
О, не мучьте меня!
Въ васъ страшнѣе грозы
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте глаза,
Загоритесь, глаза,
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое,

Мучьте жаждой любви!
Я горю, и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать, —

Чтобы, черны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!

62.

Цвѣтокъ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!

Скажи, зачѣмъ же такъ алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышешь чѣмъ-то какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?

Не для крылатыхъ-ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?

Для нихъ-ли, въ роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цвѣтами
И обаяньемъ для души
Вы, травы, зрѣете въ тиши?

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной!

1836.

63

Женитьба Павла.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики,
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки конецъ,
Да золоченый вѣнецъ;
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ, —
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни-ль на голосъ заводитъ, —
Словно зельями обводитъ.

Одаль молодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
„Всѣ мы ходимъ за тобою,
Чьей то будешь ты женою?“

Говорите. Самъ третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой гдѣ зиму волочился,

И, разгорившись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой;
Въ гости родныхъ созываетъ,
Свахой тетку наряжаетъ ...

Большой выкупъ далъ отцу, —
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

64.

Молодая жница.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать,
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-горма все
Лицо бѣлое;

Голова со плечъ
На грудь клонится,

Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...

Не съ проста ума
Жница жнетъ-не-жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается:

Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера —
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла-себѣ
По малинушку;

Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужъ не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ...

Повстрѣчается
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.

Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную, —
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней.

Душно, жарко ей
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.

65.

Умолкшій поэтъ.

(Дума.)

Съ душою пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.

Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтою;
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица;
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра —
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала ...

Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка!
Высокое чувство,
И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта ...
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей, —
Она, какъ вакханка,
Его зацѣлуетъ,
И братскимъ восторгомъ,
Нечистымъ, постыднымъ,
Навѣкъ заклеймитъ ...

Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни, —
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ ...
Ты думаешь: палъ онъ? ..
Нѣтъ! ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его ...

66.

Пѣсня.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой,
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,
Ты потускни, почернѣй;
Если радость—измѣнись
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья ли придетъ,
Душа чувство изживетъ: —
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ-собой!

67.

Косарь.

Не возьму я въ толкъ
Не придумаю ...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю —
Все мнѣ спорится!
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,

Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю ...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума разума ...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера ...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!..

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай,

Село родное!
Не плачь, Грунюшка, —
Косой вострою
Не подрѣжусь я ...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью.
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!..
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося ...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй

Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На-ряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ, —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

68.

Человѣкъ.

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ ...

Дастъ желаньямъ-ли свободу, —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ-ли волю, —
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ, —
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ ...

69.

Божій міръ.

(Дума.)

Отецъ свѣта—вѣчность;
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь:
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему!
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ—солнце
Къ намъ съ неба глядитъ,
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось, —
И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ.

Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

70.

Неразгаданная истина.

(Дума.)

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою, —
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Зарастетъ травою ...

Племена другія
На нихъ поселятся,
Города большіе
Людьми разродятся;

Сторона пустая
Снова зацарюетъ, —
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу, —
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

71.

Великое слово.

(Дума.)

(В. А. Жуковскому).

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово—„да будетъ!“
„Ничто“ воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,

И духъ воплощенный —
Владѣтель земли —
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ, —
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ ...

Свобода, свобода!..
Гдѣ-жь рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило —
Ту дивную землю,
Безславную землю!..

Но слово „да будетъ!“ —
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ, —
Божественной мыслью
На древѣ Креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ ...

И горькія слезы —
Раскаянья слезы —
На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ;
И духъ вдохновляетъ

Мятежную душу, —
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекраснаго рая ...

Да будетъ! — и было, —
И видимъ, — и будетъ ...
Всегда — безъ конца.
Кто-жь Онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?..
Нѣтъ Богу вопроса, —
Нѣтъ мѣры Ему!..

72.

Могила.

(Дума.)

Чья это могила?
Тиха, одинока,
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ ...
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?

Татаринъ-ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью
Горячею брызнулъ
На русскую быль?

Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его —
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ,
Положенъ дитя?..

Вѣетъ надъ могилой —
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку —
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,—
Будитъ-не-пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!..

73.

Молитва.

(Дума.)

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство

Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ Всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Наложилъ печать ...

Печать та навѣки:
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!..

Прости-жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ.

1837.

74.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,

Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря ...

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

75.

Пора любви.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна:
Поютъ онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ—волшебныя:

Въ нихъ сила есть любовная ...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ:
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ—туманъ ...
Сверкаетъ степь, горитъ заря ...

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую ...
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою, —
Такъ, нѣтъ, куда!—сидитъ, молчитъ ...
Пошлешь къ отцу посвататься,—
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ—жди череду.

„Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная,
Пришла бѣда незваная!
Какъ съ плечъ свалить—не знаю самъ;

И сила есть—да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ—да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею ...

„Возьму-жь я ржи двѣ четверти,
Поѣду-жъ я на мельницу:
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная:
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ—по своему".

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо, —
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія!
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ ...

76.

Ура.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:

Ѣдетъ Бѣлый русскій царь,
Православный государь,
Вдоль по царству-государству ...
Русь шумитъ ему: ура!

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-царица въ путь идетъ—
Лаской жаловать народъ ...
Ей навстрѣчу, на дорогу,
Русь валитъ, шумитъ: ура!

Ходикъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Князь наслѣдный, сынъ царя,
Дня румяная заря,
Ѣдетъ Русь святую видѣть...
Русь кипитъ, шумитъ: ура!

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ;
Трубы русскія трубятъ,
Браво ходитъ нашъ солдатъ
Передъ царскою семьей —
Онъ шумитъ-гремитъ: ура!

Мысль народа, звукъ души,
Всероссійское „ура!“
Ты—во всемъ царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мірѣ нѣтъ.
Исполинъ царю послушный
Все сомкнулъ въ своемъ „ура“.

Это пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это страхъ, гроза врагамъ;
Это посвистъ богатырскій —
Вотъ что русское „ура!“

77.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ.

Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что̀ шутя задумалъ, —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями, —
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ
Возьмутъ кудри силой;
А что худо,—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ чорными бровями!

Во-время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи-пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ, —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ—гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

78.

ВТОРАЯ ПѢСНЯ.

Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются,
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота,—
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить—не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу, —
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое;
Все—изъ рукъ вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи;

То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ ...
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ ...

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ, —
Старыя лаптишки
Безъ онучъ обуешь;

Кафтанишка рваный
На плеча натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь ...

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи ...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья!

79.

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась.

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что̀ любилъ какъ душу —
И то̀ измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце—сожигаетъ.

До-поры-до-время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою, —
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ ...

80.

Два прощанья.

„Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ мо̀лодцевъ?
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?“

— Разсталась съ нимъ
Я весело:
Прощалася —
Смѣялася ...
А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими ...
Ну—Богъ съ тобой! —

Промолвилъ мнѣ.
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь —
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ. —

„И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи-жь теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?“

—Другой не то . . .
Не плакалъ онъ . . .
А и теперь
Все плачу я.
Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно;
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:

Я ѣду— вишь—
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ волюшку
Наплачемся . . .
По сердцу-ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи;
Пустилъ коня —
И былъ таковъ!

„Кто-жь памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?“

—Мнѣ первова,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Послѣднева.

81.

Двѣ жизни.

(Дума.)

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она какъ солнце;
Въ ея очахъ небесный тихій день;
Въ сіяніи—святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью...
И это — жизнь земнова духа:
Долга она—какъ Божья вѣчность...

Другая жизнь темна;
Въ ея очахъ—земная грусть и ночь,
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ;
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью:
Наклоннѣе ко тьмѣ она, къ молчанью...
И это—жизнь земнова праха:
Кратка она—какъ блескъ звѣзды падучей...

82.

Человѣческая мудрость.

(Дума).

Что̀ ты значишь въ этомъ мірѣ,
Духъ премудрый человѣка?
Какъ ты можешь кликнуть солнцу:
Слушай, солнце! стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ не ходило,
Чтобъ на землю не свѣтило!
Выдь на берегъ, глянь на море:
Что ты можешь сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ охладѣла,
Чтобы камнемъ затвердѣла?
Чѣмъ, какою тайной силой
Шаръ вселенной остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ, не кружился?..
Перестрой же всю природу!

Міръ прекрасенъ... ты не хочешь...
Нѣтъ, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, рабъ пространства,
Лѣтъ и времени невольникъ,
Будь ты бездна силъ, идей,
Самъ собой наполни небо,
Будь ты *все*, одинъ и всюду,
Будь ты Богъ—и слово... дѣло!..

Но когда ужъ это *Все*,
Безконечно и одно,
Есть предъ нами въ ризѣ свѣта,
То другой ужь власти нѣтъ...
Все, что есть, — все это Божье;
И премудрость наша — Божья.

83.

Вопросъ.

(Дума.)

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце,
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!

Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что̀ ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?

Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?..

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?
Что-жь мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней,
Какъ царица!
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу-жь неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться ...

Много-ль время
Пролетѣло?
Много-ль время
Есть впередѣ?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи ...

За могилой —
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта ...

Буду-ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду-ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду-ль помнить:
Гдѣ былъ прежде,
Что̀ я думалъ
Человѣкомъ?..

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?..
Что̀-жь со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?

84.

Царство мысли.

(Дума.)

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна—одна идея;
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;

И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ;
Въ ихъ зеркалѣ и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства... Всюду
Она одна—царица бытія!

85.

Лѣсъ.

(Посвящено памяти Пушкина.)

Снова тучи надо мною
Собрались въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.
А. Пушкинъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою —

Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался . . .
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь.

Гдѣ-жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная . . .

У тебя-ль, было,
Дни—роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются . . .

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Вѣтромъ-холодомъ . . .

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!“

Закружитъ она,
Разыграется ...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою, —
И несетъ свои
Тучи за́ море.

Гдѣ-жь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился ...

Одичалъ, замолкъ ...
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье ...

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами;

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой ...

1838.

86.

Измѣна суженой.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее, —
Да не грѣетъ меня, молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжолая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью, —
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери, —
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти ...
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня ...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться ‘...

87.

Къ милой.

Давно разстались мы съ тобою.
Быть-можетъ, ты теперь не та;
Быть-можетъ, ужь другой
Тебя отъ сладкаго забвенья
Для новой жизни пробудилъ,
И въ тѣхъ же снахъ другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу.
Хорошъ-ли онъ? вполнѣ-ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей,
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ конца?
Что, если онъ, своею волей,
Съумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
Построилъ міръ другой —
Подобье дня подъ небесами?
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ,
Кругомъ тебя разсыпалъ,
Преобразилъ въ живыя лица,
Святой любовью озарилъ,
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать?..
Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Среди духовъ небесныхъ
Нѣтъ духа счастливѣй тебя!..
Что-жь я? — ненужное созданье?..
Приди ко мнѣ, моя богиня,
Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ въ его прекрасный міръ,
И съ нимъ въ одно созданье слей!

88.

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова!

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску!

Поздно, рòдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить-гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыпится:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

89.

Послѣдній поцѣлуй.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей:
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...

На полгода всего
Мы разстаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ.
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?

Разрядись-уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми-жь, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ — поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!

90.

Деревенская бѣда.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ-не вѣдывалъ,
Со друзьями гулялъ-бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ;

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою — больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука-объ-руку —
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь черную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую,—

Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь души застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцѣлуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,—
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ,—
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ,—
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй!—
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку — хватилъ объ землю,
И пошелъ-себѣ загуменьемъ —
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни, тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются,
Съ молодыми всѣ цѣлуются.

Вотъ приходитъ полночь мертвая;
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися...

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ—черезъ улицу—
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося—
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ пòтомъ умываюся...

91.

Примиреніе.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.

И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ:
На злобу—злобой ополчился,
И на бѣду—съ бѣдой пошелъ;
Противъ людей я грудью сталъ!
На смертный бой судьбу я вызвалъ.
И гдѣ-жь она?.. гдѣ злые люди?..
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?..
Ихъ зло на нихъ же обратилось,
И все кругомъ меня, безмолвно,
Въ одно мгновенье покорилось.
А я стоялъ, глядѣлъ на небо,—
И улыбнулось небо мнѣ...
Не небо... нѣтъ!—ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя—для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ, ужь нѣтъ пространства между нами;
И вотъ, ужь нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!

Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель, всѣ истины на свѣтѣ —
Одна лишь выдумка ума?

Ужель, и ты, святая вѣра чувствъ,—
Людскихъ страстей пустая тѣнь?..
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!..

92.

Міръ музыки.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной,
По душѣ волшебно ходятъ,
И проходятъ съ быстротой.

Полечу я вслѣдъ за ними,
Погружуся въ нихъ душой,
Въ очарованномъ забвеньи
Позабуду міръ земной!

Сколько звуковъ, сколько пѣсенъ
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько о́бразовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ:

Между нихъ она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой, пламенной любовью
Озарился міръ земной ...

Улетайте-жь въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ, —
Любо жить мнѣ на землѣ!

93.

Пѣсня.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,

Путь, мою дорогу,
Пылью покрываетъ.

Выходи-жь ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Мòлодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.

Чтò ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

Что ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

94.

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ.
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ.

Что̀ погибель! что̀ спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье! . . .
Въ ней покой и тишина . . .

Не грози-жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою, —
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

95.

Пѣсня разбойника.

(Памяти друга, А. П. Сребрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія . . .

Ужь какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ—моей матушкѣ,
По родимой, по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за до̀бычью,
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія—крещенскія
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную ...

Въ некрещеномъ славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова ...

Она, въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ растворенным:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

„Ахъ, душа-ль моя ты душенька!
Что сидишь ты! что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится? ...

„Не сиди, не плачь:—ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою, птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную".

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
„За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!"

Забушуй-же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку ...

96.

Бѣдный призракъ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя, а счастья нѣтъ;

Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный
И заживу я съ ними вновь.

„Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть“.

Отвѣта—нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ;
Со мною встрѣчи избѣгаютъ
И „нѣту дома“ говорятъ.

Какъ будто я, недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить,
Печалью радость отравить,
Свое имъ горе навязать!

И вотъ дожилъ, на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить,
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому-бъ „ночь добрую“ сказать.

О, ночь! приди хоть ты ... Но съ этой мыслью
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть —
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ ...

97.

Бѣгство.

Ужь какъ гляну я на поле, —
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на но́чь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій, —
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ, —
Лѣшій за горы уйдетъ;
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я, чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду;

Свистну ... въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно:
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То-ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой боярынъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть;
Отъ боярина сокроютъ;
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-панскн ...
Эти люди—намъ друзья,
Что́ душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ!
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

98.

Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ:
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.

На заботы-жь свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ, во весь день,
Что есть мочи трудись.

Неудачи, бѣда? —
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И, на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ-жь люди-враги,
Что̀ чуждались тебя, —
Богъ ужь вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сѐрдись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй
По желаньямъ души.

1839.

99.

Я дома́.

Опять въ глуши, опять досугъ
Страдать и тѣломъ, и душою,
И одиночества недугъ
Кормить привязчивой тоскою.
Охъ, этотъ кормъ! какъ горекъ онъ! —
Съ него душа не пополнѣетъ,
Не вспыхнетъ кровь, а смертный сонъ
Скорѣй крыломъ на жизнь повѣетъ!
Но я, въ укоръ моей судьбѣ, —
Судьбѣ враждующей со мною,
Томясь съ злосчастіемъ въ борьбѣ,
Не отравленъ еще тоскою.
Еще я вѣрю, что минетъ
Година горькихъ испытаній,
И снова солнышко взойдетъ
И сгонитъ съ сердца мглу страданій!
Что нужды, если срокъ уйдетъ, —
Жизнь на закатѣ разсвѣтлѣетъ:
Насъ въ полдень солнце очень жжетъ, —
А подъ-вечеръ отрадно грѣетъ.

100.

Предъ образомъ Спасителя.

(Дума).

Передъ тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ;
Премудрую книгу
Предъ тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный твой міръ
Предъ очами раскрытъ.

Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

101.

Путь.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить ...

Кто же держитъ меня?
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я;
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ, и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.

Да на путь — по-душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ, съ горемъ, въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

———

102.

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ, усталъ я
Съ этимъ горемъ биться;
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля-жь, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, — что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ — у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

103.

Тоска по волѣ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;

Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя — безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ-жь друзья мои — товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Знать, забыли время прежнее:
Какъ бывало, въ полночь мертвую,
Крикну-свистну имъ изъ-за лѣса, —
Аль ни темный лѣсъ шелохнется.

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются —
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала, —
И друзья мои — товарищи
Одново меня всѣ кинули ...

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую!
Дай мнѣ волю, волю прежнюю, —
А душой тебѣ я кланяюсь ...

104.

Хуторокъ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову ...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

„Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ —
Онъ не любитъ тебя ...

„Не сердися, плыви
Въ свой рыбачій курень;
Завтра-жь, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день“.

— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна! ...
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра. —

Опозднился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

„Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять ...
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

„Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!“

— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня, —
Не печалься о немъ.

— Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что̀ давно посулилъ. —

„Не хочу я его! ...
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село“.

— Эта боль—пустяки! ...
Средство есть у меня:
Слова два,—заживетъ
Въ мигъ головка твоя. —

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужъ гуляетъ купецъ ...
(А въ окошко глядитъ
Удалòй молодецъ).

„Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ,—плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

„Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло—поймать,
Наше дѣло—купить ...

„Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ ... по рукамъ!
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

„Горе есть—не горюй,
Дѣло есть—работай;
А подъ случай попалъ,—
На здоровье гуляй!“

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать ...

Не стерпѣлъ удалóй,
Загорѣлась душа!
И—какъ глазомъ моргнуть—
Растворилась изба ...

И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ ...

———

105.

Къ * * *

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви,
Другихъ любимцевъ избрала ...
Ну что-жь — далеко-ль этотъ путь пройдетъ?

Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобой остался-ль хоть одинъ,

И для спасенья твоего
Готовъ-ли жертвовать собой?
Гдѣ-жь онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна—надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!

Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь,
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь.
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти ...
Какъ холодна твоя рука!
Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпою!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха ...
И вновь ты будешь у меня

На прежнемъ небѣ ликовать,
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять! ..

106.

* * *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа — какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя—какъ свѣтлый день!

Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ;
Коснется-ль грусть—на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать!

А предо мной—лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.

И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, „люблю“ не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь, —

Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

107.

* * *

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что̀ ты былъ? и что̀ сталъ?
И что̀ есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ ни зерна;
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ —
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

108.

Пѣсня.

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
„Не грусти, не плачь ты по-пусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова.

„Ты вѣдь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велитъ, нужда несетъ —
Отецъ силой проситъ дома жить.

„Я пойду скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь—возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

„Не держи-жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится“ ...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись;
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти—въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую ...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся ...
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.

109.

Лѣсъ.

(Дума).

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль? ...

Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ—глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть;
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ ...

Какая-жь тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней? ...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать? ...

110.

Пѣсня.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укорòтили.

Для того-ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту лелѣяли, —

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости,
Сокрушалась, мучилась?

Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится;
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарившись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать!

111.

Посланіе.

В. Г. Б(ѣлинскому).

Будь человѣкъ, терпи.
Тебѣ даны всѣ силы,
Какими жизнь живетъ
И міръ вселенной движетъ.
Не такъ природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здѣсь раздаетъ
Для царства бытія!
Когда-жь надъ ней есть воля,
Безъ воли мигъ—и что она?
Такъ какъ же могутъ люди
Твоей душою управлять?
Пущай они возстанутъ,
Противъ тебя пойдутъ,
Въ твою главу ударятъ
Всей силою земной,—

Не пяться, другъ! стой прямо,
Главы предъ ними не склоняй!
Но смѣло въ бой неравный —
На битву Божію ступай!
Не уничтожить имъ
Твоей могучей воли;
Пока въ грудяхъ дыханье —
До тѣхъ поръ бейся съ ними ты ...

Громада горъ земля —
Земля песчинка лишь одна;
И океанъ безбрежныхъ водъ —
Что капля утренней росы.
У духа жизни вѣса нѣтъ,
У воли духа нѣтъ границъ,
Вездѣ одна святая сила,
И часть ея есть сила тожъ.
Однимъ лучемъ огонь небесъ
Освѣтитъ тьму, согрѣетъ ледъ,
Но тьма и холодъ въ небѣ
Другова солнца не зажжетъ.

Зачѣмъ же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать? —
Когда съ презрѣньемъ люди
Зовутъ тебя на брань ...

Ступай во имя Бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на полѣ брани
Но не бѣги съ него назадъ.
И гдѣ война — тамъ дѣло
Великой жизни бытія!
Въ ея борьбѣ—паденье смерти
И новой мысли торжество!

———

1840.

112.

Дума сокола.

(В. П. Боткину).

Долго-ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что̀ губить?

Долго-ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ собою жить?

Для чего-жь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль—зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,

Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужь полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль,
Изъ окна глядѣть!

Со двора пойду
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ —
Гдѣ ужъ Богъ велитъ.

113.

Пѣсня.

Свѣтитъ солнышко —
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики —
Да нѣ въ-пору ...

А весной была
Степь жолтая,
Тучки плавали
Безъ дождика;

По ночамъ роса
Гдѣ падала —
Поутру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно,

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,

По душѣ лилась
Боль смертная.

Такъ прошла моя
Вся молодость —
Безъ любви души,
Безъ радости.

114.

Пѣсня.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко!
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужь и дней,
Что̀ летѣли стрѣлой,
Что̀ любовью насъ жгли,
Что̀ палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно
Не воротишь назадъ!
Для чего-жь безъ него
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди,
Злая грусть налегла.

115.

Вопль страданія.

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье,

Пощады нѣтъ! душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель, во цвѣтѣ лѣтъ, подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

116.

Благодѣтелю моей родины.

(Д. Н. Бѣгичеву).

Есть люди—межъ людей они,
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ,
Кругомъ ихъ блескъ, и слава
Далеко свой бросаетъ свѣтъ;
Они-жь, съ ходулей недоступныхъ,
Съ безумной глупостью глядятъ,
Въ страстяхъ, порокахъ утопаютъ;

И глупо такъ проводятъ вѣкъ.
И люди мимо ихъ смиренно
Съ лицомъ боязненнымъ проходятъ,
Взглянуть на нихъ боятся,
Колѣна гнутъ, цѣлуютъ платья;
А въ глубинѣ души своей безмолвно
Плюютъ и презираютъ ихъ.

Другіе люди есть: они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ же ступеняхъ;
И также блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаютъ свой.
Но люди тѣ—всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили,
И искренно, для пользы государства,
И день, и ночь работаютъ свой вѣкъ ...
Кругомъ же ихъ, съ почтеньемъ люди
Колѣна гнутъ, снимаютъ шапки,
Молитвы чистыя творятъ ...
О, много разъ—несчастныхъ, бѣдныхъ
Васъ окружала пестрая толпа,
Когда вы всѣмъ по силѣ-мочи,
Съ любовью, помогали имъ.
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я молча,
Какъ чудно благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше свѣтлое лицо ...

117.

Пѣсня.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То-ли дѣло—вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То-ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать.

Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать,
Вечеркомъ у воротъ
Его вновь поджидать!

118.

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что̀ предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь—трава-парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся“ ...

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая какъ безумная,
На груди моей повиснула.

„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола...“
Занялся духъ—слово замерло ...

119.

Пѣсня.

Не на радость, не на счастье,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное
Такъ сжились мы, такъ слюбилися.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя безродную ,—
Полюбивши, весь измучился.

Гдѣ ты, время, гдѣ ты, времячко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы-какъ съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться?

Тогда было—иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь ...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить?
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся, —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Чорной тучей покрываются ..

Погубить себя?—не хочется!
Разойтися?—нѣту волюшки!
Обмануть? своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до смерти!...

120.

Перепутье.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала, —
Что ужь шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что-жь теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять-ли?
Сидя дома-ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу—силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную ...

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы гуляя—все потратили,
Молодую жизнь до времени
Какъ попало—такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,

Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать ...

Хоть не такъ оно—не выгодно,
Но, положимъ—дѣлать нечего:
Въ непогоду—не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся ...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груды золота;
Облака идутъ—нарядъ несутъ!...

121.

Пѣсня.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется ...

Въ эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно:

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою —
Лѣто теплое;
При бездольи —
Горе—нѣ горе!

122.

Военная пѣсня.

(Посвящено князю П. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга —
За царя, за кровъ, за родину.

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ,
Дорогая жизнь—весь бѣлый свѣтъ ...

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи-жь ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты, при Суворовѣ,
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты—сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!...

Ужь когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову, —
Не на землю-жь я сложу ее!
А сложить-сложу—на груду тѣлъ ...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ:
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

123.

Всякому свой таланъ.

Какъ женился я, раскаялся,
Да ужь поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись—не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью:
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ, и таланливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять, видишь, совѣстно
Отъ своей родни, товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю, какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитую, почетную.

И живемъ съ ней—только ссоримся
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные ...

„Теперь придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?“
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова? —

„Ахъ жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася, —
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

„Придетъ время, время грозное, —
Кто поможетъ? куда дѣнемся?“
— Самъ прожился мой безумный мужъ —
Да у бабы ума требуетъ ...

———

124.

Дума двѣнадцатая.

Не можетъ быть, чтобы мои идеи
Вліянья не имѣли на природу.
Волненіе страстей, волненіе ума,
Волненье чувствъ народа —
Все той же проявленье мысли ..
Небесный свѣтъ перерождаетъ воздухъ,
Организуетъ и живитъ элементы
И движетъ всѣмъ—по произволу духа.

———

125.

Поэтъ.

(Дума).

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли —
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды ...

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ ...

126.

Пѣсня.

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая,
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!...

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую ...

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день ...

127.

Пѣсня.

Много есть у меня
Геремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень, и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ, и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣдъ—красныхъ словъ,
Для веселья—вина!

Но я знаю, на что̀
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу ...

128.

Разсчетъ съ жизнію.

(В. Г. Бѣлинскому).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ, —
И что̀ ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;

Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела ...

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ —
Я разбилъ бы тебя!

129.

Грусть дѣвушки.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь —
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты
Въ скукѣ-горести
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся, —

Только нѣтъ его,
Ясна сокола! ...

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня,
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ? ...

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится ...

Не къ добру-жь тоска
Давитъ бѣлу грудь;
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

130.

Ночь.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому).

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила;
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна;

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ:

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ ...

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой ...
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой ...

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю какъ —
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ —
И онъ мертвый палъ ...

„Что-жъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь,
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

„Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!“ ...

— Ахъ, не то, чтобъ я ...
Умъ мѣшается ...
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой — смотри —
Вонъ въ саду стоитъ! ... —

131.

Поминки.

(Памяти Н. В. Станкевича).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.

Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы—какъ тучи,
Ихъ рѣчи горятъ.

Давайте веселье!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница даль!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.

Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость, —
И молча садится,
Какъ темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды—что̀ ядъ;
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.

И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его черный
Огнемъ засверкалъ.

Въ мигъ юноша вздрогнулъ
И очи закрылъ;
И темные кудри
На грудь опустилъ.

Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо—
Уснулъ онъ надолго,
Уснулъ глубоко! . . .

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Ихъ такъ же, какъ прежде,
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

1841.

132.

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жарк...
Мрутъ безъ отзыва ...

Изъ души-ль, порой,
Радость вырвется, —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится;

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

133.

Пѣсня.

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Путь дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену —
И начну съ ней жить
Припѣваючи ...

134.

Пѣсня.

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася ...

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла —
Поцѣлуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки
Мимо солнышка ...

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край —
Заколдованный!

135.

Звѣзда.

Гдѣ-бъ ни былъ я—всегда,
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ...
При ней когда-то часъ разлуки былъ...
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ,—
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль...
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

136.

Пѣсня.

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка.

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта--на край бѣлова,—
Искать стану друга милова...

Я найду его, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: стыдно-совѣстно
Бросить домъ свой, отца старова,
Да Богъ вѣсть куда завихриться.

Какъ завьетъ онъ кудри чорныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шелковый,
Поцѣлуетъ, скажетъ ласково:

„Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты:
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся,—
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ.

„Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шолку, много золота,—
Станетъ вѣкъ прожить боярами".

Ахъ, вы, душеньки-подруженьки!
Не отъ горя плачу—съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы, словъ—души открыть!..

137.

Пѣсня.

Какъ здоровъ да молодъ,—
Безъ веселья—веселъ;
Безъ призыва—счастье
И валитъ и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ—
Шапка на макушкѣ;
Проходи попъ, баринъ,—
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить нараспашку;

Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!..

138.

Старая пѣсня.

Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная—могучая
Царя грознова московскова;

Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее,
Перешла такъ сила русская—
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому,—
Къ бусурману—хану лютому,
Къ свому недругу заклятому.

И куда еще спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ Татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.

Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ—какъ солнышко!

139.

Жизнь.

(Дума).

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что̀ не дано намъ понимать—
Мы все какъ-будто понимаемъ;

И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло,—что людямъ ни-почемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!

Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко
Другія—силою упорной...

Но все-жъ успѣхъ нашъ не великъ.
Что̀ до преданій?—мы не знаемъ;
Впередъ что̀ будетъ?—кто проникъ?
Что̀ мы теперь?—не разгадаемъ.

Одинъ лишь опытъ говоритъ,—
Что прежде насъ здѣсь люди жили,
И мы живемъ, и будутъ жить...
Вотъ каковы всѣ наши были!..

———

140.

Еще старая пѣсня.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.

Посреди ихъ царь святоша,
Въ рясѣ бархатной сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.

Самъ изъ кубка золотова
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается какъ туча—
На всю Слободу реветъ:

„Враги царскіе не дремлютъ;
Я-жъ какъ соня здѣсь живу...
На коней скорѣй садитесь,
Да поѣдемте въ Москву!

„Что за медъ здѣсь? что за брага?
Опротивѣлъ хлѣбъ сухой;
На московской на площадкѣ
Мы сготовимъ пиръ другой!

„Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой,
Перепьемся мы до-пьяна
Крови женской и мужской!

„Бѣдный рабъ, я—царь наслѣдный
Надъ моими надъ людьми:
На кого сурово взглянемъ—
Скушаемъ съ дѣтьми!“

Царь-ханжа летитъ, какъ вихорь,
Съ саранчею удальцовъ,
Москву-матушку пилатить—
Кушать мясо и пить кровь!

141.

(Дума)

(Князю П. А. Вяземскому).

Не время-ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что̀ есть иль нѣтъ—желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ души-ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною—
Нѣтъ нужды дорожить?..

Темна, страшна могила;
За далью—мракъ густой;
Ни вѣсти, ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!..

142.

Пѣсня.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою—
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
„Гдѣ ты, зорька моя?“
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня!

„Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;

„И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!“

1842.

143.

На новый 1842 годъ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей—
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье—
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ:
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: однимъ — звѣздою ясной,
Другимъ — онъ молніей мелькнулъ;
Меня-жь годъ, встрѣченный прекрасно,—
Какъ другъ, какъ демонъ, обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ,
И, въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ въ его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель безвременно изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

———

144.

Пѣсня.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ?—
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то давно,
У знакомыхъ былъ балъ:
Какъ безумный, всю ночь,
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ — онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо...
Но глаза — за глаза
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны,—
Будто съѣсть васъ хотятъ!..

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!..

———

145.

Пѣсня.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду...
„Безъ знакомыхъ, одинъ“,—
Сказалъ: „радость, приду.

„Мѣсяцъ будь, иль не будь, —
Конь дорогу найдетъ:
Самъ лукавый, впотьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

„И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой, —
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой!..“

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду...
Онъ, прощаясь, сказалъ:
„Хоть умру, а приду.

„Что мнѣ крѣпкой замокъ,
Караулъ, ворота?—
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

„Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ, —
А съ тобою, мой другъ,
Города нипочомъ!“

———

Приложенія.

I.

Первоначальные опыты и наброски Кольцова.

Пѣснь утру.

Съ зарею красною восходитъ
Солнце яркое съ востокъ,
Изъ-за лѣса, горъ выходитъ.
Зашумѣлъ живой потокъ.
Освѣтило долъ росистый,
Озлатило зыби водъ,
Потрясся и боръ вѣтвистый.
Вдругъ поднялся хороводъ
Нѣжныхъ пташекъ, пѣнье,
И свирѣли пастуховъ;
Всюду радость и веселье
Средь долины и луговъ.
Всѣхъ плѣняло, веселило
Милый взоръ среди природъ!
О, какъ нѣжно; о, какъ мило,
Утро встрѣтить и восходъ!

1826, октября 10.

Первый шагъ любви.

Извините я невольно,
Васъ увидѣвъ, полюбилъ;
Это сердцу ужъ прискорбно,
Если-бъ пламень я убилъ.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказъ милой я забуду,
Но любить во вѣки буду...
Ангелъ, да иль нѣтъ? прости!

1827, января 6.

Пьянюгину.

Козьма, говорятъ, хворъ,
Ай, вздоръ!
Такъ развѣ съ пуншу заболѣлъ;
И вправду, какъ не околѣлъ!

1827, января 8.

Простодушіе сосѣда.

Сосѣдъ мой пьетъ аракъ;
Такъ видно не дуракъ.

1827, января 12.

Ирисѣ.

„Не вѣрю, чтобъ Ириса
„Чужой красой сіяла".
Хоть какъ ты не божися,
Но все-жъ не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддѣльная краса.

1827, января 15.

Семинаристу, писавшему эпиграмму.

Вралевъ, писавшій эпиграмму,
Теперь, признаться, докончалъ;
Но что-жъ онъ ею укорялъ? —
И не мужчину, и не даму.

1827, января 28.

Отцвѣтшая краса.

Жизнь моя несется,
Какъ пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уноситъ мой покой.
Милы гдѣ предметы:
Поле, рощи и луга,
И младыя лѣта,
И пріютные брега?
Гдѣ твоя награда —
Воли страсти молодой?
Гдѣ твоя услада,
Незамѣтная тоской?
Гдѣ цвѣточекъ лживый —
Свѣтлоокіе глаза,
Блескъ въ лицѣ игривый
И пріятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мнѣ же бѣдной мнилась; —
Сонъ, игривая мечта.

1827, февраля 1.

Сонъ.

Въ бурной жизни сновидѣнья
Я люблю одинъ мечтать,
Посреди-жъ уединенья
Я готовъ стихи кропать.
Но когда мой тихій геній
Съ музой стройной улетитъ,
Я ношусь между селеній,
Тамъ, гдѣ милымъ должно жить.
Если скучный посѣтитель

Мнѣ явится одному,
То надежда-утѣшитель
Собесѣдуетъ ему.
Одинокій, я скучаю
И утѣхъ вездѣ ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Самъ не знаю, чѣмъ грущу.
1827, марта 12.

Посланіе къ Е. Г. О.

(Акростихъ.)

Если, Лизанька милая,
Любишь нѣжно ты меня,
И, любовію сгорая,
Съ тобой счастливъ вѣчно я, —
Ахъ, любезная, жестоко,
Въ нѣмой страсти слезы лить!
Если-жъ скукѣ одинокой
Терпѣливость положить, —
Есть-ли что лютѣе въ свѣтѣ,
Грустнѣй, тяжче черныхъ бѣдъ?
Разлучаетъ страсть въ предметѣ
И велитъ любя терпѣть,
Горячѣе любовь станетъ,
Образъ милый сохраня.
Разъ, ахъ! тѣнь ея летаетъ
Этой милой вкругъ меня.
Въ вѣрномъ сердцѣ сохраняю
Непреложную любовь,
Отъ любови согрѣваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангелъ милый, я неложно
Горжусь чувствомъ и тобой!
Ахъ, красавицы, возможно-ль
Разлучить меня съ драгой?
Колько-жъ, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Вѣрно сердце предлагая
Отъ любови увядать,
И въ любви надеждъ искать?
1827, марта 16.

Акростихъ.

Красавицѣ любезной
Отдалъ послѣдній часъ.
Любовь, твой даръ чудесный
Царями ставитъ насъ.
О, любовь, твой милый даръ
Вездѣ ставитъ намъ алтарь,
Къ удовольствію надежный,
Тихій, мирный, безмятежный
1827 г., марта 16.

Прямое счастье.

Стансы.

Лишь тотъ одинъ счастливый,
Кто истину почтилъ,
Блескъ свѣта и порывы
Лишь долгу посвятилъ;
Рѣками лившій слёзы,
Томился и вздыхалъ, —
За всѣ мечты и грезы
Достоинъ тотъ похвалъ.

И въ жизни кто волнистой
Подъ тихимъ кровомъ жилъ,
Всегда съ душою чистой, —
Тотъ долгу посвятилъ;
Кто въ чувствіяхъ сердечныхъ,
Злой страстію томимъ,
Въ печали, въ скукѣ вѣчной, —
Любовь одну хранилъ...

1827, марта 25.

Посланіе Якову Яковлевичу Переславцеву [1]).

Любя тебя, о братъ двоюродный,
Посвящаю сей досугъ,
Ты для братства, въ часъ ненужный,
Утѣшь, прими, будь братъ, будь другъ.

Я на лирѣ вдохновенной
Съ Аполлономъ пѣть хочу
И душѣ невознесенной
Ложной славы не ищу.

Слава — блескъ пустой на свѣтѣ:
Въ ней отрады прямой нѣтъ:
Хоть въ тиши мила, въ предметѣ, —
Въ бурѣ скоро пропадетъ.

За ней горести въ награду
Несомнѣнно потекутъ ...
Тогда рѣдко намъ въ усладу
И улыбку подадутъ.

Въ мигъ увидишь: пересуды
Волной всюду зашумятъ ...
Безъ надежды въ жизни трудной
Будетъ тяжко умирать.

Я, повѣрь, узналъ довольно
Гордыхъ тысячи людей,
И отъ ихъ-то власти злобной
Нынѣ сдѣлался грустнѣй.

Жизнь всегда течетъ въ премѣнѣ,
И все всякій испыталъ;
Кто избѣгъ людской измѣны,
Тотъ утѣхи не видалъ!

Мы подобны иноземной
Птичкѣ: если залетитъ,
Испытаетъ, что измѣнно, —
И на родину летитъ.

---

[1] Двоюродный братъ Кольцова.

Всѣ идемъ по нити срочной,
Всѣ мы гости на землѣ:
Проживемъ, а въ часъ урочный
Мы сокрыты во землѣ.

Гордый прахъ нашъ обратится
Только въ малу персть земли,
Взоръ погаснетъ, ликъ затлится . . .
. . . . . .

Ты себя храни, любезный,
Въ жизни бури берегись!
Помни: всюду тутъ измѣна
. . . . . .

1827, апрѣля 2.

Тоска о милой.

Въ чужой странѣ далеко,
Съ тобою разлученъ,
Скитаюсь одинокой,
Лишь милой оживленъ.
Тобою только въ страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, въ лютой части
Кончаю жизнь свою.
Я вяну повсечасно
И сердцемъ и душой!
Въ разлукѣ жить ужасно.
О, милая, съ тобой!

1827, марта 25.

Посланіе молодой вдовѣ.

Напрасно думаешь слезами
Тоску отъ сердца ты прогнать:
Всевышнимъ Богомъ — не людями
Тебѣ назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Разстаться съ тѣмъ, что̀ такъ любимо;
Что мило, — больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Такъ, вѣрно, вѣрно: ты несчастна;
Твоей души супругъ прекрасный
Такъ скоро отказался жить ...
Онъ жертва смерти, онъ зарытъ.
Но что? ужель весну младую
Слезамъ ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
Въ тоскѣ ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудетъ памятна всегда?

Ужель, что̀ было, забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски отъ сердца не прогнать:
Всевышнимъ Богомъ, а не нами
Тебѣ положено страдать.

1828 г., декабря 27.

Рыцарь.

(Баллада.)

Плыветъ рыцарь одинокій
Въ полночь быстро по рѣкѣ,
Въ путь собравшися далекій,
Темно-блѣденъ, въ челнокѣ.
И въ рукахъ весло сіяетъ;
Величавъ и милъ гребецъ;
Вѣтеръ парусомъ играетъ.
Полонъ страха. Но пловецъ
Устремляетъ взоръ смущенный
Гдѣ чернѣетъ быстрина.
Видитъ онъ: въ дали премѣнно
Колыхается волна;
Въ мигъ изъ волнъ Днѣпра глубокихъ
Появилися въ цвѣтахъ:
То три дѣвы черноокихъ,
Знать, рѣзвиться на водахъ!
Ближе къ рыцарю подходятъ,
Рыцарь мчится въ челнокѣ;
Взявъ челнокъ, его уводятъ
Быстро далѣ по рѣкѣ.
Всѣ три дѣвы молодыя
Влекутъ рыцаря и челнъ
Черезъ пурпуры сѣдые,
Не страшатся бурныхъ волнъ.
Рыцарь, въ думу погруженный,
Руки тянетъ къ небесамъ;
Но вдругъ силъ и чувствъ лишенный,
Не противится красамъ.
А прелестницы игривы
Прямо къ рыцарю въ челнокъ
Страхъ!—но тщетные порывы:
Силъ лишается сѣдокъ.
Онъ Творца молить не можетъ
И рукъ къ небу не взнесетъ,
Пуще страхъ его тревожитъ,
Потъ съ чела холодный льетъ.
Видитъ берегъ обнаженный
И туманъ вокругъ сѣдой,
По лазури мѣсяцъ блѣдный
Путь свершаетъ тихо свой.
Дѣвы къ рыцарю прильнули
И невольно всѣ вздохнули;
Слышенъ милый голосъ сей:
„Рыцарь, рыцарь, бѣжишь бури,
Но избѣгъ-ли ты сѣтей?“
И, склоняся головами,
Онѣ тихими шагами
Влекутъ рыцаря съ собой —
И, разлившися струями,
Очутились подъ водой.
Рыцарь сдѣлался добычей
Обитательницъ Днѣпра,
А челнокъ его летучій
Очутился близъ шатра.

Уныніе.

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ жизнь и бытіе,
Когда въ странѣ изгнанья
Прямаго счастья нѣтъ?

Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ, и шумятъ,
И сѣрые туманы
Скрываютъ солнца свѣтъ?
Я мнилъ, что въ мірѣ люди
Какъ ангелы живутъ,
И дружбою прямою
Крѣпятъ сердецъ союзъ;
Я мнилъ, что въ сердцѣ, въ мысляхъ
Одинъ у нихъ законъ:
Къ Тебѣ, Отецъ Небесный,
Любовью пламенѣть
И ближнемъ неимущимъ,
Съ веселіемъ души,
Чѣмъ можешь, чѣмъ богатъ,
При крайности помочь.
Но нѣтъ — не то мнѣ опытъ
Въ странѣ сей показалъ:
Всѣ люди, будто звѣри,
Другъ друга не щадятъ,
Другъ друга уязвляютъ
Нетрепетной рукой!..
Надменность, гордость, слава —
Молебный ихъ кумиръ,
Сокровища жъ и злато —
Владыка ихъ и богъ!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродѣтель
Чужда понятью ихъ.
И Ты, Отецъ Небесный,
Создавшій сихъ людей,
Не престаешь съ улыбкой
Щедроты лить на нихъ!..
И такъ, внемли жь молитву
Мою, Всезрящій Царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытіе,
И въ міръ иной, чудесный
Пересели мой духъ.

1829 г., января 26.

Плачъ.

(Первонач. редакція „Унынія“.)

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ смыслъ и бытіе,
Когда въ странѣ изгнанья
Любви и братства нѣтъ!
Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ, и шумятъ,
И черные туманы
Скрываютъ правды свѣтъ?
Я думалъ: въ мірѣ люди,
Какъ ангелы живутъ.
Я думалъ въ тайныхъ мысляхъ. —
Одинъ у нихъ законъ:
Къ Тебѣ, Царю Небесный,
И ближнимъ неимущимъ,
Безъ ропота души,
Послѣднюю копейку
Какъ братьямъ удѣлять.
А люди — тѣ же звѣри, —
И холодны, и злы,
Мишурное величье —
Молебный ихъ кумиръ,
И золото и низость —
Защитникъ ихъ и богъ.
И ты, Отецъ Небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на нихъ.
О, просвѣти мнѣ мысли —
Не радостны онѣ, —
И мудрости свѣтильникъ,
Зажги въ моей душѣ.

(Тетрадь Дашкова.)

На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу.

Что груди тяжельше?
Что сердцу больнѣй?
Что конь мой удалый
Споткнулся не разъ?
Иль заяцъ трусливый
Мой путь перебѣгъ?
Ужъ видны мнѣ кровли
Родныхъ и друзей,
И храма святаго
Сіяющій крестъ.
О чемъ же ты грустномъ
Пророчишь, душа?..
Ужь обнялъ съ восторгомъ
Счастливецъ семью.
Но гдѣ-жъ, о, родные,
Безцѣнный мой другъ?
Онъ отбылъ надолго
Въ низовы края...
Не даромъ же конь мой
Споткнулся не разъ,
Не даромъ же сердце
Вѣщало печаль!
Когда-жъ возвратишься
Въ родную страну?
Дождусь-ли, въ унынѣ,
Тебя, другъ, назадъ?

1829 г., августа 2.

Къ М...

Вы милы всѣмъ, вы очень скромны;
Не спорю я — вашъ кротокъ нравъ;
Но я узналъ, что онъ притворный,
Что онъ съ природы такъ лукавъ.
Въ васъ нѣтъ капризовъ, нѣтъ и чванства,
Но только много шарлатанства;
Къ тому-жъ вашъ вѣжливый языкъ
И увѣрять, и льстить привыкъ.
Къ свиданьямъ тайнымъ вы согласны,
Но тѣ свиданья мнѣ опасны,
Затѣмъ, что въ нихъ сокрытъ обманъ
Иль вновь затѣянный романъ.
Въ веселый часъ хоть вы твердите:
Забудьте прежнее — любите! —
Да какъ, скажите, васъ любить,
Какъ непорочность обольстить?
О, нѣтъ, такія мнѣ оковы
Не милы, какъ вѣнокъ терновый.
Притомъ же хладная любовь
Въ объятіяхъ застудитъ кровь.
Сказать велите-ль откровенно:
Во вѣкъ такой, какъ вы, презрѣнной
Затѣмъ не соглашусь любить,
Чтобы осмѣяннымъ не быть.

1829 г., октября 6

(Къ А. Д. Вельяминову.)

Милостивый государь!
Александръ Дмитріевичъ!

Въ селѣ, при первой встрѣчѣ нашей,
Для васъ и для супруги вашей
Я, помню, обѣщалъ прислать
Торквато милое творенье,
Пѣвца любви и вдохновенья;
И слова даннаго сдержать
Не могъ донынь, затѣмъ что прежде
Обманутъ былъ въ своей надеждѣ.
Но обѣщанью измѣнить
За стыдъ, за низость я считаю —
И вотъ, успѣлъ лишь получить
Двѣ книги — вамъ ихъ посылаю.
Мнѣ лестно вамъ угоднымъ быть.
Такъ — незначительный мечтатель —
Я вашимъ мнѣньемъ дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекраснаго ...

Вашъ покорнѣйшій
Мѣщанинъ Алексѣй Кольцовъ.

9 октября 1829 г.

Къ М...

Подобныхъ Машѣ очень мало,
И въ мірѣ равныхъ не бывало:
Лицо, движенья, рѣчь и взглядъ
Стальное сердце распалятъ.
Любить ее и я бы радъ,
Когда-бъ въ груди не скрылось жало,
Когда-бъ въ любви ея — не ядъ.

1829 г.. октября 12.

Къ подругѣ моей юности.

Зачѣмъ ты, дѣва, не желаешь
Со мною быть наединѣ?
Скажи, скажи: зачѣмъ при мнѣ
Ты такъ робѣешь, такъ скучаешь?

Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебѣ кажусь я страшенъ?
О, вѣрь мнѣ, вѣрь: я не опасенъ!
Я весь передъ тобой открытъ,
И въ сердцѣ лишь любовь горитъ.
Ты помнишь, другъ мой, съ юныхъ лѣтъ
Съ тобою мы росли, рѣзвились,
И что на мысли не придетъ,
Мы всѣмъ довѣрчиво дѣлились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дѣва, презираешь
И средь людей, и одному
Невинныхъ чувствъ не довѣряешь.
Оставь, красавица, свой стыдъ,
Не будь ко мнѣ ты равнодушна;
Будь такъ, какъ прежде, простодушна,
Какъ прежде, будемъ братски жить.

1829 г., октября 25.

Повѣсть моей любви.

Посвящаю воронежскимъ дѣвушкамъ.

Красавицы, дѣвушки,
Одноземки, душеньки!
Вамъ хочу я, милыя,
На досугѣ кое-какъ,
Исповѣдать таинство,
Таинство чудесное.
И у насъ въ Воронежѣ
Никому до этихъ поръ
Не хотѣлъ открыть его;
Но для васъ, для васъ однѣхъ
Я его повѣдаю,
И такъ, какъ по грамоткѣ,
Какъ хитрецъ по карточкамъ,
Разскажу по-дружески
Повѣсть о самомъ себѣ.
Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности;
Въ суетныхъ занятіяхъ
Не видалъ я красныхъ дней;
Жилъ въ степяхъ съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ:
Отъ дождя въ шалашикѣ
Находилъ убѣжище.
Дикаремъ степникою
Я въ Воронежъ ѣзживалъ
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми совѣтами;
И въ такихъ занятіяхъ
Мнѣ пробило двадцать лѣтъ.
Но клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки
Какъ-то мнѣ не нравились;
Въ слободахъ, въ селеніяхъ,
Всѣми брезгалъ — гребовалъ.
Разъ одинъ, въ Воронежѣ,
Гдѣ не помню, встрѣтилась
Со мной одна дѣвушка:
Смазливенькимъ личикомъ,

Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Рѣчью лебединою
Воспламенила молодца.
Вдругъ сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось, и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не въ силахъ былъ
Удержать порывъ страстей—
И въ ея объятіяхъ
Уснулъ очарованный,
Упившись любовію. —
И съ тѣхъ поръ той дѣвушки
Сталъ я вѣчнымъ плѣнникомъ.
Кто-жъ она? вы спросите,
Одноземки милыя...
Не скажу... Но если вы
По веселью̀мъ ѣздите,
На гульбахъ бываете,
Тамъ, повѣрьте мнѣ,
Вы ее увидите:
Всѣхъ скромнѣй, красивѣе,
Всѣхъ простѣй и ласковѣй,
Откровеннѣй, радостнѣй.

1829, ноября 1.

Пѣсня.

Увижу-лъ я дѣвушку,
Увижу-ль я красную,
Забьется неволею
Сердечко удалое —
Любовію чистою.
„Полюбишь-ли, дѣвушка,
Полюбишь-ли, красная,
Безъ модной учтивости,
Любовію вѣрною
Удалаго молодца?
„Ахъ, что же ты, дѣвушка,
Ахъ, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намѣрена
Удалаго молодца?“
— Любила-бъ я молодца,
Любила-бъ удалаго ...
Но мнѣ-ли, сироточкѣ,
Безкровной и бѣдненькой,
Ласкаться любовію? —
„Желаю-ль я, дѣвушка,
Желаю-ль я, красная,
Палатъ раззолоченныхъ,
Богатствомъ украшенныхъ
И блескомъ обманчивыхъ?
„Люблю тебя милую,
Люблю тебя, юную,
За характеръ добренькій,
За стыдливость дѣтскую,
Всѣмъ дѣвицамъ сродную“.

1829 г., ноября 16.

Мѣщанская любовь.

И такъ, вчерашній разговоръ
Свершилъ нежданный приговоръ
Не нужны темные намеки,
Ни ясный, ни лукавый взоръ,
Гдѣ въ честь за поцѣлуй — упреки,
За ласки — дерзостный укоръ,
За шутку скромную — презрѣнье

Платить обратно въ награжденье,
И доводить враждой до слезъ.
Что̀ взглядъ послѣдній произнесъ?
Вы думали, меня смутите?..
Нѣтъ, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить — любите,
А нѣтъ — прощайте! что вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новыхъ благъ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презрѣннаго скорѣй;
А я найду, повѣрь, другую
Себѣ красавку городскую,
Тебя моложе и милѣй.

1829, декабря 19.

Посланіе Н . . . П . . .

И вы на насъ грозой хотите?
И вы, и вы кинжалъ острите
Отцу на старческую грудь!
Накажетъ Богъ вогда-нибудь!
Припомните, что̀ прежде были.
Притомъ не вы ль мнѣ говорили:
„Я-бъ могъ давно, — но не хочу;
Нѣтъ! я и извергу не мщу,
Нѣтъ, я не съ варварской душою, —
За зло плачу я добротою ...“
Враги-ль мы вамъ? Пусть Богъ сразитъ,
Кто черный замыселъ таитъ!
Злодѣи-ль мы? За что-жъ хотите
Полуубитаго добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинныхъ ранить, — даже сродно...
Но тотъ не человѣкъ — злодѣй!
Вы жъ покровитель, другъ людей, —
Держите жъ слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцу на старческую грудь:
Ей время въ жизни отдохнуть.

Эпитафія.

Онъ жилъ, — и былъ здѣсь всѣмъ чужой;
Но всѣ душой его любили,
И сожалѣньемъ и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили.

1841, октября 18.

---

* * *

Когда есть жизнь другая тамъ, —
Прощай! Счастливый путь!
А нѣтъ, — скорѣе къ намъ,
Пока жить можно тутъ.

1842.—Рукопись Дашкова.

II.

Стихотворенія, приписываемыя Кольцову.

Вечернее размышленіе о Божіемъ Величіи, соч. Ломоносова, переложенное въ русскій размѣръ.

День сокрылъ лице: ночь въ поляхъ лежитъ;
Черна тѣнь взошла на вершины горъ,
Свѣтлый лучъ погасъ въ синевѣ небесъ;
Бездна звѣздная раскрывается —
Нѣтъ числа звѣздамъ, безднѣ мѣры нѣтъ!
Какъ песчинка, намъ незамѣтная,
Въ бурной хляби водъ, искра въ вѣчномъ льдѣ;
Какъ въ порывѣ бурь перелетный прахъ;
Какъ перо въ огнѣ: такъ въ сей безднѣ я
Исчезаю весь, весь теряюсь я,
Утомленный мыслей бременемъ.
Намъ гласятъ уста велемудрыя:
Тамъ другихъ міровъ область вѣчная;
Тамъ горятъ солнцы неизсчетныя
Тамъ народовъ жизнь, новый кругъ вѣковъ;
Тамъ для славы Всемогущаго
Вещество хранитъ силу равную ..
Но, природа, гдѣ твой, скажи, законъ?
Съ полуночныхъ странъ вдругъ встаетъ заря.
Или солнце тамъ ставитъ свой престолъ?
Или вѣчный ледъ морей вспыхнулъ вдругъ?
Вотъ холодный огнь покрываетъ насъ;
Вотъ на землю день всталъ средь полночи!
Вы, которыхъ взоръ книгу дивную
Непостижныхъ правъ проницаетъ въ глубь:
Вы, которымъ знакъ, незамѣтный намъ,
Раскрываетъ вдругъ естества уставъ!

Вамъ извѣстенъ путь всѣхъ планетъ, всѣхъ звѣздъ:
Такъ скажите намъ, что смущаетъ насъ?
Что сей зыблетъ лучъ ясный въ полночи?
Что сей мещетъ огнь въ твердь небесную?
Какъ вдругъ молнія отъ земли въ зенитъ,
Безъ громовыхъ тучъ, безъ грозы летитъ?
И какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
Среди хладныхъ зимъ порождалъ пожаръ?
Или споритъ тамъ жирна мгла съ водой?
Или солнца лучъ сквозъ туманъ густой,
Преломившись, къ намъ наклоняется?
Или тучныхъ горъ тамъ верхи горятъ?
Или въ море дуть пересталъ зефиръ,
И бьютъ волны вверхъ изъ морей въ эфиръ?..
Если вашъ отвѣтъ столь сомнѣній полнъ
И о томъ, что близъ почти вашихъ глазъ;
Такъ скажите-жъ намъ: какъ пространенъ свѣтъ?
И что кроется выше дальнихъ звѣздъ?
Коль невѣдомъ вамъ край творенія,
Разскажите намъ, какъ великъ Творецъ.

К—въ.

Русская пѣсня.

Во широкой степи
На раздольныхъ поляхъ
Много дивныхъ цвѣтовъ
Расцвѣтаютъ весной.
Но они не плѣнятъ
Меня чудной красой;
Ихъ не буду я рвать
И не стану сбирать.
Мнѣ вѣнки для дружка
Ужъ изъ нихъ не свивать!
Тѣ и дни протекли.
Какъ искала я ихъ,
И то время давно
Огнемъ будто сожгло.
Вы цвѣтите-жъ цвѣты
Во широкой степи!
У меня-жъ въ дни весны
Сердце вянетъ въ груди!..

Русская простонародная пѣсня.

Ахъ, не сонъ клонитъ
Буйну голову
На широку грудь
Молодецкую;
А клонитъ ее
Печаль горькая
Съ думой черною
Неразлучною!
Зла кручинушка
Лежитъ на сердцѣ,
Какъ змѣя его
День и ночь сосетъ;
Твердитъ молодцу
Про измѣнницу, —
Ненаглядную
Красну дѣвицу...

Кудри русые,
Въ кольцо свитые,
Со печали той —
Будто въ непогодь —
Разсыпаются
Развиваются.
Лицо молодца —
Вянетъ розово;
По немъ смертная
Блѣдность стелется:
Что съ другимъ она
Дѣлитъ радости.
А ему по смерть
Сулитъ горести.
Вольно-жъ молодцу
Разудалому
Печаль горькую
Таить на сердцѣ;
Но нѣтъ силъ въ душѣ
Разлюбить ее.

Малороссійская пѣсня.

Голубонько, доню!
Чому ты не любишь
Мене, казаченька,
Мене молодого?
Хиба жъ ты иного
Вже парубка маешь;
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешь?
Иль чимъ, мое сердце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тобѣ такъ лякае?
Голубонько, доню!
Я бажавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

„Спб. Вѣд." 1864 г., № 141.

---

* * *

Хмуритъ брови сине небо,
Идутъ съ неба тучи.
Вы гдѣ, тучи, воду брали,
Куда понесете?
Не тоска-ли въ васъ чернѣетъ
Мутными волнами?
Вы не слезы-ль собирали
Для дождей, для града?
Вы не брали-ль съ буйнымъ вѣтромъ
Вздохи изъ Украйны?
Выше, выше подымитесь:
Гулъ вашъ не привѣтенъ!
Мчися, вѣтеръ, лугомъ, лѣсомъ,
Несись черезъ поле!
Свѣй ты съ сердца думу-горе,
Свѣй кручину злую.

— —

* * *

Когда моей подруги взоръ
Мнѣ явно высказалъ презрѣнье,
Другого счастье, мой позоръ
И клятвъ святѣйшихъ нарушенье:
Тогда кольцо ея разсѣкъ
Булатомъ горскаго кинжала,
И жизнь свою на месть обрекъ,
И злоба мнѣ подругой стала!
Я все къ себѣ на помощь звалъ:
Свинецъ и ядъ, и ухищренья,
И сердце силой заставлялъ
Одѣться въ броню озлобленья, —
Чтобъ сожалѣнье и любовь
Къ нему ужъ не были доступны.
Чтобъ ему пищей были — кровь
И пагуба клятвопреступной.
Молилъ я солнце, чтобъ оно
Свои лучи на грудь невѣрной,
Какъ лаву жгучую, лило
И выжгло-бъ сердце лицемѣрной.
Молилъ я ночь, чтобы она
Къ ея очамъ не допускала
Отрады сладостнаго сна —
И горькихъ слезъ съ нихъ не стирала.
Неслись-ли тучи, — ихъ молилъ,
Чтобъ мракомъ жизнь ея покрыли;
Гремѣли-ль громы, — ихъ просилъ
Чтобы измѣнницу сразили.
Но съ той поры, какъ вѣсть пришла,
Что на землѣ ея не стало, —
Какъ дуновенье отъ стекла,
Отъ сердца жажда мстить отстала.

Тетр. Кольцова. („От. З." 1867 г., т. 170.)

Дюканжъ! ты чародѣй и милый, и ужасный.
Твой Жоржъ, игрокъ несчастный,
Твоя Амалія, твой Варнеръ — стоятъ слезъ!
Но неужель артистамъ въ честь ни слова?
Я былъ обвороженъ игрою Соколова:
Я видѣлъ Жоржа въ немъ — и жалъ меня морозъ
И сердце обмирало.
Я-бъ сплелъ для той вѣнокъ изъ розъ...
Ахъ, нѣтъ! для ней и двухъ лавровыхъ мало,
Кто не Амаліей, а ангеломъ тамъ былъ.

Но кто, но кто изобразилъ
Злодѣя Варнера, — онъ, онъ меня смутилъ.
Я вѣрить не хотѣлъ, что это лишь притворство:
Такія мины, видъ, ехидность и проворство.
Неподражаемый, ты всѣхъ взбѣсилъ.
Я въ ярости на Варнера забылъ,
Что ты Капищевъ самъ!
Ты перешелъ границы похваламъ, —
И. наконецъ, тебя бранили!
Но я люблю сей блескъ таланта;
На зло злодѣевъ ты играй
И омерзѣніе къ злодѣйству всѣмъ внушай,
Лишь самъ противу зла будь тверже адаманта.

Тетр. Кольцова. („От З." 1867 г., т. 170.)

Старый казакъ.

Зачѣмъ такъ скоро скрылась ты.
Казачья юность удалая?
О жизнь залетная, драгая,
Гдѣ ты теперь, гдѣ ты?
Бывало смѣлая рука
Сверкнуть булатомъ не робѣла,
И въ буйной груди казака
Отвага бурная горѣла
Неугасаемымъ огнемъ.
Безъ страха, робости, съ мечемъ,
Я въ огнь и въ полымя бросался,
Съ отрядомъ цѣлымъ я встрѣчался,
Нещадно всѣхъ рубилъ, кололъ,
Для всѣхъ съ собою смерть я велъ.
Бывало, чуждыя дружины
Едва лицо мое зазрятъ, —
Уже валятся рядъ на рядъ
На лоно стонущей долины.
Теперь ужъ нѣтъ могучихъ силъ!
Осьмой десятокъ мнѣ пробилъ.
Въ мой уголъ старость заглянула
И слабость принесла съ собой.
Теперь трепещущей рукою
Я смерть лѣниво отгоняю
И умереть скорѣй желаю.
Какъ послѣ сѣчи, послѣ драки,
Бывало ждалъ донецъ вѣнца,

Такъ нынь въ куренѣ бурлака
Онъ ждетъ послѣдняго конца.
Ахъ! лучше-бъ съ именемъ героя
Въ дыму, въ огнѣ, средь пуль и боя,
Врагу насунуться на мечъ
И на долинѣ чести лечь,
Чѣмъ здѣсь въ безвѣстности постылой
Томиться надъ своей могилой.

„Воронеж. Губ. Вѣд.“ 1891, № 58.

Пѣсня.

Не булатный ножъ
Рѣжетъ грудь мою,
Не змѣя грызетъ
Ретивое въ ней:
Забралась туда
Лиходѣйка-грусть,
Сосетъ бѣлу грудь,
Рветъ сердечушко.
Не колдунъ-злодѣй
Наговорами
Въ грудь загналъ ко мнѣ
Ненасытную:
Занеслась она
Съ злою вѣсточкой,
Что дружочекъ мой
Разлюбилъ меня,—
И кольцомъ моимъ
Съ другой дѣвицей
Во чужомъ краю
Обручился онъ!
Сохни, бѣла грудь,
Рвись, сердечушко,
Отпади, коса
Моя черная!
Не могилѣ ты
Въ даръ достанешься:
Завѣщаю я
Родной матушкѣ
Отослать къ дружку
На пиръ свадебный,
Какъ подарокъ мой,
Косу черную.

Тетр. Кольцова. (От. З.“, 1867 т. 170). „С. О.“ 1839, т. IX (подпись „Лѣсникъ“).

Пѣсня русская.

Эхъ, не во-время
Тучи мрачныя
По поднебесью
Разостлалися,
Солнца яснаго
Лучи красные
Потонули въ нихъ
Среди бѣла дня.
Не въ пору завылъ
Вѣтеръ по бору:
Пѣть бы, пѣть теперь
Соловью въ лѣсу!
Эхъ не во-время
Вспало горюшко
Въ молодую грудь
Добра молодца, —
Изсосало въ ней
Ретиво сердце,
Загубило въ немъ
Жизнь цвѣтущую.

Что̀ жъ за горюшко,
За кручинушка
Рано съ молодцомъ
Подружилася?
Други милые!
Со мной дѣвица
Золотымъ кольцомъ
Помѣнялася,
И любить повѣкъ
Слово молвила,—
А теперь съ другимъ
Обвѣнчалася.

Вы отдайте жъ ей
Золото кольцо;
Слово-жъ данное
Пусть ей Богъ отдастъ.
Безъ меня она
Пусть въ добрѣ живетъ,
Безъ нея же я
Лягу въ тѣсный гробъ.

Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап.“, т. 170). „С. О.“ 1839, т. IX (подпись „Лѣсникъ“).

Утѣшеніе.

Не тоскуй,
Не горюй,
Душа дѣвица;
Изъ очей
Слезъ не лей
На грудь бѣлую.
Все пройдетъ,
Другъ придетъ
Вновь съ любовію,
Обойметъ
И прижметъ
Къ груди пламенной.
Не брани,
Не кори
Добра молодца!

Не гнѣвись,
Помирись,
Забудь прошлое;
Не отъ зла—
Отъ любви
Откровененъ онъ.
Улыбнись
И взгляни
Взоромъ ласковымъ,
Ему вновь
Протяни
Ручку нѣжную—
И скажи
Отъ души:
Друъ! я счастлива...

Баяну.

Не играй, молодецъ,
Мой домашній пѣвецъ,
Въ гусли звонкія!
Пѣсни теплой души
Прячь въ завѣтной глуши
Отъ глазъ зависти!
Прежде-время они
Сократятъ твои дни
Дни веселые;

Звонки гусли—сожгутъ,
Пѣсни всѣ—раскрадутъ,
Пустятъ по-вѣтру...
И твоимъ же добромъ
Въ хороводѣ людскомъ
Будутъ хвастаться...
И такъ, лучше сиди,
Да погодушки жди
Съ моря синяго!

Закишитъ въ немъ вода—
И съ песчанаго дна
Всплыветъ счастіе.
Ты къ себѣ примани,
У гуслей пріюти
Этотъ перлъ дорогой!
Веселѣй, и чуднѣй,
И для многихъ слышнѣй
Заиграешь тогда.

Измѣна.

Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый
Да поблекнулъ;
Любилъ меня милый другъ—
Да покинулъ.
Какъ цвѣтку отжившему
Не цвѣсть лѣтомъ,
Такъ и другу милому
Не знать счастья.
Зимой—снѣги бѣлые
Цвѣтъ засыплютъ;
Весной—ручьи быстрые
Цвѣтникъ смоютъ...
Такъ и милъ-сердечный другъ,
Съ злой кручины,
Боясь чистой совѣсти,
Уйдетъ въ землю.
Я приду съ кручиною
На могилку
Милаго, желаннаго—
И поплачу;
За него съ усердіемъ
Помолюся,
И, простивъ обманъ его,
Распрощуся.

Пѣсня.

Вянетъ травка осенью
И желтѣетъ:
Сохнетъ съ грусти молодецъ—
И старѣетъ,
Гдѣ та удаль буйная,
Что̀ бывала?
Гдѣ та рѣчь разгульная,
Что̀ звучала?
Гдѣ тѣ кудри русые,
Что̀ вилися?
Гдѣ тѣ взоры пылкіе,
Что̀ такъ жглися?
Ахъ! тѣ кудри русые
Посѣдѣли;
Очи соколиныя
Потускнѣли;
Сердце молодецкое
Присмирѣло,—
Все, все въ добромъ молодцѣ
Устарѣло.

„Лит. Газ.“ 1848, г., № 41.

Пѣсня.

Пламенѣя, горя,
Золотая заря
Занимается...
Чрезъ сосновый лѣсокъ,
Чуть шумя, вѣтерокъ
Пробирается...
Видно, душно ему
Стало въ темномъ лѣсу

И нерадостно?
Захотѣлося, знать,
Полетать, погулять
По раздолію?..
. . . . . .
Вотъ прошелъ вѣтерокъ,
Чуть шумя, чрезъ лѣсокъ—
Да какъ кинется!
И завылъ, загудѣлъ,
Черезъ степь полетѣлъ
Буйно, весело!
По дорогѣ поднялъ
Пыль столбомъ, взволновалъ
Ковыль бѣлую,—
Налетѣлъ, подхватилъ
И чрезъ степь покатилъ
Травку бѣдную!
. . . . . .

Не хвались ты собой,
Вѣтерокъ удалой,
И не важничай!
Я сейчасъ же сломлю
Прыть младую твою...
. . . . . .
На коня лишь вскочу,
За тобой полечу
Буйной удалью,
Какъ мигнуть, нагоню...
Берегись, раздавлю
Твою волюшку;
Разорву я тебя
Полной грудью коня
На двѣ стороны!..

„Лит. Газ.“ 1848 г., № 41.

Письма.

Письма А. В. Кольцова.

1. В. П. Кольцову.

8 мая 1831 года. Москва.

Милостивый государь, батинька, Василій Петровичъ! По выѣздѣ изъ Воронежа пріѣхалъ въ Москву 2-го мая. Дорога была очень неспособная къ скорой ѣздѣ; но этой медленностію, слава Богу, упущенія никакого не сдѣлалось. Рапортъ въ Сенатѣ только получили 5 мая: вѣрно гдѣ-нибудь пролежалъ, дожидаясь почты. Теперь онъ поданъ въ экспедицію; но когда будетъ выслушиваться, этого еще неизвѣстно. Нынче написали прошеніе и копіи на гербовыхъ листахъ со всѣхъ контрактовъ; завтра подадимъ въ Сенатъ, и Александръ Савичъ поѣдетъ узнать, когда будетъ слушаться рапортъ, и кой съ кѣмъ повидаться. Онъ теперь немного нездоровъ и живетъ за Москвой, въ Сокольничьей слободкѣ. Я у него бываю часто, часто и ночую. Изъ Казенной палаты до будущихъ обстоятельствъ требовать рапорта другого не будемъ; и здѣсь еще дурного ничего не видно; если-жъ что случится, то въ слѣдующихъ письмахъ буду извѣщать подробно. Богъ знаетъ, что будетъ дальше, а Александръ Савичъ твердо увѣренъ въ хорошую сторону.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Ивану Феодоровичу и Василію Ивановичу; желаю вамъ быть здоровымъ и благополучнымъ, остаюсь вамъ покорный сынъ Алексѣй Кольцовъ.

Адресы на письмахъ пишите: На Бѣлевскомъ-Елецкомъ подворьѣ, у дворника Василія Захарова *такому-то*.

Съ этимъ письмомъ посылаю паспортъ Елецкаго гуртоправа. Я его нашелъ;—живетъ онъ на квартирѣ довольно бѣдно и малый лѣнтяй; нехорошихъ правилъ; просилъ еще

денегъ 40 рублей—я ему не далъ, видя его корочь. Онъ безъ того не пошелъ въ Воронежъ; денегъ не даетъ имъ забратыхъ, и не хочетъ отдать. Сдѣлайте, чтобъ его по паспорту послали по пересылкѣ. Если наши деньги пропадутъ, то будетъ дураку наука, а ничего, сдѣлать съ нимъ болѣе нечего.

За 16 рублями не заѣзжалъ потому, что черезъ Ефремовъ я ѣхалъ въ польномъ. Петръ Кузьмичъ Саламатинъ хотѣлъ по своему дѣлу послать сюда Бирюкова; я говорилъ о его долѣ Полякову. Они берутся его сдѣлать, и если вамъ это не будетъ противно, то отдайте незапечатанное письмецо, вложенное въ это, ему.

Газета „Донъ“ 1893.

2. В. Г. Бѣлинскому.

3 марта 1836. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Позвольте вамъ изъ Петербурга засвидѣтельствовать почтеніе. Я знаю, это нынче не въ модѣ; но я ничего болѣе не имѣю, какъ только одно лишь это: почитать людей, которыхъ я душою почитаю. Вы меня приняли въ Москвѣ довольно ласково; и мнѣ изъ-за васъ Москва показалась гораздо теплѣе, нежели была прежде. Да, вы подъ доброю планетой рождены, и эта планета велика собой: по крайней мѣрѣ, она черезъ пространство 700 верстъ имѣетъ сильное вліяніе на того человѣка, на котораго вы бросили отблескъ своего луча. Извѣстный вамъ довольно Януарій Михайловичъ г. Невѣровъ о бытѣ моемъ составилъ біографію (которая печатается въ „Сынѣ Отечества“ [1] и здѣсь я передъ вами много грѣшенъ: принужденъ былъ отдать въ нее „Косаря“, котораго прирядилъ ужъ вамъ. Извините меня великодушно: ей-Богу, было передъ нимъ и другими совѣстно и стыдно, что не могъ ничего кромѣ его отдать болѣе лучшаго. Согрѣшилъ — простите. Если онъ еще нигдѣ не помѣщенъ, прошу васъ, нельзя ли никуда не помѣщать; въ противномъ случаѣ, что дѣлать, не знаю самъ. Проклятой свѣтъ: въ немъ часто встрѣчаются такія вещи, что и Боже упаси. Сначала все идетъ хорошо, потомъ и

[1] 1836 г. ч. 176. „Поэтъ-прасолъ А. В. Кольцовъ“.

еще хорошо, потомъ посмотришь, бѣда на носу, а двери заперты; тутъ въ петлю радъ, — на тотъ грѣхъ судьба забыла петлю прицѣпить. Я не смѣю просить васъ ко мнѣ писать, но прошу васъ, на первой почтѣ,—и то, если можно и если удобно будетъ вамъ и не въ трудъ, — прислать ко мнѣ 20 моихъ книжекъ. Если же вы не имѣете на это у себя время, простите меня, что я хотѣлъ васъ утрудить. Я и такъ много чувствую ваше доброе расположеніе, которымъ долженъ бы былъ дорожить болѣе съ такой стороны, съ которой—стыдно сказать—не умѣю. По добротѣ своей часто Богъ даетъ намъ понятія выше нашихъ чувствъ. За дурное письмо не ругайте, потому что проза со мною еще при рожденіи разошлась самымъ неблагороднымъ образомъ. Желаю здоровья вамъ. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій, его жизнь и переписка", А. Н. Пыпина, I, стр. 138.

3. В. Г. Бѣлинскому.

21 марта 1836. Питеръ.

Милостивый Государь Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ одномъ посьмѣ нескромно безпокоилъ я васъ моею пустенькою просьбой; послѣ одумался, что я это сдѣлалъ очень дурно,— спохватился поздно: нельзя возвратить звука, который прозвучалъ. Простите ошибки: бываютъ въ головѣ людей такіе промежутки, въ которые забываемъ то, о чемъ бы помнить нужно. Шатаясь полупраздный по улицамъ Петербурга, самъ не знаю какъ и гдѣ, залѣзла въ голову эта неблагородная мысль, что есть у людей минуты, въ которыя не хочется дѣлать дѣльнова... Думалъ очень глупо: человѣкъ, который посвятилъ себя возвышеннымъ думамъ, который въ полныхъ идеяхъ здраваго смысла выводитъ священныя истины и отдаетъ ихъ цѣлому міру, — толпа людей любуется ими безусловно: хвала жрецу, исполнителю искусства! (это не мои слова; такъ разумѣетъ о васъ здѣшній литературный людъ)—а я, глупецъ, потревожилъ ваши великія думы своей бездѣлкой... Нужда говорлива: изъ одной крайности я перехожу въ другую. Если можно, подателю сего письма, прошу васъ покорнѣйше, дайте 50 книжекъ, и онъ ихъ перешлетъ ко мнѣ, я его при семъ же просилъ особеннымъ письмомъ. Вѣроятно, въ

Питерѣ я проживу Святую. Новости въ Питерѣ: печатается новый журналъ „Современникъ“, издаваемый Пушкинымъ; 1 № ожидается 15 апрѣля. „Джулію Мости“ Кукольника печатаетъ Смирдинъ отдѣльно. — Слышно, на Ѳоминой въ понедѣльникъ дадутъ на театрѣ комедію Гоголя, новую; всѣ заняты ею. — Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

4. Кн. П. А. Вяземскому.

Ваше сіятельство, Петръ Андреевичъ! Препорученныя вами письма въ Москву я доставилъ; ихъ приняли отъ меня очень ласково, и дѣло мое тотчасъ же кончили, послали указъ; но еще у насъ не полученъ; думаю, получится на этихъ дняхъ. Сегодня поутру я доставилъ послѣднее письмо нашему вицъ-губернатору Александру Яковлевичу Мѣшковскому. Онъ принялъ его весьма сухо; отъ меня не хотѣлъ выслушать ни слова, и только сказалъ, что онъ своего заключенія никакъ не перемѣнитъ. Гдѣ я не думалъ, тамъ случилось напротивъ. Много я васъ обезпокоивалъ моими просьбами, теперь опять въ крайней моей нуждѣ прибѣгаю подъ покровительство ваше, не оставьте меня своей защитой: вы съ самаго начала приняли участіе, и теперь покорнѣйше прошу ваше сіятельство, не откажитесь помочь мнѣ при концѣ. — Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ, 1836 г. мая 22.

P. S. Если что-нибудь дурно написалъ, простите, ваше сіятельство: впервóй съ роду пишу къ князю.

Выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго архива въ „Рус. Арх.“ 1868, № 3, стр. 458.

5. А. А. Краевскому.

22 мая 1836. Воронежъ.

Дорогой и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Новыя обстоятельства перемѣнили совершенно всѣ задуманные дорогой планы. Хотѣлъ впереди встрѣтить одно хорошее; напротивъ, прежде всего повстрѣчался съ дурнымъ, да еще съ такимъ дурнымъ, котораго не дай (Богъ) никогда ни

знать, ни вѣдать никому. Письмо, полученное отъ его сіятельства князя Петра Андреевича Вяземскаго къ нашему вице-губернатору, къ удивленію моему, было принято сухо. На это я хотѣлъ объясниться, но онъ, по добротѣ своей, не хотѣлъ выслушать ни слова и, кажется, подумалъ, что я его получилъ какъ-нибудь чрезъ протекціи низкія, по перепискѣ изъ Воронежа. Хотѣлъ разувѣрить,—не успѣлъ и не могъ, а поскорѣй убрался за погоду. Боже мой! какъ эти люди у насъ горды и недоступны, вы представить себѣ не можете. Это не люди, а академическіе сфинксы. Теперь надежда вся на васъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ. Ради Бога, помогите мнѣ въ этомъ случаѣ; попросите еще его сіятельство написать къ нему письмо, авось Богъ дастъ получшѣетъ.

Извините, что не могу писать вамъ болѣе. Дѣла мои въ совершенномъ разстройствѣ. Послѣ меня отца моего такъ стѣснили взысканіемъ, что онъ принужденъ былъ уѣхать изъ дома и жилъ кой-гдѣ болѣе мѣсяца; и товару рогатаго купилъ очень мало. Богъ дастъ, хоть немного поправлю торговыя дѣла свои, буду писать вамъ больше. Январію Михаиловичу съ сею же почтою я послалъ „Молодую жницу“; пожалуйста, прочтите ее. Если она не годится въ „Современникъ“, то киньте въ Неву. „Умолкшій поэтъ“ я отдалъ въ „Телескопъ“, и, кажется, бранить не будете. Еще другія я вамъ пришлю въ скоромъ времени. Теперь ничего стихотворнаго не дѣлаю, и проза въ головѣ ходитъ чортъ знаетъ все какая! Желаю вамъ быть здоровымъ, жить весело. Еще напоминаю: не оставьте просьбы, помогите! Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Когда какіе стихи написаны, всѣ года въ слѣдующую почту пришлю. Занятыя мною у васъ деньги посылаю съ моею благодарностью, девяносто пять рублей ассигнаціями.—Не приняли на почтѣ съ деньгами, опоздалъ; въ слѣдующую почту пришлю. А. К.

„Др. и Нов. Рос.“ 1879, № 3.

6. Неизвѣстному лицу.

(1836 г.).

Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не бракъ—любовь бы насъ соединила вѣчною взаимностью другъ къ

другу. Не блести никогда вѣнчальный вѣнецъ на главѣ моей; дай мнѣ лучше, Провидѣніе, факелъ философіи, разверни, природа, темные покровы, покажи, природа, въ зеркалѣ жизнь ту... Сестрица, созданье любви и красоты, если бы это идеальное существо были вы, чѣмъ былъ бы съ вами я? И какія минуты счастья посѣщали насъ всегда! Чѣмъ бы намъ казались мгновенія, проведенныя въ объятьяхъ любви и дружбы?

Не бывъ съ вами, передавать свои чувства — и это счастье, однимъ этимъ рѣдкій равенъ со мною. Вы не знаете, какъ мнѣ драгоцѣнны ваши письма! Часто читая ваше письмо въ душевномъ восхищеніи, улетая мыслію къ вамъ, я думаю: Провидѣніе, вотъ чувство той, которой я весь принадлежу; Провидѣнье, ты дало мнѣ завидливый удѣлъ; я не оцѣню своего блаженства!

Что за счастье, что за рай
Жить вдали отъ милой,
И былое оживлять
Памятью унылой?

Что за радость, что за счастье
О ней плакать, тосковать,
Вѣчно съ нею не вкушать
Любви сладострастье?

Сердцу что за наслажденье,
Что за дружескій обѣтъ,
Коль въ сердечномъ упоеньѣ
Цѣловать ее не смѣть?

Если судьба надъ кѣмъ хитритъ несправедливо, ужель тому ей рабски покоряться? Нѣтъ, судьба опредѣляетъ, а природа даетъ: слѣдственно, не законъ судьбы, а законъ природы для насъ святѣе. Постигнуты вы судьбою — не унывайте предъ горемъ, лишь бойтесь погасить искру сердца, искру чувства и любви священной. Это сокровище я вѣчно ни съ чѣмъ не сравню и ни на что не промѣняю. Владѣйте равнодушно талантомъ безталаннымъ, и старайтесь быть счастливою талантами природы — и вы будете счастливы!.. Что за обязанность сохранять до гроба вынужденную предъ алтаремъ клятву — ничтожному рабу послушной быть рабыней? Хранить ему вѣрность, любить его противъ желаній, и вѣчно, вѣчно быть рабыней? И страшно, и смѣшно! Любезный Вольтеръ, если бы всѣ могли понимать твои возвышенныя истины, что бъ былъ рабъ предъ рабыней, рабыня предъ рабой? —

Глупцомъ
Съ большими рогами,
Осломъ
Съ длинными ушами.

Тише, еще это люди считаютъ за грѣхъ. Настанетъ часъ, заблещетъ, какъ лѣтнее солнце, свѣтильникъ истины, до той поры надо молчать и смѣяться суевѣрнымъ предразсудкамъ легковѣрныхъ людей. Милая сестрица, вы говорите несправедливо: когда бы прежде смолвились съ вами, насъ бы соединили узы брака. Вѣрю, узы соединяютъ людей, но не сердца. Скажите, что же значатъ эти узы?

Что́ за райская мечта,
Что́ земная красота,
Коль любить ее мученье,
Слезы — напряженье?

Если бъ ты у ногъ прекрасной
О свиданьѣ умолялъ,
Если бъ ты съ подругой страстной
Въ полной нѣгѣ утопалъ!

Удались, лукавый, не шепчи, голосъ преступленья; не обольщай очарованными прелестями небесныхъ наслажденій. Мое все со мной. Я доволенъ тѣмъ, что́ дано мнѣ.

Что́ могу своимъ назвать,
Мнѣ всего то лучше, краше:
Чѣмъ другимъ дано владать,—
То чужое, то не наше.

О красавицѣ младой
Страстны юноши вздыхали!
Каждый взглядъ ея живой
Даромъ неба бы считали.

„Отеч. Зап.“ 1867, т. 170; ст. Малыхина („Кольцовъ и его неиздан. стихотв.“).

7. А. А. Краевскому.

28 мая 1836 г., Воронежъ.

Добрый, любезный мой Андрей Александровичъ!

Взятыя у васъ деньги взаймы при семъ посылаю. Хотѣлъ послать на прежней почтѣ, не приняли съ посылкой, и я принужденъ былъ деньги выложить и послать одно письмо. Дѣла мои немножко безъ меня шли дурно; занимаюсь крѣпко ими и, Богъ дастъ, въ мѣсяцъ надѣюсь привести ихъ въ порядокъ. Болѣе разстроило ихъ то дѣло, за которымъ жилъ въ Питерѣ. Я вамъ скучалъ просьбою: если можно, не оставьте. Мнѣ остается уладить во всемъ

Воронежѣ съ однимъ вице-губернаторомъ, — и все бы могло пойти хорошо; а безъ васъ уладить съ нимъ я не могу, потому что человѣкъ весьма дурной, который нашего брата считаетъ ни за грошъ. Я съ нимъ личности и никогда еще не имѣлъ, да Богъ знаетъ, что-то онъ ко мнѣ не ласковъ! Можетъ-быть, насказалъ ему кто-нибудь съ дурной стороны, только, ей-Богу, не знаю. Посылаю вамъ, какъ вы говорили, что̀ когда писалось изъ тѣхъ вещей, которыя вы приняли подъ свое покровительство. За одолженіе денегъ покорно васъ благодарю. Какъ управлюсь дѣлами, буду писать вамъ болѣе. Погода у насъ чудесная: и ясно, и тепло. Желаю вамъ быть здоровымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ покорнѣйшій вашъ слуга Алексѣй Кольцовъ.

Въ Москвѣ познакомился я съ Глинкою, Ѳедоромъ Николаевичемъ; онъ меня обласкалъ весьма хорошо. Посылки ваши я роздалъ всѣ.

„Др. и Нов. Россія“, 1879, № 3.

8. А. А. Краевскому, Я. М. Невѣрову и В. В. Григорьеву.

2 іюля 1836. Воронежъ.

Добрые и любезнѣйшіе мои Андрей Александровичъ, Януарій Михайловичъ и Василій Васильевичъ!

Дай Богъ здоровья вамъ, дай Богъ веселья вамъ, — вотъ все, что̀ желаю я вамъ отъ души. Благодарю, благодарю сердечно васъ за память вашу обо мнѣ, благодарю за письма ваши: много принесли они мнѣ радости и минутъ отрадныхъ. Да за ваши ласки, за все то, что̀ вы для меня сдѣлали и сдѣлаете. Кажется, никто въ цѣломъ свѣтѣ скуднѣй не платится, какъ я. Грустно и думать, и не имѣть силы выполнить то, что̀ выполнить надо. Письмо, съ котораго я получилъ копію отъ васъ, замѣтно, что перемѣнило порядочно нашего Кривосудова, какъ взвеличили его вы. Этотъ гостинецъ пришелъ къ намъ кстати. Посылаю вамъ при семъ „Цвѣтокъ“. Я его написалъ, или лучше — переправилъ еще дорогою изъ Питера въ Москву; но прежде не посылалъ затѣмъ, что онъ не успѣетъ войти въ собраніе. Въ Москвѣ отдалъ его Бѣлинскому; напечаталъ-ли онъ, или нѣтъ, — не знаю. Болѣе — писалъ и не писалъ: все хлопочу по дѣламъ торговли, которыя безъ меня шли

ужь очень дурно, — а разлитую воду подбирать съ земли не всякому легко. Теперь, слава Богу, ходъ ихъ получшѣлъ гораздо. Въ стѣпи ѣздилъ только разъ, и то на скорую руку, какъ баба поетъ надъ могилой. Я вамъ далъ слово написать, и не выполнилъ по сю пору, подождите пожалуйста: Богъ дастъ, выполню все. Прошу васъ, примите отъ меня посылаемую бездѣлку за вашу хлѣбъ-соль въ уплату. Еще пожалуйста, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, поблагодарите за меня его сіятельство князя Петра Андреевича Вяземскаго, за ихъ благодѣянія и покровительство. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и уваженіемъ имѣю честь пребыть вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

9. В. Г. Бѣлинскому.

20 ноября 1836. Воронежъ.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Здоровы-ли вы? Объ васъ давно я ничего не слыхалъ. Николай Васильевичъ Станкевичъ уѣхалъ въ Острогожскъ; хотѣлъ быть въ октябрѣ, но до сихъ поръ еще не проѣзжалъ черезъ Воронежъ. А кромѣ его узнать объ васъ мнѣ не отъ кого больше. Недавно слышалъ я весьма непріятное извѣстіе: говорятъ, будто бы „Телескопъ" запрещенъ[1] царемъ и не будетъ издаваться; ежели правда, то мнѣ жаль до смерти лишиться „Телескопа": я его люблю душою. Ради Бога, любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ, увѣдомьте меня, да позвольте вамъ сдѣлать маленькій гостинчикъ съ нашего тихаго Дона Ивановича; мнѣ давно хотѣлось вамъ послать его, да все не было случая, а время шло день за день. Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

10. А. А. Краевскому.

27 ноября 1836. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ! Давнымъ-давно ко мнѣ вы ни полслова. Бывало, не вы, такъ Яну-

[1] За „Философическое письмо" Чаадаева.

арій Михайловичъ кое-когда посѣщалъ торгаша-горемыку, а нынче и онъ что-то замолчалъ. Конечно, всегда вы заняты, всегда дѣла. Да, вы небомъ избранные жрецы священнодѣйствовать у алтаря высокаго искусства. Много надо время и трудовъ оправдать это великое призваніе: легко мечтать и думать, но трудно выполнять. Можетъ-быть, не хорошо дѣлаю, что часто такъ скучаю вамъ, да какъ мнѣ быть, когда до смерти хочется узнать отъ васъ кой о чемъ нужномъ! Желанью сѣнца не подложишь: оно насильно требуетъ, что̀ ему надобно. Пуще всего позвольте мнѣ поговорить съ вами о моей книгѣ, въ которой вы приняли на себя трудъ благодѣтельствовать. Какъ она сердечная? Скоро будетъ напечатана? — или, какъ мать родила, пошлете во-свояси? Что если это правда? — то жить ей у меня будетъ неловко; лучше не присылайте, а то я ее изволочу какъ шельму. Нѣтъ, было бы лучше ей, если бы она пріѣхала ко мнѣ расфранченная, наряженная, какъ петербургская щеголиха-барыня. Другая рѣчь. Посланныя къ Январію Михайловичу „Могила“ и „Великая Истина“ и еще семь піесокъ — скажите пожалуйста — будутъ гдѣ напечатаны? Они писали ко мнѣ, что имъ непонятно въ „Великой Истинѣ“, начиная съ „Свобода, свобода“, до: „Но слово: да будетъ“. Я разумѣлъ здѣсь просто чистоту души перваго человѣка, потомъ его грѣхопаденіе и что, чрезъ этотъ грѣхъ, въ буйной свободѣ человѣческой воли — разросшіяся разнообразныя страсти, которыя донынѣ господствуютъ надъ нами, какъ говоритъ Св. Писаніе, а потомъ искупленье не вполнѣ. Если я ошибся (что за мной часто, водится), пожалуйста, объясните. Теперь еще посылаю вамъ двѣ піески: „Міръ Божій“ и „Слеза молитвы“. Если онѣ стоятъ быть въ „Современникѣ“,— помѣстите, а нѣтъ— куда угодно вамъ, отдайте. Болѣе ничего не писалъ: недосуги! Батенька два мѣсяца въ Москвѣ: продаетъ быковъ. Дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ селы; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полуночи. Забочусь о томъ дѣлѣ, въ которомъ вы приняли участіе, — дай Богъ здоровья вамъ и Василію Андреевичу Жуковскому и Петру Андреевичу Вяземскому! — но по которому до этихъ поръ въ палатѣ ничего не дѣлаютъ. Да я до смерти радъ и

тому, что денегъ не взыскиваютъ пока, а то было вовсе проняла бѣда: хоть ложись, да умирай! Вы замѣтили нескладицу въ „Неразгаданной истинѣ“; вотъ этакъ будетъ, кажется, лучше:

Сторона пустая
Снова зацарюетъ,
И жизнь молодая
Шумно запируетъ.

А „Женитьба Павла“, которая вамъ нравилась, если угодно, — напечатайте. Да, новость! Съ мѣсяцъ назадъ былъ въ Воронежѣ Ѳеодоръ Николаевичъ Глинка съ женой. Обое два раза посѣтили мой домъ, привѣтили, обласкали мое семейство; обое такіе добрые, какъ я не ожидалъ. Были у меня... чего это стóитъ! „Телескопъ“, я слышалъ, понесся шибко, да наѣхалъ на пень.· Жаль „Телескопа“,— славный былъ малый! О вашемъ новомъ журналѣ[1], къ несчастью, тоже слышалъ непріятность, — какъ желалъ бы не слышать никогда! Жаль, очень жаль!.. Кланяйтесь отъ меня... кому же? Можетъ быть, это неловко и не годится; тутъ нуженъ вашъ совѣтъ. Съ душевнымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностью къ вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, имѣю честь пребыть покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія“. 1879.

11. Ѳ. Н. и А. П. Глинкамъ.

9 декабря 1836. Воронежъ.

Ваше Превосходительство, Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна! До того вы ко мнѣ были ласковы и добры, что не побрезгали посѣтить мой простой уголокъ. Сколько радости, сколько удовольствій чувствовалъ въ минуту вашего посѣщенія. Да! можетъ-быть, это первыя лучшія минуты моей шереховатой жизни, можетъ-быть послѣднія минуты моего земнова счастія. Я не говорю, что со мной тогда было, но и теперь, когда думаю: Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна были у меня, вотъ здѣсь въ домѣ, вотъ въ этой самой комнатѣ, — и душѣ вдругъ станетъ что-то грустно и сладко, тепло и отрадно. Справедливъ Господь Богъ въ судьбахъ своихъ, положившій

[1] „Литер. Приб. къ Инвалиду“.

за годъ печали — день радости. Тяжело годъ идетъ, горою проходитъ, ляжетъ на груди, сердце раздавитъ. Небеснаяжъ радость *птичкой* прилетаетъ, минуту гоститъ, сладкія пѣсни поетъ, вспорхнетъ, улетитъ; а звучныя пѣсни долго въ душѣ раздаются, долго слушаетъ она, и слушать ихъ душѣ все бы хотѣлось. И вотъ бѣдные отзывы вашихъ пѣвучихъ сладкихъ пѣсенъ. Вы въ меня ихъ вдохнули, виновники ихъ — вы. Примите ихъ, ваши они! Съ душевнымъ почтеніемъ, честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Вы изволили говорить: послѣдній стихъ перемѣнить у пьески „Цвѣтокъ“ Вотъ этакъ будетъ, кажется, лучше:

О, пой косарь! зови пѣвицу,
Подругу — красную дѣвицу!
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной.

Рукоп. И. Общ. Люб. древн. письм. (Бумаги Ѳ. Н. Глинки).
Сбо никъ литературн. статей, посвященныхъ русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина. Т. I. СПБ.

12. А. А. Краевскому.

12 февраля 1837. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Старое „Литературное Прибавленіе“ съ новою жизнію, Плюшара съ издателемъ, а васъ съ редакторствомъ и журналомъ поздравляю. Душевно радъ, что наконецъ вы все-таки поставили на своемъ. Пусть ваши враги скинутъ шапки и поклонятся въ поясъ побѣдителю; правымъ дѣломъ Богъ владѣетъ! А вашему новому журналу успѣха и талану и многихъ лѣтъ. Трудно сначала отыскать дорожку, а дорожка на дорогу выводитъ, а по битой дорогѣ хоть день, хоть ночь ступай, — съ полугоря, не забьешься! Жалко, что до этихъ поръ не видалъ еще новаго „Литературнаго Прибавленія“. Въ Воронежѣ я говорилъ объ немъ кой-кому, и человѣка три подписались, но до сихъ поръ еще не получили. Въ „Сынѣ Отечества“ я читалъ вашего „Бориса Ѳедоровича Годунова“ съ душевнымъ удовольствіемъ два раза, и еще прочту. Долго думали, много трудились — и хорошо сдѣлали ... О изданіи моей книги очень жаль, что вы объ ней такъ много безпокоитесь: невозможнаго сдѣлать невозможно. Вы хлопочете, чтобы ее продать какому нибудь

книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такія бездѣлицы продавать дороже стыдно. Въ теперешнее время она болѣе ничего, какъ ветошь; а ветошь когда была въ цѣнѣ? Если вы все тѣ же и если ваше желаніе не перемѣнилось, то позвольте просить васъ вотъ о чемъ. Сберите всѣ піесы, которыя остались у васъ въ рукописи, прибавьте къ нимъ, какія я посылалъ Януарію Михайловичу; послѣ же разбросайте по нимъ напечатанную книжку и выйдетъ подъ шестьдесятъ. Расположите, какъ признаете лучше. Януарій Михайловичъ обѣщался прибавить къ нимъ свою статейку, и вы, съ своей стороны, прибавьте то, что прибавить хотѣли, — и выйдетъ славная книжка. Еще мнѣ бы хотѣлось напечатать на хорошей бумагѣ, пороскошнѣй, — и оттисните въ добрый часъ. Мало словъ, много хлопотъ, и дѣла куча. Отдайте Смирдину на комиссію, или кому вамъ угодно, — и дѣло съ концомъ. А если публика не поддержитъ? Богъ съ ней! пускай она думаетъ себѣ, какъ хочетъ. Вѣдь вы-жъ сказали, что правда, какъ масло, наверхъ выплыветъ. Если они хороши, публика полюбитъ; плохи, — нѣтъ. Какъ можно заставить молодца-красавца любить противу силъ дурную жену! Я на публику никогда не надѣялся и надѣяться не буду. За свои стихи денегъ не бралъ и буду-ль брать когда-нибудь? Цѣна имъ дешевая, а награда великая. Вы не побрезговали мною, слава Богу: приняли въ число своихъ знакомыхъ, помогли, обласкали, во-первыхъ, познакомили меня съ людьми, которыхъ я не стою и не буду стоить никогда. Чего же мнѣ больше! Отъ Христа рожна, что-ли? Нѣтъ, я и этимъ доволенъ черезчуръ. Не выручатся деньги, а платить въ типографію будетъ нужно,—напишите: я тотчасъ деньги вышлю. А чтобъ васъ совершенно увѣрить и успокоить въ исправномъ платежѣ, посылаю росписку. Еще меня на это станетъ: живъ Богъ, жива душа. А если бы вы ее посвятили наслѣднику, кто бы былъ счастливѣе меня во всей Россіи! Но это мысль несбыточная. Впрочемъ, пора издавать ее, или нѣтъ, какъ издавать, или вовсе погодить, — мнѣ отсель узнать трудно, но я во всемъ отдаюсь на вашу полную волю: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Вы ничего не пишете, отчего именно не могли войти въ „Современникъ“ мои піески? Тутъ что-нибудь должно

быть другое. Меня сильно безпокоитъ эта тайна, а вы скрываете; пожалуйста, объясните просто. Я къ вамъ пристал, какъ арипей: требую и того, и этого, а какое имѣю право и чѣмъ заплачу? Ничѣмъ! Въ своемъ „Литературномъ Прибавленіи“, какія угодно вамъ будутъ, помѣстите мои піески; я буду душевно вамъ благодаренъ.

Вы думаете, кончилъ? нѣтъ! я еще собираюсь васъ просить... Ужъ эти мнѣ просьбы, просьбы! Самого ножомъ на части рѣжутъ, и неловко, совѣстно, а нужда говоритъ. Нашъ вице-губернаторъ Александръ Яковлевичъ Мѣшковскій, зять статсъ-секретаря Мирченко, теперь у васъ въ Петербургѣ. Зачѣмъ, — Богъ его знаетъ; только по моему дѣлу до сихъ поръ ничего дѣлать не начиналъ. Нельзя-ли, черезъ кого-нибудь, его вамъ попросить кончить мое дѣло поскорѣе? Ради Бога, не отставьте! Въ дѣлѣ вы приняли участіе и много уже благодѣтельствовали. „Отшельника“ посылаю при семъ, помѣстите куда-нибудь. Я собралъ нѣсколько пословицъ; но не знаю, какія именно мнѣ записывать: какія попало, или какихъ нѣтъ у Богдановича и Снегирева — „Русскіе въ своихъ пословицахъ“. Если кромѣ ихъ, то собирать трудно, и мало (пословицъ) разбросано въ людяхъ. Для совѣта я приведу ихъ въ порядокъ и, если велите, пришлю къ вамъ. А пѣсни, если и волочатся, то просто всѣ безпутныя, изъ нихъ посылаю вамъ посмѣяться при семъ.

Но болѣе всего меня останавливаютъ отъ занятій литературныхъ дурныя обстоятельства нашей коммерціи. Дѣла торговли все худшаютъ. Скотомъ прошедшій годъ торговали дурно. Сало продали 11 руб. 25 коп. за пудъ, кожу бычью — 13 р., говядину обрѣзную продаемъ 2 р. 50 к., 2 р. и 1 р. 50 к. за пудъ. Дровами торговля посредственная. Хлѣбъ у насъ: мука оржаная 3 р. 50 к. четверть, овса 1 р. 80 к. четверть, пшено 1 р. 40 к. мѣра, крупа 80 к. мѣра, гречиха 3 р. четверть, пшеница 8 р. 50 к. и до 10 р. четверть.

Душевно желаю вамъ быть здоровымъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Росписка. 1837 года, февраля 12 дня, я, нижеподписавшійся, далъ сію росписку его высокоблагородію Андрею

Александровичу Краевскому въ томъ: сколько будетъ имъ истрачено своихъ денегъ на изданіе моей книги, обязуюсь я таковыя деньги, по первому его требованію, немедленно заплатить, въ чемъ и подписуюсь. Воронежскій мѣщанинъ Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

13. А. А. Краевскому.

13 марта 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ!

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ померъ; у насъ его уже болѣе нѣту!.. Едва взошло русское солнце, едва освѣтило широкую русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ; едва раздалися волшебныя пѣсни родимаго барда . .

Прострѣлено солнце. Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни!.. Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна. Сберите ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ. Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ:
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами, —
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

Слѣпая судьба! Развѣ у насъ мало мертвецовъ? Развѣ кромѣ Пушкина тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ есть много, — за что-жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Мерзавка судьба!.. Творецъ Всемогущій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры; но непостижимъ намъ Твой законъ!..

Къ вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, есть у меня просьба. Нельзя-ли потрудиться сказать господину

Плюшару, — выслать мнѣ кое-какія книги. Сколько денегъ за нихъ, — по присылкѣ тотчасъ я пошлю. А книги имѣть вотъ какія мнѣ хотѣлось:

1) Новое изданіе „Отелло, венеціанскій Мавръ", Шекспира;

2) „Сказанія русскаго народа о семейной жизни его предковъ", Сахарова, 1836 г.;

3) Новый курсъ философіи Жеразе, 1836 г.;

4) „Недоросль" Фонвизина;

5) Руководство къ исторіи литературы, соч. А. Вахлера, съ нѣмецкаго. 2 части;

6) „Двумужница", Шаховскаго;

7) „Серапіоновы братья", Гофмана.

Желаю вамъ здоровымъ благополучно убивать время въ Божьемъ мірѣ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть васъ любящій и почитающій покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

14. А. А. Краевскому.

16-го іюля 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Давно я къ вамъ не писалъ ни строчки; дурно, самъ знаю, и каюсь передъ вами. Не то чтобъ не хотѣлъ, — Боже упаси! Но хлопоты, но дѣла, но непріятности, — вотъ мои друзья, которые такъ прилежно за мной ухаживаютъ и день, и ночь, вотъ мои друзья, товарищи, сослуживцы! Богъ знаетъ, когда они отъ меня отстанутъ; съ ними я хожу, лежу, и ѣмъ, и сплю. Досадно, мочи нѣтъ! а помочь горю нечѣмъ! Да, въ настоящемъ мы горюемъ, въ будущемъ ждемъ лучшаго; приходитъ будущее и — хуже стараго въ семь седмерицъ. Вы думаете: какія дѣла? Пустыя, гражданскія? „Нѣтъ, торговыя". Торговыя дѣла дурны, — вотъ что! За что ни возьмись, валится все изъ рукъ, — хоть плачь! Что купишь, думаешь: барышъ! Анъ нѣтъ: убытокъ да убытокъ. Сказать вамъ откровенно? Этотъ чортовъ убытокъ ужъ какъ не хорошъ! Жуешь-жуешь, никакъ не проглотишь, такъ въ глоткѣ коломъ и становится! Ледащій малый этотъ убытокъ, чортъ съ нимъ совсѣмъ! Старая пѣсня, — въ сторону! Ей, чортъ съ ней!

Ею только вамъ можно наскучить. Сѣмъ, поговорить о другомъ, — и дѣло пойдетъ глаже.

Я къ вамъ давно не писалъ, во-первыхъ, за дѣлами, во-вторыхъ, — стыдно сказать! — ничего не успѣлъ написать, ничего. Что дѣлать? — выносишь. Не живи, какъ хочется, — живи, какъ Богъ велитъ! Право, нѣтъ время, или, сказать лучше, время свободнаго имѣю я много, да такъ всегда мысли разстроены, что не лѣзетъ ничего въ голову; а что и лѣзетъ, то чортъ знаетъ, что такое! ни медвѣдь, ни человѣкъ, а такъ какой-то кавардакъ. Стоишь, думаешь-думаешь, да и сядешь на пень: ноги свѣсишь, голову повѣсишь, какъ дуракъ. Теперь, съ горя, принялся, какъ говорили вы мнѣ, собирать русскія народныя пѣсни. Присказками-то я васъ уже употчивалъ, чай, не захотите въ другой разъ: больно солоно! Что вы до сихъ поръ не сказали объ нихъ ни слова! Да, кажется, никогда не скажете ничего. А объ Януаріи Михайловичѣ и слухъ совсѣмъ застылъ: слышалъ мелькомъ, что поѣхалъ онъ въ чужіе края путешествовать. Дай Богъ ему здоровья, въ добрый часъ! Послѣ присказокъ, я теперь собираю народныя пѣсни, и ужъ собралъ немножко. Это дѣло, кажется, лучше. Вотъ изъ нихъ одна. Посмотрите, если она хороша, помѣстите гдѣ нибудь, а нѣтъ, — въ огонь! Перегоритъ, да выгоритъ, такъ лѣтъ черезъ сто будетъ славная пѣсня.

Впрочемъ, скажу вамъ, не ждите: въ нашемъ народѣ лучше этой-то и нѣтъ. Я ихъ переслушалъ много, да все, знаете-ль, такая дрянь, что уши вянутъ: похабщиной битком набиты. Стыдно сказать, какъ нашъ русскій простой народъ бранчивъ. Если же они вамъ приглянутся, — напишите, я ихъ еще къ вамъ пришлю: есть въ сумкѣ про запасъ, и собирать буду. Но ужъ какая скука ихъ собирать! Съ этими людьми, ребятами, сначала надобно сидѣть, балясничать, потомъ поить ихъ водкой, и пить съ ними самому зачередъ: потомъ начать самому, — пропѣть пѣсни двѣ. А я пѣть большой мастакъ! Если бы кто послушалъ, нахохотался бы до-сыта, по горлушко. Потомъ они затянутъ, ты съ ними же, пишешь и поешь! Пріѣзжайте, послушайте, любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Ей-Богу смѣшно: черевушки порвете! А иначе ничего не подѣлаешь, — хоть брось. Только я за нихъ принялся крѣпко: что хочешь дѣлай, а пѣсни пой, намъ надобны!

7-го іюля былъ у насъ, въ Воронежѣ, дорогой гость, великій князь, и съ нимъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Я былъ у него, онъ меня не забылъ. Ахъ, любезный Андрей Александровичъ, какъ онъ меня принялъ и обласкалъ, что я не нахожу словъ!.. Всего вамъ пересказать много, много, много... и все хорошо, прекрасно! Едва-ли ангелъ имѣетъ столько доброты въ душѣ, сколько Василій Андреевичъ: онъ меня удивилъ до безумія. Я до сихъ поръ думаю, что это все было со мной во снѣ, да иначе и думать невозможно, жаль, что не могу всего разсказать вамъ подробно; словомъ, чудеса!.. Дай Богъ ему добраго здоровья. Я благоговѣлъ передъ нимъ. Пріѣздъ Василія Андреевича въ Воронежъ много меня осчастливилъ. Не только кой-какіе купцы, и даже батенька не вѣрилъ кой-чему, теперь увѣрились... Ничего, слава Богу! Много бы, много вамъ объ этомъ надобно поговорить, да не могу; душа чувствуетъ, да высказать не можетъ. Словомъ, мнѣ теперь жить и съ горемъ стало теплѣй дюже. Желаю вамъ добраго здоровья. Всѣмъ, кого увидите изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, засвидѣтельствуйте почтеніе; я всѣхъ ихъ свято помню. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью, вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

15. А. А. Краевскому.

28 іюля 1837. Воронежъ.

Дорогой и любезный мой Андрей Александровичъ! Не получая отвѣта на посланную вамъ пѣсню, теперь посылаю другую. Отвѣтъ мнѣ вашъ нуженъ въ теперешнее время потому болѣе, что я, какъ вамъ уже писалъ, принялся собирать русскія народныя пѣсни пристально. Но, можетъ-быть, онѣ вамъ не понравятся, или нѣтъ, какія бы нужно собирать; слѣдственно, трудъ мой будетъ въ такомъ случаѣ совершенно напрасенъ; а ихъ собирать и копотно, и трудно; притомъ мнѣ, безъ вашихъ наставленій, самому потрафить трудно. Въ Воронежѣ не то, что въ Петербургѣ. Тамъ показалъ тому-другому, выслушалъ и, благословясь, валяй впередъ! Здѣсь не то: у насъ о словесныхъ предметахъ добраго слова и на Рождество Христово не услышишь. Эту пѣсню поютъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ волости

Хатунской, весною, въ хороводѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Хороводъ становится въ кругъ; берутъ другъ друга за руки дѣвушки и молодцы; въ срединѣ хоровода одинъ парень становится въ вѣнкѣ, расхаживаетъ, поетъ и пляшетъ:

Сро́нилъ я вѣночекъ;

здѣсь онъ снимаетъ съ себя вѣнокъ и бросаетъ на-земь. Онъ надъ нимъ стоитъ, а хороводъ ходитъ—поетъ до „Ты стой, моя роща“. Здѣсь онъ поднимаетъ вѣнокъ, надѣваетъ на голову, вновь ходитъ, пляшетъ и поетъ; и во второй разъ повтореніе дѣлаютъ такъ же. Въ третій разъ сначала тоже:

Дѣвушка идетъ,
Красная идетъ,
Вѣночекъ несетъ,—

хороводъ становится, поетъ; одна дѣвушка изъ него выходитъ, поднимаетъ вѣнокъ, надѣваетъ на молодца, или, какъ она говоритъ, на „хороводника“, и цѣлуетъ его. И конецъ игрѣ! Надобно замѣтить: такъ, какъ я ее записалъ, она имѣетъ слова точныя, изъ слова въ слово; но поютъ въ хороводѣ ее иначе. Всѣ стихи у нихъ повторяются нѣсколько разъ и большею частію перемѣшиваются; и есть при другихъ стихахъ прибавленіе изъ гласныхъ буквъ, частицы къ стихамъ, напримѣръ: *о, ай, оой, аой, ай-ой*. У меня есть она и этакъ списана, и очень вѣрно. Буде угодно, я вамъ пришлю. Эта пѣсня удивительно какъ хороша на голосъ; жаль, что я не умѣю положить голоса.

Дѣла мои теперь торговыя опять немножко получшѣли: приливъ и отливъ ихъ безпрестанный. Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, если я иногда вамъ пишу о нихъ грустно. Часто тяготятъ они душу, грустишь, и объ эту пору пишешь, къ кому что должно и не должно, — безъ ума. Вамъ они кажутся, можетъ-быть, новы, а мнѣ ничего: и горе, и радость должны идти въ этой жизни рука-объ-руку,—такъ велѣлъ быть здѣсь нашъ Хозяинъ! Теперь надѣюсь заниматься кое-чѣмъ поприлежнѣй; кажется, впереди свободнаго много время. Впередъ, впередъ!.. Желаю вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, добраго здоровья. Януарію Михайловичу, если онъ въ Петербургѣ, душевное почтеніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть вашъ покорнѣйшій слуга Ал. Кольцовъ.

У насъ погода жаркая, чудесная, для уборки хлѣба — объяденье! Хлѣба очень хороши, а ужъ погода — чистая, ясная, теплая, горячая ... Чудеса!

„Цр. и Нов. Россіи". 1879.

16. А. А. Краевскому.

15 декабря 1837 г., 2 часа за полночь. Воронежъ.

Милый и любезный Андрей Александровичъ! Горькому горькая пѣсенка поется. Прежде, живя въ этой жизни, ничѣмъ не наслаждаясь, я все думалъ: „время наше впереди, будетъ праздникъ и у насъ! Пусть ихъ живутъ, а мы еще успѣемъ: потрудимся, поработаемъ, какъ Богъ велѣлъ, устроимся и пойдемъ плясать!" — Хорошо. Пришла пора. Затянулъ пѣсню и я, да горькую; пошелъ и въ плясъ, да не казачка въ обмитку, а пародію медвѣдя на привязи. Это—предисловіе къ теперешней моей драмѣ. Мой золотой вѣкъ кончился: я его прожилъ у васъ, между вами, въ Петербургѣ. Послѣ все не такъ, все наперекоръ: ты отъ бѣды ворота на запоръ, а бѣда лѣзетъ черезъ заборъ. Торгую дурно То дѣло еще не кончилось; тянутъ, мучаютъ и конца не становятъ, — хоть бы чортъ ихъ взялъ! Что, вамъ грустно? Вы жалѣете обо мнѣ? Не жалѣйте: это ничего, я ужъ обтерпѣлся, привыкъ. Захочетъ, само пройдетъ! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. За ночью день ужъ долженъ быть, а если захочетъ ночь его скушать, — подавится! Горе, заботы, дѣла и это все— вдругъ! Конечно, неловко; но все бы ничего, когда бы, за всѣмъ этимъ, у меня было время заниматься, чѣмъ мнѣ хочется. Его-то нѣтъ, — вотъ бѣда! Вы думаете, я говорю это къ тому, что, дескать, „за этимъ-то мы давно къ вамъ ничего не посылали, ничего не писали, что де дурныя обстоятельства все останавливали?" Э, нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ! Несмотря на всѣ мои антипатическія обстоятельства, я все-таки читаю и пишу попрежнему, конечно, не столько, сколько бы могъ, пользуясь свободой, но все пишу хоть малость. У насъ теперь есть: „Кудри", и „Царство мысли", „Идея жизни", и „Пора любви", и „Два прощанья", и

„Весна“, и „Грусть удалова“, и „Пѣсни Кудрявича“, и „Человѣческая мудрость“, и „Лѣсъ“. Вотъ какъ! чуть-ли не очень довольно ...

Теперь спросите, почему же я ихъ къ вамъ не посылаю? Вотъ почему: на всѣ мои посланья вы мнѣ ничего не писали; такъ я теперь и боюсь! Вѣдь что у васъ тамъ на умѣ, — я не Святъ Духъ: хороши-ль они, какъ вамъ кажутся,—Богъ вѣсть! Но за то, что вы ко мнѣ не писали, я вѣдь не сержуся, — Боже меня сохрани! Развѣ меня взбѣситъ. Что вы заняты и день и ночь по уши, я знаю, и очень хорошо знаю; и вамъ скучать этой вздорной перепиской безсовѣстно. Но погодите; я скоро ѣду изъ Воронежа далеко и надолго. Погодите, дайте улизнуть, и авось буду свободнѣй; тогда оттоль буду писать больше и сообщу вамъ все дочиста. Теперь же, прошу васъ, не пишите: я ѣду, и ѣду скоро. Какъ это будетъ хорошо! Воронежскія новости: у насъ въ городѣ на 1838-й годъ „Литературное Прибавленіе“ будутъ выписывать человѣкъ десять, а „Библіотеку“ многіе, какіе выписывали прежде, не хотятъ выписывать теперь. И слава Богу! Василію Васильевичу Григорьеву прошу васъ засвидѣтельствовать большое почтеніе, и всѣмъ моимъ милымъ знакомымъ почтеніе. Любящій васъ всей душой Ал. Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія“. 1879.

17. В. Г. Бѣлинскому.

11-го февраля 1838 г.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Простите, Бога ради, меня, что я такъ долго ничего не писалъ къ вамъ. Не думайте, что я забылъ ваше порученіе, — нѣтъ, Боже сохрани, этого грѣха я никогда противу васъ не сдѣлаю; а такъ, были мои мелкіе разсчеты, и даже было вотъ какъ: пріѣхавъ въ Питеръ, два дня разыскивалъ квартиру Полевого, взялъ адресъ въ субботу; невѣренъ — не нашелъ; въ воскресенье лавки заперты, въ понедѣльникъ не засталъ, во вторникъ поутру — дома. Я подалъ письмо, посылку. Онъ принялъ меня очень ласково, даже весьма ласково и радушно, какъ будто мы съ нимъ были знакомы два года. Было часа три. Сначала онъ все извинялся, что недосуги, хлопоты, устройство дѣлъ журнальныхъ,

новая партія, новые люди, знакомства, распорядокъ новый журналовъ мѣшали писать къ вамъ; а все сбирался, и завтра, и завтра, и вотъ до этихъ поръ не писалъ. — „Я его люблю и почитаю, какъ добраго и умнаго человѣка: онъ такой прекрасный, такой милый, любезный человѣкъ, я это знаю. Но вотъ, что-жъ будешь дѣлать: обстоятельства все воротятъ по-своему, — думалъ, думалъ — покорился опять на время имъ, хотя бы это и не кстати, ни въ пору. И мнѣ ужъ, старику, 42 года; я бы что-нибудь написать могъ свое — у насъ въ мірѣ такъ много прекраснаго, есть вещи, которыя душа хочетъ выполнить, а вотъ, несмотря ни на что, я работникъ на 5 лѣтъ, да 5! — еле роли пройдутъ. Я теперь старикъ, а тогда мнѣ будетъ 47 лѣтъ; а тутъ цензура все такъ и придирается: у людей хуже сходитъ, у меня нѣтъ, вымарываютъ да и только, безпрестанно долженъ ѣздить самъ; объ всякой малости говорить, объясняться". — Какъ это Богъ васъ управляетъ, Николай Алексѣевичъ? — „Что-жъ дѣлать? — крайность". — Николай Алексѣевичъ! Виссаріонъ Григорьевичъ меня просилъ узнать у васъ о его статьѣ, разборъ Гамлета. — „Да, я ее получилъ давно, — да вѣдь видите, самъ я не знаю, что́ съ нею дѣлать". — Что-жъ, развѣ дурная статья? — „Нѣтъ, она статья прекрасная; да сначала я получилъ отъ него немного, — думалъ въ „Пчелѣ" напечатать, номерахъ въ трехъ, — смотрю, валитъ огромная другая, — вотъ она, посмотрите, — вѣдь ужасъ какъ велика!" — Да, точно, статья большая. — „Ну, вотъ, мой любезнѣйшій, я теперь и не знаю самъ, что́ мнѣ съ ней сдѣлать. Помѣстить въ „Пчелу", такъ куда — она займетъ номеровъ 30, а въ „Сынъ Отечества", такъ ужъ въ „Пчелѣ" напечатано начало; это мнѣ кажется, неловко; да и подумаютъ, что-жъ это такое? тамъ начало, здѣсь продолженіе. Положимъ это все бы ничего, — да вотъ что́ мнѣ не нравится, посмотрите; я не знаю, что́ онъ за чудакъ такой, пишетъ, да и только — посмотрите, Бога ради — цѣлые монологи, цѣлыя сцены изъ Гамлета; для чего это — не знаю, вѣдь Гамлета всѣ знаютъ. Довольно-бъ, кажется, было два-три стиха для примѣра, а ниже сказать „и прочее, вотъ докуда". Опять, я перевелъ Гамлета, я издаю журналъ, и у меня же такой разборъ; могутъ подумать: видно, попросилъ. Если-бъ и хотѣлъ онъ такъ, то ужъ лучше бы было ему изъ подлин-

ника брать по-англійски что-либо. Послѣ этого, и съ первымъ напечатаннымъ началомъ много было мнѣ хлопотъ: такъ вотъ и смотрятъ, ни съ того, ни съ сего, то нейдетъ, то нельзя; а во всей статьѣ много есть выраженій, которыя вовсе не понравятся, и я ихъ не хотѣлъ бы передавать, — а выкинуть сцены, перемѣнять слова самому, безъ согласія, такъ вы вѣдь знаете Бѣлинскаго и его самостоятельный характеръ. Вотъ почему я ничего съ ней не дѣлаю". — Пожалуйте-жъ, Николай Алексѣевичъ, ее мнѣ, онъ меня просилъ прислать ее къ нему обратно. — „Нѣтъ, я вамъ ее не дамъ, а сначала съ нимъ перепишусь, что онъ мнѣ на это скажетъ". — Ну, такъ, пожалуйста, напишите ему поскорѣй. — „На этихъ дняхъ непремѣнно напишу!" — Поспѣшите-жъ, Николай Алексѣевичъ, онъ ждетъ отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ. — „Да, я знаю; почему мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ сюда пріѣхалъ, и мы тамъ съ нимъ говорили, да вотъ видите-ли, любезнѣйшій Алексѣй Васильевичъ, и этого мнѣ теперь сдѣлать нельзя, еще мои дѣла не такъ устроены; тамъ-то мы думали такъ, а здѣсь совсѣмъ вышло наоборотъ. Я и хочу съ этимъ вотъ какъ сдѣлать: буду его просить, чтобы онъ послѣ Святой пріѣхалъ ко мнѣ такъ. Квартира у меня ему есть, кушать, слава Богу, есть что, живи онъ у меня хотя цѣлое лѣто, я буду душой радъ, какъ другу, я его почитаю и уважаю. Мы будемъ съ нимъ гулять по Питеру, смотрѣть диковинки, людей, показывать себя, бесѣдовать, а что онъ напишетъ, я буду помѣщать въ журналѣ и платить деньги. И мнѣ будетъ это очень, очень пріятно; а если ему полюбится, то онъ можетъ остаться и жить здѣсь постоянно. Мнѣ кажется, такъ сдѣлать будетъ ему лучше, а мнѣ бы такой сотрудникъ необходимо нуженъ. Да все дѣла-то неустроены: — бѣда, Богъ знаетъ за что косятся на меня да и только. Все наши старыя проказы довели до этого. Какъ тогда я былъ глупъ, что увлекался пустяками: ничего, да ничего, — а это ничего и понынѣ никакъ не сотрешь; нужно поселить о себѣ невыгодное мнѣніе, такъ ужъ трудно его перемѣнить". — Вотъ какъ отзывается о себѣ, о васъ и о вашей статьѣ Николай Алексѣевичъ Полевой; я нарочно, какъ просили писать прямо, пишу всѣ его слова, какъ онъ ихъ говорилъ мнѣ. Прощайте, любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Любящій васъ душою Алексѣй Кольцовъ.

На это письмо къ Полевому писать погодите; онъ велѣлъ мнѣ быть у него черезъ два дня, я буду, и къ вамъ напишу тотчасъ; тогда будете писать, — такъ нужно. Михаилу Александровичу почтеніе отъ души. Мой адресъ: на Литейной, въ Басковомъ переулкѣ, въ домѣ г-жи Титовой, № 11, во второмъ этажѣ. Его благородію Ивану Васильевичу Бондаревскому; мы съ нимъ вмѣстѣ.

„Бѣлинскій", А. Н. Пыпина.

18. В. Г. Бѣлинскому.

Февраль 1838 г.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Станкевичъ, Невѣровъ и Грановскій черезъ почту пишутъ письма къ Григорьеву, — письма изъ-за границы. Какъ видно, живутъ они весело втроемъ. Здѣсь Григорьевъ выхлопоталъ для Невѣрова, чтобы его въ Берлинѣ приняли въ университетъ на казенный счетъ слушать лекціи два года, — послѣ онъ пріѣдетъ въ Россію; послѣ испытанія дадутъ профессорство; — это для Невѣрова, слава Богу, хорошо; а Плюшаръ изъ редакціи Лексикона ему не платитъ денегъ до 700 руб., а ему деньги тамъ нужны. Вчера у Венеціанова за обѣдомъ пили здоровье въ день рожденія Невѣрова.

2 февраля былъ въ Петербургѣ славный день, какой едва-ли былъ когда въ Россіи: по соизволенію царя дѣлали юбилей Крылову, праздновали 70-ти-лѣтіе его жизни и 50-ти-лѣтіе его трудовъ на литературномъ поприщѣ. Только не былъ Сенковскій, будто за болѣзнью, Гречъ отказался и Булгаринъ; за это имъ былъ строгій выговоръ. Полевой былъ. На него напалъ кто-то и, какъ онъ говоритъ, чуть не прибилъ; да спасибо, развелъ ихъ кн. Одоевскій, — такъ говорилъ Полевой. Вы ему ничего не пишите объ этомъ, а то онъ будетъ на меня серчать. Полевой спрашивалъ объ „Уголино". Я ему сказалъ ваше мнѣніе, и какъ оно было принято; это ему не показалось. О Гамлетѣ спрашивалъ, я сказалъ, что́ съумѣлъ. Впрочемъ, ему болѣе нравится игра Каратыгина, нежели Мочалова.

Я былъ на Гамлетѣ въ Питерѣ, и вотъ мое мнѣніе: Каратыгинъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, прекрасно образованъ, чудесно дерется на рапирахъ, великанъ собою; и этотъ талантъ, какой онъ имѣетъ, весь ушелъ онъ у него въ искусство, и гдѣ роль легка, тамъ онъ превосходенъ, а

гдѣ нужно чувство, тамъ его у Каратыгина нѣту, — извините. Напр., сцена послѣ театра, монологъ „быть или не быть", разговоръ съ матерью, разговоръ съ Офеліей: „удались отъ людей, иди въ монастырь", — здѣсь съ Мочаловымъ и сравнивать нечего: Мочаловъ превосходенъ, а Каратыгинъ весьма посредственный. У Мочалова немного минутъ, но чудесныхъ; — у Каратыгина съ начала до конца вся роль проникнута искусствомъ. Полонія игралъ Сосницкій; но Сосницкаго и сравнивать нечего съ Полоніемъ московскимъ: тотъ ужь дуренъ, а этотъ превосходенъ, такъ что его роль второстепенная противу Гамлета, а онъ на сценѣ съ Каратыгинымъ равенъ: какъ будто эти двѣ роли обои первостепенныя. Асенкова въ Офеліи, до безумія, — лучше Орловой, а безумная Орлова вдвое лучше; это оттого, что у Орловой болѣе чувства, у Асенковой болѣе образованности. Король — Брянскій прекрасно выполняетъ свою сухую роль, и противу Орлова впятеро лучше. Лаертъ петербургскій сносенъ, а въ Москвѣ дуренъ.

Я говорилъ про это Полевому, онъ со мною не согласенъ. Его мнѣніе, что актеру нужно имѣть природный талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надобно обладать искусствомъ, для этого должно учиться и образовываться. Каратыгинъ у него таковъ, а Мочаловъ и съ талантомъ, да не образованъ: у него больше чувства, менѣе искусства.

Былъ на оперѣ „Жизнь за Царя", и говоря про оперу, я совершенно согласенъ съ Михайломъ Александровичемъ [1]; онъ на нее смотритъ съ настоящей точки умозрѣнія. Былъ на оперѣ „Жидовка" (въ нѣмецкомъ театрѣ). Эту оперу надобно посмотрѣть: она не то, чтобы была прекрасная опера, полная: отчетливости въ полномъ смыслѣ слова этого въ ней нѣтъ; — но надобно посмотрѣть, какъ господа нѣмцы ее выполняютъ удивительно; всѣ первыя роли выполняютъ неимовѣрно хорошо; пѣвцы чудо, пѣвицы прелесть. Да, надобно чаще смотрѣть нѣмецкую оперу.

Теперь о самомъ себѣ. Жуковскій принялъ меня два раза что-то очень холодно, такъ что къ нему пойду развѣ по дѣлу или проститься. Вяземскій тоже холоднѣй прежняго, даже сухъ. Одоевскій вдвое ласковѣй прежняго. Плетневъ впятеро ласковѣй прежняго, приглашалъ на

[1] Бакунинъ.

вечеръ къ себѣ, и я былъ, отдалъ ему въ „Современникъ“ „Царство мысли“ и „Два прощанья“. Краевскій поважнѣлъ и погордѣлъ, и немного суше; говорилъ о книгѣ, что она ходитъ по книгопродавцамъ, никакъ онъ съ ними не сладитъ, все прижимаютъ, оттого болѣе, что онъ у ней, человѣкъ посторонній, и не лично я. Видно, онъ хотѣлъ употребить меня на сдѣлку съ ними, поклонничать и пресмыкаться, а я сказалъ, что я очень радъ, что она еще не напечатана, и благодарю васъ за то, что вы дождались меня. Съ него рукописной еще не бралъ, да возьму. — „А почему вы, Андрей Александровичъ, не помѣщали моихъ стиховъ въ свой журналъ? — я васъ просилъ въ письмѣ“. — „Да видите-ли, книга небольшая, много изъ ней напечатано, не хотѣлось вырывать послѣдняго хорошаго“. — „Можетъ-быть не стоютъ быть въ вашемъ журналѣ?“ — „О нѣтъ, тамъ есть нѣсколько вещей хорошихъ“. Я ему отдалъ „Ура“ и „Пора любви“; все-таки по старой дружбѣ я счелъ отдать лучше. Жуковскому передалъ „Ура“, онъ ничего на нее не сказалъ. Познакомился съ Давыдовымъ, партизаномъ, онъ ко мнѣ хорошъ. Губеръ ходитъ около журналистовъ изъ хорошихъ рецензій; онъ отдалъ въ печать Фауста. Я немного читалъ, переводъ дуренъ, они у него сами выбираютъ изъ всего лучшія мѣста для журналовъ. Бенедиктовъ ко мнѣ не холоденъ, лучше прежняго, далъ 2-ю часть своихъ стиховъ. Полевой подарилъ „Гамлета“. Гребенка также далъ свои „Повѣсти Пиритянина“. Бернетъ прислалъ свою книгу, стихи, съ тѣмъ, чтобы я ему сдѣлалъ на нее безпристрастное сужденіе, — только оно будетъ не въ его пользу. Другіе мои знакомые все тѣ же: добры и ласковы.

Да, новость: я въ этотъ разъ вдвое поумнѣлъ противу прежняго; такъ славно толкую, говорю увѣренно, спорю, вздорю, что бѣда; рискъ благородное дѣло. Я съ важными учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь въ сужденія и убѣждаю ихъ на своемъ мнѣніи ... Виссаріонъ Григорьевичъ, Михаилъ Александровичъ, какъ думаете? — вѣдь право смѣшно! Чего на свѣтѣ нѣтъ! Въ первый разъ я все больше разыгрывалъ молчанку, а теперь — дудки. Нѣтъ, братцы, лихо говорю; это правда, что оно поподручнѣй, а мнѣ, ей-Богу, что-то хочется и самому кой-кого изъ молодежи одурачить; пусть наши копыты помнютъ.

„Бѣлинскій“, А. Пыпина.

19. В. Г. Бѣлинскому.

21-го февраля 1838 г.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Теперь рѣчь пойдетъ о вашей грамматикѣ. Н. А. Полевой говоритъ: „Вотъ и этимъ я бы былъ душою радъ помочь ему; готовъ сдѣлать все, что только можно, а посудите сами, что я вовсе не могу ничего сдѣлать. Во-первыхъ, ежели я скажу о ней Смирдину, буду хвалить, я, какъ человѣкъ новый для него и не очень давно знакомъ, — ну, самъ по себѣ, какъ человѣкъ, я въ дѣлѣ словесности немножко извѣстный, — то Смирдинъ предложеніе мое, я увѣренъ, приметъ; но вполнѣ онъ мнѣ вѣдь не повѣритъ, а у него есть другіе знакомые, напримѣръ, Булгаринъ, Сенковскій, Гречъ. Посудите же: что на это скажетъ Гречъ, тутъ не трудно догадаться, Смирдинъ же, какъ человѣкъ, — купецъ-спекуляторъ; онъ только имѣетъ одну предпріимчивость, а самъ въ томъ дѣлѣ не смыслитъ. Въ такомъ случаѣ я Виссаріону Григорьевичу помочь ничѣмъ не могу, хоть бы и предложилъ Смирдину. Во-вторыхъ, эти вещи пишутъ люди, близкіе къ самому дѣлу, или которые имѣютъ вѣсъ и живутъ въ этой сферѣ. Они видятъ, что нужно, въ какомъ родѣ ученая книга пойдетъ, въ томъ и пишутъ; и такія, какія въ учебныхъ заведеніяхъ приняты и употребляются, по тѣмъ правиламъ, какія преподаватели понимаютъ. Бѣлинскаго-жъ грамматика совсѣмъ другого рода, сдѣлать по ней новое введеніе трудно. Слѣдственно, и Смирдинъ, купивши, — она у него ни въ какомъ случаѣ пойти не можетъ. Она, какъ онъ говоритъ, для дѣтей, а вовсе не дѣтская, это грамматика болѣе философская. Дѣти ея не поймутъ, а взрослые немногіе читаютъ. Притомъ въ ней много отвлеченности; онъ человѣкъ странный, чудакъ большой: пишетъ то, чего у насъ еще не понимаютъ. Вотъ почему я ничѣмъ пособить не могу“. — Я къ вамъ пишу, Виссаріонъ Григорьевичъ, прямо, какъ говорилъ Полевой; потому что вы велѣли мнѣ все писать, что онъ скажетъ. Изъ этого всего, по моему мнѣнію, выходитъ вотъ что: насчетъ грамматики Полевой не хочетъ сказать Смирдину ничего и, можетъ-быть, по его обстоятельствамъ не вовсе можетъ. Статью вашу о Гамлетѣ напечатаетъ тогда, когда вы позволите ему ее переправить, или я ее возьму

у него и вамъ отошлю, если вы ему этого не позволите сдѣлать. Сотрудникомъ вамъ быть у Полевого нельзя до времени, — и это одно, какъ онъ мнѣ говорилъ, чистая правда, этому вы вѣрьте; а быть вамъ у него лѣтомъ, жить какъ друзья, помѣщать статьи какъ отъ человѣка не участвующаго и посторонняго, — это тоже лучше, и онъ насчетъ этого говоритъ сущую правду.

Еще гозоритъ Полевой, что Бѣлинскому непремѣнно надобно себя образовать болѣе, а для этого онъ лучшаго мѣста не найдетъ, кромѣ Питера; если онъ пріѣдетъ сюда, то совершенно со мною согласится. Я самъ, живши въ Москвѣ, думалъ иначе, а здѣсь совсѣмъ другое, куда! — Мнѣ тоже необходимо перемѣнить себя во многомъ надобно. Мы совершенно отстали далеко отъ современныхъ новыхъ понятій: необыкновенно какъ все идетъ скоро впередъ. Направленіе за направленіемъ слѣдуетъ на-вскачь (а правда-ль его—не знаю). Я знаю, его нельзя въ томъ увѣрить, а вотъ пріѣдетъ ко мнѣ самъ, тогда я увѣренъ, что онъ убѣдится въ этой необходимости ... — „Онъ человѣкъ добрый, умный весьма“, — часто повторяетъ, — „да жаль что пишетъ вычурно; мысль прекрасна, ума море, да кой-какія безпрестанно вставляетъ вещи, которыя совсѣмъ не слѣдуетъ“. — Вотъ теперь, кажется, всѣ слова Полевого касательно васъ; я ихъ слушалъ со всѣмъ усиліемъ понятія. Мнѣ жаль до смерти, Виссаріонъ Григорьевичъ, что васъ въ другомъ письмѣ кормлю однѣми непріятностями. Досадую, что я въ такую погоду попалъ въ невыгодные для васъ переговоры. И если-бъ зналъ, ей-Богу не взялся бы писать; но вы велѣли писать все, — хоть съ неохотой, пишу.

Я у Полевого еще не былъ, буду завтра; вы погодите къ нему писать. Сначала я отъ него всѣ мнѣнія отберу, потомъ вамъ ихъ напишу, безъ утайки: тогда вы все сами увидите безошибочно, а то, можетъ-быть, вы его поймете не такъ, какъ бы поняли послѣ. А я придумалъ у него спросить еще кое о чемъ.

Краевскій о васъ говорилъ, что Бѣлинскій большой негодяй, пишетъ чортъ знаетъ что. Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи, просилъ помѣстить въ журналъ, и чтобъ участвовать сотрудникомъ, — но его статьи никуда не годны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о по-

стороннемъ; потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я, — а другого нипочему ненадобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь.

Гребенка съ Прокоповичемъ говорили при мнѣ о вашей грамматикѣ такъ: „Его грамматики начало очень хорошо, а послѣ онъ самъ срѣзался, пошелъ говорить чортъ знаетъ о чемъ, ввелъ бездну посторонностей совсѣмъ ненужныхъ и заврался напропалую. И она не дѣтская, а для знающихъ не нужная. Что де самая хорошая грамматика въ свѣтѣ — большая Греча; Гречъ великій человѣкъ. — А все-таки жаль, что другой части онъ не печатаетъ: посмотрѣть бы любопытно, что въ ней у него тамъ за диковинки". Любящій васъ душевно Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій", А. Пыпина.

20. В. Г. Бѣлинскому.

7 марта 1838. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Извините, что я такъ долго къ вамъ не писалъ. Причина: кой-какія хлопоты по дѣлу, лѣнь, а главное мнѣ хотѣлось взять сначала у Полевого вашу статью, потомъ писать къ вамъ.

Вчера я былъ у него, передалъ вашу записку, приложенную къ письму; онъ ее прочелъ съ не большой пріятностью. „Экой чудакъ, экой чудакъ этотъ Бѣлинскій; не знаю, что онъ хочетъ дѣлать. На-те, вотъ она, пошлите къ нему, когда ужъ онъ такъ хочетъ. Да пожалуйста, будете въ Москвѣ, вы его образумьте". — Хорошо-съ, я это непремѣнно сдѣлаю. — Теперь она у меня, и я вамъ ее не завтра, то послѣзавтра пошлю непремѣнно. Сколько-жъ я проживу въ Питерѣ, ей Богу, самъ еще не знаю; мои дѣла пока темны; вотъ, въ пятницу, я узнаю о своемъ дѣлѣ; буде оно кончится скоро, то я проживу двѣ недѣли, а нескоро, — то гораздо болѣе; смотря насколько оно растянется, настолько и мое житье здѣсь подлиннѣетъ. Во всякомъ случаѣ я устрою такъ: попрошу Александра Васильевича Никитенку, чтобы вамъ къ нему поселиться прямо. Завтра буду у Плетнева, поговорю о ней; можетъ онъ возьметъ въ Со-

временникъ. А нѣтъ, — въ четвергъ посылаю къ вамъ. И я послѣ того буду писать; слѣдственно, вамъ и безпрестанно будутъ видны мои дѣла. У Краевскаго завтра жъ спрошу о вашей статьѣ. А мнѣ еще кой о чемъ надобно говорить съ вами много, да теперь почта мѣшаетъ. Вы будете писать къ Николаю Алексѣевичу, то пожалуйста не пишите, что вы получили отъ него письмо черезъ почту, посланное Кольцовымъ. Вы меня этимъ срѣжете; я его просто обманулъ, — сказалъ, что у меня знакомый землякъ ѣдетъ, я съ нимъ и пошлю; а принесъ домой, печатъ долой, конвертъ въ огонь, одѣлъ въ свой и послалъ на имя Бакунина. Михаилу Александровичу, Константину Сергѣевичу, Василію Петровичу и г. Каткову душевное почтеніе. Любящій и почитающій Васъ Алексѣй Кольцовъ.

21. В. Г. Бѣлинскому.

14 марта 1838. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Вотъ когда я передъ вами виноватъ, такъ ужъ просто виноватъ: недѣля, какъ я взялъ статью у Николая Алексѣевича, и вотъ сегодня только посылаю. Для чего же я такъ медлилъ? Чѣмъ былъ занятъ? Чортъ ее знаетъ, какъ все это случилось. Забылъ? Избави Богъ! этого грѣха со мной еще не было. Главная, кажется, причина, что я со дня пріѣзда въ Питеръ какъ-то нездоровъ; отъ этого все время и дѣла у меня тянутся — и не въ свою пору, и медленно. Третьяго дня былъ я у Краевскаго, говорилъ ему о разборѣ Гамлета, и вотъ его отвѣтъ: „Пожалуйста напишите вы Виссаріону Григорьевичу, чтобъ онъ ее пристроилъ къ слѣдующей игрѣ московскихъ актеровъ, напримѣръ, вотъ какъ будутъ играть на Святой недѣлѣ, и чтобъ тотчасъ ко мнѣ онъ ее прислалъ; тогда она будетъ нова, по времени, и напечатается въ пору. И вмѣстѣ съ этимъ попросите его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, его-ли статьи прислано одно начало подъ именемъ Быстрицкаго; буде его, то чтобы онъ прислалъ мнѣ и остальную, — я ее напечатаю съ удовольствіемъ, а одно начало печатать не буду“. — Я ему сказалъ, что Виссаріонъ Григорьевичъ желаетъ, чтобы его статьи были печатаны съ его именемъ. — „На это я согласенъ съ охотою. Еще напишите, буде у него есть своего сочиненія

повѣсти, статьи ученыя, или чисто журнальныя, то пусть ко мнѣ присылаетъ; я буду печатать ихъ съ его фамиліей, и съ большимъ, большимъ удовольствіемъ; я не буду печатать отъ него только одного, разборы книгъ, а если бы и напечаталъ, то, во-первыхъ, безъ имени, а во-вторыхъ, и съ перемѣною, что въ нихъ будетъ противу моихъ связей". Онъ что-то къ вамъ вдругъ получшѣлъ: то сперва бранилъ, а теперь другое дѣло. Я полагаю (можетъ-быть впрочемъ и ошибочно), что сперва онъ думалъ навѣрное, что вы будете участвовать у Полевого, тогда казались ему страшны. Я же, тонко не зная всѣхъ журнальныхъ продѣлокъ, пишу вамъ, что слышалъ, и кто что говоритъ. Въ прошлую среду былъ я на вечерѣ у Плетнева. Тамъ былъ Воейковъ, Владиславлевъ, Карлгофъ, Гребенка, Прокоповичъ и Тургеневъ. Зашла у нихъ рѣчь объ васъ. Воейковъ говорилъ: „Онъ малый дѣйствительно весьма умный, съ талантомъ, но бѣдовая голова, увлекся въ какую-то односторонность, и эта система его погубила". — А какая? — „Богъ святой знаетъ. Вы съ нимъ знакомы?" — Да, знакомъ. — „Какъ это васъ Богъ свелъ съ этимъ человѣкомъ?" — Очень просто, я съ нимъ знакомъ лѣтъ шесть. — „А, это другое дѣло". Скажу вамъ еще, что Николай Алексѣевичъ, кажется, принимаетъ на самого себя очень много небывалаго, и что его сомнѣнія не только о васъ, но и о себѣ совсѣмъ несправедливы, и онъ сперва пужалъ себя, потомъ напугалъ меня, а я жь напугалъ васъ. Я ему повѣрилъ на слово безусловно, въ этомъ состояла вся ошибка. Его, какъ и васъ, не любитъ одна бездарность за одинъ умъ, а не за что другое. А можетъ быть и то: Полевой хотѣлъ надуть меня, чтобы я надулъ васъ. Если и не такъ, то все-таки его мнѣнія о чести несправедливы. О разборѣ Гамлета онъ мнѣ просто навралъ, — это ужъ я вижу какъ настоящій день. Говоритъ: въ немъ и то, и то есть; а въ немъ ровно того-то и того-то нѣтъ. Его же не терпятъ нѣкоторые еще и за то, что онъ знакомъ съ Булгаринымъ и Гречемъ; съ ними многіе не хотятъ и встрѣчаться.

Теперь рѣчь другая. У Жуковскаго я былъ еще разъ по своему дѣлу; онъ ни то ни се. У Вяземскаго былъ только разъ, онъ тоже ни то ни се. У Муравьева былъ разъ; онъ тоже ни то ни се, и, кажется, онъ человѣкъ замаскированный, у него души немного, а чужая душа боль-

шая. — Одоевскій немного лучше, или ласковѣй. Онъ затѣялъ рѣчь о другомъ изданіи. „Что? оно напечатано у васъ давно?“ — Еще не печаталось. — „Такъ скоро думаете печатать?“ — Хотѣлъ бы скоро, да не имѣю средствъ. — „Да помилуйте, это бы, кажется, можно сдѣлать какъ-нибудь иначе“. — Какъ же, скажите, ваше сіятельство! — „Постойте, — вотъ мы соберемся, поговоримъ, да и поручимъ Краевскому“. — Въ прошедшій мой пріѣздъ Краевскій за это дѣло уже принимался. — „Да, помню; что-жъ онъ, почему не выполнилъ?“ — Не знаю, думаю, одному показалось тяжело. — „Ну вотъ, что касается до денегъ, то я самый пустой человѣкъ“. — Я про это не смѣлъ и думать, ваше сіятельство. — Вотъ вамъ кн. Одоевскій. Всѣмъ большимъ людямъ я говорю: хотѣлъ бы, да средствъ не имѣю; а другимъ: погодить хочу, еще прибавлю, тогда ужъ разомъ. Жуковскому въ первый разъ отдалъ я „Ура“ и „Къ милой“, — онъ передалъ Краевскому. Я говорю Краевскому: у меня есть то-то и то-то. „Приносите пожалуйста все“. — Постойте, дайте переписать набѣло, я все къ вамъ принесу. — А между тѣмъ безъ его вѣдома я отдалъ двѣ пьесы Воейкову въ сборникъ, три пьесы въ альманахъ Владиславлева, двѣ въ „Современникъ“ Плетневу; три пьесы оставилъ у Полевого. — Краевскій напечаталъ „Ура“ съ ужаснѣйшей похвальбой, надѣясь еще печатать мои новыя. Я послѣ прихожу къ нему. Что-жъ, переписали, принесли?“ — Нѣтъ. — „Что-же?“ — Да вотъ что, я кое-какіе изъ нихъ отдалъ. — „Куда?“ — Да вотъ туда-то и туда-то. — „Гмъ, для чего жъ вы такъ сдѣлали?“ Да просятъ: совѣстно отказать. — За эти невинныя продѣлки будете-ли вы меня бранить или нѣтъ. Какъ вамъ угодно, а на мои глаза болѣе мнѣ не оставалось, кажется, дѣлать, что я сдѣлалъ.

По воскресеньямъ я обѣдаю у Венеціанова, а иногда у Григоровича. — Эти оба и добрые люди; ко мнѣ ласковы, хороши и, кажется, любятъ. По вторникамъ бываю у Гребенки; онъ ко мнѣ хорошъ. По средамъ у Кукольника и у Плетнева. Плетневъ ко мнѣ будто неподдѣльно хорошъ. По четвергамъ у Владиславлева; онъ мнѣ сулитъ горы, а что-то дастъ? — По пятницамъ у Никитенки. — По субботамъ у моихъ земляковъ вечера ихъ собственно, гдѣ бываемъ и мы. По понедѣльникамъ вечера у меня, и всѣхъ ихъ было

два. На первомъ были Полевой, Кукольникъ, Краевскій, Булгаринъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Прокоповичъ, Пожарской, Шевцовъ, Сахаровъ и моихъ земляковъ человѣкъ восемь. На другомъ — Владиславлевъ, Краевскій, Никитенко, Григоровичъ, Мокрицкій, Венеціановъ, Туриновъ, трое Крашенинниковыхъ, Посылинъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Пожарскій, Прокоповичъ, Губеръ, Шевцовъ, Сахаровъ и земляковъ человѣкъ пять.

Вотъ каково, Виссаріонъ Григорьевичъ! — въ Питерѣ живемъ, и добрымъ людямъ вечера даемъ.

О душевной жизни вечеровъ моихъ и прочихъ не знаю, что вамъ сказать. Кажется, они довольно для души холодны, а для ума мелки; въ нихъ нѣтъ ничего питающаго душу; искра Божьей святой благодати не проникаетъ. Молчанье въ нихъ играетъ первую ролю; оттого-то, кажется, я и не послѣдній. Тихій разговоръ по уголкамъ между двухъ-трехъ человѣкъ. Кругомъ диваннаго стола серьезный разговоръ о пустоши людей серьезныхъ — не по призванью, а по роли, ими разыгрываемой. На нихъ можно скорѣе пріучить себя къ ловкому свѣтскому обращенію, а ума прибавить нельзя ни на лепту. Завтра буду у Ишимовой; хочется посмотрѣть, что есть еще здѣсь. — Дѣло мое еще не кончилось; проживу въ Питерѣ двѣ недѣли, а можетъ и больше; но только это будетъ противъ моего желанія, а развѣ дѣло задержитъ. Вы еще успѣете прислать ко мнѣ Гамлета, я его отдамъ Никитенкѣ, и если его не успѣю обратно взять, то попрошу Никитенку отослать его въ Москву . . . . . .

. . . . . .

У Губера выходитъ исторія съ Фаустомъ. Онъ Пушкину отдалъ отрывокъ Фауста посмотрѣть; а послѣ смерти его взялъ съ поправками Пушкина и напечаталъ въ „Современникѣ“. Пріѣхалъ Бекъ изъ Германіи и говоритъ, что этотъ отрывокъ ни Губера, ни Пушкина, а его. Онъ, бывши въ Германіи, перевелъ и послалъ его Пушкину въ журналъ, печатать. Хочетъ войти съ претензіей; а у Губера взятъ изъ цензуры и отданъ печатать. Какъ они съ этимъ: уладятъ? нѣтъ-ли? — Владиславлевъ, Жуковскій, Воейковъ затѣваютъ новый журналъ на акціяхъ. Воейковъ слишкомъ меня проситъ дать ему еще стиховъ въ другой сборникъ: самъ завезъ третьяго дни въ подарокъ Муравь-

ева стариннаго три книги; а вотъ сейчасъ былъ, — завезъ „Елену", Бернета, и „Поучительныя рѣчи и слова", какого-то протоіерея. Что мнѣ съ нимъ дѣлать, пожалуйста скажите. Милому Михаилу Александровичу душевное почтеніе, Василію Петровичу душевное почтеніе, г. Каткову и Константину Сергѣевичу Аксакову душевное почтеніе и поклонъ до земли. Теперь буду писать чаще: кажется, впереди пойдетъ время посвободнѣй.

Теперь прощайте, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ, будьте здоровы, веселы, и дай вамъ Богъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Всей душой почитающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Объ „Уголино" говорилъ Краевскому; онъ сказалъ: я самъ написалъ и уже печатаю на него разборъ.

„Бѣлинскій", А. Пыпина.

22. А. А. Краевскому.

30 марта 1838 г. (С.-Петербугъ).

Любезный Андрей Александровичъ! Въ послѣдній разъ, какъ были у меня, забылъ вамъ сказать, гдѣ тетради, отданныя мною Василію Андреевичу Жуковскому. Переданы имъ Петру Александровичу Плетневу, и онъ изъ нихъ хотѣлъ напечатать въ „Современникѣ". Если вы увидитесь съ нимъ, покорно прошу васъ подѣлить ихъ на-двое: половину напечатайте въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ", а другую оставить у Петра Александровича. Въ этихъ дѣлахъ я такъ близорукъ и глупъ, что, ей-Богу, совѣстился объ этомъ и сказать-то вамъ. Въ послѣдній разъ, при разставаніи, Кукольникъ взялъ у меня „Неразгаданную истину" и „Могилу". Ей-Богу, я не нашелся иначе ничего сдѣлать, какъ поскорѣй отдать. Судите сами! Въ первый разъ онъ мнѣ сказалъ: „Дайте". Ну, какъ же мнѣ не дать? Вѣдь было бъ стыдно мнѣ и совѣстно. Впрочемъ, у васъ и кромѣ ихъ еще останется весьма много. Любящій и почитающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

23. Неизвѣстному лицу.

9 апрѣля 1838.

Ваше превосходительство, Александръ Александровичъ! Мнѣ далъ Богъ при рожденьи одно бѣдное богатство:

прошу васъ, по добротѣ души вашей, не откажитеся принять съ этой маленькой книжонкой и мою душевную благодарность за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Рус. Стар.“ 1881. т. 31, № 8.

24. В. А. Жуковскому.

2 мая 1838. Москва.

Ваше превосходительство, добрый вельможа и любезный поэтъ Василій Андреевичъ! Снова нарушаю вашъ покой, снова, можетъ быть, въ эту минуту я прерываю священныхъ вашихъ трудовъ любимыя мечты, которыми съ давнишнихъ поръ воспламенялъ и теперь воспламеняю мою холодную душу. Не нарушать, молиться бы мнѣ за нихъ должно ... Думалъ-ли я когда-нибудь дѣлать такъ, какъ дѣлаю теперь?.. Люди! До чего вы меня довели! Что не принудили сдѣлать? Куда направите еще?.. На все готовы вы, на все безъ исключенія, вамъ все равно, что будь-небудь, лишь было бы смѣшно; чужое-жъ горе не упадетъ на вашу грудь горячей сталью, и искра Божьей мысли не доищется въ ней чувства ... Богъ съ ними! Пущай тѣснятъ, — я ихъ люблю, хоть эта любовь для свѣта и небольшая важность. Бывало въ тѣсной моей комнаткѣ поздно вечеромъ сидѣлъ одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнію жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда не уносился я мечтою! Гдѣ не былъ я тогда! Бывало скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! какъ хороши! Гдѣ-жъ живутъ они?.. Небось въ Москвѣ да Питерѣ? Гдѣ это Москва да Питеръ? Охъ, если бъ мнѣ удалось побыть въ нихъ! Ужъ какъ-нибудь, а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть одного. Пришло время, былъ я и на Москвѣ, и на Питерѣ, видѣлъ всѣхъ милыхъ мнѣ людей издавна, былъ у васъ, благоговѣлъ предъ вашею святынею ... Въ самую счастливую пору моей жизни что жъ сдѣлала со мной судьба? Навалivши на меня груды дрянныхъ дѣлъ, заставила прибѣгнуть подъ ваше покрови-

тельство. Тяжело мнѣ было приходить къ вамъ съ моей нуждою; тяжело мнѣ было говорить о ней, тяжело мнѣ было просить васъ, особенно въ послѣдній бытъ мой въ Петербургѣ, — просить, и въ ту же пору знать почти, что вамъ не до меня, знать, что вы заняты больше обыкновеннаго и какъ это нужно ... И въ эту-то пору необходимость меня заставила ходить къ вамъ, мѣшать, просить васъ ... Проклятая судьба! До чего ты не доведешь человѣка?! Одно только утѣшало меня въ это время, что не дьявольскій умыселъ, а крайность такъ велѣла дѣлать; старость отца, дурныя его дѣла, въ которыхъ онъ запутанъ, его честное имя—все мое настоящее, а можетъ-быть и будущее богатство. Скажутъ: „плати“. А денегъ нѣтъ. А гдѣ взять? Негдѣ ... Пуще всего еще страшитъ меня одна мысль: если лишатъ всего и если случай приведетъ явиться къ вамъ того человѣка, котораго вы такъ много обласкали, которому покровительствовали, придетъ къ вамъ измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ. О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи ...

Простите меня, ваше превосходительство; не новая бѣда говоритъ вамъ въ первый разъ все чистосердечно, но душевная моя благодарность. Признаюсь, я всѣмъ теперь такъ бѣденъ, что кромѣ чувства души благодарить васъ не могу ничѣмъ больше ... Данное вами письмо къ О... и письмо князя Вяземскаго имѣли полное вліяніе на мое дѣло. О... П... и М...[1], прочитавши дѣло, сказали, что, сдѣлавши одинъ разъ, мы не можемъ перемѣнить нашего рѣшенія, вслѣдствіе пристрастнаго заключенія М..., которымъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Они утвердили первое заключеніе министра и свое рѣшеніе, и чрезъ двѣ недѣли пошлютъ его опять къ двуличному и неприступному для меня Гамалѣю. Богъ вѣдаетъ, что будетъ, но я надѣялся и надѣюсь на однихъ васъ; и если вамъ доступна моя просьба, — не оставьте ее, поговорите, ради Бога, Гамалѣю утвердить представленіе Сената. — Литературныя мои занятія немного остановились. Въ цѣлый мѣсяцъ написалъ только три пьески, да и въ тѣ, кажется, слишкомъ много подлилъ горя. — Любящій васъ всею силою души, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Рус. Архивъ“. 1871, № 2.

[1] Точки въ подлинникѣ письма.

25. А. А. Краевскому.

15 іюня 1838. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ! Дѣло, которое такъ долго меня мучило и носило по свѣту, въ которомъ вы такъ много принимали участія, по добротѣ души вашей, — и я былъ такъ счастливъ, что приняли на себя трудъ покровительствовать мнѣ въ немъ его превосходительство Василій Андреевичъ Жуковскій и его сіятельство Петръ Андреевичъ Вяземскій, которымъ я обязанъ навсегда моею благодарностію, — это дѣло, наконецъ, слава Богу, кончилось, и кончилось хорошо. Благодарю васъ, душевно благодарю и благодарю васъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Безъ помощи вашей оно не могло бы никогда кончиться, какъ кончилось. Клянусь вамъ Богомъ моимъ, я не подличалъ въ немъ передъ вами, а просто крайняя необходимость въ послѣдній разъ застаивила меня такъ настойчиво просить о помощи. Мнѣ горько было, тяжело утруждать васъ такими просьбами, — да что-жъ было дѣлать, когда на васъ однихъ была моя надежда! Хотѣли пособить другіе, да на словахъ,—а на дѣлѣ вышло не то. Еще благодарю васъ. Теперь немного полегчало на душѣ, и вотъ одно еще сильно тревожитъ. Въ эту поѣздку я, кажется, такъ наскучилъ Василію Андреевичу, что мнѣ замѣтно очень показалось его на меня неудовольствіе. Можетъ-быть, я ошибаюсь; дай-то Богъ, чтобы я ошибся! А все сомнѣнье мучитъ. Пожалуйста, ради Бога, выведите меня изъ этого сомнѣнія, вамъ должно быть все извѣстно. Если правда, то эту потерю тяжело мнѣ будетъ перенесть; я ей священно дорожилъ и такъ несчастно потерялъ. Посылаю вамъ двѣ пьески Красова, ихъ мнѣ передалъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и проситъ васъ напечатать въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“. Я живу въ Воронежѣ, занимаюсь своими торговыми дѣлами, которыя, во время моей поѣздки, почти совершенно разстроились. Хлопочу сильно; привожу въ порядокъ; не знаю, приведу-ли. Писать вновь нечего, не писалъ совершенно, некогда: день и ночь на службѣ матеріальныхъ дѣлъ. Если успѣю привесть ихъ въ порядокъ, можетъ напишу и еще что-нибудь. Будь то, что будетъ. Совсѣмъ я положился безусловно на волю Промысла. Конечно, хочется читать, писать, да ба!..

Не дѣлай, видно, что хочешь; дѣлай, что обстоятельства велятъ! Въ Москвѣ познакомился я съ Шевыревымъ и Мельгуновымъ, которыми былъ принятъ и обласканъ чрезвычайно хорошо. Ахъ, Андрей Александровичъ! Сколько вы дали мнѣ золотыхъ часовъ. Сколько провелъ я, чрезъ васъ, счастливыхъ дней, которыхъ мнѣ безъ вашего добраго желанія я никогда бы не имѣлъ. Вы многому виновники. И теперь, здѣсь, въ глуши, въ Воронежѣ, часто очаровываетъ то время сладостнымъ воспоминаніемъ прошедшаго и все живѣй и живѣй оживляетъ въ памяти моей былое. Простите меня, что я не могу и не умѣю благодарить васъ, какъ чувствую. Не я виноватъ, — природа, которая дала мнѣ такъ немногое, и послѣднее немного при всѣхъ усиліяхъ слабо переходитъ въ холодную букву. Въ той тетради, которая у васъ была прежде, не печатайте, пожалуйста, дрянныхъ піесъ, какъ-то: „Женитьба Павла“ (я ее ненавижу просто!), „Размолвка“, пѣсня „Перстенечекъ золотой“, „Плачъ души“, „Спящій юноша“, „Утѣшеніе“. Онѣ всѣ гадкія піесёнки.

Любящій и почитающій васъ Ал. Кольцовъ. Я въ Воронежѣ недѣля, какъ пріѣхалъ изъ Москвы.

„Др. и Нов. Россія“ 1879.

26. В. Г. Бѣлинскому.

15 іюня 1838. Воронежъ.

Любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, да не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я ихъ всѣ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, и я жизнію живу и тону всей душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Да, благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ, слишкомъ много!

Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня дороже пяти лѣтъ воронежской жизни. Въ эту пору я много разрѣшилъ темныхъ вопросовъ, много разгадалъ неразгаданныхъ прежде истинъ, много узналъ я отъ васъ для души моей святого, чего я цѣлый вѣкъ самъ бы не разрѣшилъ и не сдѣлалъ. Да, я теперь гляжу на себя — и не узнаю. Гдѣ эта безсмѣнная моя печаль, убійственная тоска, эта гадкая буря души, раздоръ самого себя съ собою, съ людьми и съ дѣлами? Нѣту ничего, все прошло, все исчезло, — и я на все гляжу прямо и все сношу, и сношу тяжелое безъ тягости; и всѣмъ этимъ вамъ обязанъ. Вотъ что приковало меня къ вамъ, вотъ почему въ Москвѣ я ничѣмъ не хотѣлъ заняться другимъ, не хотѣлъ быть въ другомъ мѣстѣ, кромѣ васъ. Жалѣю объ одномъ, что нельзя было жить еще мѣсяцъ съ вами; хоть бы мѣсяцъ одинъ еще, а то есть еще кое-какіе вопросы темные. Я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта. Не понимаю еще вполнѣ этого безконечнаго игранія жизни, этой великой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, — и меня ничего на свѣтѣ такъ не успокоиваетъ въ жизни, какъ вполнѣ пониманіе этихъ истинъ. Чортъ ее знаетъ, какъ худо работаетъ моя голова: что̀ хочется понять, не скоро понимаетъ, а теперь, безъ васъ, я самъ собою вовсе не доберусь до этого. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла земныя; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего: — некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питеръ уѣхалъ на-всегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать; будто за „Ура“ я получилъ тьму благоволеній. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнется прямо,

а въ лѣсу болѣе кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Слѣдовательно, люди правы: они судятъ по-своему, какъ имъ угодно. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; любитъ меня болѣе за то, что дѣло кончилось хорошо: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ на степи; дорогою я взялся ему все доказывать, разсказывать философски; разсказалъ какъ умѣлъ, и онъ со мною совершенно во всемъ согласился; даже согласился, что онъ самъ большой фанатикъ, т.-е. старинный почитатель однихъ призрачныхъ правилъ безъ чувства души (такъ-ли я понимаю слово фанатикъ?). А это все ручается, что мы съ нимъ скоро будемъ ладить хорошо. Дай-то Богъ! А степь опять очаровала меня; я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась! и я съ восторгомъ пѣлъ: „Пора любви", — она къ имъ идетъ (пѣлъ, конечно, дурно). Только это чувство было не прежнее, другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить, — и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей, въ головоломный омутъ жизни; а то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Сребрянскій доѣхалъ до двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не больше мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь (адресъ къ нему черезъ меня). Находится дѣвушка, купчиха, хочетъ быть моей женой; она очень собой хорошенькая: блондинка, высокая, стройная, граціозная, добренькая, хорошаго поведенія, людей зажиточныхъ, отца-матери добраго, семейство большое, капитала порядочно; приданаго много, денегъ ничего — и, кажется, безъ душевныхъ интересовъ. Моя мать, отецъ совѣтуетъ, но мнѣ самому что-то выдти за нее замужъ не хочется; дѣло разойдется

. . . . . .

Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку ... Наскучили всѣ они, — разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ и такъ, и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ отъ нихъ себя на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю

мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы, — и они стали мною довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Ужъ видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ. „Московскаго Наблюдателя“ я въ Воронежѣ не получилъ ни одного номера. Видно, какъ-нибудь ошиблись — или посылаютъ не ко мнѣ, или въ другое мѣсто; справьтесь пожалуйста. А я бы его читалъ теперь; у насъ въ Воронежѣ его никто не получаетъ. Вчера говорилъ знакомому полковнику о немъ: онъ хотѣлъ подписаться. А я какъ получу, отдамъ его въ книжную лавку; пусть книгопродавецъ раздаетъ его въ чтеніе,—этимъ я все-таки съ нимъ ознакомлю многихъ. Василію Петровичу, князю, Ивану Петровичу, Каткову, Кирюшѣ почтеніе. Да пожалуйста пришлите и мои книги: онѣ мнѣ нужны бы теперь были читать.

Статья В. Г. Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

27. А. В. Никитенко.

27-го іюля 1838 г. Воронежъ.

Любезный Александръ Васильевичъ! Извините меня, что я передъ вами остался такой скотина: не отвѣчалъ вамъ до этихъ поръ на двѣ записки, полученныя мною по городской почтѣ на одинъ день. Вы были такъ добры къ своему земляку, что приняли на себя трудъ хлопотать обо мнѣ у Смирдина. Пусть это не удалось, но мнѣ нужна не удача, а я дорого цѣню участіе ваше, оно мнѣ дороже всѣхъ вздорныхъ выгодъ, которыя я въ дѣлѣ литературы считаю ни за что. Я бы отвѣчалъ самъ давно, но до этихъ поръ мѣшали мнѣ два обстоятельства: первое, поѣздка моя въ Питеръ по дѣлу моего отца была въ этотъ разъ такъ дурна, что ни на что ужъ не похоже, и я былъ всю пору въ самомъ гадкомъ состояніи. Этотъ грузъ мучилъ, тяготилъ, тиранилъ просто, сколько трудовъ, хлопотъ, время, тратъ, и все это ни за грошъ. Ну просто нестерпимо! Въ Москвѣ тоже все горевалъ, послѣ было получше, очень

недолго. Пріѣхалъ въ Воронежъ, опять та же пѣсня пошла на новый ладъ: бился, колотился, хлопоталъ, — и теперь, слава Богу, немножко небо стало проясняться. Если бы прояснилось, — дай-то Богъ! Другое обстоятельство: въ Москвѣ слышалъ я отъ Кони, что вы поѣхали въ Острогожскъ, на родину; думалъ, изъ Острогожска поѣдете черезъ Воронежъ, побываете у меня. Не тутъ-то было: вы взяли другую дорогу, и послѣдняя моя надежда видѣть васъ у себя лопнула. Вотъ такъ-то все у меня въ жизни идетъ наоборотъ. Да, Александръ Васильевичъ, вы бы подарили мнѣ минуту такую, которой у меня въ жизни не было; грустно было на душѣ услышать: уѣхали въ Харьковъ. Чортъ ихъ знаетъ, отчего дилижансы ходятъ не прямо изъ Острогожска черезъ Воронежъ въ Москву! Вѣчно эти дороги лежатъ у меня въ жизни поперекъ моихъ цѣлей, особенно большія. Я видѣлся съ Головченкомъ. Благодарю васъ, что вы не забываете меня. Съ вами ужасно хочетъ познакомиться Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, теперешній издатель „Московскаго Наблюдателя“. Его сильно тѣснитъ цензоръ въ Москвѣ, и онъ хотѣлъ просить васъ, чтобы вы ему позволили кой-какія статьи посылать цензоровать къ вамъ въ Петербургъ, особенно одну прекрасную статью переводную изъ Морбаха. Онъ такъ почему-то посумнился пропустить. Такая статья была бы въ теперешнее время полезна въ журналѣ. И я ее изъ Москвы было послалъ къ вамъ, но она уже не застала васъ. Если вы позволите Бѣлинскому безпокоить такими просьбами, то вы бы для него сдѣлали весьма много добра. Онъ добрый человѣкъ, душою любитъ Васъ съ давнишнихъ поръ.

Послѣ Питера я еще кое-что написалъ новенькое, и если велите, то когда нибудь пришлю къ вамъ. Несмотря на всѣ трудныя обстоятельства моихъ дѣлъ, порою я теперь занимаюсь понемножку, и чѣмъ тяжелѣе жить мнѣ въ мірѣ, тѣмъ болѣе становится желаніе заниматься словесностью. Почти полюбилъ эти досуги всей душою. Милой супругѣ вашей почтеніе.

Душевно любящій и уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

„Русская Старина“ 1892. № 12.

28. В. Г. Бѣлинскому.

27-го іюля 1838 г. Воронежъ.

Любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Писать къ вамъ хочется, а ничего не идетъ изъ головы. Плоха что-то голова сдѣлалась въ Воронежѣ,— одурѣла малова вовсе, и самъ не знаю отчего: не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ, съ вами, такъ забылся для всего другого, — а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ; вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кое о чемъ надо подумать, да подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ, что право боюсь, чтобы мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! — ужъ это будетъ весьма рано: не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень? Кажется, у ней будетъ для меня время больше свободнаго; посмотримъ.

Досадно: читать нечего. „Наблюдатель“ не получаю, и брать въ Воронежѣ не у кого. Если это для васъ не весьма трудно, пришлите Бога ради; мнѣ бы въ другой разъ не приходилось совсѣмъ напоминать вамъ, да желанье читать его сильнѣе приличья. Недавно получилъ я письмо изъ Питера отъ Гребенки; пишетъ, что кое-кто изъ моихъ знакомыхъ сердятся на меня, что я отдалъ стихи къ вамъ, въ „Наблюдатель“, а не говоритъ, кто,— вѣроятно, Краевскій и Плетневъ. Богъ съ ними, пусть ихъ сердятся, я радъ. Я, впрочемъ, написалъ къ нему письмо такого рода: „Дескать, пожалуйста извинитесь за меня и оправдайте передъ тѣми, кто сердится. Право, мнѣ иначе нельзя поступить: Бѣлинскій давно мнѣ знакомъ, человѣкъ, котораго я люблю, и который какъ-то владѣетъ мной, какъ онъ хочетъ. Опять, я пріѣхалъ изъ Питера въ самомъ грустномъ состояніи моихъ дѣлъ; Бѣлинскій раздѣлилъ мое горе, и по моему дѣлу хлопоталъ больше своихъ силъ, безо всякой просьбы, безо всякихъ видовъ, а просто какъ человѣкъ, сострадающій въ душѣ въ дурныхъ дѣлахъ чужому человѣку“. Это, понимаете, я самъ написалъ нарочно, въ пику. —Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно; — теперь, слава Богу, плывутъ ровнѣй. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно, — и лучше. Онъ ко мнѣ имѣетъ больше уваженія

теперь, нежели прежде, — а все виною хорошій конецъ дѣла; онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ, ему старику это идетъ . . . . . .

. . . . . .

Въ Воронежѣ ничего не писалъ. Разъ какъ-то толкнулось стишка четыре въ письмѣ къ Михайлѣ Александровичу Бакунину; я тотчасъ ихъ поправилъ, пристроилъ заголовокъ, и кажется, вышла штука. Вотъ посмотрите: если хороша, годится, — возьмите; а нѣтъ, — такъ и быть. Перемѣнить нечѣмъ. Никитенко уѣхалъ изъ Острогожска и не былъ у меня,— ему дорога лежала на Харьковъ. Жаль, что все у меня строится не такъ, какъ я хочу. Пожалиться надо Ивану Петровичу и попросить, чтобъ онъ оттоль уладилъ хорошенько. За вами слово писать ко мнѣ. Душою любящій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Милому Василью Петровичу почтеніе. Князю и всѣмъ почтеніе.

(Приложена дума „Человѣкъ“).
Статья В. Т. Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

29. **В. Г. Бѣлинскому.**

17-го октября 1838. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь. Но что жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною? Бойка скота, стройка дома и туда — сюда, — ажъ на душѣ тошнитъ: такъ хорошо мнѣ жить! Недавно написалъ вотъ эту пьеску, годится-ли названіе? Я право не читалъ хорошо исторіи Разина и поставилъ на удалую; если оно нейдетъ къ ней, то пойдетъ безъ названія; я полагаюсь на васъ: какъ сдѣлаете, такъ и будетъ; а если она не годится никуда, ну, такъ и быть. Сколько я не бьюся самъ съ собой, но все эстетическое чувство не управляетъ мной, не обладаю имъ я какъ бы мнѣ хотѣлось, хоть ляжь да умри, порою кой-что и скользитъ, а все не управляетъ смысломъ. Сребрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ пятнадцать лѣтъ душою, и котораго потерю горько оплакиваю. Третьяго августа былъ роковой день его жизни... Много желаній не сбылось, много на-

деждъ не исполнилось... Проклятая боль! Прекрасный міръ души прекрасной, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства нашей жизни иногда могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли, хорошо человѣкъ удобритъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не уберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не помочь: ей нуженъ въ пору дождь, а этой-то земной благодати и капли не сошло всю жизнь; нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать: былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ, — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все вокругъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданья мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали... Если эта пьеска вамъ понравится, мнѣ бы хотѣлось ее посвятить памяти Сребрянскаго.

Милому Василью Петровичу почтеніе. „Наблюдателя“ не получаю. „Современникъ“, третій №, получилъ. Вы пишете въ письмѣ: „Твоей пьески нѣтъ во второмъ № „Современника“; она будетъ напечатана въ седьмомъ № „Наблюдателя“. Какая она? — Не знаю. Еще я послалъ вамъ „Человѣкъ“, думу. Какова она? — скажите. Тогда я не смѣлъ требовать, — у васъ были хлопоты; теперь, можетъ, вы свободнѣй, то пожалуйста пишите ко мнѣ, особенно вотъ объ этой и о „Человѣкъ“, дума. Вашимъ сужденіямъ я вѣрю: хорошо-ли, худо-ли, и то, и другое мнѣ слышать отъ васъ равно пріятно. Князю почтеніе. Душою васъ любящій и почитающій васъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

(Приложено стих. „Стенька Разинъ“, во всемъ согласное съ „Пѣснью разбойника“ въ изданіи 1846).

Статья В. Г. Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

30. В. Г. Бѣлинскому.

28 октября 1838. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! На-дняхъ получилъ письмо изъ Питера отъ Владиміра Андреевича Владиславлева, въ которомъ онъ пишетъ: „Стихи ваши напечатаны въ моемъ альманахѣ; онъ выйдетъ къ пятнадцатому ноября. Петербургскіе знакомцы васъ помнятъ, жалѣютъ, что вы

живете далеко. Письмо, что̀ вы просили къ совѣтнику, я не посылаю, затѣмъ что не у кого взять". Хорошо, пусть не у кого взять, такъ положимъ; конечно, не хочется заняться; ну, да заставить нельзя, — пусть такъ; только я ему сейчасъ надралъ славное письмо, говорю: „мои дѣла худы, деньги прожилъ, скотъ подохъ, караулъ! помогите добрые люди!" Оно немножко не хорошо конфузить себя черезчуръ, да почему-жъ передъ ними на колѣно не понизить своихъ обстоятельствъ, когда они, сами ставши на него, говорятъ: „помилуйте, ей-Богу не виноваты"; мнѣ можно обмануть; а другимъ, давши слово... Но ничего, ...[1] на свѣтѣ и не такихъ еще диковинокъ много. Я читаю теперь Вальтеръ Скотта. „Пуритане" прочелъ съ удовольствіемъ. „Робъ-Рой" другой день читаю первую часть, а ужъ дочту. Смотри, шотландецъ, не сконфузься (вы не любите этого слова): вотъ авось раскусимъ мы тебя; что дальше, а твой старинный большій братъ британецъ давно больно хорошъ. Когда будете писать, увѣдомьте о Ромео и Юліи: если переведенъ, нарочно пріѣду въ Москву читать его. Хотѣлъ учиться начать понѣмецки, — некогда. Дѣла мои въ самомъ дѣлѣ очень похужѣли; отецъ мой натворилъ новыхъ чудесъ, и я совершенно теперь положился на волю Божію. Что будетъ, то пусть и будетъ; живъ Богъ, жива душа.

Субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки, — впрочемъ, о немъ надо говорить долго,— а если и понимаю, то весьма худо; хорошо тогда понимать, когда самъ можешь передать; безъ этого понятья не понятья. Посылаю письмо Никитенки, которое прошу прислать обратно. Я еще недавно написалъ одну пьесу, — посылаю къ вамъ. Она странно какъ сложена, а подъ этимъ неуклюжимъ нарядомъ будто что-то есть; вы увидите. Любящій васъ всей силой души Алексѣй Кольцовъ.

31. А. А. Краевскому.

27 декабря 1838. Воронежъ.

Вы пишете, частію ваше время занимаютъ семейныя дѣла. Ужъ не женитесь-ли вы? Скажите, ради Бога. Еще

[1] Слово не разобрано.

бывши въ Питерѣ, слышалъ кое-что объ этомъ. Пожалуйста, скажите правду. Во всякомъ случаѣ, я желаю вамъ отъ всей души всего прекраснаго, что только въ мірѣ нашемъ есть прекраснаго... Что дѣлаю я? — спросите. Какъ вамъ сказать!.. Чортъ знаетъ, что я дѣлаю теперь. Право, я и самъ не очень хорошо это знаю; лучше — ничего не дѣлаю. Что читаю? Ваши „Литературныя Прибавленія“, „Современникъ“, „Наблюдатель“, Вальтеръ Скотта, болѣе всего Пушкина, Шекспира. Да, о Пушкинѣ. Недавно я былъ въ одномъ мѣстѣ. Мнѣ ужасно понравилось: молодой человѣкъ, разсказывая неудачную свою поѣздку, которая весьма много нанесла ему вреда, — онъ, наконецъ, заключилъ: „Надобно же тому быть такъ, чтобы я въѣхалъ въ самый несчастный день, именно въ день кончины Александра Сергѣевича Пушкина!“

Какъ я думаю кой о чемъ?.. вы спросите. Пожалуйста, милый Андрей Александровичъ, отложите и этотъ вопросъ до другого времени, право; я теперь думаю даже о себѣ весьма мало. На вашъ призывъ, если вы готовы потребовать рѣшительный отвѣтъ, я показалъ всѣ мои обстоятельства передъ вами, и изъ нихъ вы сами видите, что ѣхать мнѣ никакъ нельзя, а поправить дѣла мои скоро невозможно.

Почему я не писалъ къ вамъ такъ долго, — причина простая: мѣсяца полтора я былъ не въ городѣ. Жилъ за 100 верстъ отъ города, въ лѣсу, мѣрялъ сосны, рубилъ дрова, а вечеромъ слушалъ, какъ волки воютъ. Гадкій ихъ голосъ положенъ на ноту. Нѣту никакой точности и весьма мало складу; безпрестанная неровность; то ужъ дюже много долгихъ выгибовъ, то вдругъ шероховато; то длинные подъемы, то рѣзкія остановки... Они сами, бѣдные, жалуются на свой недостатокъ и сильно винятъ своего прадѣда, который научилъ ихъ такой нескладицѣ. Я обѣщался имъ прислать новаго капельмейстера. Въ городѣ, у моего сосѣда, на цѣпи образовался молодой волченокъ. Пошелъ къ нему, а онъ, проклятый, ужъ лизу далъ изъ города; куда, — чортъ его знаетъ! Дня черезъ два поѣду съ извиненіемъ, скажу: — „Ну, дорогіе пріятели, извините, не выполнилъ слова; былъ на примѣтѣ славный вашъ товарищъ, да ушелъ куда-то; пойте по-прежнему, нечего дѣлать!“ Очень жаль, что у насъ въ Воронежѣ негдѣ до-

стать Фауста, переводъ Губера, да драму, переводъ Кукольника, о которой я читалъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ рецензію. Съ Гете я почти совсѣмъ незнакомъ, а надобно непремѣнно познакомиться хорошенько: онъ человѣкъ дюже хорошій. Владиміру Андреевичу, если можно, пожалуйста скажите, что того письма, которое я у нихъ просилъ, если оно неготово, чтобъ не присылали: оно уже пользы теперь сдѣлать не можетъ. И прошу васъ имъ и Александру Васильевичу Воейкову, Нестору Васильевичу Кукольнику, Ивану Ивановичу Панаеву и Эдуарду Ивановичу Губеру передать мое душевное почтеніе. Уважающій и любящій васъ всей силой души Ал. Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія“. 1879 г.

32. В. Г. Бѣлинскому.

(Конецъ 1838 или начало 1839).

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Здѣсь вотъ онъ—я. Весь день пробылъ на заводѣ, любовался на битый скотъ и на людей оборванныхъ, опачканныхъ въ грязи, облитыхъ кровью съ ногъ до головы. Что дѣлать? — дѣла житейскія такія завсегда. А вечеромъ сижу въ своей маленькой горенкѣ, пишу къ вамъ письмо. Охъ, совсѣмъ было погрязъ я въ этой матерьяльной жизни, въ кипятку страстей, страстишекъ, дѣлъ и дѣлишекъ. Эти мнѣ дѣла! ужь когда-нибудь эту я матерьяльность приберу къ рукамъ, зауздаю, да осѣдлаю, да такъ натру бока, что чертямъ будетъ тошно. Теперь пусть ее пока потяжается со мною; что нужды?—пусть ее пока. Если необходимо въ двѣнадцать часовъ кушать, а ночью спать, такъ ужъ пусть себѣ и она валяетъ своимъ чередомъ. Наѣдетъ на пень, пробьетъ лобъ, тогда посмѣюсь и я надъ ней. Дай Богъ все горькое пить, да насмерть не упиться. Во времена прошедшія каждый въ нашемъ родѣ долженъ быть непремѣнно человѣкъ безнравственный, запивала, оторви-голова, поклонникъ порока, другъ разврата, горемышный потѣшникъ дураковъ. Нынче не такъ: все перемѣнилось. Хорошее живетъ, пошлое огадилось. И всякой человѣкъ долженъ быть ничего больше, какъ просто человѣкъ. Чѣмъ потѣшать чудаковъ, лучше самому потѣшаться надъ чудаками. Эту-то рѣчь началъ я

потому: мои земляки рѣшили наконецъ: если бъ онъ былъ человѣкъ, что-нибудь мало-мальски похожій на людей, то онъ долженъ бы вести себя вотъ такъ, вотъ такъ, да вотъ такъ, а то живетъ себѣ какъ мы: дуракъ! — Но пусть ихъ говорятъ, мнѣ же въ настоящую пору надобно непремѣнно заняться было дѣломъ вещественнымъ. Шестимѣсячная отлучка моя надѣлала хлопотъ, многія дѣла торговли шли уже дюже плохо; вотъ я и принялся ихъ поправлять, да поправлять, да кое-что и пошло своей дорогой. А не писалъ я къ вамъ не потому, чтобы было некогда или не имѣлъ времени; вздоръ, другое затрудняло, — про васъ у меня во всякую пору есть въ запасѣ часъ. А вотъ, по совѣсти сказать, моя бѣда такъ ужъ настоящая: порою хочешь къ вамъ писать, и хочешь, и начнешь, да подумаешь, подумаешь, и пусто въ головѣ. Вотъ и теперь — пишу, пишу, а о чемъ? Думать тошно, а силы нѣтъ горю пособить... Мнѣ даны отъ Бога море желаній, а съ кузовокъ души. Я очень знаю, что вы такое; да вамъ надо того же, что часто у меня не дома.

Какъ ни начну къ вамъ писать, всякій разъ, чортъ знаетъ какая, встрѣчается трудность; самый выговоръ словъ не ладится: все какъ-то онѣ у меня становятся на-выворотъ, не по-христіански. Или оттого, что міръ людей, который меня окружаетъ, не слишкомъ благовиденъ? Да, я чувствую, что они постоянно уничтожаютъ всѣ потребности души. Чудна ихъ рѣчь, грязна душа. Еще и то порою приходило въ мысль, чтобъ васъ не бозпокоить слишкомъ черезчуръ мелкою дрязгою глупыхъ словъ. Хотя я и давно замѣчалъ въ васъ болѣе во сто разъ, чѣмъ въ другихъ, но все-таки боялся: душа темна, не скоро въ ней дойдешь до смысла.

Недавно сколько людей мнѣ клялись въ томъ и томъ; а кто изъ нихъ на опытѣ откликнулся мнѣ? Никто. Вы — не они. Но все-таки, согласитесь сами, между нами многаго недостаетъ; и какъ я ни посмотрю пристрастно даже къ себѣ, а все разница велика. Людей не соединяетъ одинъ наружный интересъ, а если и соединяетъ, на долго-ли? Мнѣ возвыситься до вашей дружбы мудрено; я вашъ давно, но вы мой еще недавно. Послѣднее письмо много сомнѣній рѣшило. Въ немъ я прочелъ то, чего словами выяснить нельзя. Ваше душевное сожалѣніе порадовало меня; оно было повторено мною съ вашимъ чувствомъ вмѣстѣ; ни по

извѣстію, ни по слуху, ни по просьбѣ, а такъ просто само вошло въ душу и сказалось въ ней. Миръ съ отцомъ вы одобрили, — онъ мнѣ теперь нравится самому. Женитьба всегда была противъ моихъ желаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ я человѣкъ, могъ думать такъ и сякъ. Ну что если отецъ, мать насядутъ на душу, поневолѣ въ другой часъ скажешь: давайте, хорошо. Теперь я рѣшительно бросилъ думать объ ней. Вы сказали правду, и я покоенъ. Въ этомъ дѣлѣ нуженъ голосъ другой души. . . . . .

. . . . . .

Теперь веду себя тихо, смирно, что-то на душѣ неловко, пропади она пропастью! Свѣтъ у меня перемѣнился: люди получшѣли, дни какъ приходятъ, такъ и уходятъ. Дышу вольно, живу широко, и такая полнота обладаетъ мной, какой съ роду и не чувствовалъ. Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня; въ послѣднюю поѣздку много добра захватилъ я у васъ: прежде только и зналъ, что людей проклиналъ, теперь благодарю Бога за жизнь свою. Одно измѣнило мнѣ... Жаль Сребрянскаго — вы одни замѣтили его... Какая прекрасная душа была, какъ онъ васъ любилъ и уважалъ! — На той почтѣ пришлю стихи его, о которыхъ я говорилъ вамъ въ Москвѣ. . . . . .

У насъ есть уѣздное училище, а въ училищѣ есть уѣздный смотритель; зовутъ его Николай Лукьяновичъ господинъ Грабовскій. Онъ человѣкъ извѣстный: два года назадъ издалъ: „Историческую картину религіи“, съ французскаго (двѣ части, цѣна 10 руб.) Подписка была объявлена на всю Россію, посвящена архіерею. Остальные экземпляры разыгрываются теперь въ лотерею насильно, т. е. ко всѣмъ исправникамъ, городничимъ посланы билеты: раздай; да и хвать, не раздашь, свои деньги плати, — невеликъ баринъ какой-нибудь исправникъ. Два дня назадъ вечеромъ я уморенъ былъ на-смерть. — Смотрю, лѣзетъ Грабовскій.—Здравствуйте.—„Мое почтеніе“. — Я къ вамъ— „Очень радъ“.—Не просто, съ просьбой.—„Готовъ выполнить, если могу“.—О, что до этого,—безъ сомнѣнія можете.—„Готовъ служить“.—Дѣло вотъ въ чемъ.—„Хорошо“.— Вчера я читалъ ваши стихи въ „Сборникѣ“—„Благодарю“.— Вы, какъ видно, посвятили себя на бѣлые стихи.—„Да-съ“.— А по-моему риѳмованные стихи какъ-то лучше.—„И я также думаю“.—Что-жъ вы сами не пишете?—„Не умѣю“.—И,

полноте, вамъ захотѣть, вотъ и все.—„Выполню ваше желаніе, попробую какъ-нибудь".—Впрочемъ, они и безъ риѳмъ очень хороши.—„Покорно благодарю".—Вы не изволили читать-съ мой переводъ, „Историческую картину религіи"?—„Нѣтъ, еще не читалъ".—Развѣ вы прозы не любите?—„Не только не люблю, съ рòду не читаю".—Напрасно-съ вы это дѣлаете, а проза дѣло хорошее.—„Знаю" ...[1].

„Бѣлинскій", А. Пынина.

33. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

15 февраля 1839. Воронежъ.

Ваше сіятельство, любезный князь Владиміръ Ѳеодоровичъ! Недавно я былъ съ вашимъ письмомъ у графа и графини Евдокіи Петровны Растопчиной, и цѣлый вечеръ пробылъ у нихъ чудеснымъ образомъ. Что за женщина эта графиня! Въ нашемъ матеріальномъ городкѣ, послѣ этой пошлой толпы людей и дрянныхъ женщинъ, такая встрѣча невольно погружаетъ душу въ сладкое упоительное забвеніе; заботы, горе, нужды какъ-то принимаютъ другой образъ, волнуютъ душу, — но не рвутъ, не мучатъ ея. Благодарю ваше сіятельство! Кромѣ минутъ священнаго унынья, если были когда-нибудь въ моей жизни прекрасныя минуты, которыя навсегда остались памятными мнѣ, то всѣ онѣ даны мнѣ вами, княземъ Вяземскимъ и Жуковскимъ: вы могучею рукою разогнали грозную тучу, вы изъ непроходимаго лѣса моихъ горькихъ обстоятельствъ взяли меня, поставили на путь и повели по немъ. И чѣмъ еще я не былъ обязанъ вамъ? Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. А чѣмъ за это все вамъ я заплатилъ? И чѣмъ заплатить могу? Грустно. Я навсегда останусь вашимъ должникомъ.. Иди дѣла мои теперь не такъ, какъ они идутъ, — и я бы жилъ уже славно. Великимъ богатствомъ обладаю я теперь: получаю „Отечественныя Записки", „Современникъ", „Московскій Наблюдатель"; три журнала, чего-жъ мнѣ еще больше? Читай и трудись, трудись и читай. Широкое поле передо мной, есть съ чѣмъ гулять по немъ; одна бѣда, никакъ не улажу своихъ дѣлъ, да и только;

1 Окончанія нѣтъ.

берутъ насильно время, не даютъ покоя, хоть бы вотъ что хочешь дѣлай. Но воля Божья; можетъ-быть и они какъ нибудь уладятся. Въ свѣтѣ чудесъ много, авось и эти горы свалятся съ плечъ; вѣдь и не этакія широкія рѣки переплываютъ добрые люди. Одинъ случай навернись, и все устроится, можетъ-быть, опять; худо крылья опустить... Досадно только, что какъ-то все у меня идетъ къ верху дномъ; вотъ едва только уладилъ дѣла свои въ казенной палатѣ и погасилъ огонь, какъ, на бѣду мою, открылась новая палата, и стороной я слышалъ ужъ, что новый управляющій ея N*** хочетъ опять раздуть погаснувшій огонь и возобновить то дѣло, по которому такъ много принимали участія вы, его сіятельство князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и его превосходительство Василій Андреевичъ Жуковскій... Если онъ въ самомъ дѣлѣ этакъ сдѣлаетъ, ну, тогда дѣлу конецъ... Ваше сіятельство, не смѣю васъ просить, но кромѣ васъ просить мнѣ некого: что хотите, дѣлайте, но еще примите участіе въ моемъ положеніи, еще замолвите слово и разгоните собирающуюся надъ головой моей тучу, пока она мнѣ не разбила голову. Пока вы за меня, никто противъ меня. Вотъ моя надежда, — и повѣрьте, что я хлопочу не изъ пустяковъ, и прибѣгаю подъ ваше покровительство не для того, чтобы подлымъ образомъ выплакать сначала отъ человѣка сильнаго участіе, потомъ безсовѣстно наѣзжать на встрѣчнаго и поперечнаго (какъ дѣлаютъ подлецы). Нѣтъ, я хочу какъ-нибудь выйти лишь изъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствъ и меньше съ людьми дѣлать шуму, и какъ-нибудь уладить съ ними тише и потомъ вздохнуть свободно; вотъ все, что нужно мнѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга, Алексѣй Кольцовъ.

Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. „Рус. Архивъ“ 1864.

34. В. Г. Бѣлинскому.

1839. Воронежъ.

Милый, любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Я такъ забылся передъ вами, такъ много задолжалъ, что ничего уже не могу сказать въ оправданіе, ровно ничего. Все это время шло у меня какъ-то глупо, дурно, такъ — Богъ знаетъ

какъ. Хлопоть съ утра до ночи каждый день, на ногахъ не постоишь, и, кажется, если посмотришь на настоящій день, видишь много сдѣлано, а сказать, право, обо всемъ двухъ словъ нельзя. Торговля — грязь, дрянь, а на моемъ мѣстѣ вещь необходимая, — вози покуда запряженъ; придетъ другое время, можетъ, будемъ другіе и мы. А знаете-ли: сто разъ сбирался къ вамъ писать, не пишется, стыдно какъ-то пестрить бумагу безъ пути, и еще бы, кажется, не написалъ бы къ вамъ, и долго бы, до зимы, да крайность, да случай.

Не взыщите, если я буду теперь говорить совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ говорить. Но первое, сначала всего благодарю васъ за милый, прекрасный и умный подарокъ. Какъ хорошъ вашъ журналъ, чудо! Какъ много пользы онъ мнѣ дѣлаетъ! Еще благодарю васъ за него. Одно меня печалитъ въ немъ, что онъ дюже опаздываетъ. Конечно, это бы еще ничего, да то бѣда, вѣрно вы никакъ не выйдете съ нимъ еще на ровную дорогу, вѣрно до сихъ поръ еще добрые люди всѣми силами тѣснятъ его, и вы до сихъ поръ еще съ нимъ бьетесь, колотитесь; досадно! Странно у людей дѣла идутъ на свѣтѣ: „Московскій Наблюдатель“ стой, а какой-нибудь брюханъ-толстякъ иди. А жирны „Отечественныя Записки“, черезчуръ жирны! Вотъ ужъ чего хочешь, того просишь. Навозу, платья, отрепья, сору, дряни — вволю, и кой-гдѣ алмазы есть. Мнѣ весьма нравится повѣсть „Бела“ Лермонтова. Вы не можете представить, какой богачъ я сталъ хорошими книгами, — есть что читать. Вашъ подарокъ, получаю „Отечественныя Записки“, „Современникъ“; отъ Губера получилъ „Фауста“, отъ Владиславлева альманахъ „Утреннюю Зарю“. Купилъ полное сочиненіе Пушкина, „Исторію Философскихъ Системъ“ Галича; мнѣ ихъ наши бурсари шибко расхвалили; а я прочелъ первую часть; вовсе ничего не понялъ; развѣ философія другое дѣло? Можетъ-быть. И такъ будемъ читать еще до конца. Теперь одинъ недостатокъ показался: еще надобно обзавестись непремѣнно Исторіей Карамзина. У меня есть Полевого и Ишимовой краткая, а хочется имѣть полную. Да оперъ нѣсколько: Робертъ-Дьяволъ, Фенелла, Донъ-Жуанъ, Виндзорскія кумушки Шекспира; хоть дурной переводъ, да все лучше, чѣмъ ничего. А Донъ-Жуана прочесть послѣ Пушкинскаго! А каково сострилъ Росков-

шенко съ Катковымъ: въ одинъ...[1] перевелъ Ромео, и, я думаю, деньги взялъ съ „Библіотеки". Видно у Каткова почему-нибудь дѣло сѣло на пень. Онъ хотѣлъ напечатать прошлый годъ, а еще нѣтъ. Какъ бы хорошо было его переводъ прочесть весь послѣ отрывковъ. Скажите, ради Бога, что мнѣ дѣлать съ Владиславлевымъ?[2] Четыре письма прислалъ, все проситъ стиховъ въ альманахъ: хоть вынь, да положь — да и только. Жаль, что не могу вамъ переписать всѣхъ писемъ: крайне любопытны. Въ нихъ онъ другой человѣкъ, чѣмъ наружи; по крайней мѣрѣ я кой-что изъ нихъ выпишу. Я просилъ, чтобъ онъ къ одному человѣку прислалъ письмо. — Первое: „Отыскивалъ я добраго человѣка, который бы далъ мнѣ нужную вамъ рекомендацію, и за всѣми стараніями и поисками не найду никого — да и только. Пишите, пожалуйста, пишите о себѣ, авось что нибудь и придумаемъ". Другое: „Я вполнѣ сочувствую вамъ. Какъ скучна и томительна эта жизнь, и дарю вамъ правило: Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. Вѣруйте въ него, Онъ не оставитъ, а вы меня за него поблагодарите. Краевскій писалъ вамъ о нашемъ предположеніи о книжной торговлѣ. Мысль завербовать васъ родилась во мнѣ съ перваго знакомства съ вами. Обдумайте-ка это дѣльце пообстоятельнѣй, да рѣшитесь на что-нибудь; вѣдь, кромѣ прибылей, которыя очевидны, вы будете жить между людей. Если найдетъ на васъ вдохновеніе, пришлите мнѣ, любезный другъ Алексѣй Васильевичъ, вашихъ стихотвореній для будущаго альманаха; можетъ-быть, балуя меня, вы позволите и выбрать, хотя у васъ все одинаково прекрасно. Дружески обнимаю васъ". Третье: „Вы не отвѣчаете на призывы пріятельскіе, такъ вотъ вамъ пѣсня; слушайте-ка: я издаю на будущій годъ альманахъ въ пользу дѣтей больницы и печатаю его въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ; и для этого надо начать дѣло съ мая, потому что надо имѣть время, кромѣ печати, для сушки, прессовки и сортировки бумаги и для изготовленія пяти тысячъ переплетовъ — потому что всякой экземпляръ будетъ въ переплетѣ. Все это требуетъ много и много времени. Полагая, что вы не совсѣмъ забыли насъ, петербургскихъ, и по пріязни вашей не откажетесь отъ

[1] Слово не прочитано.

[2] Издавалъ въ 1839—43 гг. альманахъ „Утренняя Заря".

участія въ моемъ альманахѣ на будущій годъ, я прибѣгаю къ вамъ со всеусерднѣйшею просьбою: прислать мнѣ ваши пьесы поскорѣй. Прозы у меня много, — но стиховъ будетъ мало очень, и то отборнѣйшіе. Вотъ почему мнѣ нужны ваши стихи. А не пришлете, такъ и всѣ стихи по боку, и будетъ одна проза, и грѣхъ будетъ на вашей душѣ. Торговля наша идетъ помаленьку; при ней два журнала, только нѣтъ хозяина. Рискните, погадайте, авось и впрямь выйдетъ по-нашему. Неужели вы думаете, что у столичныхъ жителей нѣтъ участія?". — Четвертое: „Что же вы мнѣ не шлете вашихъ стиховъ, — стихи меня крѣпко жмутъ". — Пятое. „Стихи ваши хороши, да нѣтъ цѣлаго, у васъ бываютъ гораздо лучше. А какъ альманахъ мой не журналъ, который прочтутъ, да и бросятъ; къ тому же онъ печатается въ пяти тысячахъ экземпляровъ, а потомъ перепечатается другое изданіе, — а потому я, любя вашъ талантъ, не напечатаю вашей пьески. Присылайте мнѣ лучшее, вы не опоздаете, а эту пьеску я передамъ Краевскому; современемъ скажете спасибо. Да пріѣзжайте-ка къ намъ въ Питеръ служить, а?"

Я писалъ ему: „Хоть мои дѣла очень дурны, но все мнѣ нельзя ѣхать къ вамъ, потому что я долженъ двѣ тысячи рублей; отдать нечѣмъ и полиція не пуститъ. Хотѣлъ бы душою — да нельзя". — Конечно мои дѣла дурны, да не такъ еще, какъ я писалъ къ нему. Но что-жъ съ ними дѣлать? Вѣдь надо какъ-нибудь дощупаться правды, — а у этихъ людей деньги скорѣе всего откроютъ грудь. Я впередъ зналъ: не только рублей двѣ тысячи, а копѣекъ — Владиславлевъ и Краевскій не дадутъ. И онъ объ этомъ во всѣхъ письмахъ деликатно молчитъ. Послѣ четвертаго письма я послалъ одну пьеску. Что жъ было дѣлать? Вѣдь стыдно въ самомъ дѣлѣ не послать: что ни говори, а я отъ него уже два альманаха взялъ, чего жъ еще? — и это великая милость. И хоть я Владиславлеву не вѣрю, что пьеска дурна, но однакожъ, можетъ быть, онъ и правъ. Вѣдь было жь со мной нѣсколько разъ, — кажется хорошо а вы говорите: дрянь; дурно — хорошо. Такъ и теперь, можетъ быть. Я вамъ ее посылаю — „Путь". Пожалуйста, посмотрите. Если въ самомъ дѣлѣ дрянь, такъ ужъ лучше попросить Краевскаго, чтобы и онъ ее не печаталъ. Чортъ знаетъ — я въ этихъ дѣлахъ большой оселъ. А другая —

„Старому Товарищу“. Тоже, если хороша, напечатайте у себя въ журналѣ, а не хороша, такъ и быть, — не надо. Да я къ вамъ послалъ прежде три пьески, скажите о нихъ словца два: что хорошо, и что гадко, и про „Бѣгство“, что̀ напечатано въ „Современникѣ“. Не годится-ли „Дума передъ образомъ Спасителя“? Если хороша я ее пошлю Владиславлеву, а нѣтъ, — ну и у меня ужъ больше ничего нѣтъ, и совѣсть будетъ чиста. Вы мнѣ особенно теперь скажите обо всемъ, потому что я теперь болѣе всего дорожу вашимъ мнѣніемъ, и мнѣ оно нужно. Прежде былъ живъ Сребрянскій, онъ чудную имѣлъ мысль и любилъ говорить правду. Теперь его нѣтъ, и я одинъ, и кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Видите-ли, почему я васъ прошу въ такую пору, когда вамъ можетъ-быть не до меня и не до себя.

Да дайте пожалуйста сему подателю моихъ книжонокъ двадцать. Я все ими сорю кое-кому. Василію Петровичу, Ивану Петровичу почтеніе. Всему собору вашему низкій поклонъ.

35. В. Г. Бѣлинскому.

28 сентября 1839.

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Все недосугъ и недосугъ, да сколько жъ терпѣть мнѣ? Полно, кончено! Сколько могу я, сколько успѣю (не ладно, не въ порядкѣ), но хочу говорить съ вами; давно душа хочетъ бесѣды, давно ей хочется сказать вамъ, что есть у ней къ вамъ. Много у ней есть интересовъ, но мертвая буква укорачиваетъ ея желанья. Боже мой, какъ я виноватъ передъ вами! непростительно виноватъ! Сколько времени получилъ отъ васъ письмо, и какое! вмигъ хотѣлъ, по прочтеніи его, переселиться къ вамъ весь. Но, — чортъ съ ними, эти дѣла! опротивѣли, пусть! — но хоть сегодня на вечеръ не приступятъ къ горлу. И что напишу къ вамъ послѣ вашего письма? Милый Виссаріонъ Григорьевичъ, стыдно мнѣ за ваши письма угощать васъ моею дрянью, и, кажется, подъ разными формами дѣлъ... Эта мысль удерживала меня писать къ вамъ. А что-жъ придумаю? что напишу? Ровно ничего, все то же, что и тогда. Видно такая моя участь: чѣмъ больше думаешь, тѣмъ глупѣе; вѣчно не то дѣлается, что дѣлать хочешь. Или я желаю

невозможнаго? Нѣтъ, повѣрьте, мои желанія весьма ограничены. Если бы образцовъ не было... Они передъ глазами. Почему-жъ у добрыхъ людей дѣлается иначе, чѣмъ у меня? Тамъ вездѣ логика, теорія, а у меня чортъ знаетъ что такое; что ни начнешь писать, не строится, не вяжется, а ежели и свяжется, то страшно смотрѣть. Если не обманутъ я другими, и если вы ко мнѣ не пристрастно великодушны, — то или я дуракъ, или я безсовѣстно обманутъ всѣми. *Горькое сознаніе робкой думы мысли.*

Да, Виссаріонъ Григорьевичъ, вы совершеннѣйшій колдунъ. Еще не было въ жизни моей мучительнѣе состоянія, какъ въ прошломъ году: плохое, мучительное дѣло, больной Сребрянскій; смерть его все довершила. Если вы не понимали прежде... Но нѣтъ, не можетъ быть, вы и тогда понимали много. Скажите же, въ одну минуту разломать то, что крѣпло пять лѣтъ, моя любовь къ нему! Его прекрасная душа, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее,—и все вдругъ... Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили; и я такъ много былъ ему обязанъ; онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему онѣмѣлъ было я совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать „прощай“; и если бъ не вы, я все бы потерялъ навсегда, вы мнѣ много сдѣлали. Меня вѣдь не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа, сходки. Общество людей конечно хорошо, — но если есть *человѣкъ*, то такъ, а безъ него толпа не много даетъ. Опять я такой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія, а иначе я ноль, никто меня не уничтожитъ съ другой душой, а собственно мою уничтожитъ всякій. Не поддержите вы меня въ Москвѣ,—я бы ни одной строки не состряпалъ. Но все я сомнѣвался, захотите-ли вы меня держать на помочахъ, или нѣтъ. Сами знаете: вѣдь объ этомъ нельзя ни умолить, ни упросить; когда душою не хочется,—и дѣло рѣшено. И вотъ ваше письмо совершенно меня обрадовало; здѣсь вы пророчески узнали мою потребность, чего я ждалъ отъ васъ долго молча, и, слава Богу, дождался наконецъ.—Я весь вашъ, весь, навсегда! И пьесъ моихъ вы хозяинъ полный: никуда, кромѣ васъ, не пойдетъ ни одна; и скажу вамъ откровенно, если я ихъ кой-куда разбрасывалъ, на то были или необходимость, или разсчеты, конечно не денежные (избави Богъ, я объ нихъ не мыслю), а разсчеты

другого рода. Теперь же мнѣ хочется быть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и кой-когда въ „Современникѣ“ и въ альманахѣ у васъ; а у Владиславлева быть или не быть, все равно, въ другихъ журналахъ также.

Благодарю васъ, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, за вызовъ вашъ, отъ всей души благодарю. Радъ до смерти, что вы сошлись съ Панаевымъ, — онъ славный, добрый человѣкъ; и мило сдѣлали, что теперь сотрудники Краевскаго. Андрей Александровичъ тоже человѣкъ славный и добрый, хоть и въ своемъ родѣ; но все онъ почтенный человѣкъ, и его нельзя не любить, онъ большой мастеръ, умѣетъ расположить къ себѣ всякаго, и право въ немъ есть *искра Божія добра*. Въ Петербургъ вы ѣдете... Не только это хорошо; но вамъ нужно тамъ быть; пусть онъ на первый разъ васъ не очень ласково приметъ, пусть многіе будутъ на васъ смотрѣть подозрительно, пусть будутъ говорить и то, и се... Богъ съ ними! Ничего не сдѣлаютъ. Вся ихъ выгода въ одномъ: иногда нанесутъ на первый разъ непріятностей, и то легкихъ. Пусть ихъ отуманитъ утро, а оно все-таки разведрится опять, и солнышко засвѣтитъ въ немъ роскошнѣе прежняго и блистательнѣй. Они бы рады сдѣлать и больше, да вы не дадитесь, вы ужъ знаете, какъ съ ними ладить, опытъ васъ заранѣ приготовилъ къ нимъ. *„Ты царь, живи одинъ“*. Святая правда, и вашъ девизъ она. Но Эрмитажъ, но Брюловъ, но весь Петербургъ снаружи даже, Нева, море стóятъ гораздо больше; и можетъ-быть года черезъ два заграницу, къ Гоголю, въ Италію. Надо быть въ Италіи и Германіи, непремѣнно надо; безъ того вамъ умереть нельзя. А смерти „Наблюдателя“ и радъ я, и не радъ; радъ потому, что онъ мучилъ васъ, не радъ потому, что Василій Петровичъ, кажется, могъ бы здѣсь поступить иначе,—кажется, могъ бы... Чего не можетъ человѣкъ, когда захочетъ, особенно купецъ, у котораго въ дѣлѣ спекуляціи все идетъ по заказу невозможнаго? Неужели нужны страшныя суммы для поддержки его?... Одно досадно: много усилій я уже употребилъ, чтобы быть зимою въ Москвѣ; пріѣду, васъ не найду, а скучно будетъ мнѣ въ ней жить, къ вамъ-то и рвалась душа моя. Но отъ всей души дай Богъ вамъ добрый путь на дѣло трудное и великое. Все прекрасное лежитъ въ будущемъ, настоящее

пройдено — и таины нѣтъ; безъ ней жизнь не жизнь. Да, я нашелъ въ Воронежѣ славнаго человѣка. хохла, и порядочнаго другого. Одинъ пишетъ по-малороссійски сонеты, чудные сонеты. Напишите, если ихъ можно помѣстить въ вашъ альманахъ, я нѣсколько пришлю; къ Гребенкѣ послалъ ужъ четырнадцать штукъ. А другого скоро одну пьеску пришлю, русскую. Теперь посылаю двѣ пьесы Красова. Въ „Вакханкѣ“ не угодно-ли вамъ будетъ выкинуть нѣсколько стиховъ, отмѣченныхъ черточками, тогда пьеска будетъ славная; именно отъ нихъ она была и растянута, и сладострастна. Конечно, сладострастье хорошо, да у него какъ-то вышло приторно. И своихъ три пьески, двѣ вамъ извѣстныя. Въ „Примиреніи“ я то мѣсто, что говорили, поправилъ, и отмѣтилъ черточками нѣсколько стиховъ; не угодно-ли будетъ выкинуть: и съ ними хорошо, и безъ нихъ хорошо, а чѣмъ короче, тѣмъ лучше. Третья—„Умолкшій Поэтъ“. Его видно Плетневъ почему-то не хочетъ печатать въ „Современникѣ“, видно потому, что онъ умолкшій, а ему, знаете, надобны живые, говорливые. „Тоска по волѣ“ недавно написалъ; не знаю, понравится-ль. Въ ней старое слово я поставилъ: „гой“, но оно хорошо, кажется, стоитъ; съ нимъ „пододонная“ —этакъ говорится по-русски про адъ. Еще непремѣнно напишу въ вашъ альманахъ, и скоро пришлю. И ужъ кое-что хочется написать. А если угодно вамъ спросить, почему мало? — трудно отвѣчать, и отвѣтъ смѣшной: не потому что некогда, что дѣла мои были дурны, что я былъ все разстроенъ; но вся причина эта суша, это безвременье нашего края, настоящій и будущій голодъ. Все это какъ-то ужасно имѣло нынѣшнее лѣто на меня большое вліяніе или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшней природою всего народа. Куда ни глянешь—вездѣ унылыя лица, поля, горѣлыя степи наводятъ на душу уныніе и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ! Напримѣръ: и теперь поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ; напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ, не говоря ужъ грусть—онѣ всѣ грустны,—а какая-то болѣзнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывали. Я думаю, въ той же душѣ, на томъ же инструментѣ, на

которомъ народъ выражался широко и сильно при другихъ обстоятельствахъ, можетъ выражаться слабо и бездушно. Особенно въ пѣснѣ это замѣтно; въ ней кромѣ ея собственной души есть еще душа народа въ его настоящій моментъ жизни. Не знаю, отчего вамъ не нравится „Стенька Разинъ“, развѣ по названію: названіе можно перемѣнить, а пьеса кажется, хорошая. Конечно, она не выражаетъ образности; но въ ней эта образность скрывается въ силѣ души, которая выражаетъ себя въ своемъ напряженномъ состояніи внѣшнихъ обстоятельствъ. „Бѣдный призракъ“ тоже, кажется, вещь хорошая,—въ ней нѣтъ буквально высказанныхъ періодовъ жизни одного человѣка съ его конечною душою; но изъ нѣсколькихъ моментовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ, ясно видно, о чемъ идетъ рѣчь, что ему надобно и отъ чего онъ..... [1] вездѣ донельзя. „Послѣдняя борьба“, можетъ, пахнетъ Пушкинымъ, — не спорю; но въ ней своя форма, свои слѣдствія битвы. О другихъ я не говорю ничего. Нетерпѣливо жду услышать о стихахъ Сребрянскаго, — ужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ плохой поэтъ? Да разскажите, Бога ради, почему „Флейта“ хороша; два раза читалъ — не понялъ, а хорошаго не понимать весьма худо.

Посылаю еще сказку Усова. Посмотрите; годится куда-нибудь — отдайте, не годится — въ огонь. „Наблюдателя“ у меня нѣтъ; и если у васъ нѣтъ лишняго экземпляра, и взять его сопряжено для васъ хоть съ малѣйшей трудностью, то пожалуйста не присылайте: у васъ много безпокойствъ и кромѣ этого; а если можно, и то если можно, то пожалуйста пришлите экземпляръ, и двадцать моихъ книжонокъ. Я, знаете, иной разъ ихъ растаскиваю кое-куда. Что-жъ дѣлать! есть такія мѣста, гдѣ денегъ не берутъ, а даже одолжаютъ, — такъ я и поблагодарю книжкой; все лучше, чѣмъ одни слова. Ахъ какъ хороши въ восьмомъ нумерѣ „Записокъ“ пять русскихъ пѣсней! чудо какъ хороши, вотъ ужъ объяденье — такъ объяденье. Я тутъ подозрѣваю Лермонтова [2], чуть-ли не онъ опять проказитъ, какъ въ пѣснѣ про Царя Ивана. Кто бы ни былъ, онъ или нѣтъ, а все большое спасибо за нихъ,

---

[1] Слово не разобрано.

[2] Пѣсни не принадлежатъ Лермонтову.

и тому, кто написалъ, и тому, кто напечаталъ. Дѣла нѣтъ, что онѣ всѣ изъ старыхъ пѣсней переправлены—да мастеромъ переправлены, молодцомъ. И разборъ пѣсенъ Сахарова, Каткова, чудо какъ хорошъ; меня чрезвычайно какъ настроилъ его разборъ. Чуть-ли всѣ не ошиблись въ своемъ заключеніи, онъ человѣкъ даже хорошій, и если былъ страненъ тогда, то не потому-ль, что дорóга ему самому была нова. На слѣдующей почтѣ еще пошлю къ вамъ письмо. Любящій, почитающій и уважающій васъ всей силой души Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій", Пыпина. — Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

36. В. Г. Бѣлинскому.

12 октября 1839 года. Воронежъ.

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вашъ альманахъ вынулъ еще изъ черной тетради двѣ пьески; ихъ достоинства я не защищаю, онѣ передъ вами, смотрите — и судите. Въ „Пѣснѣ" я одинъ стихъ замѣнилъ вновь, но если онъ не годится, такъ по старому; какъ лучше, такъ и поступите. Въ „Хуторкѣ" тоже чортъ знаетъ, иногда прочтешь „Хуторокъ", покажется, а иногда разорвать хочется. Есть вещи въ свѣтѣ, милыя сердцу, и есть ни то, ни се; такъ и вездѣ. Да впрочемъ, что жъ больше можетъ быть среди безлюдной почти степи? Конечно драма вездѣ, гдѣ человѣкъ; но иная драма хороша, другая дурна. Если смотрѣть на него [1] въ обширномъ смыслѣ страстей человѣческихъ, такъ эта жизнь не очень хороша, а если глянуть на степь, на хуторъ да небо, такъ и эта бредетъ. Лучше что есть говорить, а не собирать всякой чепухи и брызгать добрымъ людямъ по глазамъ; и стыдно и грѣшно. Вамъ смѣшно, я думаю, что такую дрянь я сую въ драмы; на безрыбьи и ракъ рыба: такъ (какъ) у меня нѣтъ большихъ, ну и маленькую туда-жъ, — все какъ-то лучше, чѣмъ нѣтъ ничего. Если вы не посылали еще мнѣ письма, то погодите маленько; я напишу вамъ на той почтѣ письмо, въ немъ пошлю три пьески чужія, и тогда ужъ я васъ не шутя попрошу написать мнѣ обо всемъ. Если будетъ и недосугъ, такъ о томъ и о томъ покороче, но пожалуйста обо всемъ. У васъ такая куча вопросовъ отъ меня, и изъ

[1] Т.-е. на „Хуторокъ".

нихъ кое-какіе меня очень интересуютъ. А ужъ если совершенно вамъ не захочется писать, или гадкія обстоятельства не дадутъ для этого ни минутки, — ну дѣлать нечего: послѣ. Да увѣдомьте, когда вы уѣдете въ Москву, гдѣ васъ тамъ найти, — а то безъ адреса писать писемъ нельзя, Досадно, что я васъ не найду въ Москвѣ; прежде ноября мнѣ ѣхать изъ города нельзя, а вы уѣдете прежде; пріѣду, — васъ нѣтъ, и скука съѣстъ. такъ — да не такъ. Когда въ Москвѣ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, кланяйтесь отъ меня ему низко. Изъ Питера ко мнѣ никто не пишетъ. Владиславлеву я ничего не посылалъ и не пошлю: мнѣ теперь только и хочется быть у васъ въ альманахѣ, хоть съ одной пьеской, въ „Запискахъ“ и „Современникѣ“, — и довольно. Уже море, — ближе берегъ. Алексѣй Кольцовъ.

37. А. А. Краевскому.

1839 г.

Любезный. добрый, милый мой Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ, благодарю, и еще благодарю за ваше письмо, за все его. Одно все — одно слово, одна мысль, полная благихъ утѣшеній. Вы давно озаряете тѣсную сферу моей жизни своимъ блистательнымъ лучемъ; давно хотите оживить почти завялую былинку и много разъ ее кропили живой водой; но чтобы вполнѣ ее оживить, — невозможно. И званіе, и время, и обстоятельства, и самая возможность — все противъ меня! Дерево, разрушенное грозою, можно собрать, можно одѣть корой, но оживить едва-ли льзя! Еще благодарю за ваше доброе желаніе, чтобы я ѣхалъ въ Петербургъ, былъ у васъ въ конторѣ „Отечественныхъ записокъ“. Это дѣло такое, котораго я лучше бы не желалъ; да вотъ бѣда, — я не могу этого сдѣлать, не могу ѣхать. Полно молчать, скрываться; скажу вамъ откровенно, по душѣ. Отецъ мой имѣлъ прежде весьма много дурныхъ дѣлъ судопроизводныхъ, о которыхъ я уже вамъ мно о разъ и говорилъ. Изъ нихъ кой-какія кончены до перваго пріѣзда моего въ Петербургъ, еще кой-какія кончились послѣ того самимъ мною. Оставалось одно главное, большое горе — для моей гибели. Въ этомъ дѣлѣ вы приняли участіе и добрый Василій Андреевичъ и князь Вяземскій (вы не отпирайтесь, вамъ совѣстно

отпираться; еели бы не вы, я бы въ Питерѣ не нашелъ слѣдка, не только что дорожки), которое, слава Богу, теперь кончилось. Это горе съ плечъ долой бухнуло. Теперь еще осталось два дѣла. Одно: слѣдуетъ отцу взять землю на пять лѣтъ, 350 десятинъ, у мужиковъ; деньги, пять тысячъ, отданы, а дѣло заспорилось. Другое: по поручительству слѣдуетъ ему заплатить пять тысячъ рублей. Но все это ничего... дѣло уже конченное! При дурномъ его окончаніи, грозило отцу моему полиціей; вы его изъ ней вытащили. Теперь вотъ бѣда! Нынѣшній годъ по нашей торговлѣ былъ весьма дуренъ, у насъ много рогатаго скота упало, т. е. подохло, а капитала своего мы имѣли самую малость: торговали на чужой, пользуясь довѣріемъ. Скотъ подохъ, деньги, на него употребленныя, пропали, а онѣ были чужія. Люди не виноваты, что у насъ скотъ подохъ: ихъ надобно заплатить, а заплатить нечѣмъ. Что вы прикажете тутъ дѣлать? Будь ихъ немного, — тысяча, другая, третья, — я бы тотчасъ нашелся какъ горю пособить, а то ихъ до двадцати. Какъ перевернуться? Какъ эту рѣку перейти, не захлебнуться? Вотъ мое настоящее горе. Конечно, Богъ не безъ милости, человѣкъ не безъ грѣха, и я бы отъ этого грѣха хоть бы ускользнулъ изъ города, — но что будетъ со старикомъ? Положимъ, можно забыться и для этого на время уѣхать; да не пустятъ проклятые кредиторы: вида — чортъ ихъ побери! — не дадутъ, на дорогѣ остановятъ, въ уголъ прикуютъ. Вотъ дѣла-то какія состроила мнѣ судьба! И что ни будетъ,—я покоряюсь имъ. Пока это еще негласно пока еще я тѣмъ и тѣмъ скрываю истину, указываю имъ на то и на то, а далѣе — я далѣе дня пока не думаю, что будетъ. Пройди хорошо этотъ одинъ годъ, и все бы пошло какъ нельзя лучше. Я было порядочный началъ строить домъ, который бы приносить могъ дохода двѣ тысячи рублей, да самъ бы въ немъ занялъ лавченку книжную,—и можно бы жить припѣваючи. Конечно, достройка его должна остановиться, и всѣ мои желанья — пополамъ! Видите-ли, любезный Андрей Александровичъ, теперь мои дѣла? Можно надъ ними сгрустнуть, или нѣтъ? Хороши они? И изъ-за пустяковъ-ли я часто пригорюнясь сижу? Вы говорите, я упалъ духомъ. Нѣтъ, духомъ я не упалъ, и бѣдѣ моей я смотрю въ глаза прямо, и грудь не сокрыта

предъ ней. Я не бѣгу, а стою и жду бури: сломитъ—упаду, выдержу — пойду впередъ! Но не стану передъ ней на колѣна, не буду слезно молить о пощадѣ и бабой выть; нѣтъ, этого не будетъ! Я русскій человѣкъ. Шапку снимемъ предъ грозой, а въ сердцѣ кровь не остановимъ; холодъ по тѣлу пустимъ, но въ тѣлѣ не удержимъ. Еще смѣемъ сказать: „убирайся, откуда пришла!“ Тряхнемъ стариной, — будетъ хуже. Нѣтъ, Андрей Александровичъ, духомъ я не упалъ и не упаду, развѣ мощь измѣнитъ, развѣ отъ напряженія силы тѣла лопнутъ, — тогда конецъ!

Вы такъ добры, что извиняетесь передо мной, что рѣдко пишете. Могу-ль я требовать, чтобъ часто вы писали, и можно-ль вамъ, при вашихъ хлопотахъ и недосугахъ, при вашихъ занятіяхъ огромныхъ? Вы славно начали подвизаться: два журнала вдругъ! Признаюсь, я завидую такой дѣятельности: лѣсъ занятій, трудныхъ, отчетливыхъ. Великое дѣло пахать большую ниву для пользы человѣка! Ал. Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія“ 1879 г.

38. В. Г. Бѣлинскому.

(1839).

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! . . . . . .

. . . . . .

Теперь я начинаю понимать, что всякая конечность, въ какой бы она прекрасной формѣ ни была, — все конечность. Нашимъ желаньямъ нельзя довѣрять: врутъ они противъ разсудка и себя, ихъ обманываетъ безсовѣстно инстинктъ натуры, ихъ надо держать въ рукахъ, на привязи. Не можетъ быть на землѣ полнаго упоенія любви, какое рисуетъ воображеніе, или, если можетъ быть, то ужъ весьма рѣдко, и то только тогда, когда сами обстоятельства сведутъ на пути жизни двухъ человѣкъ одинакихъ понятій, страстей, желаній. Я свой разсчетъ кончилъ, не буду желать, не буду искать счастья тамъ, гдѣ нѣтъ его. Рѣшено: буду питаться воздухомъ, любоваться звѣздами. Какъ живу? Этого вопроса я не разрѣшу вамъ самъ. Чортъ знаетъ, какъ я живу теперь! Что я дѣлаю? Въ нынѣшнюю пору кто изъ порядочныхъ людей что дѣлаетъ? Это скучно, отъ зрѣнья можно потерять глаза,

отъ пѣшковой ѣзды — ноги; отъ рукодѣлья — надолго-ли станутъ однѣ руки? Право, надобно дѣлать какъ можно меньше, больше ѣсть, курить трубку; — чаще будетъ затменіе луны, больше ночей. Нѣкоторымъ образомъ я жалѣю, что много всякой всячины на свой вѣкъ передѣлалъ. Но прошедшаго не воротить, а надо пользоваться настоящимъ, и я, славу Богу, въ этомъ славно подвизаюсь; недостаетъ одного колпака, а то совсѣмъ бы я былъ дуракъ. Почему знать, можетъ за сходную цѣну куплю и его? Тогда прощайте, добрые люди, уйду надолго въ лѣсъ по грибы, въ поле по груши. Да, въ самомъ дѣлѣ, мое теперешнее положеніе почти похоже на этотъ несвязный, глупый сонъ. Ищу должности, хочу попробовать разыграть паяца, я его ужъ играю съ нѣкотораго времени дома. Что жъ въ самомъ дѣлѣ я, какъ не паяцъ, когда я не могу усвоить за собою ни одного дня въ жизни, какъ бы хотѣлъ? Прекрасное у меня вѣчно перемѣшано съ гадкимъ, милое съ отвратительнымъ. Жизнь дѣловая, матеріальная требуетъ всего меня, я ее обманываю. Жизнь, на служеніе которой хотѣлъ бы посвятить себя всего, напрасно призываетъ въ свой тѣсный уголъ: демонъ матеріализма не пущаетъ. И такъ проходятъ дни, мѣсяцы, годы, и золото-время гублю, на что попало. Съ людьми, съ которыми живу, никакъ не сойдуся: они требуютъ, чего нельзя имъ дать; чего хочу, — у нихъ нѣтъ... И время отъ времени я съ ними все дальше и дальше расхожусь. Боже мой, до какой степени я съ ними не въ ладу! Наружной брани нѣтъ, да безъ ней грустно. Этотъ слой народа низокъ, гадокъ, пошлъ до несказанной степени, — а выйти изъ него ни дороги, ни силъ нѣтъ. Иногда затѣваешь думать о чемъ-нибудь порядочномъ, чтобы оно проложило дорогу выйти на просторъ, — нѣтъ силы больше для выполненія. Тоска какъ собака грызетъ меня. Что-то будетъ. Но ужь хуже, ей Богу, не будетъ ничего, потому что и такъ ужь худо. Ничего не радуетъ, ничего совершенно. Москва, вотъ когда я постигаю твое блаженство, вотъ когда я вижу, чѣмъ жизнь твоя прекрасна. Но мнѣ не быть счастливымъ никогда. Въ Москвѣ не жить мнѣ ввѣкъ. Я получилъ два письма: одно отъ Краевскаго, другое отъ Плетнева. Краевскому писалъ я прежде, что мои дѣла дурны; онъ на это со всѣмъ тономъ великаго мецената зоветъ меня къ себѣ управлять конторою журнала

„Отечественныхъ Записокъ"; изъ мальчика просить пойти въ работники: удачная будетъ перемѣна! Плетневъ пишетъ, чтобъ я прислалъ къ нему реестръ пьесъ, которыя я назначаю ему собственно въ „Современникъ", а то говоритъ одну пьесу ... [1]

„Бѣлинскій", А. Пыпина.

39. В. А. Жуковскому.

1 декабря 1839. Воронежъ.

Ваше превосходительство, милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичъ! Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечъ моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня и все семейство и старика отца это проклятое дѣло! Семь лѣтъ и день и ночь — исторія одна, и если бы не вы, что̀ бы съ нами было? И все значенье цифры смело-бъ до нуля. Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенья, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя всѣхъ васъ, думалъ-ли я въ ту пору, что придетъ время: увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ! и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матеріальныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, выведетъ изъ мрака моего забвенія, укрѣпитъ доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь; думалъ-ли я когда нибудь? — Даже до этихъ поръ, часто въ сладкомъ воспоминаніи воскрешая прожитое время въ Петербургѣ, ваши ласки, вниманіе, покровительство, ваше посѣщеніе Воронежа, оживляя васъ самихъ у себя дома, въ своемъ городѣ, — думаешь, и самъ не знаешь, что это было; сонъ, или быль? волшебная сказка, или святая истина? — Выше всѣхъ понятій возвысили вы меня, и что же я, — чѣмъ заплатилъ вамъ за все это и чѣмъ заплачу за все, что сдѣлано вами для меня? Ничѣмъ, — ровнехонько ничѣмъ... Тяжело быть должнымъ — и не имѣть никакой возможности заплатить долга;

[1] Окончанія письма нѣтъ.

одной же искренней душевной благодарности, горячаго чувства весьма недостаточно, мало, чтобъ уничтожить всю силу моихъ желаній. Надѣяться на будущее? Но что же будущее мнѣ дастъ? Кругомъ туманъ и тьма; какой, откуда лучъ засвѣтитъ мнѣ? Возможно-ли для самой мощной воли олицетворить себя до невозможности? Есть чудеса, и будутъ, но для меня они ужъ исключенье; ужасное сознанье робкой думы: „будь то, что будетъ!“ До тѣхъ поръ примите вновь отъ меня за сдѣланное добро одну искреннюю, чистую, горячую благодарность отъ моей души. Больше ея я ничего не могу вамъ ни сдѣлать, ни сказать; нѣтъ жизни у меня для васъ, кромѣ этой жизни. — Чувствую, что лучше было мнѣ пріѣхать нарочно въ Питеръ и благодарить васъ лично, но этого я не могу сдѣлать теперь. Прежде иначе я гадалъ, даже переселиться совсѣмъ жить въ Петербургѣ; теперь пошло все иначе: въ одинъ день съ разныхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ, и у меня нынче другой уже дуетъ вѣтеръ. Андрею Александровичу Краевскому про этотъ вѣтеръ я уже говорилъ; осталось мнѣ издали смотрѣть, какъ міръ въ своихъ страстяхъ воюетъ самъ съ собой. Можетъ, было бы еще хуже жить, но ясный лучъ вашего свѣта освѣщаетъ меня до этихъ поръ. Губернаторъ нашъ, его превосходительство Николай Ивановичъ Лодыгинъ, не даетъ съѣсть меня людямъ. Чуть они задумаютъ запутать въ своихъ сѣтяхъ, я къ нему тотчасъ — и вновь дышу свободно. Боже мой! Чего хочутъ отъ меня эти честные люди? за что скрипятъ зубами? Что надо имъ? — не знаю. Если я съ ними не пьянствую, не играю въ карты, не просиживаю ночей праздно, то, кажется, за это имъ сердиться не должно; а кромѣ, божусь вамъ! другихъ грѣховъ за мной нѣтъ. Теперь тянутъ они меня, по дѣлу отца моего, опять въ Москву, въ сенатъ, въ 7-й департаментъ. Нужды нѣтъ, нусть тянутъ; такъ и быть, поѣду; поклонюсь вновь добрымъ людямъ, побьюсь съ нуждою; ужь съ горемъ мы давно свои, съ нуждою живемъ за панибрата, а все-таки, быть-можетъ, своей свободы въ руки имъ не дамъ... Угодно-ли будетъ вамъ спросить: занимаюсь-ли я словесностью, или нѣтъ? Все свободное время посвящаю постоянно ей одной; выше этого дѣла я ничего не знаю. Но что мало пишу? Это оттого, что мало время есть у меня, которое могу я

отложить отъ дѣлъ житейскихъ на святое дѣло духа. А что пишу? Чтобы не наскучить вамъ *многимъ*, посылаю одну пьеску, которую, если вамъ понравится, хотѣлъ бы посвятить вашему имени. Вы милый нашъ поэтъ, поэтъ народной жизни русскаго духа и человѣкъ государственный! Соединить эти двѣ крайности довольно трудно и тяжело, а вы соединили ихъ. Поэтому каждый часъ вамъ, кромѣ моихъ бездѣлокъ, необходимо дорогъ для дѣлъ великихъ и святыхъ... Вновь за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ приношу вамъ не ту благодарность, которая холодно выговаривается въ холодной буквѣ, но ту благодарность, которая долго и глубоко живетъ въ теплой груди сознательнаго человѣка; которая меньше выговаривается, но въ тысячу разъ больше чувствуется на каждомъ шагу нашей жизни. Весь преданный вамъ и всей силой души моей любящій и почитающій васъ, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

(Приложена дума „Лѣсъ“).

„Русск. Арх.“ 1871 г., № 2.

40. А. Н. Черткову.

28 декабря 1839.

Любезный, добрый Алексѣй Николаевичъ! Съ праздникомъ васъ, почтенье вамъ, привѣтъ вамъ отъ души!... Еще бы чего? Гармоническаго состоянія вашей душѣ! Все теперь. Благодарю за „Исторію“. Извините, что не могу быть у васъ, простудился, боленъ немного, въ комнатѣ сижу. Если есть у васъ весь Луганской, то пожалуйста дайте прочесть. Съ душевнымъ уваженіемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Ист. Вѣстн.“ 1893 г., № 1.

41. А. А. Краевскому.

1 января 1840.

Дорогой и любезный Андрей Александровичъ! По желанію вашему третьяго дня былъ я съ Васильемъ Петровичемъ Боткинымъ въ конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Она на Кузнецкомъ мосту, но только входъ въ нее не прямо съ улицы, а надо взойти въ ворота и перейти сна-

чала цѣлый дворъ, не очень чистый, съ одной стороны, и надъ крыльцомъ ея, вмѣстѣ съ вывѣскою „Контора журналовъ“, — „Здѣсь дегатируютъ сукна“. Это не очень ловко. И войдя въ сѣни, направо, то же, а налѣво—контора журналовъ. Дверь всегда заперта, колокольчика нѣту, а какъ постучишь, отпираютъ скоро. За маленькой прихожей довольно большая чистая комната. На стѣнахъ разныя большія и маленькія картины, очень порядочныя; прилавки и шкапы сдѣланы очень хорошо, журналы за стеклами въ порядкѣ, на столѣ записная книга и счеты, какъ слѣдуетъ. За комнатой конторы еще другая большая хорошая комната, гдѣ живетъ самъ Кони. Приказчикъ у него нѣмецъ, дурно говоритъ по-русски, Кони тоже; говорятъ много и охотно, хоть слова ихъ съ трудомъ понимаешь, и что-то мнѣ показалось, что Кони и его приказчикъ или такіе отъ роду нѣмцы-чудаки, или часто попиваютъ винцо, лица у обоихъ красны. Болѣе любятъ говорить не объ „Отечественныхъ Запискахъ“, а объ „Литературной Газетѣ“, — что этотъ журналъ съ новаго года будетъ издавать г. Кони, и журналъ будетъ очень хорошій. Большая вывѣска на улицѣ очень велика и наглазна, только сдѣлана не въ пользу вашу: на ней, послѣ верхняго слова *Контора,* въ другой строкѣ во всю длину доски огромными словами: *Литературная газета,* потомъ небольшими словами въ одну строку ниже *и Отечественныхъ Записокъ, и Русскаго Пантеона,* потомъ въ нижней самой строкѣ: *и всѣхъ другихъ россійскихъ журналовъ.* А по-моему, кажется, слѣдовало бы написать: *Контора О. Записокъ, Л. Газеты и Пантеона,*—это было бы лучше, и вашъ журналъ былъ бы на первомъ глазѣ. Кромѣ этого, о г. Кони слышалъ я отъ многихъ мнѣніе не очень хорошее, что онъ человѣкъ поведенія дурного и ужь много разъ замѣченъ въ весьма дурныхъ разнаго рода дѣлахъ, и кредита никакого не имѣетъ. Какъ у васъ и кѣмъ все сдѣлано, я не знаю, и, можетъ, Кони вы знаете лично совсѣмъ съ другой стороны; мнѣ до этого дѣла нѣтъ и я пишу вамъ, что видѣлъ и что слышалъ. Былъ у Улитина; онъ самъ началъ рѣчь о конторѣ, о Кони, конечно соболѣзнуя и жалѣя васъ, и кончилъ тѣмъ, что онъ у себя бы въ лавкѣ согласился на какихъ вамъ угодно было бы условіяхъ вести подписку честно и аккуратно — чего на дѣлѣ онъ, можетъ быть, и не ис-

полнитъ. Какія нужно взять мѣры, возьмите; переводить же въ другое мѣсто и поздно, и некуда, и неловко. Развѣ угодно вамъ сдѣлать только то, чтобы обезпечить себя и уладить это какъ-нибудь получше, такъ можно сдѣлать вотъ какъ: я говорилъ Василію Петровичу Боткину, и онъ соглашается въ этомъ дѣлѣ принять участіе: черезъ 2 недѣли приходить въ контору, дѣлать счетъ, брать деньги отъ Кони и посылать ихъ къ вамъ. Если это вамъ сдѣлать будетъ угодно, то вы пришлите на имя В. П. Боткина довѣренность, а насчетъ вывѣски распорядитесь какъ знаете. Если можно перемѣнить квартиру и сочтете надобнымъ въ другое, лучшее мѣсто, чтобы ходъ былъ прямо съ улицы,— то это ваше дѣло.

Извините, что пишу какъ-то неловко, нескладно и на негодной бумагѣ: пріѣхалъ недавно, дѣла много, а написать къ вамъ хоть какъ-нибудь, а хочется поскорѣй. Будете говорить объ этомъ дѣлѣ съ Ф. А. Кони, обо мнѣ пожалуйста не говорите, а то онъ будетъ сердиться. Я проживу въ Москвѣ двѣ недѣли. Захотите писать ко мнѣ, пишите на имя Боткина. Искренно любящій и уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Рукоп. Имп. Публ. Библ.

42. В. Г. Бѣлинскому.

20 февраля 1840. Воронежъ.

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Питерѣ вы ... Часъ добрый, жить-поживать припѣваючи! Каковъ Петербургъ? Сѣръ, и воздухъ мутенъ, и дни грустны? На первый разъ онъ кажется для всѣхъ таковъ, а обживешься въ немъ—и получшѣетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше да лучше, а наконецъ и вовсе полюбится этотъ русскій богатырь, Питеръ-городокъ. Конечно, дальше въ лѣсъ—больше дровъ: Германія, Италія, я думаю, другое дѣло. Но пока намъ туда грязенъ путь, хорошо и въ Питерѣ побрататься съ нуждой. Какъ бы мнѣ хотѣлось теперь хоть маленькую получить отъ васъ вѣсточку. А еще чего не хотѣлось бы мнѣ отъ васъ?—Да дѣло въ томъ, что вамъ то не хочется сказать мнѣ ничего. Я терплю и думаю, что у васъ все шли такія обстоятельства, что вамъ было не до меня, и, можетъ быть, порою часто и не до себя. Иначе

я не могу думать о вашемъ долгомъ, долгомъ молчаніи. Если и теперь не до меня, не пишите еще,—справляйтесь со своими внутренними и внѣшними требованіями. Богъ дастъ придетъ время лучшее, тогда можно поговорить и со мной. До какой степени мы люди, говорю вамъ отъ души, и въ этой же душѣ какой-то демонъ шепчетъ: все бы лучше скорѣе получить отъ васъ письмо. Въ самомъ дѣлѣ, я его уже давно жду съ такою же жаждою, какъ вы въ Москвѣ отъ Николая Алексѣевича; но все-таки опять скажу: некогда — не надо. Я знаю васъ, и это сознаніе всегда говоритъ мнѣ такъ же, какъ и прежде. Мой земляк, а вашъ морякъ, Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ выѣхалъ изъ Питера тогда еще, какъ вы только въ него пріѣхали, и онъ мнѣ говорилъ о васъ, что вы въ Питерѣ. И это меня порадовало: два дня какъ вы въ Питерѣ, — люди ужъ знаютъ, что вы въ немъ; стало быть, вы имъ нужны, что занимаются вами. А Станкевичъ второй былъ у меня проѣздомъ, говорилъ, что въ Москвѣ получили отъ васъ письма, въ которыхъ пишете, что вамъ въ Питерѣ страхъ какъ уже наскучило и сгрустнулось. Это меня опечалило, Впрочемъ за грусть я не стою, она тамъ своя. Былъ у меня третій Станкевичъ. Онъ какъ-то странно перемѣнился, зарылся въ науку, въ формальность, математически серьезно. Оно хорошо съ молодыхъ лѣтъ поучиться хорошенько, а все-таки странно видѣть человѣка ученаго, сухого, безъ огня въ душѣ и безъ фантазій жизни. Аксаковъ изъ путешествія воротился. Слава Богу, что все такъ кончилось и скоро, и благополучно. Я теперь къ вамъ посылаю семь пьесъ; посмотрите на нихъ, что хорошо, отдайте напечатать, что не хорошо — оставьте у себя: изъ нихъ думу „Лѣсъ“ я давно уже послалъ Жуковскому; нужно было послать письмо, а не хотѣлось его послать одно,—ну и приложилъ „Лѣсъ“. Письмо же состояло изъ двухъ пунктовъ; первый: искренно благодарилъ его за дѣло, въ которомъ принималъ онъ участіе, а другой, — въ которомъ говорилъ о моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, и за которыя я теперь краснѣю. Глупо сдѣлалъ, что писалъ ему о нихъ; для чего? Слабость. Думаешь, авось-ли то-то и то не будетъ-ли. Худо сдѣлалъ я, и жаль, что нечѣмъ воротить. Если „Лѣсъ“ онъ захочетъ напечатать, то пошлетъ, я думаю, въ „Современникъ“ или „Записки“, а если долго его не будетъ

тамъ, и вамъ онъ понравится, то передайте вы его туда. Въ немъ я прежде видѣлъ много, а теперь, переписывая, какъ-то онъ показался мнѣ вовсе гадкимъ. Другія мои пьески мнѣ кажутся лучше прежнихъ, а впрочемъ вы увидите это лучше; у меня часто и то хорошо, что никуда не годится. Одно меня радуетъ, что я началъ писать опять легче и скорѣе, и есть охота написать еще кое-что. Жаль, что нѣтъ у меня вашего адреса. Я въ Москвѣ буду въ апрѣлѣ, а въ Питерѣ рѣшительно быть нельзя,—средства не позволяютъ, а до смерти жаль ... Видно васъ я скоро не увижу. Андрей Александровичъ, спасибо ему, присылаетъ мнѣ свою газету. „Записки“ у насъ еще никто не получилъ. А добрый Плетневъ прислалъ первый номеръ „Современника“; хотя онъ и легонекъ, но все ему большое спасибо за него: Прошлый годъ „Записокъ“ я всѣ получилъ отъ Андрея Александровича, и онѣ мнѣ много сдѣлали добра: славный журналъ, есть что читать въ немъ, и есть надъ чѣмъ задуматься. У насъ ихъ нынче получаютъ немного больше, а все никакъ не увѣришь людей, что „Библіотека“ гадость: по привычкѣ хвалятъ да читаютъ ее да и только. Русь, разъ покажи хорошій калачъ изъ пазухи, долго будетъ совать руку за нимъ по старой привычкѣ. „Сына Отечества“ у насъ совсѣмъ нѣтъ, онъ бѣдненькій все болѣе хромаетъ; старъ мужъ деньги началъ собирать, а время еще не много—и на покой. За то ужъ драма за драмой, водевиль за водевилемъ дождемъ валитъ. Сквозь старое рѣшето скорѣе мука сѣется, говорятъ мужички. Посылаю вамъ еще одного моего знакомца двѣ пьески; а чортъ знаетъ, можетъ я вамъ ихъ посылаю — только скучаю; скажите, — не буду. Я вѣдь не изъ того бьюсь, чтобы услужить моимъ знакомымъ, а изъ гого: если у нихъ что выйдетъ хорошо, жаль такъ пропадетъ. Если у васъ есть что изъ моихъ дать Плетневу, пожалуйста дайте, а то мнѣ стыдно передъ нимъ и передъ Андреемъ Александровичемъ. Я поступаю передъ ними не хорошо: въ прошлый годъ получилъ „Современника“ четыре книги, а напечаталъ онъ мою только одну пьеску, а. за одну пьеску взять четыре книги — довольно жирно. Съ Андрея Александровича тоже за четыре пьески я получилъ двѣнадцать прекрасныхъ книгъ. Они, положимъ, люди добрые и хорошіе; да все-таки за бумагу и въ типографію, а иногда и за пьесы платятъ, я думаю, деньги. Не знаю,

какъ пойдетъ у меня время, а кажется я на нынѣшній годъ напишу больше; если это пойдетъ такъ, то съ долгомъ выплачусь. Не знаю, отчего Плетневъ не хочетъ напечатать у себя „Божій Міръ“ и „Умолкшій Поэтъ“; положимъ „Божій Міръ“ и не того ... а „Умолкшій Поэтъ“, кажется, годится. Что-жъ еще вамъ написать? Ей Богу больше нечего. О себѣ? — не велика спица въ колесницѣ, и вмолчанку съѣдетъ съ рукъ; о другихъ? — всѣ живутъ и дѣтокъ водятъ; о погодѣ? — лѣто было сухое, время плохое, хлѣбъ дорогъ, кое-гдѣ желудки пробираетъ голодъ пуще мороза. Театръ у насъ есть, да такой гадкій, что тошно въ немъ быть: мужчины безталантные, а женщины и безобразныя. Играютъ все одни и тѣ же трагедіи, драмы, комедіи, водевили, оперы, мелодрамы, балеты и всякія другія вещи. „Ревизоры“ свои и „Гамлеты“ ни почемъ. И сборы идутъ хорошіе. Какъ можно звонкимъ рискомъ да и въ пору у насъ много выигрывать! Особенно наводненіе ощутительно въ стихописателяхъ, много ихъ у насъ развелось, не по мѣсту: городишко маленькій, а есть штукъ двадцать пять, и чаще всего пописываютъ рифмованными стихами, и даже на разные случаи пакостныя критики. Любящій васъ какъ никого больше изо всѣхъ живыхъ Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій“, А. Н. Пыпина.

43. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

4 апрѣля 1840.

Ваше сіятельство, князь Владиміръ Ѳедоровичъ! Ко мнѣ бѣда за бѣдою идутъ не по одиночкѣ, но цѣлою толпою: не успѣлъ еще васъ благодарить за дѣло, въ которомъ вы принимали участіе и которое, благодаря вашей защитѣ, кончилось уже совсѣмъ, вслѣдъ за нимъ тотчасъ посыпали еще одно, другое, третье, четвертое, пятое; хоть меньше того, что кончено, а все-таки вяжутъ руки и ноги. Кой-какъ самъ собою началъ биться, сладилъ, и хоть не вышелъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ попятилъ назадъ — и то хорошо. За ними вслѣдъ суша, падежъ скота, лажъ, — опять пошла писать ... Бился, бился, опять кой-какъ сдержался на ногахъ. А теперь, ни оттуда, ни отсюда новое горе: снялъ землю, думалъ хоть немножко поправить свои обстоятельства,—не тутъ-то было. Контрактъ не утверждаютъ,

жмутъ, тянутъ, волокутъ. Словомъ, крайность! Чувство души, здравый смыслъ—одна игра словъ, насмѣшка надъ истиной. Другія нынче стали добродѣтели, другіе пороки. Кто безличенъ, безсиленъ — мошенникъ, плутъ. А если есть то и другое у кого, головы рви съ плечъ, — прекрасный человѣкъ, честный человѣкъ, и даже очень умный! Прежде я очень злился на старика отца своего, что онъ при небольшой торговлѣ такъ много положилъ дѣлъ на мои плечи: а вотъ теперь и мной начато первое дѣло, начато со всею аккуратностью человѣка опытнаго и испытаннаго, безъ крючковъ и задирокъ. Что-жъ вышло? Еще хуже. Почти два года контрактъ не утверждаютъ, а отчего, — Богъ ихъ знаетъ. Конечно, у нихъ на это есть, я думаю, свой резонъ, ужъ вѣрно безъ всякаго резона не станутъ человѣка мучить, особенно честные люди. Одинъ губернаторъ вошелъ въ положеніе моего дѣла, помогъ, сколько могъ, — честные люди, наперекоръ, послали въ департаментъ ... По какому слѣду? и что за слѣды? — ихъ можно выдумать сколько угодно; сѣмъ пошлемъ — и послали.

Добрый князь, кромѣ васъ мнѣ некого просить; вы облегчили мою судьбу. Помогите-же свободно глянуть на свѣтъ. Вы, Петръ Андреевичъ и Василій Андреевичъ, — вотъ всѣ, кого носитъ память въ смутную пору моихъ несчастій. Кромѣ васъ немного кто мнѣ помогалъ и немногіе будутъ помогать; это не то, что дѣлать дурно: то какъ-то легче. Способнѣе людской натурѣ дѣлать зло, чѣмъ добро. По слову Василія Андреевича нашъ губернаторъ и теперь поддерживаетъ меня, а если бы не онъ, давно бы честные люди свернули-бъ ужъ меня въ комокъ. Самъ чувствую, что васъ утруждать недобросовѣстно съ моей стороны, — вамъ часы дороги, ихъ, можетъ быть, отнимаютъ у васъ насильно и кромѣ меня, на это вездѣ, всегда охотниковъ много. Но, князь, кого же кромѣ васъ я буду просить, скажите? Если вы подумаете, что я безпокою васъ потому только, что ради какихъ-нибудь прихотей пустяшныхъ безпокоить васъ хочу? О нѣтъ! Необходимость. Хочется сбросить эту грязь, потому что жить такъ, какъ живу я теперь, нѣтъ ужъ силы. Вотъ сцены, которыя со мной бываютъ всякій почти день. Посмотрите: я проситель-мѣщанинъ; честный совѣтникъ дѣло мое тянетъ, какъ проволоку

какъ быть? подумалъ, и пошелъ бить челомъ управляющему; стою, дожидаюсь выхода его знатности. Его знатность изволили выйти, подойти ко мнѣ и удостоили сказать: „Что ты?“ — Къ вамъ, съ просьбою. — „О чемъ?“ — Мое есть дѣло у васъ, другой годъ контрактъ не утвержденъ!— „Контрактъ не утвержденъ?“ — Да-съ. — „А отчего-жъ это?“ — Не знаю. — „Не знаю! то-то, не знаю! ходите по угламъ да закоулкамъ сначала, плутуете, мошенничаете, а какъ дѣло—и лѣзете ко мнѣ“. — Н. И., позвольте вамъ сказать: я ходить по угламъ ходокъ самый плохой.—„Знаю я васъ, всѣ вы одно поете“. — Посмотрите на дѣло: мое дѣло, я увѣренъ, скажетъ вамъ обо мнѣ совсѣмъ другое.— „Что мнѣ твое дѣло, у меня есть куча ихъ“.—Дѣлъ много, но всѣ-ли они одного качества? — „Контрактъ — и все равно одно“. — Но мой контрактъ другого рода. — „Отчего-жъ онъ не утвержденъ, когда другого рода?“ — Оттого, что другіе всѣ утверждены, а мой нѣтъ. — „Ты хочешь сказать мнѣ, что ты ходилъ больше всѣхъ по угламъ, да не успѣлъ?“ — Точно, съ моимъ дѣломъ я былъ въ одномъ углѣ, но быть въ немъ никому не стыдно (т. е. у губернатора). — „Ну, если ты тамъ былъ, мы опять его туда пошлемъ“. — Какъ вамъ угодно, прощайте. — „Прощай“. Обидно, чортъ возьми, показалось незаслуженное оскорбленіе, и такого рода! Грустно стало на душѣ. Время идетъ, а дѣло сидитъ. Стой. Сѣмъ пущусь на спекуляцію. У управляющаго я видѣлъ человѣка; онъ мнѣ немного знакомъ, пойду къ нему, попрошу его: не поговоритъ-ли онъ ему обо мнѣ. — Дома? — „У себя-съ“. — Доложи, пожалуйста. — „Сейчасъ, пожалуйте“. — Здравствуй, Кольцовъ что ты? — Вотъ что, вотъ что, пожалуйста помогите. — „Хорошо. Принеси-ка мнѣ свою книжку, — я поѣду къ нему завтра, передамъ ее, разскажу о тебѣ, поговорю о дѣлѣ. А ты дня черезъ два и ступай къ нему прямо, — онъ самъ былъ попечителемъ гимназіи, науку любитъ и кой-что знаетъ“. Прихожу. „Что, о дѣлѣ?“ — Да-съ. — „Да что, твое дѣло получено отъ г(убернатора), да только онъ изволилъ написать намъ немножко щекотливо“. — Мнѣ г(убернатор)у нельзя же приказывать, какъ писать. — „Оно такъ, только твое дѣло пойдетъ въ д(епартаментъ)“. — Зачѣмъ же, позвольте узнать? — „А вотъ зачѣмъ: г(убернаторъ) написалъ щекотливо, такъ пусть насъ д(епартаментъ)

разберетъ". — Но мое дѣло не стоитъ, кажется, посылать, и въ немъ, сами видите, плутовскихъ штукъ, какъ вы называли раньше, совсѣмъ нѣтъ.—„Положимъ и справедливо, положимъ и здѣсь кончить можно, да не хочу, а пусть идетъ въ (департаментъ)". — Скажите-жъ, для чего его длить, когда его кончить можно здѣсь? — „А для того, что я хочу здѣсь все перевернуть кверху ногами". — Если такъ, извините, я васъ больше и просить ни о чемъ не смѣю. —

Вотъ какого рода пытки я долженъ испытывать то и дѣло. Бросить же торговлю и дѣла, заниматься словесностью, — чѣмъ жить? Взяться за торговлю другого рода, — нѣту капитала. Служить — нельзя. Ѣхать куда глаза глядятъ — не пустятъ. А жить, какъ живется, — горько. Конечно, есть люди, которые умѣютъ пресмыкаться, подличать, и имъ и нужды нѣтъ и все у нихъ идетъ хорошо. Я дѣлать по нихъ не могу. Бѣда, кто между людьми стоитъ одинокъ. Пока онъ не уйдетъ отъ нихъ изъ глазъ, давятъ они его со всѣхъ сторонъ. Любящій и почитающій васъ, съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. „Рус. Архивъ". 1864.

44. В. Г. Бѣлинскому.

28 апрѣля 1840. Воронежъ.

Любезный, милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Я получилъ отъ васъ изъ Петербурга письмо, и благодарю, душою благодарю васъ за него. Оно развязало вновь мнѣ руки, и развязало надолго. Конечно, ваше молчаніе чему я приписывалъ, такъ и вышло: хлопоты, заботы, труды, работа, и работа не человѣческая, переѣздъ въ Питеръ, дума объ немъ, приготовленіе, прощаніе съ Москвою. Все это не бездѣлка; особенно работа, которую вы выполняете, — надобно къ ней силы, а то и голова треснетъ. Много и еще приходило и уходило у меня мыслей и другихъ; были и такія, что вмѣсто чертенка все доброе перешептываютъ въ дурную сторону. Въ душѣ, Боже избави, я никогда и не думалъ; однакожъ всѣ мы люди: какъ порою удержаться, чтобы не пришло въ голову? Вѣдь, знаете, иногда напишешь хорошо, иногда и дурно. Особенно, какъ-то получилъ отъ васъ письмо, гдѣ

говорите вы, что изъ присланныхъ нѣсколькихъ пьесъ вамъ ни одна не понравилась. Еще ничего, — не нравится одна, двѣ, три; а пять, десять — дурно, и мнѣ шибко стало грустно. И еще больше оттого, что мнѣ самому сдается, что прежде я писалъ лучше, а теперь почему-то пишу хуже, и этой зимой вновь начала эта мысль измѣняться; вы же мною теперь такъ владѣете, что ваше слово — приговоръ. А вѣдь неловко, чортъ возьми, такъ долго сидѣвши, не написавши почти ничего еще дѣльнаго, и выписаться!.. Худая посылка къ самому себѣ. Если послано вами письмо другое въ Москву, то прекрасно, а не послано, то пошлите тогда, когда вамъ захочется; мнѣ больше этого не надобно. Пожалуй, я сто писемъ получу съ одинаковою любовью, но вамъ время дорого, и оно надобно въ настоящее время самому себѣ, и употребляйте его, какъ хотите; а мы, Богъ дастъ, этою же зимой въ Питерѣ увидимся.

Видите ли: у меня вышли перемѣны: вмѣсто апрѣля я поѣду въ Москву къ сентябрю. Поживя тамъ осень, — и къ вамъ. Время будетъ свободнѣе, и дѣла торговли въ ту пору у насъ меньше, и я могу побыть дольше, даже до масленой; а еслибъ уѣхалъ въ апрѣлѣ, то лишь въ одной Москвѣ я лишь хлопоталъ (бы) поскорѣй о дѣлѣ,—и вонъ. Дѣло же не я такъ повернулъ, а оно само какъ-то такъ расположилось. Мнѣ скучно въ Воронежѣ: живу-страдаю,— людей нѣтъ, одиночество, жутко; дѣла грязны и время берутъ почти всѣ сутки. Однакожъ, ни на что не смотря, я кажется недѣли три поживу хорошо, и, можетъ быть, примусь за работу. Двадцать третьяго апрѣля пріѣхалъ къ намъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ съ женою, и разъ ужъ, вчера, двадцать восьмого, игралъ „Скопина Шуйскаго“, тридцатаго будетъ играть „Коварство и любовь“, второго мая — „Смерть или Честь“, шестого — „Гамлета“, потомъ „Отелло“, „Короля Лира“, „Ненависть къ людямъ“. И у насъ въ Воронежѣ большой праздникъ; у театра шумъ и давка. Онъ собой пробудилъ нашъ сонный городъ. Я не былъ на „Скопинѣ Шуйскомъ“, не буду и на „Коварствѣ и Любви“, а потомъ всѣ раза буду, и впередъ увѣренъ, что онъ мою холодную натуру разогрѣетъ. Мука жить въ тихомъ, матеріальномъ городѣ одному—сиротой.

Сегодня Павелъ Степановичъ былъ у меня; онъ такъ же ко мнѣ добръ, хорошъ и ласковъ, каковъ былъ прежде,

даже лучше. Жалѣетъ, что разошелся съ Катковымъ. Говорилъ, что васъ видѣлъ, и былъ у васъ рѣдко; вы съ тѣхъ поръ не были; онъ не знаетъ, это къ чему отнести, хоть разъ, встрѣтившись, вы и говорили, что вы къ нему все тѣ же и не перемѣнились нисколько, чему онъ отъ души вѣритъ. Гоголь въ Москвѣ, однако Павелъ Степановичъ его не видалъ. Досадно, чортъ возьми, если онъ скоро опять улетитъ въ Италію, и я его не увижу; а ужъ онъ поѣдетъ туда, — скоро не воротится. Павелъ Степановичъ говорилъ, что Кетчеръ съ братіею хотятъ приняться за всего Шекспира, переводить; дай-то Богъ, въ ноги поклонюсь за него, только бы поскорѣй. Хочу выписать пока „Пантеонъ“, — онъ не очень дорогъ, а въ немъ, я слышалъ, будутъ напечатаны: „Буря“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Коріоланъ“.. Да, можетъ, у Мочалова возьму „Ричарда Третьяго“. Онъ вамъ низко кланяется. Да, былъ Николай Алексѣевичъ Полевой въ Москвѣ и жалился ему на васъ, что вы про него пишете дурно, и такъ дурно что ни на что ужъ не похоже, и что напрасно такъ дѣлаете, что онъ не понимаетъ причины такого гнѣва. Конечно, говоритъ, передъ Виссаріономъ Григорьевичемъ я немножко не правъ, но для чего же не въ мѣру горячиться? Онъ могъ бы пріѣхать, дескать, ко мнѣ, мы бы съ нимъ поговорили, я бы объяснилъ ему обстоятельства, почему я сдѣлалъ такъ и такъ, а не этакъ, — онъ бы самъ разсудилъ, согласился, и мы бы съ нимъ сошлись и начали жить попрежнему. Я объяснилъ Павлу Степановичу, что эта ссора началась совсѣмъ не по личностямъ, какъ онъ думалъ, а чисто изъ раздоровъ внутреннихъ интересовъ, на чемъ одно остановилось, съ того другое пошло писать, и что пора прошла неопредѣленности, намековъ, восклицаній и недоумѣній, что настало время рѣшительныхъ положеній внутреннихъ интересовъ — какіе они въ настоящую пору, какъ ихъ толкнутъ, и каковы они быть должны, а что отъ всякой личности вы далеки, и имѣть ихъ не имѣете охоты. А видно Полевой пѣлъ ему объ этомъ много, и Павелъ Степановичъ разсказываетъ объ немъ подробно и съ участіемъ. — Глупое положеніе нашей братіи рифмачей: вотъ теперь и хочется написать о Павлѣ Степановичѣ статейку, а чортовы размѣры не даютъ хода прозѣ — и велятъ молчать.

Поблагодарите, пожалуйста, Андрея Александровича за меня: я получаю отъ него „Отечественныя Записки“ и ужъ получилъ три номера. Журналъ — чудо, критика небывалая; у насъ всѣ хватились читать его, и критику преимущественно, и вездѣ и всегда рѣчь постоянно толкуется о критикѣ. За разборъ „Горя отъ ума“ всѣ безъ исключенія довольны, и читаютъ и перечитываютъ; за Марлинскаго всѣ бранятъ, — это ихъ еще кумиръ, и кумира ихъ вы за воротъ ухватили безъ чиновъ. Итакъ, его читаютъ и бранятъ, бранятъ и читаютъ. О разборѣ въ третьемъ номерѣ еще ничего не слыхалъ; недавно полученъ. Я читалъ и перечитывалъ, и всѣ они чудо, особенно „Горе отъ ума“; впрочемъ и тѣ превосходны. Иванъ Петровичъ Клющниковъ началъ поправляться и шибко пошелъ впередъ; его пьески прелесть, объяденье. „Тамань“, Лермонтова, чертовски поразила меня. „Казачья колыбельная пѣсня“ необычайно хороша. А Каткова изъ Гейне „Ратклифъ“ я не понимаю. Но критика опять-таки всего лучше; это такія вещи, что много головъ сдѣлаютъ порядочными головами и много глазъ настроятъ совсѣмъ иначе, какъ они глядѣли до тѣхъ поръ. Я встрѣтилъ кой-какихъ харьковцевъ, изъ университета, конечно людей, которые любятъ словесность,— и всѣ они любятъ васъ безъ ума, и ими хорошо читался и учился „Наблюдатель“. Я прочелъ „Физіологію“ Виланскаго. Жалѣю, что не читалъ его давно. Теперь читаю „Исторію“ Данилевскаго, „Характеръ Исторіи“ Шульгина, „Американскія Степи“, „Шпіонъ“ Купера. И Куперъ человѣкъ геніальный, однако не Вальтеръ Скоттъ. Получаю я и „Газету Литературную“. Судя по ней и что́ нужно для нея, хороша,—не больше и не меньше. Сто четыре номера въ годъ, по листу въ номерѣ и по два въ недѣлю — чертовская работа; однако, она у насъ проходитъ глухо. „Сынъ Отечества“ никто не читаетъ, а кто выписалъ, жалѣетъ, и это, вѣроятно, выписали въ послѣдній разъ. Поклонники „Библіотеки“ начали разочаровываться, и жаркіе споры затихли, поборники ея примолкли и начали во всеуслышаніе сознаваться, что „Библіотека“ плоха. Я вамъ пишу не отъ лица публики, которой у насъ нѣтъ, а что говоритъ народъ — его потребности, рѣчи и разсужденія. Скажите Бога ради; въ третьемъ номерѣ „Сына Отечества“ напечатана „Народная сказка“ Пуш-

кина[1]. Не спекуляція это? Положимте, сказка русская, весь ея матерьялъ высказанъ прекрасно, коротко и полно, и по внутреннему достоинству она Пушкина, можно согласиться; но словесность, рифма — и уху больно, и читать тяжело. Впрочемъ, я прочелъ ее съ удовольствіемъ, потому что русскую чисто сказку съ рифмою писать нейдетъ: она ее не жалуетъ; не будь рифмы, тогда бы другая была словесность — она, быть можетъ, стала бы къ „Рыбаку и рыбкѣ". Еще меня порадовало: Павелъ Степановичъ прочелъ мнѣ двѣ пьески свои, и онѣ у него вышли чисто русскимъ размѣромъ и стали въ русское слово. Я думаю, если бы подобный ему человѣкъ взялся написать стихи, то они бы у него вышли не русскіе, а европейскіе; человѣкъ жизнь провелъ на сценѣ, а что на нашей сценѣ есть русскаго, кромѣ „Горе отъ ума", „Ревизора", „Недоросля"? Да и то Ревизора онъ не играетъ, Недоросля, я думаю, тоже, одного Чацкаго. Онъ обѣщалъ мнѣ ихъ дать. Теперь я къ вамъ посылаю семь пьесъ, и о каждой буду говорить отдѣльно. 1) „Послѣдній вопль земныхъ страданій" или просто „Страданіе". О ней вамъ ничего не скажу; понравится—хорошо, не понравится — лучше. 2) Пѣсня: „Не скажу никому". Она мнѣ нравится, и я до вашего письма послалъ Владиславлеву въ альманахъ; онъ прислалъ письмо, проситъ прислать, — она была написана, а вы молчали, я и послалъ. Если онъ ее не напечатаетъ, и если она хороша, то напечатайте ее въ „Отечественныхъ Запискахъ". 3) „Его Превосходительству Дм. Б.". Эту пьеску родня Бѣгичева — живетъ въ Воронежѣ и во многомъ мнѣ помогаетъ — просила для Бѣгичева что-нибудь написать, я и написалъ. Ему она не понравилась; если не полюбится и Бѣгичеву, — будетъ лучше; но если она даже дурна и печатать ее будетъ нельзя, то скажите, — не смотря ни на что, я ее удержу дома. Лучше пусть сердятся, чѣмъ грязнить лицо. 4) „Къ ней же". Эта пьеска такая, какая есть: она иногда мнѣ кажется хороша, а иногда гадка. 5) Пѣсня „Такъ и рвется душа". Посмотрите на ея конецъ, что-то онъ у меня въ одномъ стихѣ заломился. 6) „Дума двѣнадцатая". Она у меня выскочила въ минуту; если она не изъ чего-нибудь, то пусть будетъ моя. Какъ-то такимъ образомъ у меня

[1] О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.

написалось, хотя я и не охотникъ на чужбинку. 7) „Божій міръ“. Онъ былъ отданъ Плетневу, да онъ его почему-то не напечата̀лъ; если онъ хорошъ — такъ; а нѣтъ — такъ пѣтъ. Съ этихъ же поръ, клянусь вамъ, кромѣ васъ никому не пошлю ни слова, а все, что напишу, прямо къ вамъ, и лучше „Отечественныхъ Записокъ“ для меня мѣста не надобно. Дай Богъ только удержаться въ нихъ, и не отстать: чертовскій журналъ. Я такъ и смотрю въ немъ на свои пьески: не торчитъ ли какая вонъ? Горячо пошелъ работать въ нихъ родной нашъ разумъ. Дай-ка мнѣ еще распахнуться нынѣшній годъ, а на слѣдующій пойдетъ покосъ добрый. Несмотря, что я осенью буду въ Питерѣ, однакожъ поспѣшу вамъ послать мою тетрадь, и, какъ вы желаете, напишу всѣ худыя и добрыя: онѣ что у меня, что у васъ — все равно; а можетъ изъ нихъ еще сыщется и путное. Вышлю вамъ письмо, какое вы говорили. Но только буду васъ просить при сборѣ книги выбирать вещи однѣ добрыя, а кой-какія слабыя, хотя бы онѣ и были напечатаны, въ книгѣ не печатать, а надобно смотрѣть на нихъ не со стороны мѣщанина, а со стороны обыкновеннаго человѣка. Людямъ не много толку, что я мѣщанинъ, а надо, чтобы книга стояла сама за себя, безъ уменьшенія и увеличенія; а съ ограниченіемъ толку немного. Другая моя просьба: подождать продавать ее книгопродавцу. Больно мнѣ бы не хотѣлось ее продавать съ молотка; авось, Богъ дастъ, я соберусь деньгами и тогда пошлю или привезу вамъ ихъ. На свои деньги безъ поклоновъ напечатать лучше; будетъ польза — хорошо, не будетъ — не бѣда. Русская пословица: охотку держать ... Книга же, думаю, теперь соберется порядочная, листовъ въ пятнадцать печатныхъ. А къ осени-то еще что-нибудь напишу. Однакожъ я это такъ говорю про себя, а вамъ пошлю тетрадь и письмо и полную волю: что хотите, то и дѣлайте — вы ея хозяинъ. Что напишу, буду посылать къ вамъ: прямо одни стихи, безъ письма, а то эти письма рѣдко удается написать хорошо. А у васъ на нихъ время не много, нечего терять его на пустяки. А вотъ что мнѣ нужно, хоть въ одномъ словѣ напишите. Есть у Луганскаго, къ четвертой части его „Былей и небылицъ“, „Ночь на распутьи“; она написана, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, языкомъ варварскимъ, а матерьялъ драмы русскій превосходный, и мнѣ все думается,

что я изъ ней сдѣлаю русскую оперу; если это можно и труды не пропадутъ понапрасну, я начну, а нельзя — не надо. Я разумѣю труды не въ деньгахъ, а чтобы время употребить на дѣло, а не на пустякъ. Конечно, я сдѣлаю оперу не такую, чтобы можно поставить на сцену, а по крайней мѣрѣ, чтобы можно было прочесть; а то ее теперь и прочесть нельзя. Будьте здоровы. Душой и тѣломъ весь вашъ, почитающій и любящій, Алексѣй Кольцовъ. Кланяйтесь Андрею Александровичу.

„Бѣлинскій", А. Пыпина.

45. **В. Г. Бѣлинскому.**

15 августа 1840. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Простите меня, что я долго такъ къ вамъ не писалъ. Письмо ваше получилъ давно, и все сегодня, завтра, и это сегодня-завтра прошло до этихъ поръ. Причина же самая обыкновенная. Люди такъ меня мучатъ, такъ отнимаютъ время, что — цѣлые дни проходятъ — я ничего не думаю, ни о днѣ завтрашнемъ, ни о дѣлѣ настоящемъ. И, Боже мой! — какіе люди глупые, пошлые, чванные и многорѣчивые; разговоры: курьи-ли выраженія, свиныя-ли длиннопѣнія, — не знаю. А время все-таки берутъ, и оно уходитъ, и уходитъ невозвратно. Вотъ и сегодня: и выбралъ праздникъ, и очистилъ дѣло, и заперъ дверь; нашелся человѣкъ, отперъ ее — и нѣсколько часовъ ушло, насилу отдѣлался. Не отпереть — стучатъ дьявольски; и какъ-то эти меня ихъ разговоры начали сильнѣе тяготить, такъ что иногда въ головѣ становится круженіе. За письмо ваше благодарю, тысячу разъ благодарю. Получа одно, я уже больше не ждалъ, зная ваши теперешнія занятія, труды и дѣло, которое вы дѣлаете. Вамъ не до писемъ. Счастливы вы, Виссаріонъ Григорьевичъ, что вошли въ этотъ міръ прекрасный и святой, и живете въ немъ широко и раздольно, и выносите съ собою изъ него такъ много святыхъ, божественныхъ истинъ, и такъ одушевленно передаете ихъ намъ. Не шутя и не льстя говорю вамъ, давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учу, но теперь читаю ихъ больше и больше и учу ихъ легче, и понимаю лучше. Много они ужъ сдѣлали добра, но болѣе дѣлаютъ и, — можетъ быть, я оши-

баюсь, — но только мнѣ все думается, что ваши мнѣнія тащатъ быстро меня впередъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ у меня другихъ минутъ въ жизни, кромѣ тѣхъ, когда я читаю ихъ. Я не знаю, кто бы не убѣдился этими истинами, кому бы онѣ не пришлися по душѣ. Апостолъ вы, а ваша рѣчь — высокая, святая рѣчь убѣжденія. У меня много молодыхъ людей, которые всѣ васъ любятъ душою, а есть много и старовѣровъ, которые почему-то не понимаютъ васъ и говорятъ, что слова субъектъ и объектъ ставятся напрасно. Эти люди конечно порядочные, ихъ увѣрить нельзя и трудъ напрасный, имъ самъ Богъ покровительствуетъ, они смѣшны — и больше ничего. Пророчески вы узнали мое положеніе, у меня у самого давно ужъ лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдоброватъ. Давно живу я въ немъ, и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ; горько жить мнѣ въ немъ. И я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденья, и если я не перемѣню себя, то скоро упаду. Это неминуемо, какъ дважды два. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ, и частью живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея. Ваша боязнь о моей женитьбѣ — боязнь напрасная; это было давно, кажется, въ третьемъ годѣ, когда я началъ было объ этомъ немного думать, и то не изъ того, чтобъ хотѣлось, а старики отецъ и мать пристали ко мнѣ да пристали, уговариваютъ, сердятся; мать плачетъ и проситъ: имъ непремѣнно почему-то захотѣлось видѣть меня женатымъ. Можетъ, и самъ я подалъ на это поводъ, былъ болѣнъ; ну, хоть и шло все это тайно отъ нихъ, — да вѣдно кто-нибудь сказалъ. Вотъ они изъ жалости ко мнѣ и начали уговаривать жениться, и я, чтобы скорѣе отдѣлаться, хотѣлъ было жениться, писалъ къ вамъ, и по вашему слову перемѣнилъ мнѣніе. И теперь, если женюсь, то уже знаю, какую жену мнѣ надо; а до тѣхъ поръ мои внутреннія требованія весьма не велики. Я не хочу быть человѣкомъ богатымъ — и никогда не буду. Не хочу быть никогда женатымъ, и можетъ быть не буду. Подло у подлецовъ ничего не ищу. Кланяюсь, гнусь кой передъ кѣмъ по дѣламъ, по необходимости, и поклоны эти крайне мнѣ не по плечу. Впереди ничего не гадаю, живу какъ Богъ велитъ, дѣлаю

то, что должно, бываю въ обществахъ рѣдко; всячески стараюсь, чтобы и у меня людей было меньше. Цѣню дороже всего день настоящій, браню себя за прошедшее. Глупъ я былъ, давно бы надо было мнѣ оставить Воронежъ, тогда еще, когда мнѣ было двадцать, а теперь и кинулся бы въ даль съ голыми руками, да ба! — ужъ съ годомъ тридцать, и тѣло что-то стало тяжело, и я сталъ лѣнивъ, мнѣ ужъ нуженъ больше покой, а не жизнь разнообразная. Нѣтъ голоса въ душѣ быть купцомъ, а все мнѣ говоритъ душа день и ночь, хочетъ бросить всѣ занятія торговли — и сѣсть въ горницу, читать, учиться. Мнѣ бы хотѣлось теперь сначала поучить хорошенько свою русскую исторію, потомъ естественную, всемірную, потомъ выучиться по-нѣмецки читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономію, географію, ботанику, физіологію, зоологію, Библію, Евангеліе, и потомъ года два поѣздить по Россіи, пожить сначала годъ въ Питерѣ. Вотъ мои желанья, и кромѣ ихъ, у меня ничего нѣтъ. Можетъ быть, это бредъ души больной и слабой, но мнѣ бы все-таки хотѣлось бы это сдѣлать, и я ужъ началъ понемногу, и кое-что прочелъ. А чтобы быть мнѣ хорошимъ книгопродавцемъ, — едва-ли я имъ буду. Конечно, прежде можетъ такъ, а теперь начать трудъ не по силѣ, особеннно въ Питерѣ. На книжную торговлю я смотрю тѣми же глазами, какъ и на всякую, и чистая аксіома: гдѣ торговля, тамъ и подлость. Будь человѣкъ святой — и тотъ сдѣлаетъ низко, а сдѣлавши разъ, почему не продолжать? Конечно, есть исключенія: напримѣръ, Василій Петровичъ Боткинъ. Онъ не сравненіе со мною. Онъ выросъ, у его отца были ужъ средства порядочно учить, — выучился. Торговля шла правильная, капиталъ большой, а большой капиталъ въ дѣлѣ торговли вещь великая. Ворочая на милліонъ, я могу нанять тогда хорошихъ людей, заплатить большое жалованье; они дѣлаютъ всѣ дѣла, и въ случаѣ моей отлучки на время, замѣняютъ мѣсто хозяина, а я себѣ подвожу итоги, повѣряю, да считаю ихъ, знакомлюсь съ людьми, покупаю кучей товаръ, въ сроки плачу деньги, и все идетъ прекрасно, и много время отъ дѣлъ торговли на другія всякія дѣла. А маленькая торговля и небольшой капиталъ, и съ нечего и подниматься въ гору — похвальное дѣло, но трудное дѣло, а я на опытѣ ужъ это знаю. Здѣсь собраться съ силами

надо человѣку, работать неутомимо пять лѣтъ, а ступать нога за ногу — десять. Если я возьмусь за это теперь, послѣ десяти мнѣ стукнетъ сорокъ. А взяться съ ничего и торговать, и учиться литературѣ — нельзя. Можно, — но не позднѣе двадцати лѣтъ; въ ту пору еще силы человѣка работаютъ неутомимо и разнообразно. Вотъ основная причина, отчего ваши, петербургскіе книгопродавцы — всѣ мошенники. Имъ другими и быть нельзя, они всѣ торговлю начали сами, а не ихъ отцы и дѣды, и начали съ ничего, слѣдственно: сначала они думали, какъ бы пріобрѣсти маломальски, а пріобрѣтая — время прошло много: поздно перемѣниться. И подличая сначала, по привычкѣ должно ужъ подличать до конца. Если и я начну торговать, будь у меня пять тысячъ,—дай мнѣ Андрей Александровичъ пять тысячъ вы двѣ тысячи, — всего двѣнадцать тысячъ. Въ двѣнадцать тысячъ что за лавка въ Питерѣ? На что имѣть хорошаго молодца, платить восемьсотъ рублей? — За лавку семьсотъ, капиталъ триста рублей, содержаніе на себя тысяча пятьсотъ; всего три тысячи триста. Слѣдственно, надо съ двѣнадпатью тысячами добыть въ годъ по тридцати копѣекъ процентовъ на рубль, кромѣ барышей. А если иначе сдѣлать, — будетъ выгоднѣе, и лавка пойдетъ, и капиталъ умножится. Напримѣръ, сначала дѣлать такъ: привесть своихъ пять тысячъ, взять у Андрея Александровича тоже пять тысячъ, у васъ двѣ тысячи, заниматься самому, приказчика не имѣть; черезъ годъ вамъ денегъ ни копѣйки не отдать, входитъ во всякія дряни, позволять себѣ все, — и лавка пойдетъ славно, и капиталъ вырастетъ. И такъ дѣлаютъ многіе. Но я рѣшительно на это не способенъ и дѣлать такъ не могу и не мастеръ; поэтому и буду худой книгопродавецъ. Обмануть же Андрея Александровича я ни за что не соглашусь, я его уважаю не этою стороною души, а васъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, и говорить нечего! Моя любовь къ вамъ другая. Боже сохрани! — Лучше пропади я пропастью, чѣмъ обмануть васъ. Приказчикомъ же быть мнѣ, — я тоже не гожусь. У меня тысяча примѣровъ на глазахъ; самый паршивый хозяинъ не годится быть приказчикомъ, а приказчикъ и не завидный можетъ быть порядочнымъ хозяиномъ. Жить у хозяина — надо деньги заслужить, я долженъ наняться весь, а не половина; а человѣкъ, дѣлая одно и другое, —

что за человѣкъ? Вы думаете, я теперь и самъ дрянной хозяинъ, занимаясь любимымъ мнѣ дѣломъ? Не дѣлай упущеній по торговлѣ, а много много посвяти себя я одной торговлѣ, — и у меня давно ужъ былъ бы большой капиталъ; но самъ бы я ни къ чорту не былъ ужъ годенъ. Я вѣрно пріобрѣтаю часть, а четыре упущаю — и не жалѣю, Богъ съ ними! — Хоть меньше — да лучше. А вотъ что вы говорите взять контору „Записокъ“ — это дѣло другое, на это дѣло можно рѣшиться скорѣй. Есть на первый разъ уже основаніе небольшое, но прочное, безъ употребленія своихъ денегъ. Брать двѣ тысячи пятьсотъ на расходы — пока сумма порядочная, и если бы меня выпустили изъ Воронежа, это дѣло бы на себя я съ великою охотою взялъ. Вы спросите: кто не выпуститъ меня изъ Воронежа? Полиція. Вы говорили: вамъ отвѣчать откровенно и искренно; я такъ и долженъ вамъ говорить, хоть и не хочется до смерти. Ничего нѣтъ хуже, какъ говорить искренно о своихъ грѣхахъ. Мы должны съ отцомъ до двадцати тысячъ рублей; векселедатели онъ и я, и кое-гдѣ и одинъ я. Хоть можетъ быть сумма эта для уплаты долговъ и соберется, но на это надо время, и надо, чтобы я и отецъ мой оба вмѣстѣ хотѣли сдѣлать такъ. А такъ какъ я поѣду жить въ Питеръ противъ его воли, пустить же онъ ни за что волею не согласится, то какъ я уѣду, а какому-нибудь векселю придетъ срокъ, онъ и скажетъ: „Я не долженъ по немъ, а сынъ, а онъ въ Питерѣ — пошлите туда“. Что было въ прошлую мою поѣздку? пріѣзжаю домой, зовутъ въ полицію, просятъ по одному векселю три тысячи; но хорошо: въ пору пріѣхалъ, уладилъ съ нимъ и деньги заплатилъ, а то бы вексель былъ посланъ въ Москву. Онъ человѣкъ простой, купецъ спекуляторъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотилъ на обухѣ, — такъ его грудь такъ черства, что его на все достанетъ, для своей пользы и для дѣлъ своей торговли. Купецъ настоящій устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза изъ нихъ для другихъ — ему и дѣла нѣтъ, и онъ, что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. А мой отецъ, къ несчастью, одинъ изъ этихъ людей: мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, — такъ ворчитъ и сердится. „Вы, говоритъ, все по книжному, да по печатному. Народъ грамотный — ума палата!“ Вотъ

почему я не могу принять ваше предложеніе, за которое васъ благодарю. А думаю сдѣлать вотъ какъ. Перваго сентября я ѣду въ Москву, хлопотать по 7-му департаменту по дѣлу старому моего отца; съ него тамъ идетъ искъ тысячъ въ десять, и какъ кончу дѣло, можетъ какъ-нибудь сберусь пріѣхась въ Питеръ къ вамъ. Я готовъ бы улетѣть и теперь къ вамъ душою, но нельзя, — крыльевъ нѣтъ т. е. средствъ. Но можетъ какъ-нибудь пріѣду, а если Богъ дастъ выиграю дѣло, то ужъ какъ Богъ святъ пріѣду, и проживу мѣсяца два три. Тогда отецъ пришлетъ денегъ— и тамъ тогда обо всемъ. Но чтобы я не повредилъ позднѣе своей поѣздкой Андрею Александровичу, то прошу васъ ему объ этомъ сказать, а то въ настоящую пору прождавъ меня, передачу конторы упуститъ; а послѣ мнѣ, можетъ, нельзя будетъ остаться, и дѣло отъ этого потерпѣть можетъ убытокъ, а я собой вовсе не хочу доводить до этого никого. Вы боитесь за меня, чтобы я скоро не потерялся; это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть,— не только черезъ пять лѣтъ, даже скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что-жъ дѣлать? Буду жить пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, столько и дѣлаю. Употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу, буду биться до конца края. Приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства, и когда послѣ этого всего упаду, мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собой я буду правъ. Другого сдѣлать нечего. А что въ 1838 г. я въ Москвѣ написалъ такъ много и хорошо, это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые собой меня каждый день настраивали; во-вторыхъ, я почти не дѣлалъ ничего, былъ празденъ; тяготило до смерти одно дѣло, но одно дѣло — не больше. И я еще писалъ тамъ весьма мало. А живя въ Воронежѣ, кругомъ меня другой народъ: татаринъ за татариномъ, жидъ на жидѣ, — а дѣлъ беремя: торговля, стройка дома, которая кончилась съ мѣсяцъ, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, разсчеты, брани, ссоры... И я какъ еще пишу? и для чего пишу? Только для васъ, для васъ однихъ. А здѣсь я за писаніе терплю больше оскорбленій, чѣмъ снисхожденій. Всякій подлецъ такъ на меня и лѣзетъ: дескать, писакѣ-то и крылья ощипать. — Это меня часто смѣшитъ, какъ какой-нибудь чудакъ пѣтушится. А что я пишу не все хорошо,

вы объ этомъ сказали правду тоже. Почему же у меня идутъ пьесы не всѣ хороши? Онѣ всегда шли такъ, но прежде былъ Сребрянскій. Онъ дрянныя рвалъ, а теперь онѣ всѣ идутъ къ вамъ. Мнѣ же писать все равно, что хорошія, что дурныя — одно: и дрянь возьметъ иногда больще времени. И я наконецъ добился, почему онѣ выходятъ, что никуда не годятся. Иногда дурное дѣло дурно настроитъ душу, и хоть пройдетъ оно, а все-таки впечатлѣніе-то остается въ душѣ. А еще большой недостатокъ, что негдѣ у насъ мнѣ слушать хорошую музыку. Я до этихъ поръ помню Лангера и тотъ вечеръ, и никогда его не забуду. Да, надо непремѣнно изучить живопись и скульптуру. Онѣ все вещи чудесныя, и для человѣка, который пишетъ стихи, особенно необходимы. И самый Питеръ, и Москва много своимъ величествомъ способствуютъ силамъ человѣка, а объ театрѣ ужъ и говорить нечего, — здѣсь Мочаловъ и Щепкинъ люди необходимые. Вотъ почему у меня выходятъ вещи негодныя и часто не полныя, что я человѣкъ такой самъ, у меня въ натурѣ большіе недостатки; а будь натура гигантская.... Все всего сила создать не можетъ... Будь человѣкъ геніальный, а не умѣй грамотѣ, ну не прочтетъ и вздорной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы. Прежде я таки, — грѣшный человѣкъ! — думалъ о себѣ и то и то, а теперь кровь какъ угомонилась, такъ и осталося одно желаніе въ душѣ: учиться; и думаю, что это хлѣбъ прочный, и его мнѣ надолго станетъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Васъ же прошу объ одномъ: всѣ дурныя пьесы бросайте безъ вниманія, а какія нравятся, тѣ печатайте. Мнѣ много будетъ говорить съ вами при свиданіи объ этомъ. Ахъ, дай-то Богъ, чтобы оно скорѣе исполнилось. Рвется моя душа видѣть васъ, слущать васъ. Чортъ знаетъ, какая ошибка въ „Лѣсѣ“! Онъ мнѣ шибко нравился, — мнѣ думалось, читая его, что какой-то злой демонъ выходитъ изъ него и шепчетъ грустныя мысли, и въ какую образность ни входитъ, всюду разрушаетъ жизнь, и наконецъ, въ общемъ уничтоженіи, выводитъ смерть; а сила души, въ самой смерти сознавая свое величіе, уничтожаетъ его и, торжествуя, расширяетъ жизнь. Но можетъ, оно и не вышло такъ; какое дѣло? ихъ бросить! — все, и дѣлу конецъ. Изъ тѣхъ, что прислали вы, я не буду поправлять, кромѣ двухъ: „Стеньки Разина“ и „Пѣсни“.

Поправки дѣло дьявольское. Что написалось, то давно забылось. Насильно же заставить жить тотъ моментъ, который давно не въ груди — вещь трудная. „Пѣсню“ я поправилъ, а „Стеньку Разина“ поправлю, и посылаю вамъ еще новыхъ четыре пьески: какія хороши — тѣ такъ, какія нѣтъ — въ сторону. О журналѣ вамъ говорить право я ничего не съумѣю, и объ немъ говорить довольно трудно. „Записки“ — не „Библіотека“, не „Сынъ Отечества“; о тѣхъ бы я насказалъ коробы. Въ „Запискакъ“ отдѣленіе о Россіи идетъ какъ должно. Повѣсти, проза прекрасны. „Недоумѣніе“ лучше всѣхъ. Стихи, исключая моихъ, очень хороши, многіе чудо хороши! Особенно остаются въ памяти Лермонтова всѣ, а Клюшникова, Ивана Петровича: „Собирателямъ моихъ элегій“, „Къ ней“; Каткова: „Гренадеры“, кой-какія Красова! А всего журнала лучше критика, — не льстя и не шутя; одно жаль: нѣтъ вашего имени подъ нею. Это для многихъ было бы нужно. Лѣтопись тоже чудо какъ хороша... А часть наукъ и такъ и сякъ. Статьи от. Іакинфа „О Китаѣ“ интересны — не больше. А кажется можно бы пріобрѣтать статьи, какія были въ „Телескопѣ“ во время оно или въ прибавленіи „Одесскаго Вѣстника“ прошлыхъ лѣтъ. А хуже всего Сельское Хозяйство. Оно вовсе не по журналу, и особенно какого-то дурака напечатана статья о покражѣ хлѣба и мѣрѣ, — гадость-гадостью. Да и всѣ статьи не шибкія. Эти господа агрономы напитаны иностранными теоріями и принятыми методами тридцатаго года, которые во мнѣніи начали упадать, кромѣ методъ: сахарной, машинной и мануфактурной. — На сельское русское хозяйство надо смотрѣть по-русски, а не понѣмецки. Нѣмецкія методы намъ не годятся, и ихъ орудія— не наши орудія. Нашъ черноземъ любитъ соху, а чтобы улучшить соху, надо улучшить руки людей, которые ею работаютъ. Дѣло и въ орудіи; но дѣло и въ умѣніи управлять имъ. Можно и на одной струнѣ играть хорошо, а глупецъ и на четырехъ уши деретъ. Кто-то написалъ въ номерѣ шестомъ статью, подписался *Пахарь*: началъ хорошо а кончилъ дурно. А часть хозяйства въ журналѣ вещь не лишняя. Черезъ нее много можно выиграть у степняковъ помѣщиковъ; они любятъ этакія штуки читать; и имъ бы все надо если не такъ хорошо, да больше. Смѣсь идетъ хорошо. Картинки модъ очень хороши. Да все мнѣ жаль,

что такой хорошій журналъ началъ издаваться въ дурное время. Несчастливъ Андрей Александровичъ. Въ прошломъ годѣ былъ неурожай, и сей годъ; а это много значитъ: другой бы и степнякъ помѣщикъ, и житель городской выписалъ журналъ, да людей надо кормить, да купить хлѣба, а денегъ нѣтъ. Будь иное время, онъ вѣрно бы имѣлъ подписчиковъ больше третьею частью теперешняго, если не больше.

Всѣ говорятъ: „Библіотека“ больно плоха, „Сынъ Отечества“ никуда не годится, „Записки“ хороши. Мнѣніе хорошо, а денегъ нѣтъ, покупать не на что. Если же, неравно, выписываютъ журналы, то потомъ „Библіотеку“, — ради Брамбеуса; онъ много сперва захватилъ кредиту своими грязными остротами: они приходились по людямъ какъ разъ, а „Сынъ Отечества“ ради Полевого, котораго по старой дружбѣ (стариковъ много еще и теперь) любятъ. Теперь „Репертуаръ“ дуренъ, а „Пантеонъ“ лучше, а всѣ говорятъ: „Репертуаръ“ чудо. а „Пантеонъ, дрянь, такъ, какъ „Маякъ“ гадость, кромѣ, можетъ въ четвертомъ номерѣ статьи о философіи Бурачка, въ которомъ я бо́льно толку не знаю, а радъ каждую статью философскую, какъ и статью о Шекспирѣ читать и уважать; — а за плоскія грязныя, безсовѣстныя шутки и остроты Бурачка похваливаютъ. Онъ, говорятъ, вишь какъ всѣхъ пощелкиваетъ, да надо всѣми подсмѣиваетъ, что ну-поди, а! Народъ же, какъ ни дуренъ, но имѣетъ свое время, пору, силою же въ одинъ часъ его не передѣлаешь. У васъ въ „Литературной Газетѣ“ напечатана статья г-на Кронеберга о поправкѣ Гамлета, — очень вещь не выгодная для Кронеберга и довольно дурно его рекомендуетъ. Можно замѣчать и поправлять ошибки, какъ ему угодно, можно даже перевести Гамлета лучше Полевого и легче Вронченки. Но такъ безсовѣстно бранить старше себя и вѣрно лучше себя, и за такой трудъ, за который Николай Алексѣевичъ Полевой заслуживаетъ въ настоящее время полную благодарность? Безъ его перевода, не было (бы) на сценѣ такого Гамлета, и въ немъ такого Мочалова, какіе у насъ есть теперь. Надо бы Кронебергу сначала его перевесть, а потомъ напечатать, а потомъ и ругать другихъ, — и дѣло бы тогда было похвальное. Бранить Полевого за „Уголино“, за драмы, водевили и передѣлку ихъ съ французскаго — другое дѣло; здѣсь всякая брань у мѣста.

Андрею Александровичу прошу васъ передать мое искреннее почтеніе. И такъ, до свиданія, милый, любезный мой, Виссаріонъ Григорьевичъ, и это свиданіе буду стараться устроить какъ можно скорѣй. Въ Москвѣ не заживусь, тамъ теперь одни Василій Петровичъ, Павелъ Степановичъ, Михаилъ Семеновичъ. Да еслибъ Богъ далъ увидѣть Гоголя! Застану-ль? нѣту-ль въ Москвѣ? И не знакомъ, а ужъ пойду къ нему: хочется быть у него да и только. Любящій васъ, какъ люблю и любилъ душою, Алексѣй Кольцовъ.

О напечатаніи книги ужъ вѣрно, пріѣду, поговоримъ. Мнѣ все почему-то хочется погодить этотъ годъ: книга мала. Еслибы еще написать, а ужъ напечатать порядочную книгу страницъ триста, а то вѣдь хорошихъ пьесъ не такъ много, кой-какія и изъ напечатанныхъ печатать не годится, тогда иныя были порядочныя, а теперь читать совѣстно. А впрочемъ, ваша воля: какъ хотите, такъ и дѣлайте, васъ слушать я готовъ. А русскія народныя пѣсни тетрадь, вѣрно вы потеряли. „Записки“ и „Газету“ всѣ номера получаю исправно: и вамъ, и Андрею Александровичу за нихъ много благодаренъ.

„Бѣлинскій“, А. Пыпина.

46. В. Г. Бѣлинскому.

15 декабря 1840. Москва.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Вамъ до послѣдней степени кажется невѣроятнымъ мое долгое молчаніе. Восемнадцать дней я живу въ Москвѣ, и къ вамъ еще ни слова. Да мнѣ самому это уже наконецъ показалось очень страннымъ; но если такъ—у меня въ натурѣ, или, поѣха́вши изъ Питера, мнѣ было очень горько. Разстаться съ вами прежде было дѣломъ обыкновеннымъ; теперь не такъ. А какъ долго не могъ привыкнуть, что уѣхалъ: ѣду, въ Москвѣ,—и васъ со мною нѣтъ. Питеръ меня, въ нынѣшнее мое житье въ немъ, меньше привязывалъ: мало я въ немъ оставилъ, меньше онъ во мнѣ. Проигрышъ дѣла также сильно подавилъ меня, хоть я и молчалъ, и онъ-то былъ больше виною моего молчанья. У меня, вы знаете, было другое дѣло въ Москвѣ. Съ первыхъ дней пріѣзда я занялся имъ, оно перемѣнило было свой ходъ. Надо приложить силы и время,—и десять дней какъ не было. Теперь оно

кончено, и, слава Богу, хорошо. Письма князя Вяземскаго имѣли полный успѣхъ; безъ нихъ я бы ничего не сдѣлалъ, и хлопоты и труды пропали бы напрасно. Послѣ десяти дней я собирался писать каждый день къ вамъ, но такъ пришло ко мнѣ время хорошо, такая полная жизнь вдругъ посѣтила мою грудь, что я подобной не видалъ давно, давно... Мнѣ не хотѣлось упустить эту пору,—за карандашъ и началъ кропать стишонки. Ихъ всѣ посылаю съ этимъ письмомъ къ вамъ; прочтете,—увидите, что время шло у меня не даромъ. Но, кромѣ этого всего, я къ вамъ теперь писать часто какъ-то не могу, сдѣлалось тяжельше;—все собираешься, хочешь написать и больше, и лучше, и оставлялось до завтра; завтра —опять тоже; и я увѣренъ, что и теперь пишу къ вамъ также, какъ бы написалъ вчера и третьяго дня. Но что-жъ дѣлать? — я человѣкъ, подверженъ общей слабости подобныхъ мнѣ людей. Однако, несмотря на худой ходъ моего дѣла сначала, все-таки, какъ говорили съ вами, что во вторникъ вечеромъ я успѣлъ быть у Василія Петровича, и у насъ съ нимъ начался разговоръ о васъ и шелъ за полночь далеко. Говорилъ ему обо всемъ: гдѣ вы живете, какъ вы живете, съ кѣмъ вы живете и проч. и проч. Онъ обо всемъ слушалъ съ полнымъ къ вамъ участіемъ; да иначе и нельзя было, и совсѣмъ согласенъ съ вами. А какъ онъ, любитъ васъ? Этотъ вопросъ совсѣмъ лишній. Изъ прежней апатіи своей онъ почти вышелъ; остаются въ ней и еще кой-какія части прежнихъ впечатлѣній, да ужъ дѣйствуютъ легко и, кажется, скоро совсѣмъ улетучатся въ ничто,—и хорошо будетъ. Я прежде не зналъ этого, и потому онъ казался мнѣ иногда страненъ. Но впрочемъ, онъ ко мнѣ гораздо лучше. Я подозрѣваю, что виною этого вы. Вы что-то мнѣ объ этомъ, помню, намекнули; за что васъ благодарю, и вмѣстѣ, если бы вы мнѣ объ этомъ сказали тогда, я бы попросилъ васъ не говорить ни слова. Подобныя вещи не очень удобны или мы можемъ отяготить человѣка противу его желаній, или вовсе оттолкнуть рекомендованнаго человѣка. И я сначала бывалъ у него не очень часто, несмотря на то, что онъ былъ ко мнѣ всегда хорошъ. Но потомъ увидѣлъ, что кромѣ всего сказаннаго и переданнаго, есть у него свое для меня мѣстечко, особенное. Тутъ мнѣ стало легче, и я бывать началъ чаще. Красовъ у него живетъ въ домѣ, и они сжились, — и Красову

очень хорошо. — Ваша статья о театрѣ ему, т. е. Боткину, очень понравилась. Онъ ее прочелъ пожирая. За критику о Ломоносовѣ въ Москвѣ всѣ люди стараго времени васъ бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и даже Константинъ Аксаковъ пишетъ объ немъ диссертацію въ опроверженіе вашего мнѣнія, въ которой, именно—онъ говоритъ—онъ будетъ разбирать Ломоносова, какъ поэта сначала, что и докажетъ, а потомъ ужъ какъ ученаго. Онъ имѣетъ кой о чемъ довольно странныя мнѣнія. У него Шекспиръ, Гомеръ и Гоголь—поэты пластическіе,—и больше ихъ нѣтъ поэтовъ въ свѣтѣ; а всѣ другіе поэты романтическіе и проч. А старый Аксаковъ кой-гдѣ говорилъ объ васъ, какъ о человѣкѣ самомъ негодномъ, — хуже даже, чѣмъ объ Александрѣ Анфимовичѣ Орловѣ сказалъ бы какой-нибудь добрый человѣкъ,—такова знать нынче дружба. Вашъ братъ однакожъ бываетъ у Аксаковыхъ разъ въ недѣлю по середамъ, и онъ его охотно учитъ по-англійски. — Константинъ все ждетъ отъ васъ письма. У меня спрашивалъ, не забыли ли вы его; я говорю: нѣтъ, и такъ же любите; да я иначе и сказать не могу. Брату вашему посылку отдалъ. Онъ живетъ не очень хорошо, Дмитрій Ивановичъ немножко къ нему перемѣнился, у нихъ была уже нѣсколько разъ ссора. Денегъ не даетъ ни копѣйки, только не отказываетъ въ столѣ и комнатѣ; конечно, спасибо и за это. Платья у него весьма немного и если бы не далъ ему Боткинъ своей шинели, то бы и не въ чемъ было ходить... И теперь, кажется, нуждается кое въ чемъ крѣпко; особенно ему надо кое-какія книги, и я взялъ у него на нихъ записку, посылаю къ вамъ. Если вамъ можно ихъ будетъ взять и прислать, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ будетъ лучше. Дарья Титовна ждетъ денегъ и больно нуждается, и ей приходило тѣсно очень, но какъ-то перевернулось, и теперь живетъ опять у своихъ господъ. Этимъ я васъ конечно не утѣшаю, но надо было жь однако вамъ сказать все, что я узналъ, и передать вамъ, какъ оно есть. Съ братомъ вашимъ говорилъ, о чемъ вамъ хотѣлось, и много; и онъ самъ жалѣетъ, да не возвратишь, что утратилъ время понапрасну, да воротить его ужь нельзя. Онъ даже хочетъ взять переводить съ нѣмецкаго работу для Погодина, что Аксаковъ взялся устроить. Онъ ужь пробовалъ, — что-то прозою переводилъ изъ Гете, и говоритъ, что дается. Что я ему совѣтовалъ,—сдѣлалъ. Оно ко-

нечно и не надо бы для Погодина, но тутъ дѣло какъ-нибудь забить копѣйку. И мнѣ кажется, что изъ него путь будетъ. Натура была его изгажена, однакожъ поправляется, и въ немъ много застѣнчивости и конфузу. Я ему совѣтовалъ всѣ эти гадости оставлять и смотрѣть на вещи иначе. Онъ у меня кой-когда бываетъ. Я у Димитрія Ивановича былъ разъ,—да больше и быть кажется не за чѣмъ, и его доброта къ вамъ основана на томъ, что вы ему сдѣлали много добра; а самъ въ себѣ онъ гораздо меньше. Клюшниковъ давно пріѣхалъ; на Кавказѣ, говоритъ, ничего не писалъ, а началъ какую-то длинную повѣсть въ прозѣ. Поздоровѣлъ, потолстѣлъ тамъ, и личико теперь у него сдѣлалось полно и пухло и кругло, что къ нему не очень идетъ. Кудрявцевъ отъ критики московскихъ книгъ хочетъ отказаться, а взять ее хочетъ Красовъ съ жадностью. О конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“ я давно къ Андрею Александровичу писалъ,— и Василій Петровичъ съ охотою берется въ ней хозяйничать, считать, брать деньги и посылать къ Андрею Александровичу; но для этого отъ него нужна довѣренность. Я писалъ и объ этомъ, но довѣренности еще нѣтъ и вѣрно этого или сдѣлать нельзя, или не хочетъ, а было бы лучше. Но это дѣло не мое; что съумѣлъ я, сказалъ и сдѣлалъ, а что по этому сдѣлаютъ дѣло... Боткинъ перевелъ съ англійскаго критику какой-то женщины объ Юліи и объ Офеліи; скоро пошлетъ. Кудрявцевъ пишетъ новую повѣсть, начало читалъ Боткину, еще не кончилъ; какую,—не знаю. Онъ живетъ хорошо, имѣетъ много мѣстъ. Ромео Мочалову отдалъ, онъ взялъ съ радостью, и тотчасъ закутилъ. Орлова учитъ роль съ большой охотою. А денегъ еще Мочаловъ не платилъ, вѣрно нѣтъ, и объ этомъ не было рѣчи. Хотѣлъ пріѣхать къ Боткину и не былъ. Сатинъ напечаталъ „Бурю“ Шекспира. Переводъ, — Боткинъ говоритъ,—вылощенъ, сглаженъ и слабъ, хоть довольно вѣренъ; а Каткова Ромео сравнивалъ, и выходитъ очень не вѣренъ: и мелкіе цвѣты, и тѣни—все упущено. Былъ я у Улитина, Николая Николаевича, и у Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Говорятъ, что подписка на журналы идетъ весьма дурно, и почти ничего нѣтъ; что будетъ дальше? Будете у Полякова въ лавкѣ, пожалуйста скажите, чтобъ онъ послалъ Кота Мура, который я взялъ у Песоцкаго. Отдалъ ему послать ихъ Боткину—и ихъ нѣтъ до сихъ

поръ. Благородный малый! самъ вызвался—и не посылаетъ. Былъ у Щепкина; онъ принялъ очень ласково, спрашивалъ много о васъ, съ такою заботой и искренностью. Я говорилъ, какъ вы живете, гдѣ, и что много лучше, чѣмъ жили въ Москвѣ, и чѣмъ дальше, то все у васъ будетъ лучше, и еще кое-что прибавилъ,—въ вашу пользу, конечно. Онъ живетъ одинъ; семейство все его уѣхало въ Казань. Говорятъ, что денежныя дѣла его не такъ хороши, но онъ все одинаковъ; человѣкъ умный, добрый, теплый и милый. До моего пріѣзда на маленькомъ театрѣ въ первый разъ игралъ онъ Ревизора. Боткинъ видѣлъ, и говоритъ, что былъ онъ такъ хорошъ, какъ никогда не былъ. Красовъ ту работу, которую взялъ выбрать и сдѣлать статью, кажется, не сдѣлаетъ, и Андрей Александровичъ былъ правъ. Каткова мать получила изъ-за границы отъ Каткова письмо. Что пишетъ, не знаю. „Отечественныя Записки“ здѣсь почитываютъ, и тоже кое-кто бранитъ, больше за то, что все по ихъ разумѣнію, много въ нихъ есть для нихъ непонятнаго. Я проживу въ Москвѣ до пятаго генваря новаго года. Если захотите написать ко мнѣ письмо вскорѣ, то оно еще меня застанетъ здѣсь. Пишите лучше на имя Боткина; а если не захотите скоро, то пишите уже въ Воронежъ. Я вѣдь въ этомъ насильно сдѣлать вовсе не думаю, хоть мнѣ ваши письма и радъ отъ души получать тысячу разъ въ годъ. Что вамъ не понравится въ этихъ моихъ пьескахъ, пожалуйста замѣтьте и пришлите; я поправлю. А если всѣ понравятся, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы одну изъ нихъ отдали Плетневу въ „Современникъ“; но это какъ вамъ будетъ угодно, такъ и дѣлайте: онѣ въ полномъ вашемъ владѣніи. А что до ихъ посвященій, то я и князя Вяземскаго и Одоевскаго спрашивалъ, и они свое согласіе изъявили. Объявленіе на „Москвитянина“ объявлено, и съ новаго года будетъ пущенъ въ ходъ. Аксаковъ кажется въ немъ будетъ участвовать. Гоголь обѣщалъ прислать Погодину повѣсть, но еще не прислалъ. А Боткина братъ пишетъ, что онъ началъ писать драму, интересъ взятъ изъ малороссійской исторіи, и что много написалъ и скоро кончитъ. Для кого написалъ онъ? Кому отдастъ? Неизвѣстно. Ну вотъ вамъ подробный и длинный рапортъ обо всемъ, что я знаю, и что по должности службы могу вамъ передать безъ прибавленія и утайки.

Теперь конецъ кислой исторіи. Какъ вы поживаете?

Что у васъ новаго? Ваши дѣла? Житье-бытье? Что Марья Ивановна? Не побранились еще? Дурачитесь? Работаете, и много? У васъ теперь, я думаю, самая головоломная работа и много непріятностей. Это я особенно представляю, и дай Богъ, чтобы обманулся. Какъ не вспомню я о васъ, все мнѣ что-то дѣлается грустно, и на что ни смотрю, все темно, кромѣ если сладили съ Плетневымъ; да я думаю еще нѣтъ: время мало, а для этого его надо больше. Но если ужъ имѣете гдѣ-нибудь урокъ,—и то въ половину ужъ хорошо. Мнѣ какъ то теперь всѣ вы сдѣлались ближе, и кажется ваша боль больна и мнѣ. Когда жъ прояснится вашъ горизонтъ? Есть ли онъ чистъ и теперь? Напишите, вы меня обрадуете, а мое долгое молчаніе простите. Я всѣ причины разсказалъ, и онѣ точно тѣ, какъ были. Съ этихъ поръ буду писать чаще. Скажете, однѣ обѣщанья; нѣтъ, будетъ исполненіе. Ахъ, еслибъ къ вамъ скорѣй! Еслибъ знали, какъ не хочется мнѣ ѣхать домой, —.такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда. А надо ѣхать. Необходимость—желѣзный законъ. О мелочахъ какъ ни говорилъ вамъ много, а о чемъ собирался говорить, сказалъ на страничкѣ, и совсѣмъ не такъ сказалъ, какъ хотѣлъ. А еслибъ вы знали, сколько было сборовъ писать къ вамъ: сперва бумаги купилъ, перо часъ чинилъ, комнату заперъ, чтобъ никто не помѣшалъ, и вотъ чѣмъ кончаются эти сборы — пустяками. Хоть врать бы что-нибудь еще—и того не умѣю. О Музы! дайте хоть вы своихъ небесныхъ словъ и мыслей, чтобы кончить это начатое съ такой заботою письмо и такъ веденное печально кончить не смѣхомъ, а чѣмъ нибудь другимъ возвышеннымъ, выспреннимъ и важнымъ. Не устыдитесь, Музы, прилетѣть въ вонючее Зарядье: теперь ночь, и никто изъ людей солидныхъ васъ не увидитъ... И васъ нѣтъ, дорогіе мои гостьи; ну что дѣлать? — до слѣдующей поры подожду. Видите-ли, вотъ моя штука— пакость чистая. Въ этомъ родѣ я все хуже,— и не хвалюсь. Александру Александровичу искреннее почтеніе; я его полюбилъ всей душой, и самъ не знаю за что. — Михаилу Александровичу, Ивану Ивановичу и Авдотьѣ Петровнѣ низкой поклонъ, Кирюшѣ также, Андрею Александровичу съ Анной Петровной на особицу посылаю челобитье отъ души. Смертельно васъ любящій, вашъ Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій“, А. Пыпина.

47. В. Г. Бѣлинскому.

(Конецъ 1840. Москва).

„Грусть дѣвушки“, шестой куплетъ я отчеркнулъ, — онъ кажется мнѣ лишнимъ; если и вы найдете то же, то его вонъ, и тогда уже будетъ надо въ послѣднемъ куплетѣ вмѣсто: „Нѣтъ, не въ радости“ поставить: „Ахъ, не въ радости“. Этакъ будетъ она полнѣе. „Жалобу“ я посвятилъ вамъ потому, что въ ней много сказано отъ души и про васъ, и про меня. Въ этой сторонѣ нашего житія у меня съ вами много схожаго. Конечно, если напечатать ее въ журналѣ, то посвященіе можно будетъ замарать. Я вовсе не думалъ посвятить вамъ печатно, а лишь положить ее на ваше чувство. „Шекспиръ, дума“ если хороша, то мнѣ бы весьма хотѣлось ее напечатать съ посвященіемъ князю Вяземскому, и объ этомъ я у него спрашивалъ; онъ съ охотой согласился. „Ночь“ — эта пѣсня пахнетъ какою-то русскою балладой. Пожалуй, если я не ошибаюсь, то поставьте и баллада. И тоже, если она вамъ понравится, то напечатайте съ посвященіемъ князю Одоевскому. Согласіе и отъ него тоже взято. „Поминки“ — названіе не хорошо. Какъ хотите, такъ и назовите. Въ ней я сначала чертовски хвалю всю нашу братію, но все-таки въ ней чистая правда. А о Станкевичѣ, конечно, надо бы говорить больше, но я этого сдѣлать не съумѣлъ. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ, что могъ, и сказалъ, какъ съумѣлъ; другіе пусть скажутъ лучше. Но у меня спала тяжесть съ души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа какъ будто говорила мнѣ все на ухо: „Схоронили, — позабыли“. „Ночь“ и пѣсня „Много есть у меня“ страшно понравились Рабусу. Послѣднюю онъ тотчасъ же перевелъ по-нѣмецки.

Каково, Виссаріонъ Григорьевичъ! нежданно-негаданно я написалъ такую пропасть! И еще, кажется, напишу, и что выйдетъ, прямо къ вамъ. Мое маранье теперь исключительно дѣлается больше для однихъ васъ; такъ ужъ у меня давно рѣшено. Я писалъ вамъ о вашемъ братѣ, но забылъ еще сказать одно слово. Если бы вы захотѣли его взять къ себѣ въ Питеръ, то я этого дѣлать не совѣтую, по крайней мѣрѣ до экзамена. Да и онъ самъ ѣхать не хочетъ; сегодня я съ нимъ говорилъ объ этомъ. Осталось время немного— доживетъ и здѣсь. Аксаковъ далъ ему переводить повѣсть

изъ Гофмана для „Москвитянина“, и сказалъ, если она не напечатается въ немъ, то тогда отошлетъ въ „Записки“. Я ему растолковалъ, что это значитъ. Еще разъ прощайте, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ. Вашъ Кольцовъ.

„Русск. Арх.“ 1875, кн. 3.

48. А. А. Краевскому.

23 декабря 1840. Москва.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Николай Христофоровичъ г. Кетчеръ покорнѣйше васъ проситъ принять участіе въ переведенной имъ изъ Шекспира комедіи „Ошибки“, которую онъ для бенефиса Михайла Семеновича Щепкина перевелъ на скорую руку; потому что онъ прежде перевелъ было для него же первую часть „Генрихъ IV“. И она съ другой еще, не знаю какой, была послана черезъ театральную московскую контору въ петербургскую цензуру; но онѣ обѣ цензурой играть на театрѣ не позволены. Теперь на бенефисъ Михайла Семеновича играть и нечего. Ну, вотъ Кетчеръ этому горю опять помогъ: взялся и въ одну недѣлю перевелъ цѣлую комедію. Послать же ее опять если черезъ контору,—пройдетъ много времени. Безъ вашего жь пособія, какъ бы и эту не остановили, хотя въ ней предосудительнаго ничего нѣту; но ужъ стращенная птичка— вѣтки боится. Бенефисъ же Щепкина назначенъ 24-го января: время не много, а дѣла много, и дорога длинна. Вся надежда на васъ; уладить подобное дѣло никто не можетъ. Васъ же Кетчеръ, Михайло Семеновичъ и я покорнѣйше просимъ передать ее въ цензуру и попросить въ ней г. цензора, чтобъ процензуровалъ ее скорѣй, и послать, хоть черезъ контору, если можно, къ Щепкину. Если она получится и 20 января, то еще ничего. Теперь вопросы: почему, скажете, пишешь ко мнѣ ты, а не Кетчеръ?—Онъ готовъ къ вамъ написать двадцать разъ, да съ вами лично не знакомъ. Еще: изъ чего я хлопочу? — Изъ того, что я поддерживаю честь вашей фамиліи.

По пріѣздѣ въ Москву, я послалъ къ вамъ письмо — извините, спѣшилъ — на чемъ попало: хотѣлось поскорѣе, лишь бы написать, о чемъ было вамъ угодно знать. Получили вы его? Подписка здѣсь на всѣ журналы идетъ весьма тихо; что будетъ дальше? Василій Петровичъ Боткинъ на

днях посылаетъ къ вамъ славную статью, которую перевелъ онъ съ англійскаго, изъ какой то миссъ... миссъ... ей Богу, позабылъ. Аннѣ Яковлевнѣ низкое почтеніе. Искренно уважающій и любящій васъ, вашъ Алексѣй Кольцовъ.

49. А. В. Кольцовой.

10-го января 1841. Москва.

Милая сестра моя, Анисья Васильевна! Благодарю тебя душевно за письмо; оно такъ полно души и чувства любви и искренности, что я прочелъ его нѣсколько разъ. Такія письма не всегда у насъ выходятъ изъ души. Это была у тебя прекрасная минута, въ которой жила жизнь чудесная,—непостижимая тайна души человѣческой. Въ ней въ одной сколько жизни, сколько сторонъ различныхъ, сколько угловъ и тайниковъ добрыхъ и злыхъ. Порою именно святая благодать неба осѣняетъ ее и вѣетъ упоительно на все такою магическою силою, и въ ту пору къ чему она ни прикасается, все освѣщаетъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, самую ледяную душу согрѣваетъ теплотою своего чувства, и всѣ помыслы исчезаютъ какъ дымъ отъ лица огня. Но бываетъ другая пора, пора тяжелая, полная грязныхъ мыслей и грустныхъ думъ и замирающей тоски, и весь свѣтъ намъ кажется печаленъ и мраченъ, и злой духъ невидимо преслѣдуетъ насъ и шепчетъ намъ какія-то страшныя рѣчи, и силою тянетъ насъ на грѣхъ, на зло, на муку, и на гибель. И если въ чьей груди не лежитъ нравственнаго сознанія о самомъ себѣ,—бѣда. Онъ въ одну минуту погубитъ насъ навсегда, и ужъ никогда изъ подъ его вліянія не освободится человѣкъ; каждую минуту онъ изъ одной крайности начнетъ иттить въ другую, пока бездна погибели не поглотитъ и его добраго имени, и его существованія.

Эта-то минута, этотъ-то злой духъ погубилъ бѣдную Варю, и она, не имѣвши въ груди нравственнаго долга, погибла навсегда. Теперь у ней одинъ остался выходъ изъ этого состоянія, и этотъ выходъ—смерть. Потому-то она безсознательно и призываетъ ее прежде времени. Какія страшныя драмы разыгрываются въ жизни, и разыгрываются въ нашихъ глазахъ! Бѣдная Варя—если не вспомнила, то скоро вспомнитъ мои слова! Я говорилъ ей еще ихъ во-время; но видно не было у ней въ душѣ чувства понять ихъ.

Да, есть натуры, которыя видятъ свою гибель—и идутъ на нее, и никакая посторонняя сила не властна ихъ остановить. И потому, что они лишены, можетъ быть, отъ самой природы этого благороднаго созданія въ собственное свое „я“, ихъ жизнь—любить вещи, находить внѣ—самихъ себя. Бѣдные люди! жаль ихъ, а помочь нечѣмъ. Другой гибнетъ тоже, но онъ знаетъ прежде, что онъ гибнетъ, и идетъ твердо по избранной дорогѣ; и часъ паденья—часъ его торжества, потому что онъ все стремленіе своей жизни сосредоточилъ давно ужъ въ одной минутѣ. И благословенна его гибель.

Но будетъ объ этомъ. Закроемъ молчаніемъ эту печальную страницу несчастныхъ людей; перейдемъ къ другому. Но къ чему же? Прежде всего: странно для меня, что ты получила въ одно время три письма? Они посланы изъ разныхъ мѣстъ, въ разное время. Гдѣ жъ они были? кто ихъ держалъ и для чего? — не знаю. Всѣ ли получили посылки? Я послалъ съ Карпомъ Петровичемъ Капканщиковымъ: „Герой нашего времени“, двѣ книги; Пушкина 3 часть; „Ламермурскую невѣсту“ Вальтеръ-Скотта; „Гецъ“, Гете драму; писанную драму Шекспира — „Ричардъ Второй“. Боткинъ послалъ ноты — тетрадь, музыка Шуберта; мой „Соловей“; изъ Питера кой-какія разныя, не помню, сколько нотъ, трубкою свертокъ. Ноты посланы, обѣ посылки, на имя Андронова. Теперь еще для тебя купилъ пѣсни Пушкина — „Съ Богомъ въ дальнюю дорогу“, и „Лѣсной царь“, Гете, музыка Шуберта, и еще кой-какіе пустяки. Хотѣлъ купить школу для пѣнія Варламова, да дорога: 28 руб. просятъ, а денегъ нѣтъ; выпишу изъ Воронежа.

Въ письмѣ ты, наконецъ, мнѣ ужъ много слишкомъ льстишь, насказавши такъ много похвалъ; а не написала, поняла ли думу „Лѣсъ“. Прочти въ 11 нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“, въ отдѣленіи наукъ, статью о четырехъ драмахъ Шекспира, — тамъ увидишь въ ней, что значитъ нравственный долгъ человѣка.

Боткинъ со мной теперь очень хорошь, а тогда были у него сердечныя дѣла, но только я не зналъ; они-то и мѣшали всему. Бѣлинскій со мной былъ такъ хорошъ, что писать объ этомъ не достанетъ дести бумаги; пріѣду—разскажу. Я скоро теперь пріѣду; еще дѣло задерживаетъ ме-

ня немного, но на дняхъ, кажется, всему будетъ конецъ. Ты, другъ мой, ужасно меня обидѣла, говоря, что я куда-то опредѣлился, и тебѣ не сказалъ. Отцу и матери извинительно такъ судить,—я имъ самъ много подалъ примѣровъ такъ думать; но тебѣ грѣхъ, сестра, думать, чтобы я отъ тебя скрывался... Что же я отъ тебя сокрылъ? — скажи. Сколько помню, кажется, я всегда съ тобой былъ откровененъ. Глупые люди выдумали и разнесли пустой слухъ, а вы и повѣрили. Ужели чужой народъ больше имѣетъ для тебя вѣры, чѣмъ родной братъ? Жаль, что такъ вы ошиблись всѣ во мнѣ.

Фамусовъ выдаетъ свою Софью Павловну за „Пряника",—часъ добрый, пора костямъ на мѣсто. Славная парочка: гора со спичкой, бочка съ иголкой, масло съ водою... А какъ ни смѣшно, но мнѣ все-таки Тимофѣева жаль: онъ добрый человѣкъ, какъ бы она его не завербовала. Но судьба рѣшила,—съ Богомъ; они обои не малолѣтки, и вещи ужъ понимаютъ хорошо.

Недавно былъ я на концертѣ. Пѣла Паста, итальянка, женщина 48 лѣтъ; но Боже мой!—что за голосъ, что за музыка, что за звуки, за грація, что за искусство; что за сила, за энергія въ этомъ голосѣ роскошнаго Запада! Еслибъ ты слышала! чудеса! диво дивное, чудо чудное! Я весь былъ очарованъ, упоенъ ея звуками; кровь вся въ жилахъ кипѣла кипяткомъ. Еще былъ я съ Красовымъ въ дворянскомъ собраніи, въ маскарадѣ, гдѣ было людей двѣ тысячи человѣкъ, много замаскированныхъ женщинъ, мужчинъ. Огромная зала, полна людей, богато, разнообразно одѣтыхъ, танцующихъ; и музыка съ высокихъ хоръ, какъ съ дальняго неба, волнами разливаясь во всѣ стороны, падала внизъ, на насъ, людей наземныхъ.

Я написалъ еще нѣсколько пьесокъ, и довольно удачно; послалъ ихъ къ Бѣлинскому. Онъ просто отъ нихъ въ восторгѣ. Нѣсколько дней было такъ удачныхъ, что я написалъ весьма хорошо. Одну изъ нихъ, не лучшую, я послалъ къ тебѣ давно, въ батенькиномъ письмѣ.

Батенькѣ, маменькѣ, сестрамъ, зятьямъ отъ меня кланяйся. Скажи батенькѣ, что я скоро буду домой, живъ, здоровъ, только постарѣлъ; ты едва ли узнаешь, — въ эти четыре мѣсяца я пережилъ больше, чѣмъ въ четыре года. Желаю тебѣ больше въ тысячу разъ, чѣмъ желаю самому

себѣ. Живи, пой и стучи на фортепьянахъ, и да Господь сохранитъ тебя отъ всякаго зла и горя. Цѣлую тебя горячо и крѣпко. Прощай.

Любящій тебя братъ твой Алексѣй Кольцовъ.

„Нива“ 1893, № 38.

50. В. Г. Бѣлинскому.

10 января 1841. Москва.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вотъ когда наконецъ собрался я къ вамъ писать. Некогда было, скажете, недосугъ, занятъ; ничего не бывало, ничего почти не дѣлалъ, ничѣмъ не былъ занятъ, время все проходило какъ-то глупо, сквозь руки. Какая-то лѣнь холодная, пустая, убійственная овладѣла мной. Скука, пустота, грусть и чортъ знаетъ что еще не лежитъ во мнѣ... Какое-то состояніе самое несносное, самое гадкое, ничего не дѣлаешь—и дѣлать ничего не хочется. Движешься, ходишь, бродишь, смотришь на все равнодушно, спокойно и только ищешь двери, чтобъ скорѣй вонъ. Куда?—и самъ не знаешь. Хочешь забыться — и не можешь, о чемъ то думаешь — и ничего не думаешь въ то же время. Собираешься писать, сядешь, возьмешь перо и держишь его въ рукахъ, какъ дуракъ палку. Не то чтобы хотѣлъ письмо написать получше, нѣтъ, хоть бы какъ-нибудь, и слово съ пера нейдетъ; до чего это доведетъ, не знаю, а только жить приходитъ невыносимо тяжело. Прежде пилось, а теперь и пить не хочется: гадко, все потеряло интересъ, и самый порокъ потерялъ свою обольстительную силу. Приходитъ день, приходитъ ночь—ровно будь ихъ, или не будь... Какъ вы живете? Не дай Богъ если такъ же. Благодарю васъ за письмо, тысячу разъ благодарю, и на колѣняхъ стою передъ вами и прошу васъ простить за мое невѣжество. Да—это чисто невѣжество. Теперь отвѣчу вамъ на все по силѣ мочи. Съ прискорбіемъ прочелъ я первое ваше письмо . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Отъ души благодарю Комарова, Панаева и Языкова и Авдотью Яковлевну, что они меня помнятъ и полюбили, это чрезвычайно польстило моему самолюбію. Да, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, гдѣ вы—тамъ для меня жизнь всегда теплѣе, а гдѣ васъ нѣтъ, —

другое дѣло. Чѣмъ больше проходитъ время, тѣмъ больше эта истина доказывается опытомъ. Я теперь яснѣй началъ чувствовать, какъ цѣлый міръ иногда сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ; кажется скоро придетъ пора, что вы для меня замѣните всѣхъ и вся. Моя душа часто начинаетъ говорить про это, и никуда не просится жить, какъ къ вамъ. Когда-то придетъ это время, когда-то можно это будетъ мнѣ сдѣлать не словами, а дѣломъ? Боже сохрани, если Воронежъ почему-нибудь меня удержитъ у себя еще надолго, — я тогда пропалъ. Аксаковъ пріѣхалъ изъ Питера и говоритъ, что подписка на „Отечественныя Записки“ идетъ хорошо и равняется подпискѣ на „Библіотеку“. Дай-то Богъ! Я былъ третьяго дня у Аксакова. Онъ мнѣ говорилъ, что Павловъ, Николай Филипповичъ, получилъ отъ кого-то письмо изъ Питера, въ которомъ пишетъ къ нему, что вы отъ сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отказались; почему—не извѣстно. Я былъ у него для этого нарочно, не засталъ дома; уѣхалъ на двѣ недѣли въ деревню. Кажется, это сказки; но для чего онѣ выдуманы, не знаю.— Аксаковъ это сказалъ мнѣ съ какой-то тайной радостью. Друзья, друзья! сердечные друзья!.. Онъ учитъ вашего брата по англійски отказался, а учитъ его Петровъ, и занимается съ нимъ съ охотою и искренно. Ну, о переводѣ его для „Москвитянина“. Аксаковъ далъ ему какую-то повѣсть Гофмана; онъ ее началъ переводить, а Аксаковъ все говорилъ: „не годится для „Москвитянина“ — то можно тогда напечатать въ „Запискахъ“. Я это повернулъ иначе. Сегодня былъ у меня вашъ братъ и сказалъ, что Аксаковъ ему рѣшительно просилъ перевесть и что Погодинъ дастъ ему тридцать рублей съ листа. Переводы вамъ не нравятся; но что же дѣлать? — ему деньги кой на что нужны, необходимо скоро, а вы, можетъ, пришлете не скоро. Да если онѣ и будутъ, то вамъ ихъ платить кромѣ этого есть куда, а онъ ее можетъ перевести въ двѣ недѣли и получить сто или сто пятьдесятъ рублей. Это пока ему годится. Онъ съ Дмитріемъ Петровичемъ теперь ладитъ. Здоровье его лучше, хоть онъ этому и не вѣритъ; онъ даже немножко было началъ и трусить; да этому была причина не его здоровье, а мои слова, которыхъ я ему насказалъ большую кучу. А письмо ваше я ему не читалъ: вы слишкомъ воспламенились гнѣвомъ, онъ и такъ убитъ положеніемъ об-

стоятельствъ. Я ему на словахъ кое-что говорилъ и почти все тоже, но все иначе; думаю, что теперь онъ будетъ работать хорошо, и кой-какія вещи сознаетъ иначе и начнетъ глядѣть кой на что попрямѣе, — или ужъ ничего никогда изъ него не выработается. Однако, я этого не думаю: въ его натурѣ много лежитъ не разгаданнаго, и оно запало въ ней глубоко, потому что онъ былъ заброшенъ, да и такія натуры развиваются поздно. А что до вашихъ угрозъ и до корпуса, это, кажется, совсѣмъ лишнее; если онъ не выдержитъ экзамена на слѣдующій годъ, тогда ужъ будетъ и эта мѣра необходима. Только этого никогда не будетъ, а все пойдетъ по своей дорогѣ, какъ должно. Книги ему нужны; да если Поляковъ ихъ пошлетъ, то напередъ вамъ скажу: онъ васъ обманетъ, а будетъ надобно книги у него взять и самому по почтѣ отправить. — „Кота Мура“ онъ еще до сихъ поръ не прислалъ, и я слышалъ, что онъ его переплелъ и продаетъ: такой добрый человѣкъ! А я передъ Кетчеромъ остался дуракъ дуракомъ. У васъ, кажется, два экземпляра; если можно, пришлите мнѣ одинъ въ Воронежъ, а то купить денегъ нѣтъ, а имѣть хочется; отъ Полякова присылки видно ужъ не дождешься. Дарья Титовна больно нуждается въ деньгахъ и проситъ васъ прислать ей хоть двадцать пять рублей. Я бы ей далъ свои, да теперь у меня денегъ нѣтъ; я живу кой-какъ займомъ, а отецъ не шлетъ ни копейки. Я въ Москвѣ открылъ секретъ за дешевую цѣну на Толкучемъ рынкѣ покупать бѣлье, и купилъ штукъ десять — рублей за двадцать — славныхъ полотняныхъ рубашекъ, что бы совѣтовалъ сдѣлать и вамъ, у васъ рубашки все пестрыя, а нужно непремѣнно имѣть всякому порядочному человѣку бѣлье полотняное. Новыя онѣ дороги, а поношенныя на толкучкѣ ни почемъ. Жаль, что я не зналъ этого въ Питерѣ, а то тамъ бы купилъ и себѣ, и вамъ. Кто-то И. Е Великопольскій въ Петербургѣ на слѣдующій годъ будетъ издавать альманахъ, и Аксаковъ свою трагедію: „Олегъ подъ Константинополемъ“ отдалъ ему напечатать, и говоритъ, что Великопольскій далъ бы ему за нее, если бъ только онъ захотѣлъ, тысячу рублей. Я взялъ ее у Аксакова, и въ ней интересны сужденія Великопольскаго — и Аксакова объясненія. Особенно два мѣста, которыя вамъ и сообщаю. Великопольскій: „Я бы не желалъ выставлять имени Эврипидина: оно и звучитъ какъ-то семинарски, и,

не смотря на это, прекрасное созданіе не имѣетъ извѣстности, и не выгодной ни для автора, ни для альманаха. Если же авторъ не захочетъ выставить собственнаго, то лучше напечатать безъ имени. А о томъ, что отрывки были помѣщены въ „Молвѣ“ подъ псевдонимомъ Эврипидина, я скажу въ предисловіи. Впрочемъ, какъ угодно“. Аксаковъ: „Я совершенно согласенъ. Прошу, Иванъ Ермолаевичъ, напечатать безъ имени и сдѣлать какія угодно примѣчанія. Сдѣланная въ концѣ тетрадки выписка изъ „Молвы“ помѣщена здѣсь только для памяти и соображенія, а не для того, чтобы быть перепечатанною при пьесѣ“. Великопольскій: „Я прошу Константина Сергѣевича мѣста, которыя, по моему мнѣнію, не будутъ пропущены цензурою, или окончательно перемѣнить, или дать мнѣ перемѣны на особомъ листочкѣ въ запасъ, на случай, если не пропустятъ. Не вписанныя слова прошу его вписать разборчиво, и для этого вѣрнѣе употребить не свою ручку“. Наконецъ, выписана ваша гумористическая приписка при отрывкѣ, напечатанномъ въ „Молвѣ“. И Великопольскій сверху до низу сдѣлалъ двѣ черты и въ серединѣ написалъ такъ: „чепуха“. А Аксаковъ ниже подмахнулъ еще: „Въ самомъ дѣлѣ чепуха; я удивляюсь, какъ я тогда же не замѣтилъ, что Бѣлинскій накаталъ дичь“. Странны подобныя душевныя изліянія!.. Другое дѣло какому-нибудь ослу наговорить объ уважаемомъ человѣкѣ того и сего; но дѣлать подобныя замѣтки, и какому-то Великопольскому!... Наканунѣ Рождества были мы съ Боткинымъ у Ксенофонта Алексѣевича Полевого; у него застали только что пріѣхавшаго Николая Алексѣеввича. Былъ разговоръ объ васъ. Ксенофонтъ васъ не любитъ и побраниваетъ, а Николай Алексѣевичъ, замѣтно съ большимъ усиліемъ, но отзывается съ уваженіемъ и что много находитъ онъ у васъ мнѣній весьма хорошихъ. На дняхъ былъ я у Чаадаева; онъ говорилъ какъ-то къ рѣчи слово, что у васъ въ „Наблюдателѣ“ или „Телескопѣ“ была напечатана ваша статья о Пушкинѣ, и что онъ ее показывалъ ему. Пушкинъ прочелъ съ большой охотой и послѣ прислалъ ему нумеръ „Современника“, просилъ передать вамъ, не сказывая, что онъ его прислалъ нарочно для васъ. Въ Москвѣ „Отечественныя Записки“ вездѣ почитываютъ противу другихъ журналовъ съ большимъ уваженіемъ, и порой побраниваютъ. Красовъ написалъ двѣ славныя пьески (съ его письмомъ

при семъ посылаю) и, кажется, у „Сосѣдей“ послѣдній куплетъ оторвать лучше, я его отчеркнулъ. Какъ лучше, такъ и сдѣлайте. Клюшниковъ пишетъ какія-то октавы и написалъ пропасть; въ нихъ много соли, юмору и остроты, и кое-какія онъ читалъ намъ, — очень хороши. Кудрявцева давно не видалъ, на Святкахъ пропалъ изъ глазъ. „Москвитянинъ“ 1 № вышелъ — и шибко подгулялъ. А Шевыревъ и Погодинъ на славу. Я ничего не писалъ и писать не хочется, — лѣнь и скука совсѣмъ овладѣли, и въ головѣ какой-то налитъ студень. Самому на себя смотрѣть гадко... Наканунѣ новаго года Василій Петровичъ придумалъ дать вечеръ — встрѣтить новый годъ и день его ангела. Людей собрались къ нему довольно. Вотъ вамъ полный реестръ: Грановскій, Крыловъ, Крюковъ, Кетчеръ, Красовъ, Клюшниковъ, Щепкинъ, Боткинъ, Сатинъ, Клыковъ, Лангеръ, Иванъ Ивановичъ, Иванъ Петровичъ и я грѣшный. И какъ ударило двѣнадцать часовъ, такъ за столъ, — и пошло писать, начали ѣсть, пить и кое-кто перепились мертвецки. Ужинъ былъ богатый, вина чудесныя: рейнвейнъ, портвейнъ, шампанское лилось рѣкою, и старая мадера Красова сбила съ ногъ. Пили ваше здоровье, — икалось ли вамъ? Пировали до шести часовъ утра, а кой-кто начали пѣніе и ударились въ плясъ, и, знаете, этакъ не красиво, но весьма усердно. До смерти жаль, что васъ однихъ не было на этомъ дружескомъ тѣсномъ и тепломъ кружкѣ. Ужь встрѣтили новый годъ по-русски, какъ лучше встрѣтить ужь нельзя. Я думаю, Василій Петровичъ разорился рублей на пятьсотъ, — вотъ какъ начали гулять. 4-го января Паста въ залѣ Дворянскаго Собранія давала концертъ; было въ залѣ тысяча двѣсти человѣкъ, на хорахъ шестьсотъ. Собрали денегъ, за расходами, двѣнадцать тысячъ, и пѣла удивительно, чудо какъ хорошо! Всѣ были упоены ея волшебными пѣснями, одобреніямъ и вызовамъ не было конца. 8-го января я съ Красовымъ былъ въ Дворянскомъ Собраніи въ маскарадѣ. Народу было много, женскихъ масокъ пропасть, и костюмы были прекрасные; мужчинъ замаскированныхъ было мало, и тѣ весьма дурно, и московская молодежь во многомъ уступаетъ женщинамъ, — все какіе-то толстяки, коротышки, какъ я, и лицо безъ выраженья, нескладица, уловатость въ движеніяхъ и пріемахъ, а о граціозности и говорить нечего. Разгула жизни и не спрашивай. Если всѣ свѣт-

скія общества такъ безжизненны, то Богъ съ ними! Я, кажется, дождусь бенефиса Мочалова. Не выѣхавши изъ Москвы, напишу еще вамъ письмо или два. Вчера былъ въ конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“, спрашивалъ, сколько на нихъ подписки. Нѣмецъ сказалъ, что болѣе двухъ сотъ и что подписка все еще идетъ не прекращаясь. Если нужно будетъ почему-нибудь знать Андрею Александровичу, то скажите, что Ширяевъ очень боленъ и, говорятъ, едва-ли долго проживетъ. Князь Шаховской съ Верстовскимъ передѣлываютъ изъ Луганскаго „Ночь на распутьи“ — оперу. Шаховской пишетъ русскія пѣсни; я думаю, будутъ зѣло хороши. Нашъ Воронежскій книгопродавецъ купилъ два экземпляра 1841 г. „Отечественныхъ Записокъ“ по двадцати пяти рублей. Какіе это билеты продаютъ книгопродавцы такъ дешево, и во время самой подписки? Это вѣдь много вредитъ настоящей подпискѣ. 1 № „Отечественныхъ Записокъ“ въ Москвѣ еще не полученъ, ждемъ съ нетерпѣніемъ посмотрѣть и почитать. Василій Петровичъ пятаго генваря съ Клыковымъ уѣхалъ въ Харьковъ и будетъ оттуда къ пятнадцатому февраля. Здоровье его начало поправляться. Только какъ-то опять началъ онъ входить въ прежнее тяжелое положеніе. Передъ отъѣздомъ онъ видѣлъ сонъ, который совершенно погрузилъ его въ апатію. Будете къ нему писать про меня, прошу объ этомъ не говорить, — онъ мнѣ не говорилъ про это, а передалъ мнѣ по секрету Красовъ, ну — а я вамъ, потому что я отъ васъ ужъ ровно ничего скрыть не могу, и о чемъ ,если и о пустякахъ сказать забуду, то все въ горлѣ такъ шиломъ и колетъ. До смерти радъ, что вамъ понравилась „Ночь“. Забылъ, у ней такъ ли написалъ конецъ; вотъ онъ на случай:

На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ,
А другой, смотри,
Вонъ въ саду стоитъ.

Пожалуйста напечатайте ее съ посвященіемъ князю Одоевскому. „Жалоба“, „Пѣснь“ и „Грусть Дѣвушки“ вамъ нравятся, и я этимъ чертовски доволенъ: получилъ ваше письмо, прочелъ и подо мной земля загорѣлась. Слава Богу, что они пришли вамъ по душѣ. „Поминки по Станкевичу“ тоже кажется вещь порядочная. Вы пишете, что

не поняли, кто это пришелъ въ кружокъ мрачной гость, — тѣнь Станкевича или другой кто? Нѣтъ, это не тѣнь Станкевича, а загадочный гость, что мы называемъ смертью. Она не новость конечно, но въ томъ кружкѣ, который жилъ такой полной жизнью и такъ могуче и раздѣльно, вдругъ нечаянно приходитъ къ первому Станкевичу, беретъ за руку — и онъ уснулъ. А что вамъ не нравится стихъ: „Роскошная младость здоровьемъ цвѣтетъ?“ Вы говорите: гдѣ же между насъ здоровье? Я думаю объ этомъ иначе. Мы здоровы если не тѣломъ, то, слава Богу, здоровы душой. Если жъ оно вышло въ образѣ тѣлесномъ, ну что-жъ дѣлать? — Не всякое лыко въ строку. Дума „Шекспиръ“ вамъ не нравится. Да, ваша правда: она не вся вышла; я хотѣлъ сказать иначе, — но не сказалось. Вы знаете, что этотъ предметъ не по моему мозгу, я его только чуть понимаю, но не совсѣмъ переварилъ; да и переварю ли?—Кто знаетъ? Впрочемъ, это названіе не то, которое я бы ей далъ; я бы назвалъ ее „Богъ“, но вѣдь тогда она никуда не можетъ показаться. Впрочемъ, я попробую ее поправить, и, какъ сдѣлаю, пришлю къ вамъ. Будете ко мнѣ писать, напишите пожалуйста: если на нее глядѣть съ названіемъ „Богъ“, какъ она: лучше или нѣтъ? Я получилъ извѣстіе изъ Воронежа, что о смерти Станкевича къ отцу Грановскій написалъ недавно письмо; онъ его получилъ въ Воронежѣ и, какъ прочелъ, пришелъ къ страшное изступленіе и ухватилъ гдѣ-то топоръ и поколотилъ въ домѣ весь хрусталь, мебель и образа. Увѣдомьте пожалуйста объ распущенномъ слухѣ Н. Ф. Павловымъ объ отказѣ вашемъ отъ „Отеч. Зап.“: откуда вышла эта сказка и кѣмъ сочинена? Кирюшѣ поклонъ. Всей душой любящій васъ Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій“, А. Пыпина.

51. В. Г. Бѣлинскому.

27 января 1841. Москва.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вамъ не шутя, я думаю, наконецъ странно кажется мое житье-бытье въ Москвѣ такъ долго и безо всякаго дѣла. Да, иногда у насъ бываютъ странныя задачи, которыхъ мы сами разрѣшить не можемъ. Вотъ слишкомъ два мѣсяца я изъ

Питера; шесть недѣль какъ дѣло мое кончилось... Ну, положимъ, оно кончилось передъ самымъ Рождествомъ, и тутъ ужъ на носу стояли святки, остался подурачиться, и пока Василій Петровичъ былъ въ Москвѣ — было и тепло и хорошо, а какъ онъ уѣхалъ, пошло другое. Теперь отчего жъ бы мнѣ вслѣдъ за нимъ не ѣхать домой? Ну подите-жъ, разберите, какъ это случилось,—и самъ не знаешь. Не знаю, не хотѣлось ѣхать — да и только. Вотъ пришло время: и домъ, и родные не взлюбились наконецъ. И если бы была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ, я бы прямо маршъ, и остался бы въ немъ навсегда; но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя, и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодомъ. Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла (которое кончилось, какъ вы уже знаете, хорошо), чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. Старикъ мой говоритъ: „денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно,—хоть бы кончилось и дурно. Мнѣ шестьдесятъ восемь лѣтъ и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ: съ Богомъ, въ святой часъ, благословеніе дамъ, а больше ничего.“ — Я прочелъ сіи радостныя строки и сказалъ: вотъ те бабушка и Юрьевъ день! Спросите, отчего же это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее, и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи—и потому любилъ меня до излишества, а теперь она ему не страшна. И домъ его, и все у него въ рукахъ, — такъ я, выходитъ, ему сталъ и не нуженъ. Да, нынче отецъ и мать, видно, хороши по разсчетамъ. Однакожъ, эта новость и особенно эта непризнательность меня срѣзала глубоко. Вотъ причина, отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и отчего не ѣду домой; и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я, признаться, сначала махнуть думалъ въ Питеръ, но какъ прохватилъ меня голодъ, я и присѣлъ, — и хорошо сдѣлалъ. Теперь кое на что я сталъ глядѣть совсѣмъ иначе. Напримѣръ, грѣшный человѣкъ, иногда таки я немножко полагался и на литературное значеніе, и думалъ, что оно со временемъ будетъ лучше. По справкѣ оказалось, что это такой вздоръ, что мочи нѣтъ Конечно, есть люди, съ которыми я сошелся, и у которыхъ

порою я могу быть свободно. Жить могу съ вами и еще кой у кого бывать — и только... Да, и только! А другіе люди, и ихъ много,—они всѣ по-своему добрые люди, ихъ винить нельзя, — и быть у нихъ тоже нельзя. А что порой они ласковы,—это обманъ, сущая ложь. И человѣкъ литературный — человѣкъ опальный, его можетъ всякой и всячески оскорблять, и если угодно — надѣлать съ нимъ чего угодно, даже выпачкать рожу сажей и повесть по улицѣ; и если этого еще не дѣлаютъ, то будутъ дѣлать скоро. Развѣ не пойдутъ одни только тѣ, которые имѣютъ много силъ физическихъ, какъ Кудрявцевъ. Меня особенно обманывало покровительство меценатовъ, въ число которыхъ я никакъ не поставлю князя Вяземскаго и Одоевскаго; а всѣ другіе мнѣ помогали не ради того, чтобы что-нибудь во мнѣ видѣли и хотѣли изъ этого человѣка сдѣлать человѣка, а такъ, — изъ эгоизма, изъ того, что неловко отказать. Въ ихъ глазахъ я былъ не больше, не меньше, какъ нищій. Въ число ихъ я не ставлю людей, которыхъ я люблю душою и которыхъ вы знаете на перечетъ, и ихъ у меня есть во всемъ свѣтѣ двѣнадцать. И я говорю здѣсь никакъ не о нихъ, а о прочихъ. Конечно, и съ этими людьми ужъ можно бы жить припѣваючи, и грѣхъ бы было желать больше, но главное — меня связываетъ мое званіе. Проклятое званіе, какъ я узналъ его короче. Что я? Человѣкъ безъ лица, безъ слова, безо всего просто. Жалкое созданіе, насчастная тварь, которая годится лишь на одно: возить воду, да таскать дрова, — вотъ и все. Торгашъ, копеечникъ, жидъ, цыганъ-подлецъ я долженъ быть; вотъ мое значеніе. Вотъ въ какихъ слояхъ я могу быть президентъ. Лишь въ этихъ мѣстахъ я гражданинъ. И что еще всего хуже: жить дома, въ кругу купцовъ, рѣшительно я теперь не могу, въ другихъ кругахъ тоже. Торговать какъ-то охота не идетъ на умъ. Даже жить въ Петербургѣ, быть книгопродавцемъ — значитъ быть Поляковымъ; иначе нельзя. Каковы люди, таковъ и купецъ. Онъ не самъ по себѣ гадокъ и плутъ, а его такъ вамъ вырабатываютъ люди, съ которыми онъ имѣетъ сдѣлки. Кто въ Питерѣ честенъ? Кто въ Москвѣ честенъ изъ нихъ? Никто. Что-жъ я за звѣзда, что одинъ между ними буду честенъ. Съ кѣмъ же буду дѣла я вести, какъ не съ ними. Они плуты; ну, и я долженъ быть плутъ.

А мнѣ плутомъ быть до-смерти не хочется. Безрадостная самая будущность у меня впереди. Я кажется собой одно выполню во всей точности: ворону ... И, ей-Богу, я ужасно похожъ на нее; остается лишь сказать: она къ павамъ не попала, а отъ воронъ отстала. Больше этого ко мнѣ ничего нейдетъ. 1 февраля рѣшительно ѣду домой, и что будетъ и какъ пойдутъ дѣла, — сейчасъ вамъ напишу безъ утайки. И прошу объ одномъ: такъ какъ я съ вами теперь хитрить не буду ни въ одномъ словѣ, а вы такой человѣкъ, что вамъ чужая боль, какъ своя больна, то напередъ условіе: какъ бы у меня дѣла ни пошли дурно, и что бъ впереди гадкаго ни случилось, — меня не утѣшать, надеждъ не сулить, говорить правду, и чужую боль на душу не принимать, считать все, что мое, дѣломъ постороннимъ и до васъ вовсе не касающимся. Пусть будетъ у всякаго свое горе, своя печаль, — все равно. Главное: надо жить, дорожить часомъ, минутой, краткимъ мгновеніемъ, а безъ этого я васъ буду обманывать. Москва въ литературной жизни совсѣмъ устарѣла, выжилась. Можетъ и есть кружки молодыхъ людей, но я ихъ не знаю. Въ ней остается одинъ Василій Петровичъ; запрись онъ, и послѣдніе обломки стараго, талантливаго, горячаго, вдохновеннаго кружка — какъ не бывало: все разсыпется врозь и едва-ли когда опять соберется. Кажется, никогда. Конечно, эти люди всѣ будутъ работать всякъ у себя, но они будутъ сами по себѣ лишь хороши, а все новое въ него ужъ не войдетъ, — оно или соберется особенно, если будетъ изъ кого собраться, или, не давши плодовъ, проживетъ свою жизнь матерьяльной жизнью, что кажется въ наше время и сдѣлать всего легче. Вы спросите, зачѣмъ, имѣя крайность, не обратился я къ Боткину? Обращался и взялъ. Но, Виссаріонъ Григорьевичъ, не надежны чужія деньги, горько душѣ быть въ долгу. Не съ наслажденіемъ берешь ихъ, и съ грустью тратишь. Отравлены онѣ ядомъ, и онъ уничтожаетъ въ нихъ всякое значеніе. О, я выразумѣлъ теперь качество чужой монеты, займа, чужого обѣда; да, я знаю теперь, отчего онъ плохо въ желудкѣ варится и разстраиваетъ здоровье. А ваше слово „много“ — помните мы шли съ вами какъ-то по линіи Васильевскаго Острова — съ нами встрѣтилась хорошенькая, вы мнѣ сказали: „да ихъ здѣсь *много*, да всѣ онѣ не наши“. Молотомъ по душѣ стучитъ

это „много“ до этихъ поръ, и, кажется, долго будетъ бить въ мою дурацкую голову. Я сказалъ ужъ: „много“ есть у меня, да все не то, что хотѣлъ сказать; скажу еще: я уразумѣлъ вполнѣ его значеніе. Если успѣю себя обезпечить, то я житель Питера, а не успѣю, то безъ средствъ я никуда не ѣздокъ. Суждено чему быть, пусть будетъ, а назначено сиднемъ сидѣть — сяду: я не виноватъ — доля. И хотѣлось, да не смогнулось. Ходъ обстоятельствъ одинъ не остановишь, а если и можно, то при условіяхъ. Сидя въ болотѣ не полетишь орломъ; будь и крылья—да глупая грязь ихъ такъ сплющитъ, что и на ногахъ не устоишь, а ужъ куда летѣть!—хоть бы глупые ребятишки не закидали камнями!.. Благодарю обстоятельства, что они открыли мнѣ глаза и многое показали, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ, а не какъ я смотрѣлъ на вещи. Одно заботитъ: скорѣй уплатить долги—и аминь. Пріѣду домой, стану почитывать, порой пописывать, и буду на все смотрѣть равнодушно; но къ чорту всю эту дрянь, — будь проклята она навѣкъ! За вѣдомость: Никольскій боленъ, писемъ брату и Щепкину не отдалъ; а недавно братъ къ нему ходилъ, взялъ ихъ, и Щепкину передалъ. Михаилъ Семеновичъ живетъ одинъ, жена и дочери его въ Казани; когда будетъ, не знаю. Василій Петровичъ въ Харьковѣ, будетъ къ 10 февраля. Кудрявцева съ Рождества не видалъ. Красовъ живетъ у Боткина, — и пока пьетъ чашу горькую; онъ написалъ еще три пьески, ихъ при семъ письмѣ посылаю. Жуковскій въ Москвѣ. Я у него былъ; говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ, что я немного знаю философію, жалѣетъ объ этомъ—совѣтуетъ бросить все къ чорту. Философія— жизнь, а нѣмцы дураки, и проч. „Ромео и Юлія“ на бенефисъ Мочалова наконецъ сыграли, и я видѣлъ. Мочаловъ былъ нестерпимо дуренъ, изъ крайности переходилъ въ другую; на бѣднаго Ромео натягивалъ и Карла Моора, и Гамлета, и Богъ знаетъ что, — и хоть бы одно мѣсто было хорошо. Наконецъ, и роли не зналъ. Юлія Орлова была въ кой-какихъ сценахъ очень хороша: въ окнѣ съ няней, въ первый разъ, и въ другой — съ Ромео, у Лоренца въ склепѣ. Чудо какъ хороша! А въ другихъ сценахъ изыскана, неестественна и не хороша. Орловъ—Лоренцо былъ гадокъ. Няня до подлости гадка. Самаринъ въ Меркуціи очень хорошъ. Славинъ въ Парисѣ — дерево. Усачевъ въ Бен-

воліо—пень. Щепкинъ, отецъ Юліи, кой-гдѣ былъ хорошъ, но горячился, — и роль сошла плохо, и онъ рѣшительно отъ нея отказался навсегда. И всѣ другіе были очень гадки. Театръ былъ полонъ. Давали послѣ въ другой разъ; какъ, и каковъ былъ успѣхъ,—не знаю. До бенефиса онъ далъ брату Каткову денегъ четыреста рублей; заплатилъ ли послѣдній, — не знаю. Кетчеръ боленъ горячкою, и весьма опасно. Былъ у Аксакова; онъ сказалъ, что Нащокинъ одну первую часть Сары Толстой далъ, и то ему, а не вамъ, а что онъ, увидя Нащокина, возьметъ для васъ; обѣ вамъ и перешлетъ. Онъ, кажется, читалъ пѣсни изъ „Олега подъ Константинополемъ“ Жуковскому, и будто онѣ ему понравились. А что до перевода брату для „Москвитянина“ хлопоталъ Аксаковъ, вышло все пустое, и онъ безъ совѣсти только его бѣднаго проводилъ два мѣсяца. Онъ принялъ на себя какую-то странную роль мецената, но какого — не знаю; и я даже совѣтовалъ вашему брату оставить его совсѣмъ въ покоѣ. Аксаковъ, кажется, только того и ждалъ, чтобы какъ-нибудь отвязаться; желаніе его, наконецъ, исполнилось. Брату вашему крѣпко нужны книги, да если будете ихъ посылать, то возьмите у Полякова и сами пошлите, а то онъ васъ обманетъ. „Кота-Мура“ все еще нѣтъ, и онъ вретъ, что послалъ, а вѣрно продалъ. Увидите его, возьмите квитанцію и пришлите Боткину. Если же не отдастъ, то потребуйте деньги за восемнадцать экземпляровъ; разсчетъ по 14 р.=252 р.; съ нимъ больше дѣлать нечего. До-смерти радъ, что „Отечественныя Записки идутъ хорошо. 1 № хорошъ, и здѣсь его читаютъ, и даже кое-кто не говорятъ, что читаютъ: мы еще его не видали; а дальше смотришь — и проговорятся, что это въ нихъ ни на что не похоже. А, голубчики, попались! Объ вашей статьѣ ходятъ сужденія разныя; одни—и весьма немногіе — говорятъ, что первая половина хороша, а вторая ужъ очень нахальна; а другіе удивляются, какъ ее напечатали, и видятъ въ ней вещи небывалыя; ну, а всѣ критику, библіографію и смѣсь читаютъ исключительно, а другія статьи и повѣсти многіе и совсѣмъ не читаютъ. Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой говорилъ: какая ошибка въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ критикѣ, что Тимковской ѣздилъ по Бухарѣ; онъ по ней никогда не ѣздилъ и объ ней не писалъ, а былъ онъ въ Китаѣ, а о Бухарѣ писалъ совсѣмъ

другой; онъ называлъ, но кто,—забылъ. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ въ одно, что „Отечественныя Записки“ лучшій журналъ, а „Библіотека“, „Сынъ Отечества“, „Русскій Вѣстникъ“, „Москвитянинъ“ — никуда въ сравненіи не стоятъ. Можетъ быть, есть и другія сужденія; но я ихъ не знаю, я живу больше въ номерѣ и бываю весьма у немногихъ, или, короче, почти ни у кого. Чаще всего вижусь съ Красовымъ. Василія Петровича нѣтъ, а безъ него мы всѣ похожи на тѣни. Брату вашему, сколько силъ моихъ было, все говорилъ, совѣтывалъ, толковалъ на всѣ манеры до самаго конца дней моихъ въ Москвѣ.

Пишете: получивши деньги тотчасъ всѣ долги заплатите въ Москвѣ; я этого дѣлать вамъ не совѣтую, а прежде бы кажется лучше заплатить Комарову и другимъ въ Питерѣ, а тутъ только нужно дать часть Дарьѣ Титовнѣ, а другіе и подождутъ. А живя въ Петербургѣ, сначала надо одѣться порядочно, а потомъ на всякій случай имѣть въ запасѣ сотъ пятокъ, и будетъ на душѣ полегче. Грѣхъ этакъ говорятъ дѣлать, но какъ же быть, когда на деньгахъ нынче все основано . . . . . .

. . . . . .

Я добылъ „Элегію“ Пушкина на смерть Грибоѣдова [1]. Еслибы можно было напечатать, было бы славно, хоть бы съ выпускомъ нѣсколькихъ стиховъ въ срединѣ. И если вы ее не читали, ну я ее посылаю для васъ. Увѣряютъ, что она нигдѣ не была напечатана, и немногимъ извѣстна; такъ или нѣтъ, а я ее вамъ все-таки посылаю . . . . .

. . . . . .

. . . . . У Степанова взялъ я „Наблюдатель“, теперь онъ у меня весь. Читалъ въ немъ ваши статьи; но какія чудо какъ хороши, — на „Уголино“ Полевого; образцовая вещь! Читая ихъ, мнѣ все приходило на умъ: современемъ кое-что въ нихъ поправить и кое-какія, получше, собрать и напечатать отдѣльною книгой было бы хорошо. У насъ подобныхъ изданій еще нѣтъ; я полагаю, нѣсколько статей прочесть въ одной книгѣ разомъ — для молодыхъ людей было бы полезнѣе, чѣмъ прочесть сто книгъ. Можно изъ нумеровъ ихъ вырвать и собирать въ одну книгу. Но тутъ много затрудненій: или

[1] „Элегія на смерть Грибоѣдова“ — не Пушкина.

другіе не всѣ нумера и годы и журналы получали, гдѣ онѣ напечатаны, или другіе вовсе ихъ не получали. А то — въ одной книгѣ и всѣ вмѣстѣ: и можно купить всегда, и можно прочесть всѣ вдругъ. А у насъ кажется много еще пройдетъ времени, пока кто нибудь начнетъ подобныя вещи, не какъ критики, но какъ отдѣльно ученыя статьи, т. е. разбирая лучшія произведенія домашней словесности и образцовыя произведенія другихъ литературъ. Да когда это будетъ?—мы и не доживемъ. „Москвитянинъ", кажется, весьма желаетъ услышать судъ „Отечественныхъ Записокъ"; но я говорилъ, что „Записки" едва ли объ немъ что нибудь скажутъ, и что онѣ войну вести съ „Москвитяниномъ" едва-ли и будутъ. Напрасно вы Савельеву говорили, что вы отъ „Отечественныхъ Записокъ" отказались,—это вездѣ разнеслось: вы человѣкъ сдѣлались теперь такой, котораго втайнѣ всѣ любятъ и боятся; ваши мнѣнія всѣ читаютъ, и они стали приговоромъ. Противъ нихъ скоро никто выйти не захочетъ, да и не сможетъ. Ну, а въ случаѣ если вы себѣ сломите шею, то многіе будутъ очень рады, и въ ихъ сожалѣніи будетъ выражаться душевная радость. На васъ глаза всѣхъ обращены, и ваше мѣсто торжественно и шатко. Одно мнѣ больше всего у васъ нравится, особенно теперь, что вы можете безпощадно мстить людямъ за ихъ эгоизмъ, особенно гнили стараго вѣка. Они всѣ стоятъ на важныхъ ступеняхъ, — пользы отечеству ни на алтынъ; они чужое право присвоили себѣ. Если человѣкъ завладѣлъ общимъ интересомъ, то и выполняй дѣло, какъ оно требуетъ, или откажись, или передай его другимъ, когда нѣтъ силъ дѣлать пользу; а кто употребляетъ для себя одного — тотъ дрянь! Нельзя ли Полякову поговорить, чтобы онъ прислалъ мнѣ „Пантеонъ", а за пересылку я бы ему выслалъ деньги; въ немъ все-таки будетъ много хорошихъ статей; особенно мнѣ имѣть хочется „Ромео и Юлію" Каткова. Будете писать къ Каткову, поклонитесь ему отъ меня. А „Примиреніе" мое напечатано въ „Наблюдателѣ"; я много нумеровъ не читалъ, потому и думалъ, что оно не напечатано. Когда увидите Плетнева, пожалуйста скажите ему, чтобъ онъ его не печаталъ.—Во второмъ письмѣ вы назвали меня своимъ другомъ; не насмѣшка ли это? Вѣрю отъ души, что вы надо мной смѣяться не захотите; но, Виссаріонъ Григорьевичъ, надо быть здѣсь особенно откровеннымъ. Я этого

имени не стою и не заслужилъ, и не оправдаю кажется его передъ вами никогда. Другъ—дѣло великое; я только сознаю все значеніе этого слова, но овладѣть и усвоить его у меня въ душѣ силъ такихъ и столько нѣтъ. Съ нѣкотораго времени я сознаю яснѣе, что душа у меня груба, и если есть въ ней чувство, то его не такъ въ ней много, и оно тепло, но не горячо, а для дружбы надо чувство чистое и горячее. Если Богъ мнѣ дастъ устроить свои дѣла, пріѣду въ Петербургъ, поживу съ вами; тогда увидите лучше, и я ужъ покажусь вамъ весь на распашку съ хорошими и дурными сторонами. Не знаю, что я буду дѣлать въ Питерѣ, но все мнѣ почему то быть книгопродавцемъ не хочется. Торгашъ—мерзкое слово, гадко шумитъ въ ушахъ. Если-бъ воля, — поѣхалъ бы по Россіи, проѣздилъ бы хоть годъ. Вотъ чего всей душой хотѣлъ бы я; но это все впереди. Прощайте. Всего вамъ желаю больше, чѣмъ себѣ. Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій", А. Пыпина. — Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

52. Кн. П. А. Вяземскому.

1 марта 1841. Воронежъ.

Ваше сіятельство, князь Петръ Андреевичъ! Дѣло мое въ седьмомъ департаментѣ правительствующаго сената кончилось, хотя не совсѣмъ еще, но все-таки, слава Богу, хорошо; по крайней мѣрѣ и остановилося взысканіе на время, и дана возможность оправдать себя. Письма ваши мнѣ помогли какъ нельзя лучше, а безъ нихъ я ровно бы самъ собой ничего не сдѣлалъ; съ ними всѣ меня приняли довольно ласково, выслушали мою просьбу, а всѣ судьи мои вообще захотѣли помочь мнѣ и помогли. Вамъ, добрый князь, я обязанъ снова; вы, какъ духъ-защитникъ притѣсненныхъ, даете руку помощи людямъ безпомощнымъ и помогаете имъ и словомъ, и дѣломъ. Благодарю, колѣнопреклоненно благодарю васъ, за всѣ сдѣланныя вами мнѣ благодѣянія. Не подумайте, ваше сіятельство, что я, притворно изгибаясь и подличая вамъ на однихъ словахъ, только льстилъ бы вамъ. Нѣтъ, вы сдѣлали для меня то, чего не сдѣлалъ мнѣ никто на свѣтѣ. Дѣла моего отца были такъ дурны, что ихъ поправить безъ васъ никогда-бъ ничѣмъ не могъ, я бы ихъ вѣчно-бъ не поправилъ. Полиціей настоятельно требовали деньги, а денегъ не было, взять было негдѣ, а она и знать этого не хотѣла, ей вынь

да положь. Просилъ людей помочь бѣдѣ,—людямъ чужая нужда смѣшна, всякъ живетъ для себя, и всѣ заняты своей заботой; а что другимъ плохо — имъ дѣла нѣтъ. Теперь, слава Богу, положеніе наше стало лучше, и я началъ дышать свободнѣй. Теперь и въ наше семейство стала приходить порою мирная радость, и начало уже въ немъ показываться небольшое довольство. Часто я по цѣлымъ часамъ смотрю на отца, на мать, на сестру; ихъ жизнь какъ то идетъ теперь полнѣе, лица не омрачены печалью, время проходитъ незамѣтно, и я радуюсь, какъ ребенокъ, — и всѣмъ этимъ обязаны мы вамъ. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, вы сдѣлали для меня много, и я никогда этого не забуду. Душою любящій васъ, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

P. S. Какъ пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ же порученія ваши выполнилъ. Доктору Іовскому сказалъ о положеніи его дѣла, книгопродавцу Кузнецову о книгѣ, княгинѣ Щербатовой вашъ подарокъ доставилъ; она была чрезвычайно рада, искренно благодаритъ ваше сіятельство за него и за память о ней.

Выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго архива. „Русск. Арх." 1868, № 3.

53. В. Г. Бѣлинскому.

1 марта 1841. Воронежъ.

Тысячу разъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, простите меня за ничѣмъ неизвинительное молчаніе, и долгое, и неумѣстное! Что жъ дѣлать?—виноватъ и опять виноватъ, и только. Положимъ, въ Москвѣ я жилъ послѣднее время дурно, грустно, гадко; какая то дрянь убивала мою душу. Ну, а въ Воронежѣ—это другое дѣло, о Воронежѣ послѣ... Этотъ бездушный городишко прислужился мнѣ вдругъ чертовски, и онъ теперь имѣетъ ужъ для меня другое значеніе. Но о Воронежѣ послѣ. Въ Москвѣ я прожилъ до второго дня масляной; насилу выбрался. Писалъ къ старику о деньгахъ, онъ не прислалъ; ѣхать было не съ чѣмъ, спасибо одному человѣку—вызволилъ, и я давай Богъ ноги. Дѣло мое тамъ кончилось весьма порядочно. Дома послѣ меня дѣла у старика шли дурно, онъ больше ничего безъ меня не дѣлаетъ, какъ разстраиваетъ послѣднее состояніе, и я принялся снова по здорову улаживать

дѣла, которыя, сказать по совѣсти, не очень веселы, и кажется я съ ними провожусь полгода, и о выѣздѣ моемъ въ Питеръ прежде года нечего и думать; дай Богъ въ годъ управиться! Да и то, если поѣду,—безо всякихъ средствъ, развѣ можно будетъ взять тысячу рублей: что было, все убито чисто: нескладно, мелко и тѣсно. Однакожъ я не горюю, привыкъ, стерпѣлся, большія горы перешелъ, маленькія не такъ стали страшны. По силѣ мочи тружусь и живу, и живу чертовски хорошо; такъ живу, какъ никогда не жилъ. Жизнь перемѣнилась, недоступная дверь блаженства растворилась для меня. Одинъ человѣкъ такъ перестроилъ весь Воронежъ, весь міръ, весь свѣтъ, всего меня. Откуда и какъ все это пришло и сдѣлалось, и самъ еще хорошенько не знаю. Много лѣтъ небосклонъ мой покрывала черная безразсвѣтная туча пустоты, горя, заботъ; — и не было ужъ у меня ни одной надежды, ни одного желанья; все и вездѣ одно и одно:—ничего... И я привыкъ къ этому „ничто“ и со всѣмъ распрощался, и на все окружающее махнулъ рукой; все свое считалъ чужимъ, и, признаюсь, на смерть и на ничтожество я уже начиналъ посматривать довольно благосклонно, и уже видѣлъ тамъ въ нихъ порою часть себя. Но все прошло, какъ сонъ передъ чудеснымъ сномъ дѣйствительности. Въ Воронежѣ у меня была одна знакомая женщина, знакомая давно, и я ее любилъ, но молча, но такъ, какъ любимъ мы душою милыя созданія. Ухаживалъ за нею года два „безмолвно, безнадежно“. Я ей изъ Москвы и изъ Питера писалъ много писемъ, — въ отвѣтъ ни полъ-строки. Пріѣзжаю домой, являюсь къ ней, — и словомъ: мы съ ней сошлись. Надо вамъ знать сначала, что это за женщина: чудо! Съ меня ростомъ, брюнетка, стройна до невѣроятности, хороша чертовски, умна, образована порядочно, много читала, думала, страдала, кипѣла въ страстяхъ. Голубые большіе глаза, черныя брови, тѣло — мраморъ, темнорусые волосы, коса— шелкъ, дивная коса, ножки лучшей нѣтъ въ Воронежѣ, и— что больше—она меня немножко любитъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Всю жизнь мою я не жилъ такою жизнью ни дня, ни минуты; а если и жилъ, то когда-то давно, въ огнѣ первой юности, и то, можетъ быть, жилъ тогда такъ, потому что сама кровь была кипят-

комъ. Теперь и эта полуостывшая холодная кровь закипѣла бывшимъ огнемъ, но пламеннѣй, но этотъ огонь продолжительнѣй... Этому наслажденію конца нѣтъ; я весь утонулъ въ блаженствѣ до самозабвенія, до изступленія. Она въ одну минуту сдѣлала изъ меня другого человѣка, и я ужъ не на шутку боюсь за себя. Теперь буду писать къ вамъ чаще: есть о чемъ писать. Порадуйтесь моей радости; на томительномъ полднѣ моей жизни засвѣтила наконецъ и для меня звѣзда блаженства. О другомъ я писать теперь ничего не могу, и другого, кажется, ничего у насъ особеннаго нѣтъ. „Отечественныхъ Записокъ“ нумеръ весьма хорошъ, я видѣлъ его еще въ Москвѣ, но не читалъ. Здѣсь въ Воронежѣ еще не видалъ. Второй у насъ еще не полученъ. Андрей Александровичъ что то поскупился нынче годъ не присылаетъ мнѣ „Записокъ“ и, вѣроятно, не пришлетъ. Я это отношу къ тому, что дѣла журнала, несмотря на ваши увѣренія къ Боткину, всетаки идутъ дурно. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ всѣ въ одно слово говорятъ теперь, что „Отечественныя Записки“—самый лучшій журналъ. Самые поклонники „Библіотеки“ на сторонѣ „Записокъ“. И ваши мнѣнія о Марлинскомъ наконецъ принимаютъ за святую истину, что меня порадовало. Скажите, пожалуйста, Андрею Александровичу, отчего такъ запаздываютъ „Записки“ и не всѣ получаютъ въ одно время. Одни получили недавно 1 №, а другіе еще не получали до сей поры; а 2 № еще никто не получалъ. „Пантеонъ“ первый № тоже еще не получали, а недавно пришелъ прошедшій, за прошедшій годъ; а между тѣмъ „Библіотеки“ и „Сына Отечества“ получены и другіе номера; „Русскій Вѣстникъ“ и „Москвитянинъ“—также. Ужъ нѣтъ ли какой тутъ съ чьей-нибудь стороны штуки? Явно, что ихъ гдѣ-нибудь удерживаютъ. Первый № „Современника“ я давно получилъ. Будете у Полякова, хорошенько побраните за „Кота-Мура“, и если есть у него квитанціи, возьмите и пошлите Боткину,—онъ передастъ Кетчеру. А буде не отдастъ, то возьмите съ него за 18 экземпляровъ деньги, по 14 руб. за экземпляръ. Стыдно мнѣ было передъ Кетчеромъ; отдался я дураку себя обмануть... Что будешь дѣлать съ петербургскими книгопродавцами? Честные люди, честнѣй цыганъ въ сто разъ... Если нынче дурно кончилась подписка на „Отечественныя Записки“, то надо

Андрею Александровичу всѣ силы употребить — дотащить этотъ годъ аккуратно; а на будущій годъ, я головою ручаюсь, подписка увеличится. Другихъ журналовъ я еще почти не видалъ, кромѣ первыхъ нумеровъ „Библіотеки", „Русскаго Вѣстника", „Современника", „Сына Отечества", „Москвитянина". О нихъ и говорить нечего, кромѣ „Русскаго Вѣстника": первый нумеръ очень хорошъ; расположены и собраны статьи, каждая на своемъ мѣстѣ, и каждая по своему можетъ заинтересовать; а другой нумеръ, я видѣлъ объявленіе, будетъ гадость гадостью. Владиславлевъ прислалъ мнѣ альманахъ, съ надписью и кудрявой, и льстивой; но все-таки спасибо за него, картинки прелесть какъ хороши. Теперь не читаю ничего, да и некогда—не то въ головѣ, другая книга. Писать — ничего не писалъ, какъ то не хочется, и если что и напишу, то напишу для васъ. Отнынѣ вамъ однимъ посвящаю мой досугъ, а все другое—какое то грустное впечатлѣніе оставило въ душѣ. Но что напишется, то тотчасъ къ вамъ пришлю. Теперь скажите, какъ вы поживаете? Что у васъ новаго? Какъ Марья Ивановна? Какъ дѣла матерьяльныя? Плохи? Я думаю, теперь они ужъ поправились. Напишите, они меня больше всего заботятъ. Что пишетъ Катковъ? Будете писать къ нему,—поклонитесь отъ меня низко. Развязались ли какъ нибудь съ своими служителями? Какъ живетъ Кирюша? обѣщался писать и не пишетъ. Поклонитесь Языкову, Панаеву, Комарову. Я ихъ люблю все такъ же. Въ одномъ пакетѣ я вложилъ письмо къ Андрею Александровичу и Ѳеодору Алексѣевичу Кони.—Кони прошу прислать мнѣ „Пантеонъ", если нельзя за сей годъ, хоть за прошлый; это, я думаю, ему не очень много будетъ стоить. Ужъ за одну подлость Полякова стоитъ взять журналъ. О чемъ бы вамъ еще написать, про что спросить?—ей Богу и самъ не знаю, что придетъ въ голову—буду писать еще. Еще разъ, Бога ради, простите за долгое молчаніе и не сердитесь,—право не могу никакъ справиться съ собой, особенно въ ту пору, когда идутъ дѣла не такъ, какъ хочется. Много прошло, повѣрьте, дней въ сожалѣніи, что не могу ѣхать въ Петербургъ. Интрижка не удержитъ, дѣла держатъ. Я ей говорилъ о своей поѣздкѣ, она сама со мной готова бросить въ Воронежѣ все и ѣхать въ Питеръ съ радостью. Вотъ бы хорошо, двое насъ и хорошая женщина третья—зажили-бъ на славу. А

я знаю напередъ, что она бы вамъ понравилась. Всею душою любящій васъ, больше чѣмъ любящій, Алексѣй Кольцовъ.

„Бѣлинскій", А. Пыпина. Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

54. А. Н. Черткову.

(1841 г.)

Любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! Насилу далъ Богъ храбрости одолѣть этого гадкаго идіота Галича. Слѣдовало бы его и его творенія на костеръ—да и сжечь. Извините, что долго продержалъ. Начнешь читать—сонъ. Не прочтя отослать—стыдно не одолѣть дряни. Вы были у меня,—не застали. Я и зналъ, что вы будете, и ждалъ васъ, да прислали нечаянно за мной изъ одного дома, для дѣла, по которому не быть мнѣ никакъ нельзя. Послѣ заходилъ къ вамъ мимоходомъ, шляясь по солнечному утру, извиниться. Не засталъ. Теперь я дома, пока дурна погода. Пошла ростепель, боюсь выходить. Когда будете свободны и имѣть желаніе быть у меня, очень буду радъ. Нѣтъ ли у васъ чего нибудь почитать изъ журналовъ, „Репертуара" или „Пантеона"? Скучно; тяжелаго читать нельзя. Есть,—одолжите пожалуйста. Уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Если есть „Москвитянинъ", дайте и его.

Библіограф. Записки 1859 г., № 18.

55. А. А. Краевскому.

1 марта 1841. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Дѣла мои черезъ поѣздку въ Москву и Петербургъ на этотъ разъ нисколько не улучшились, а значительно похудшѣли. Дѣло, которое было въ Питерѣ, я проигралъ, и съ нимъ проигралъ я все, какъ оказалось теперь. Дѣло, которое было въ Москвѣ, я выигралъ, но оно ничего мнѣ не дало, кромѣ только улучшило отношенія мои съ полиціей,—по крайней мѣрѣ, она меня теперь не будетъ тѣснить. Искъ былъ въ пять тысячъ; онъ на время сложенъ. А выиграй я дѣло въ Питерѣ, я бы за него сейчасъ въ Воронежѣ взялъ денегъ десять тысячъ: дѣло мое и деньги были бы у меня. А старикъ отецъ послѣ меня велъ дѣла торговли гораздо хуже прежъ-

няго, и я долженъ, по крайней мѣрѣ, провозиться съ ними годъ, чтобы привести ихъ опять въ порядокъ. Ты на гору,—чортъ за ногу! Поэтому я къ вамъ, какъ говорилъ, къ осени пріѣхать не могу; а если и поѣду, то не ближе года, — и то ѣхать съ деньгами не могу; много-много, если удастся взять съ собой денегъ тысячу рублей. Что буду съ ними дѣлать,—не знаю! Съ тысячью рублей будь человѣкъ и о семи головъ — и тотъ купецъ не слишкомъ большой величины. Предположеніе и дѣйствительность — двѣ вещи несовмѣстимыя, особенно у меня, вѣчно между ними разлады. Или я не успѣю справиться съ ними; или въ такомъ поставленъ я положеніи,—не знаю. Жаль только, что у васъ напрасно реестръ книгамъ лежитъ безъ дѣла; будетъ оказія, перешлю къ вамъ обратно.

Каково то на нынѣшній годъ кончилась у васъ подписка на вашъ журналъ и какъ объ немъ думаютъ въ другихъ мѣстахъ? У насъ въ головѣ общее мнѣніе на сторонѣ „Отечественныхъ Записокъ“, и самые закоренѣлые поклонники „Библіотеки“ стали читать „Записки“ и предпочитать для нихъ „Библіотеку“. О „Сынѣ Отечества“ и „Москвитянинѣ“ и говорить нечего. Если нынѣшній годъ подписка была не вполнѣ хороша, то вамъ непремѣнно надобно вести журналъ свой аккуратно. Я головой могу поручиться, что на слѣдующій годъ она значительно увеличится; это должно быть непремѣнно такъ; возстановился кредитъ „Отечественныхъ Записокъ“, и до того упало мнѣніе о другихъ журналахъ. Только одно страшно! У васъ нумера выходятъ аккуратно, а у нихъ нѣтъ; но вашу первую книжку кой-кто недавно получилъ, а кой-кто еще не получали, а о другой и помину нѣтъ. „Пантеона“ недавно тоже послѣднія книжки получены за прошлый годъ, а первой этого года еще не получили. Другіе журналы всѣ получены въ свое время аккуратно; ужъ нѣтъ ли какихъ нибудь, съ чьей нибудь стороны, хитростей? Впрочемъ, можетъ быть вамъ это извѣстно, и вы знаете причину; но все-таки, — знаете ли вы, не знаете,—а мой долгъ сказать вамъ объ этомъ. Въ Москвѣ первая книжка „Отечественныхъ Записокъ“ получена была ужасно скоро.

Теперь моя къ вамъ просьба. Если можно вамъ и не слишкомъ будетъ затруднительно, то пришлите мнѣ „Отеч. Записки“ и на сей годъ. Я потому прошу васъ, что думаю:

не посылаются ли они ко мнѣ, и не получаетъ ли кто другой, вмѣсто меня. Если вамъ это сдѣлать почему-нибудь невозможно, то не надо: я ужъ буду какъ-нибудь перебиваться около людей.

Аннѣ Яковлевнѣ покорнѣйше васъ прошу передать низкое почтеніе. Искренно почитающій, уважающій и любящій васъ Алексѣй Кольцовъ.

„Др. и Нов. Россія". 1879.

56. В. Г. Бѣлинскому.

25 марта 1841 г., Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Браните вы меня, что долго я къ вамъ не писалъ. И какъ не бранить, не сердиться; сколько времени прошло, какъ я оставилъ васъ, а сколько писемъ написалъ—стыдно сказать. Человѣкъ—воздухъ, мечты, желанья—имъ нѣтъ границъ, а дѣйствительность—грязная земля, груба и тяжела, и горе кто враждуетъ съ нею, и счастливъ, кто побѣдитъ ее, и умеръ тотъ, кто уступитъ ей. Давно я началъ этотъ бой, долго бился съ ней, и чуть чуть она меня не срѣзала; но видно еще не судьба моя, не время еще паденья. Живя въ Москвѣ, кончивъ порядочное дѣло, писалъ къ отцу объ немъ, и отъ него получилъ письмо—гадкое письмо; но я бы ему не повѣрилъ,—но оно мнѣ лишь объяснило то, что у него было замѣтно давно... Оно меня убило, до того убило, что я потерялся весь, и больше мѣсяца прожилъ въ Москвѣ безъ всякаго дѣла, не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться: нищенствовать ли? оставаться въ Москвѣ, или ѣхать къ вамъ въ Питеръ, или въ Воронежъ? Но при одной мысли ѣхать въ Воронежъ грусть убивала душу, и чортъ знаетъ ужъ какъ собрался и поѣхалъ. Дома отецъ принялъ меня холодно; послѣ, дня черезъ два, затѣялся у насъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ какъ сынъ и человѣкъ я высказалъ ему все. Но это все мнѣ нисколько не помогло, а только усилило мою къ нему ненависть; онъ такъ былъ въ эту пору гадокъ, низокъ и пошлъ, что вы гаже его не можете себѣ представить человѣка. Подробно всего не хочу вамъ разсказывать,—долгая исторія,—и она меня нестерпимо мучитъ. Я потерялъ къ нему съ тѣхъ поръ всякое уваженіе; онъ на меня смотритъ какъ на человѣка подозрительнаго и

мѣшающаго ему дѣйствовать по произволу. Я молчалъ и страдалъ мучительно, убійственно невыносимо; и силы мои какъ то начали мнѣ измѣнять. Въ тѣлѣ оказалась слабость, грудь начала болѣть больше, и я думалъ, что эти непріятности и безнадежность на будущее, и своевольное уничтоженіе собственныхъ своихъ силъ могутъ скоро и вѣрно дѣйствовать разрушительно; и у меня оставалось одно: если силы вынесутъ это состояніе, то хоть пѣшій, но къ вамъ; и что бы ни случилось со мною впереди, ничего — рѣшимость каменная напоръ воды удержитъ. И вотъ въ этомъ то гадкомъ, болѣзненномъ состояніи я писалъ къ вамъ изъ Москвы письмо, о которомъ весьма теперь жалѣю; это сдѣлалъ я не хорошо. Гадкую пору жизни всегда надо убивать въ самомъ себѣ, не передавая ее другимъ, особенно людямъ тѣмъ, которыхъ любишь. Въ Москвѣ удержался, Василію Петровичу однажды намекнулъ слегка — и только. Ну ужъ чортъ знаетъ, какъ хотѣлось сказать кому нибудь о себѣ хоть слово,—и сказалъ его вамъ: и дурно сдѣлалъ— васъ оно потревожило; вы человѣкъ такой, который или ото всей души презираете, или всей душой принимаете радость и горе. Впредь буду умнѣй; да думаю, что впереди такихъ горестей со мною и не случится. Помню, была у меня подобная болѣзнь во время оно, назадъ тому 10 лѣтъ, когда я въ первый разъ полюбилъ и бѣшено и безумно, и кончилъ исторію плохо для нея и въ тысячу разъ хуже для себя. Но то время прошло, пережилось и забылось; такъ и теперь, самая дрянь прошла—болѣзни нѣтъ. У меня такая натура: сначала, чортъ знаетъ, какъ убьетъ ее горе; потомъ пройдетъ, забудется—и навсегда. Можетъ быть, я бы еще и теперь былъ въ томъ же состояніи, но нечаянно мнѣ помогла изъ него выйти одна женщина; объ ней я къ вамъ ужъ писалъ, я думаю это письмо ужъ получили. Я ей много обязанъ, она встрѣтилась со мной именно въ ту пору, когда была она всего нужнѣй. За то что за женщина — дьяволъ сущій!

Кажется, я отъ этой женщины скоро не откажусь; самъ я этого ни за что въ свѣтѣ не сдѣлаю, скорѣй готовъ погибнуть, чѣмъ оставить ее, — развѣ она развяжетъ этотъ узелъ. Не знаю, сумѣю-ли я ей отвѣчать долго; ея фантазія слишкомъ капризна и прихотлива: каждый день ей нужна пища — увлекай ее фантазію, — она ребенокъ; не увлекай—

прощай. Ей нужна вседневная пища, она все живетъ въ идеальномъ мірѣ. Вещественность для нея вещь ничтожная; она на вещь смотритъ сквозь призму своихъ фантазій; куда желанія влекутъ, туда она слѣдуетъ: къ погибели-ль — ничего. Но у ней въ натурѣ не лежитъ глубокое чувство; она все понимаетъ, но понимаетъ одну цвѣтистую внѣшность. Вдова, не связана никакимъ условіемъ, свободна какъ воздухъ. Вчера былъ у ней, чудо какъ она была хороша! Много сторонъ у ней есть прекрасныхъ — человѣческихъ. Она можетъ обезумить и не меня: не даромъ весь Воронежъ волочился за нею. И не счастье-ли принадлежать такой женщинѣ. Если я поѣду въ Питеръ, и захочу, — она поѣдетъ со мной. „Куда хочешь — всюду готова“. Какъ у насъ съ ней пойдетъ дальше — буду писать. Но будь, что будетъ, по крайней мѣрѣ я ей обязанъ въ настоящую пору весьма многимъ; она возродила меня снова къ жизни, и я теперь началъ жить лучше. Въ душѣ такая полнота. Одна забота, объ одномъ грущу, что не могу еще ѣхать въ Петербургъ. Смерть какъ хочется уѣхать къ вамъ скорѣй. Воронежъ въ глазахъ моихъ потерялъ всякое значеніе. Что въ немъ у меня своего? чего жаль? кто есть о комъ бы пожалѣть? Никого; свои — чужіе, чужіе — статуи, безъ духа и жизни. Отецъ — человѣкъ копеечной, алтынникъ. Куй я ему денежку — славный сынъ; подличай — прекрасный человѣкъ. Мать — простая женщина, съ которой можно жить — и не жаль оставить. — Сестра ... я любилъ ее прежде; но она какъ-то перемѣнилась, и я понимаю ея положеніе. По обстоятельствамъ ей должно перемѣниться; она купается въ родномъ болотѣ и должна въ немъ утонуть; и все, что я пробудилъ въ ней, по необходимости должно снова заснуть. Женщины — цвѣточки; поливай ихъ роса и дождь — они цвѣтутъ; а грѣй одно солнце — засохнутъ. — Она, да, она ѣхать можетъ со мной куда угодно, весь Божій свѣтъ для нея одинъ роскошный храмъ. За будущее не ручаюсь, а теперь по крайней мѣрѣ такъ ... Ну, о другомъ съ отцомъ моимъ я пока кончилъ вотъ какъ: жить въ Воронежѣ все лѣто, заниматься дѣломъ, начать новую стройку въ домѣ, кончить ее къ осени, привести домъ въ такое положеніе, чтобы онъ платилъ доходу до семи тысячъ рублей, изъ нихъ онъ согласенъ давать мнѣ въ годъ тысячу рублей, и меня отпускаетъ на всѣ на че-

тыре; иначе съ нимъ дѣлать нечего. Деньги вексельныя согласился заплатить; они меня мучили всего болѣе. Торговать скотомъ не хочетъ; это хорошо. Другихъ условій сдѣлать я съ нимъ не могъ, да и нельзя: все у него въ рукахъ, а у меня по справкѣ оказалось—шишъ.—Хорошо бы, если-бъ сдержалъ хоть это слово; онъ такой человѣкъ, что ему перемѣнить его ничего не значитъ. Горе, если онъ меня снова подсѣчетъ. Хотѣлъ съ нимъ ссориться больше, но, ей-Богу, какъ-то я для подобныхъ ссоръ не способенъ; самому передъ собой за него какъ-то неловко, и не хочется во мнѣніи людей себя уронить; хоть оно ничего почти не значитъ, а все дурно,—ужъ что принято, заведено—то надобно поддерживать лучше, чѣмъ свою же постройку самому же и ломать. Да и что я съ нимъ сдѣлать могъ лучшаго? Домъ записанъ за матерью, а кромѣ него у насъ почти ничего нѣтъ. Одно ужасно тягостно: смотришь—кругомъ всего много, старикъ командуетъ, а у тебя нѣтъ гривенника въ карманѣ. При посредственномъ избыткѣ терпѣть крайность невыносимо страшно; но дѣлать нечего—потерплю; много времени прошло ни во что, пусть пройдетъ и еще—такъ и быть. Живу теперь, однако, я очень порядочно, занимаю въ третьемъ этажѣ на мезонинѣ четыре комнаты: двѣ маленькія, небольшую прихожую, пріемную, другую гостиную и четвертую кабинетъ; комнаты безъ мебели, но свѣжія и чистыя. Получилъ позволеніе нанять мальчика,—и будь денегъ малую толику, то жить можно по христіански. Одинъ, свободенъ, никѣмъ не связанъ, дѣлами торговли занимаюсь мало, много время свободнаго, хоть его и трачу чортъ знаетъ какъ глупо и праздно; но этому я самъ виноватъ, а не кто другой. Что дѣлать? читать ничего не хочется, писать—и подавно, особенно это писаніе на умъ нейдетъ, какъ оно мнѣ опротивѣло; почему-то жаль, что такъ уходитъ время, и радъ, что ничего не дѣлаю. Вы говорите, что мои занятія отворили мнѣ двери и тамъ, и сямъ; такъ это правда—двери отворили, но какъ? вотъ вопросъ? Не Христа ради-ль? Пусть я ошибаюсь въ этомъ, какъ сивый меринъ, но въ этой ошибкѣ нѣтъ-ли правды? У меня на повѣркѣ, на разсчетѣ строгомъ съ самимъ собой выходитъ все иначе.—Если литература дала мнѣ что-нибудь, то именно вотъ что: я видѣлъ Пушкина, жилъ долго съ Сребрянскимъ, видѣлъ

Станкевича, много захватилъ добра отъ васъ и полюбилъ васъ; знаю Щепкина, Мочалова, обязанъ князю Вяземскому; и много — очень много — не то теперь, что былъ, не тѣмъ буду, чѣмъ бы долженъ быть. Смотрю кое на что иначе, чѣмъ другіе; понимаю вещи какъ понимаютъ ихъ не всѣ. Между своими братьями я чучело, но чучѣло другого рода; смѣшонъ, но только между ними. Конечно, это богатство — великое богатство. Въ хорошемъ отношеніи теперь съ Василіемъ Петровичемъ. Все это такъ, всего этого черезчуръ много; нельзя ни за что купить и сотой доли. Я все это знаю. Но, Виссаріонъ Григорьевичъ, я человѣкъ, а у человѣка желаньямъ нѣтъ конца, они вѣчно неистощимы. Положимъ, увлекаться ими вполнѣ не должно, — но и остановить ихъ не въ нашей волѣ, они не удовлетворимы; а не имѣть желаній — не имѣть ничего. Я думаю, что ничего несчастнѣе на свѣтѣ нѣтъ, какъ судьба бѣдняка, — и такого бѣдняка, которому добрые люди еще помогаютъ; ничего не жди онъ, ни отъ кого не надѣйся помочи — и дѣлу конецъ; онъ живетъ и терпитъ, и помочи не ждетъ; но кому люди помогли вполовину, тотъ ужъ по закону необходимости ждетъ больше, и его жажды напитать ничѣмъ нельзя. Чиновникомъ я никогда не буду, — эта должность не по мнѣ. Вы ставите въ примѣръ мнѣ Полевого. Полевой — спартанецъ, онъ живетъ, какъ жили они, — наслаждаясь природою, занимаясь искусствомъ, и мучили до смерти и безчеловѣчно своихъ илотовъ. Онъ много сдѣлалъ хорошаго, а теперь крадетъ разныя вещи, и хорошій другъ Булгарина. Вы говорите въ письмѣ много отъ души и искренно, но не сказали всего о моихъ недостаткахъ, — эти замѣтки всего нужнѣе и, пожалуйста, скажите мнѣ ихъ всѣ прямо и откровенно, лучше этого вы ничего мнѣ не скажете. Я теперь самую горькую истину полюбилъ всей душой. Самый желудокъ мой перемѣнился, — вмѣсто сладкаго варитъ лучше горькое; маслины прежде я терпѣть не могъ, съ одной рвало меня, а нынѣ я обжираюсь ими и глотаю по полусотнѣ; и еслибъ попались на эти зубы устрицы, и съ ними бы церемониться не сталъ. Кислое, горькое, соленое, уксусное сдѣлалось моимъ любимымъ кушаньемъ. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ, кому кланяться можно. Всѣхъ людей, которыхъ я люблю въ Питерѣ, осталось немного, и ихъ въ одну минуту можно перечесть по паль-

цамъ: вы, Вяземскій, Краевскій, Панаевъ, Языковъ, Одоевскій, Комаровъ — вотъ и всѣ. Простите ради Бога за долгое молчаніе; теперь мое положеніе немного улучшилось,— буду писать больше. Если вамъ не наскучитъ моя исторія съ нею, я готовъ о ней писать много: кромѣ ее писать не о комъ. Какъ я люблю васъ — объ этомъ ни въ концѣ, ни въ началѣ нечего больше и подписывать: люблю я васъ какъ больше любить никого на свѣтѣ не могу. Алексѣй Кольцовъ.

Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

57. В. Г. Бѣлинскому.

2 іюля 1841. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Вы, я думаю, на меня сердитесь чортъ знаетъ какъ жестоко; болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло, а я къ вамъ ни слова. Долгое молчаніе досадно и оскорбительно; но выслушайте, какъ это все случилось, и вы на меня не станете сердиться нисколько. Я кажется писалъ вамъ, что изъ Москвы я домой пріѣхалъ какъ чужой. Отецъ принялъ другой характеръ, потому что его дрянныя дѣла всѣ кончены; и какія остались, тѣ ему полиціей не грозятъ, и онъ очень радъ бы былъ, если бы я никогда не пріѣзжалъ. Въ Воронежѣ разнесся слухъ, что я остался въ Питерѣ приказчикомъ съ десятью тысячами жалованья: „Я, говоритъ, услышалъ про это, обрадовался“. Послѣ этого у насъ съ нимъ пошли отношенія самыя сухія. Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ мальчикъ, его лошадь, безъ гривенника въ карманѣ: — я не согласился. Наконецъ рѣшились побыть мнѣ дома годъ, построить еще домъ, и онъ даетъ послѣ мнѣ каждый годъ по тысячѣ рублей, а жить я буду гдѣ захочу. Я обрадовался, но послѣ подумалъ: вѣдь онъ поступилъ со мною дурно не разъ, такъ можетъ поступить и теперь. Я сталъ просить тысячу рублей утвердить за мною актомъ, — куда! — „не хочешь-ли, говоритъ, печенаго рака!“ Ну, я и остался жить ничего не дѣлая, да и дѣла сведены порядочно, такъ что я ему и не нуженъ. Вотъ отношенія мои съ отцомъ. Представьте, до чего меня это взбѣсило и оскорбило; человѣкъ работалъ, работалъ и уже думалъ жить свободно, а тутъ-то его всего и остригли, — и кто же? отецъ! Вы скажете: ослабѣлъ я,

какъ съ нимъ не поправиться? А какъ поправиться, когда у него все въ рукахъ? Я осѣлъ, что прежде все къ нему направилъ. Мать моя, — отъ которой нечего ни ждать, ни требовать. Сестра, дѣвушка была очень порядочная и много въ ней было прекраснаго, граціознаго, святого; она кое-какъ почти выучилась по-французски, играть на фортепіанахъ, порядочно пѣла, жила со мною братски; пріѣзжаю,— она ужъ не та милая дѣвушка, что была, а дѣвушка мѣщанка стала. Фортепьяно брошены, французскій языкъ забытъ, пѣніе затихло. Вмѣсто этого она начала плесть кружева, вышивать шерстью; и она ужасно не рада моему пріѣзду, думала: рѣшительно я остаюсь въ Питерѣ; тогда бы она одна осталась, и домъ былъ бы за ней — подлость, которую я не ожидалъ; это все вмѣстѣ меня бѣсило, мучило. Въ эту пору встрѣчается эта женщина, о которой я вамъ писалъ . . . . . .

. . . . . .

По самый отъѣздъ свой изъ Воронежа увѣряла, что она не чувствуетъ, что она больна; ужасно горько было мнѣ провожать ее: она поѣхала къ помѣщику въ компаньонки, а все изъ того, что у меня денегъ нѣтъ ни гроша; будь въ годъ пятьсотъ рублей — и она бъ жила въ Воронежѣ сколько мнѣ было бъ угодно. Она права, что уѣхала: чѣмъ же ей было жить? Не воздухомъ же питаться? Здѣсь я вполнѣ почувствовалъ свое нищенство. Она поѣхала здоровая, а я остался больной ... Къ лѣкарю, — и все прошло; только вслѣдъ за этимъ открывается боль въ груди, потомъ распаденіе во всемъ организмѣ. Убійственная испарина каждую ночь, желудокъ разстроился, открылся кашель желудочный, и я едва-едва уцѣлѣлъ живой — жизнь висѣла ужъ на волоскѣ; но лѣкарь мой увидѣлъ, что худо, послалъ меня на рѣку Донъ купаться. Я тотчасъ отправился за двѣнадцать верстъ отъ города къ родственнику на дачу, и началъ купаться, и купался два мѣсяца съ половиной; однако же, здоровье хотя немного улучшилось, но все еще весьма плохо. Купаться еще не кончилъ, но ужъ вода шибко холодна. Поправлюсь ли? Выздоровѣю ли? — Богъ знаетъ. Вотъ почему я къ вамъ и никому не писалъ, и ничего не читалъ и не читаю, и ничего не пишу, и не до писанья. Я только теперь и хлопочу объ одной жизни. Придумываю, что бы къ обѣду вмѣстѣ сдѣлать по вкусу,

пройду въ кухню, такъ ли дѣлаютъ; пью траву, купаюсь, ѣмъ, сплю, хожу, лежу, ни о чемъ не думая, кромѣ пищи и жизни. Вотъ какъ прошло у меня лѣто. И это письмо къ первымъ вамъ. Не знаю, получили ли вы письмо, посланное мною въ посту съ однимъ нѣмцемъ; адресъ на имя конторы „Отечественныхъ записокъ“, а онъ взялъ, да и отдалъ его на городскую почту; получили или нѣтъ, будете писать, пожалуйста, увѣдомьте. Съ нимъ вмѣстѣ я послалъ письмо князю Вяземскому и очень важное. Да, пожалуйста, при письмѣ напишите адресъ князя Одоевскаго. „Отечественныя Записки“ получаю исправно. „Современникъ“ присылаетъ Плетневъ, а за что, Богъ вѣсть. Выздоровѣю — буду читать; ваши же статьи всѣ до одной прочтены. Вторая статья о Петрѣ Великомъ урѣзана вами много. Что это вамъ вздумалось такъ ее сократить? Болѣе писать не знаю вамъ что и о чемъ. Не сердитесь, пожалуйста, за долгое молчаніе. Любящій васъ тѣломъ и душою Алексѣй Кольцовъ.

Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

58. В. Г. Бѣлинскому.

23 октября 1841. Воронежъ.

Тысячу разъ, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю васъ за участіе, которое вы такъ искренно принимаете въ моемъ положеніи, и въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Ваша благородная натура или любитъ всей душой, или ненавидитъ; но ваше участіе меня не обрадовало, но опечалило. Я писалъ вамъ обо всемъ, что у меня дѣлается и что со мною дѣлаютъ, не для того, чтобъ васъ этимъ поразить, убивать и мучить, а потому, что у меня на душѣ мои дѣла отяготѣли и мнѣ ихъ надо было куданибудь передать, чтобы хоть на время отвязаться отъ нихъ, забыться. Передать — кому же? Кромѣ васъ у меня некому, ну вотъ вамъ я и написалъ о нихъ. Съ этихъ же поръ между нами должно положить условіе, что я долженъ къ вамъ писать обо всемъ откровенно, какъ это и было до сей поры, да иначе я не могу и сдѣлать, но чтобы вамъ обо мнѣ не безпокоиться, не заботиться, не мучиться; когда ужъ придетъ до послѣдней крайности, тогда я самъ къ вамъ

напишу и попрошу васъ обо мнѣ позаботиться. Не въ первый разъ я подъ тяжестью обстоятельствъ, не въ первый разъ я ихъ переживалъ. Проживши за тридцать, немного видѣлъ я свѣтлыхъ дней, а непогожихъ цѣлые годы,— а живъ еще. И будь я хоть немного приготовленъ къ этому обману, къ этой отцовской подлости, я бъ перенесъ бы легко, какъ необходимость, а всякая необходимость есть дѣло святое: отъ нея не убѣжишь ... А то нечаянно, вдругъ, въ одну минуту изломилось то, что строилъ я много лѣтъ такъ осторожно, осмотрительно, съ такими лишеніями и времени, и силъ. Вотъ что ошеломило меня; а тутъ еще эта женщина, эта дьяволъ-женщина свела съ ума. Сойдись она со мной годомъ раньше, и ничего-бъ, и все бы пошло прекрасно. Но вѣдь нужно же сойтиться всему въ одно время; подлость отца, моя ошибка, погибшій десятилѣтній трудъ, разрушенныя надежды, безденежье,—и въ нихъ крайняя необходимость—они, чортъ возьми, хотя бы не моимъ силамъ не вперенось,—и я упалъ. Духъ измѣнилъ, натура распалась, обезсилѣла, въ ней давно можетъ быть и приготовлялось это распаденіе, и оно еще бы скрывалось до времени и, открывшись, разомъ положило бъ меня наповалъ. Да и то чуть не положило. Но ее посторонній толчокъ обнаружилъ и пробудилъ до времени. Начинаетъ болѣть грудь чертовски. Лѣчимъ. Пошла испарина, всякую ночь обливаюсь потомъ, какъ водой, жажда страшная, адская; мочи нѣтъ; все идетъ въ испарину, тѣло слабнетъ; купаемся въ рѣкѣ—открывается кашель желудочный; что ѣшь, все вонъ; мокрота валитъ. Кашель лѣчимъ, желудокъ разстроился, поносъ, не варитъ ничего, во всемъ тѣлѣ разломъ, мучитъ скрытый геморой; внутри изъ одного мѣста въ другое переходитъ ревматизмъ. Въ это время я вижу: дѣло дурно, гадко, жизнь измѣняетъ; я оставилъ дѣла торговыя, всѣ занятія, оставилъ чтеніе, принудилъ себя ни о чемъ не мыслить, сказалъ: писемъ мнѣ не отдавать, и даже пересталъ грезить о Петербургѣ; изъ человѣка я сдѣлался идіотъ. Съ утра думаю до вечера, какую пищу, какъ приготовить; толковать объ этомъ по цѣлымъ часамъ съ кухаркой, ѣсть насильно, купаться, спать, не спится—лежать въ постели зажмуря глаза и увѣрять самого себя, что спишь. Такъ прошло три мѣсяца. Сталъ выздоравливать, понемногу поправляться, осиливать, началъ ходить, проѣхаться,—бухъ,

воспаленіе въ почкахъ, и я снова чуть-чуть не умеръ. Но умный мой лѣкарь началъ возиться и съ этой болью, и она ... насилу начала проходить, и я снова началъ поправляться здоровьемъ. Хоть я и теперь еще сижу въ комнатѣ, но мой лекарь увѣрилъ меня, что скоро можно будетъ показываться на воздухъ, что это былъ кризисъ самый опасный и послѣдній, что у меня остается еще ревматизмъ, что надобно будетъ принимать содовые порошки — и долго. Я бы ему во всемъ бы и не повѣрилъ, — нѣтъ, онъ такой человѣкъ, что ему не вѣрить нельзя. Но въ самомъ дѣлѣ, я сталъ чувствовать, что мнѣ лучше и силы снова стали показываться въ тѣлѣ, и состояніе моего духа начало приходить въ прежнее положеніе. Что-то будетъ дальше, а то ужъ я октябрь-то сталъ кое-какъ почитывать, что было вчернѣ написано весной, поправилъ, кое-что поправилъ изъ старыхъ пьесокъ, съ пятокъ написалъ вновь; это меня самого обрадовало чертовски, и я началъ снова кой о чемъ мечтать, фантазировать, каждый день бесѣдовать съ вами, съ Василіемъ Петровичемъ, волочиться мыслью по Петербургу ... И до того я иногда погружаюсь въ міръ моихъ мечтаній, что я предчувствовалъ впереди, что вы написали и послали мнѣ письмо, и готовился уже отвѣчать. Въ воскресенье посылаю на почту: нѣтъ ли номера „Записокъ“ и письма; сказали нѣтъ. Досадно, кажется, должно бы быть, — и почталіонъ приноситъ письмо. Обрадовался, какъ ребенокъ. Читаю: и Василій Петровичъ тутъ же, чортъ возьми, этого я не ждалъ; я думалъ, онъ въ Москвѣ, а онъ въ Питерѣ съ Бѣлинскимъ, — и мнѣ стало грустно, глубоко грустно. Крыльевъ нѣтъ, разстояніе большое. Если бы я пріѣхалъ теперъ въ Питеръ, я бы пришелъ прямо на вашу квартиру, не спросилъ бы: здѣсь ли квартируетъ Бѣлинскій? — но дома ли Бѣлинскій? Вотъ вопросъ: и Марья Ивановна вновь у васъ, не прежняя, а другая, и это, вы говорите, лучше? Чего же трусить, робѣть? Къ дѣлу, — осрамился, и квитъ; по крайней мѣрѣ можно будетъ сказать, какъ чиновники говорятъ XIV-го класса: „она хотѣла, да я пренебрегъ“. Видите ли, что мое положеніе было гадко, очень гадко, а болѣзнь не шуточная; положимъ, положеніе или дѣла мои съ отцомъ все тѣ же, но здоровье мое стало поправляться, а это не шутка, выйти изъ подобной болѣзни — все равно, что родиться вновь. И лѣкарь у меня, — хоть

вы не предполагаете ихъ у насъ, да и въ самомъ дѣлѣ почти нѣтъ, — но на мое счастье какъ-то случайно живетъ у насъ человѣкъ очень хорошій, — расположенъ ко мнѣ прежде болѣзни, я его слишкомъ уважаю; все это питало мою надежду и заставило слѣпо ему вѣрить, — и я не обманулся. Вы говорите, что вы пишете ко мнѣ слишкомъ резонабельно, думаете, какъ чиновникъ восьмого класса, философствуете пошло; все это лишь слова. Вы говорите не резонабельно, солидно серьезно, и я съ вами во всемъ совершенно согласенъ. Ссора съ отцомъ еще не погибель, она необходима, бороться я не прочь; ошеломилъ онъ меня, но не навсегда, вотъ я, наконецъ, и очнулся. Будь у меня деньги, конечно, съ этой женщиной надѣлалъ бы я пустяковъ и прожился бы весь. И это должно бы быть непремѣнно, и было бы. Но, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, такъ долго ѣвши горькую гадость, не видавши ничего порядочнаго давно, ужъ истомившись до смерти голодомъ, вдругъ попадаетъ сладкій кусокъ; схватилъ его, и думаешь обожраться, и въ эту-то минуту долженъ его отъ себя оттолкнуть; а откушавши немного, — и узналъ въ немъ такую сладость, какой никогда не воображалъ. Вѣдь теперь и больно; знаю, что есть лучше этой жизни, знаю прелесть божественныхъ идеаловъ, и какъ они человѣку необходимы, и какъ безъ нихъ человѣкъ скотина. Готовъ до гроба всей душой любить я жизнь духовную, готовъ обожать и благоговѣть передъ тѣми образами, которые въ горькія минуты нашей жизни являются къ намъ какъ ангелы утѣшители, готовъ любить и долго и свято красоту земную. Но встрѣться вновь милая женщина, эта живая волшебница земной дѣйствительности, не смотря на слабое мое тѣло, упаду опять весь въ ея горячія объятія — и умереть, когда это будетъ необходимо. Но умереть насильно, — это глупо; жизнь должно тратить и беречь. Смѣшно вамъ слышать отъ больного такія душеспасительныя мысли. Что-жъ дѣлать? — и умираю, а все ищу кого другого.

Вы говорите, что ужъ у васъ для меня есть отдѣльная комнатка. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю за нее. Въ настоящемъ моемъ положеніи это для меня кладъ. Жить въ Петербургѣ и съ вами, — вѣнецъ желаній. Это не лесть, ея у меня къ вамъ не было и нѣтъ. Совѣтуете скорѣе, какъ можно, перебраться туда на житье, хоть бы

это было и безъ средствъ, и пѣшкомъ. Эту необходимость давно ужъ я чувствую душою, давно мнѣ день и ночь шепчетъ тайный голосъ объ этомъ, давно я мыслію живу не въ Воронежѣ, а въ Питерѣ, и нѣсколько лѣтъ одно у меня тайное желаніе переселиться въ Петербургъ, бросить Воронежъ. Да здѣсь мнѣ и не ужиться, всѣ люди не по мнѣ, и я не по нихъ, мы съ ними другъ другу не нравимся, другъ къ другу холодны, разошлись. Теперь во всемъ городѣ у меня не только нѣтъ милова человѣка, нѣтъ даже и такова, съ кѣмъ можно убивать время, и кто-бъ пришелъ ко мнѣ и не былъ бы мнѣ тяжелъ. Конечно, это не житье, а каторга, и я что день, больше начинаю чувствовать это убійственное одиночество, пустоту въ людяхъ. Но за всѣмъ тѣмъ я рѣшительно вамъ теперь ничего не скажу, до тѣхъ поръ, пока совершенно выздоровѣю, — и больной изъ двора никуда ни шагу. Характеръ моей болѣзни не позволяетъ мнѣ отваживаться ни на какой свободный рѣзкій шагъ, она же притомъ имѣетъ неожиданные, но смертельные кризисы: въ теченіе шести мѣсяцевъ три раза я былъ на порогѣ гроба. Одна мысль, что подобный случай сдѣлается въ дорогѣ, уже дѣлаетъ меня трусомъ; притомъ, выздоровѣвши, и мнѣ непремѣнно надобно рѣшительно говорить съ старикомъ о уплатѣ долга, сдѣланнаго мной въ Петербургѣ и Москвѣ, и здѣсь рублей триста, потому что я лѣчился займомъ, и онъ на лѣкарства денегъ давать отказался. Теперь, однакожъ, въ этомъ я не нуждаюсь; у насъ въ домѣ половину верха заняла аптека, такъ я началъ лѣкарства брать у себя, и старикъ молчитъ. Второе, надо же съ нимъ поговорить въ послѣдній разъ и о моемъ отъѣздѣ, и какъ онъ его думаетъ-ли, да хочетъ-ли чѣмъ поддержать или нѣтъ, дастъ-ли что или ничего. И тогда-то уже я къ вамъ напишу, что я долженъ дѣлать и какъ у насъ все кончится. Теперь же мнѣ говорить съ нимъ нельзя, иногда дѣло дойдетъ, что надо будетъ погорячиться, а всякое раздраженіе для меня слишкомъ опасно: я теперь ни больше, ни меньше какъ тѣло въ пеленкахъ, связанный по руки и по ноги, тутъ средствъ никакихъ. Самъ собою чтобы сдѣлалъ, — нельзя, силъ нѣтъ. Опасно выходить, опасно много ѣздить, опасно быть на сыромъ воздухѣ, опасно сердиться, опасно слишкомъ отягощать голову заботами. Чортъ возьми это состояніе, такъ оно хо-

рошо. Но только я не трушу, проживаю время спокойно, не думаю о многомъ, жду лучшаго времени и лучшаго вѣтра, дождусь — хорошо, не дождусь — не надо; вѣдь не одинъ я прождалъ его свой вѣкъ. Глупая мысль! О лучшемъ — воли нѣтъ. Ужъ меня, наконецъ сказать прямо, не старикъ связалъ, а болѣзнь, да пострѣлъ побери все это, авось пройдетъ. Какъ выздоровѣю, тотчасъ я вамъ напишу. Чѣмъ кончу съ старикомъ, тоже за разъ напишу. До тѣхъ же поръ прошу васъ обо мнѣ не заботиться, не тревожиться. Какія нужно мѣры взять, взяты, а въ животѣ-смерти Богъ воленъ. Вы не такъ поняли о тѣсномъ кругѣ моихъ знакомыхъ. Я писалъ вамъ о нихъ не жалуясь на малое число, а гордясь, что я имѣю ихъ, — такихъ людей, которыхъ можно душой любить и которые весьма рѣдки. И ихъ часто сотни не имѣютъ одного, а я одинъ имѣю нѣсколько. О пьескахъ, съ этимъ письмомъ посылаемыхъ, я вамъ ничего не скажу, которыя хороши — напечатайте, которыя дурны — оставьте, которыя нужно поправить — замѣтьте и пришлите. О вашей статьѣ, ошельмованной цензурой, я зналъ тогда же, что она вами написана была не такъ, зналъ, что она была полна и что вы ни за что бъ не выкинули изъ нея одного слова, но что ее такъ обасурманила цензура. Но я намекнулъ вамъ объ этомъ не такъ, потому что боялся за васъ; я началъ подумывать, чего не сдѣлали ли дурнова, а ваше долгое молчаніе каждую недѣлю болѣе и болѣе эту мысль мою утверждало, и меня до смерти мучила объ васъ неизвѣстность. Чортъ знаетъ, чего съ нами не могутъ сдѣлать! Вѣдь мы люди грѣшные, особенно теперь, въ моей болѣзни, нужно хоть немножко укорениться мысли, хоть бы самой нелѣпой,—ну ужъ она отъ меня и не отстанетъ и начнетъ разрастаться болѣе и болѣе. Не въ добрый часъ я началъ это письмо! Только я сяду, начну писать, кто-нибудь тотчасъ явится и перерветъ. Досадно. Напримѣръ, вчера является молодой офицеръ, или хорунжій, съ Дона; жилъ въ Питерѣ, учился военному ремеслу, ѣдетъ домой, въ Воронежѣ у него не достало денегъ, — пришелъ просить сто рублей (у меня сто рублей!). Говорю: нѣтъ. Не вѣритъ, — нужно да и только. Насилу отвязался, нашелъ ему человѣка, который далъ. Такіе чудные люди эти офицеры,—въ одну минуту и знакомятся, и просятъ объ одолженіи. Я слышалъ: началъ

издаваться тетрадями Гёте; будете писать, напишите, пожалуйста, кто переводитъ и какая цѣна? Я выпишу, если переводъ хорошій. Да напишите, какъ идутъ „Отечест. Записки“? Какъ поправляется Андрей Александровичъ? развязаны-ль долги? и на слѣдующій годъ будутъ издаваться, какъ шли послѣдніе два года, или для сведенія конца съ концами? Это все меня весьма интересуетъ, но больше всего мнѣ знать хочется, какъ идутъ ваши дѣла, такъ же ли, какъ прежде, лучше-ли? Хорошая квартира и богатая мебель — знакъ улучшенія. Но отколь она? — Не знаю. Въ концѣ сентября былъ у насъ въ Воронежѣ Глинка Ѳеодоръ Николаевичъ съ женою, проѣздомъ изъ деревни; просили меня шибко, чтобы я что-нибудь, но непремѣнно послалъ въ „Москвитянинъ“. Я сказалъ: теперь у меня ничего нѣтъ; боленъ, — не пишу. Но объ васъ и „Запискахъ“ — ни слова, и я ничего не затѣвалъ. Лермонтова убили до смерти, это старая новость, но она меня такъ сильно поразила, что до сей поры не выходитъ изъ думы. И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успѣешь полюбить, — какъ его и нѣтъ. Много мы въ немъ потеряли, незамѣнимая потеря. Нашъ одинъ купецъ въ одно время съ нимъ жилъ на Кавказѣ, и онъ мнѣ, пріѣхавши оттуда, говорилъ, что у Лермонтова много въ портфелѣ найдено послѣ смерти стиховъ; одно изъ нихъ онъ читалъ подъ названіемъ „Чинаръ“. Скажите-ка Андрею Александровичу, не отыщетъ-ли онъ этого портфеля. Андрею Александровичу, Аннѣ Яковлевнѣ, И. И. Панаеву, Авдотьѣ Яковлевнѣ, И. А. Комарову, М. Н. Языкову, Прокоповичу, душевное почтеніе и низкій поклонъ. Милому Василію Петровичу не пишу теперь письма особеннаго, первое потому, что не знаю, гдѣ онъ: въ Питерѣ ли еще, или уже уѣхалъ въ Москву. Когда услышу что онъ въ Москвѣ, тотчасъ напишу; а если еще въ Питерѣ, это письмо его застанетъ, — то я крѣпко жму руку и цѣлую его. Жалѣю, что онъ скучаетъ, радъ, что . . . . . Много тысячъ разъ прошу не сердиться за деньги, — при первомъ удобномъ случаѣ вышлю, душой благодарю за его „здравствуйте“. Люблю его чѣмъ дальше — больше. Ну, теперь, милые мои, пришло сказать прощайте; на долго-ли не знаю, но какъ-то это слово горько отозвалось въ моей душѣ, но еще прощайте, и въ третій

разъ прощайте. Если бъ я былъ женщина, хорошая бы пора плакать. Минута грустнаго горя, побудь хоть ты со мной подольше. Всею душою васъ любящій, весь вашъ Алексѣй Кольцовъ.

59. Князю П. А. Вяземскому.

24 октября 1841 г. Воронежъ.

Добрый, любезный князь Петръ Андреевичъ! Вы обязали меня давно, и недавно, и вновь обязываете до такой степени, что я ничѣмъ и никогда не могу ни заслужить вамъ, ни заплатить и сотой доли. Ваше письмо, давно уже полученное мною, такъ полно искренности, участія, дышетъ такою теплотою, что я не могъ долго писать къ вамъ ни одного слова, — вся душа моя была наполнена имъ, и я нарочно длилъ это наслажденіе, не хотѣлъ нарушить святого очарованія. Благодарю васъ, добрый князь, тысячу разъ благодарю за него, и милліонъ разъ благодарю за спокойствіе, которымъ пользуюсь я и мое семейство. Полиція насъ оставила совершенно: дѣло, производившееся въ сенатѣ, хотя имъ кончено не совсѣмъ, но прежнее его опредѣленіе разрушено, и оно оттолкнуто въ низшія инстанціи года на два, на три, — и этого пока довольно. Есть еще дѣлишка два самыхъ старыхъ; только они меня не тревожатъ нисколько. Съ этой стороны все идетъ прекрасно, за то въ другихъ не очень хорошо; знать, такова наша жизнь. Съ апрѣля до сихъ поръ я нездоровъ, и было очень дурно, теперь началъ понемножку поправляться. Это мнѣ много помѣшало; цѣлое лѣто мнѣ нельзя было ничѣмъ заниматься, а дни проходятъ, время летитъ, а я сижу. Жизнь моя туманная! Доля неудачная! Выздоровѣю, — начну догонять прожитое. Пришло поздно къ вамъ письмо мое, по моей ошибкѣ въ нѣмцѣ (онъ у насъ содержитъ пансіонъ): при отъѣздѣ его въ Петербургъ я далъ ему письмо въ руки, просилъ доставить вамъ лично, а онъ продержалъ его у себя. Мой нѣмецъ въ Петербургѣ растерялся, оплошалъ. Глубоко васъ почитающій и любящій васъ всею силою души, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Выдержки изъ Остафьевскаго архива. „Русск. Арх.“ 1868 № 3.

60. Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Ваше сіятельство
любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Опять я къ вамъ съ тою же просьбою, о которой я васъ еще весною просилъ, когда уѣхалъ отъ насъ губернаторъ Лодыгинъ. Говорили, вмѣсто его будетъ (забылъ ужь кто), и я писалъ вамъ объ немъ письмо; дѣла измѣнились, и вмѣсто его пріѣхалъ на губернаторство его превосходительство генералъ-маіоръ фонъ-деръ-Ховенъ, человѣкъ дѣятельный и умный; объ немъ-то опять моя къ вамъ просьба: нельзя ли меня познакомить съ нимъ. У меня теперь къ нему нѣтъ дѣлъ никакихъ, но, въ случаѣ нужды, я къ нему пойти и не могу... Особенно я боюсь нашего большого барина управляющаго[1], безсребреннаго Карачинскаго. Онъ, пріѣхавши изъ Петербурга, косится на меня косѣе прежняго, а у него въ палатѣ есть еще кой-какія отца моего старыя дѣлишки неконченны. Онѣ пустыя; но есть мастера изъ ничего сдѣлать гору, и онъ ихъ все замѣтно протягиваетъ вдаль. Дѣлайся все какъ должно — хорошо. А если неровенъ часъ, и я одинъ здѣсь безъ поддержки. Какъ идетъ управленіе въ палатѣ г. и., сказать вамъ не могу; по пріѣздѣ изъ Москвы, великимъ постомъ, было своихъ дѣлъ много; въ апрѣлѣ сдѣлался нездоровъ и до сихъ поръ. Кромѣ этого, едва ли подобныя вещи вамъ нужны; вѣдь въ прошлый разъ осталось же все безо всего, и слова святой истины не сдули пылинки съ чернаго дѣла. Не знаю, какъ пойдетъ настоящій наборъ, а прошлогодній былъ самый безчеловѣчный. Были жалобы — ихъ никто не слушалъ. Кто больше обиженъ, тотъ больше остался виноватъ. А кто сіе учинилъ, тѣ всѣ остались людьми благородными. Ваше сіятельство, если не затруднитъ васъ слишкомъ моя просьба, то прошу васъ покорнѣйше не оставить ея безъ вниманія. Почитающій и любящій васъ, вашего сіятельства покорный слуга Алексѣй Кольцовъ.

„Рус. Стар.“ 1904 г., августъ.

---

[1] Палатою государственныхъ имуществъ.

61. И. А. Малышеву.

(Конецъ 1841 г.).

Добрый и любезнѣйшій Иванъ Андреевичъ! Я услышалъ, что у васъ былъ батинька и П—нъ, старикъ, сегодня по утру: гости не въ пору и едва-ли по нутру. Не подумайте жъ, ради Бога, что я ихъ къ вамъ снарядилъ. Правда, съ мѣсяцъ назадъ я говорилъ П-нымъ обратиться къ вамъ въ ту пору; они, занятые этимъ, почитали ненужнымъ, лѣчили больного самъ и нѣмецъ, и залѣчили до того, что онъ теперь такъ плохъ, что, кажется, и сверхъестественная помочь ужъ не въ помочь. Вчера была у нихъ моя мать по долгу родства; больной спросилъ: что я, каковъ? Мать сказала: здоровѣетъ, поправляется, слава Богу! Онъ такъ взбѣсился, что началъ кричать, метаться, бить въ грудь, просить жену, отца—достать денегъ. Къ Малышеву, скорѣе за Малышевымъ! давайте денегъ! Просить хватился, голубчикъ, да поздно! — прежде бы не жалѣть денегъ! Зовутъ моего старика; условились сегодня быть у васъ обоимъ и были. Онъ мнѣ дядя, да это не стоитъ полушки: у меня чужіе — родные, свои — чужіе; но мнѣ жаль его, упрямца, не ради его, а ради семейства. И потому, когда я говорилъ имъ о васъ, въ то время помочь была еще возможна, теперь же, кажется, поздно. Но если вы себя обремените въ такую, для васъ хлопотливую и безъ этого, пору поѣздомъ къ нему. то, ради Бога, не подумайте, что тутъ виновникъ я: тѣломъ и душою я чистъ, и умываю по этому дѣлу руки. А ваши посѣщенія безъ полученія впередъ не оказались бы безплодными!

Мое здоровье поправляется, видимо *лучшѣетъ*, несмотря на дурное время. Это меня радуетъ: пью, ѣмъ, сплю хорошо, порою бываю дома очень веселъ. Стыдно, а надобно сознаться, что въ томъ четверостишіи, которое у васъ, — и вы замѣтили, — стихъ то въ самомъ дѣлѣ невѣренъ ... Въ четверостишіи — ошибка! хороши же мы! Теперь вотъ какъ:

И сожалѣньемъ, и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили.

Съ почтеніемъ глубоко уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

„Воронежск. Бесѣда“ за 1861 (въ статьѣ Де-Пуле).

62. В. Г. Бѣлинскому.

18 декабря 1841.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Петербургѣ-ли вы теперь, или нѣтъ, — мнѣ дѣла нѣтъ: я хочу писать къ вамъ, хочу говорить съ вами, душа жаждетъ бесѣды. Одиночество надоѣло, — и день одинъ, и ночь одинъ, недѣли, мѣсяцы идутъ, а у меня, что было вчера, то непремѣнно будетъ завтра, а если встрѣтится что-нибудь новое, то ужъ непремѣнно какая-нибудь дрянь, которая только взбѣситъ, — и конецъ. Что до досадъ, у меня въ нихъ недостатку нѣтъ: слава Богу, этимъ больной богаче здороваго. Да такъ и должно быть. Однакоже послѣднія непріятности многое мнѣ открыли, чего я прежде не зналъ, и обозначили небольшую надежду на будущее. „Обозначили"! слово не у мѣста, ну, да ужъ написалось, стой. Съ полученіемъ вашего письма до этихъ поръ, у меня много перемѣнилось. Главное — сестру отецъ помолвилъ, на святкахъ сговоръ, а тамъ и свадьба; только навѣрное не знаю когда, еще нерѣшено: послѣ-ль новаго года, или на красную горку. Здѣсь отецъ, а паче всего сестра сдѣлали со мной удивительную подлость. Отецъ не пригласилъ меня и на совѣтъ (чему я былъ очень радъ); кромѣ того, даетъ за ней деньгами 3,000 руб. Я ему сталъ говорить, что обошлось бы безъ этого, а давать деньги — ихъ у насъ нѣтъ, — долговъ много, а платить нечѣмъ. Онъ мнѣ на это: „Я выдаю дочь послѣднюю, и дамъ за ней послѣднее, что есть. А нечѣмъ будетъ долговъ платить, продамъ домъ. Я старъ, мнѣ жить немного, а объ тебѣ я и не думаю: ты голова у меня. Послѣ этой свадьбы женись самъ, корми меня, мать; а не женишься — прогоню со двора". Взорвало меня страшно. Особенно теперь моя натура еще весьма разстроена; чуть что, я не выдерживаю, взбѣшусь, какъ чортъ, въ минуту. Но на этотъ разъ я какъ-то хладнокровно проглотилъ эту крѣпительную пилюлю и сказалъ: „Какъ хотите, такъ и дѣлайте. Я ни въ чемъ вамъ не мѣшаю, и въ этомъ дѣлѣ не участвую, а васъ прошу оставить меня въ покоѣ, — и спасибо". Съ нимъ тѣмъ у насъ и кончилось, и мы держимъ слово хорошо. Я по этому дѣлу ничего не дѣлаю; разъ — не могу, другой

— и слабъ еще весьма; и послѣ этого всего нѣтъ охоты дѣлать; а онъ съ своей стороны меня ничѣмъ не безпокоитъ, и началъ кормить хорошо, купилъ много пива, которое мнѣ весьма полезно, и я пью его до-воли. Сестра сдѣлала другое. Ея будущій мужъ — малый молодой, красивый и статный довольно собою мужчина, мѣщанинъ, безъ всякаго образованія, безъ всѣхъ благородныхъ качествъ и, кажется, съ алтынной и скверной душой. По крайней мѣрѣ, въ минуту радости у него хриповатымъ, густымъ басомъ разрывается голосъ, не похожій на человѣческій, а въ обыкновенномъ разговорѣ голосъ порядочный. И что-то, всматриваясь въ лицо его глубже, видишь, подъ красивой личинкой молодости, какую-то невообразимогадкую образину. Я замѣчалъ въ людяхъ очень часто, какъ лѣтъ въ двадцать личико оживленно жизнію довольно пріятно, а въ 30 изъ этого личика выходитъ сущій уродъ. Какъ бы хорошо лицо ни было, но если натура у человѣка не хороша отъ природы, то, всматриваясь въ нее хорошенько, гдѣ-нибудь, но ужъ непремѣнно отыщешь часто едва замѣтную черту гадости, и эта гадость современемъ обхватитъ всего человѣка, безъ его вѣдома, какъ его натуральная идея, и онъ стоитъ уже вѣкъ на этомъ пьедесталѣ. Если я ошибаюсь, дай Богъ. Какъ ни дурно со мной поступили, а я все-таки имъ и сестрѣ искренно и отъ души желаю всего добраго. Сестрѣ онъ своею наружностью понравился больше года. Я это зналъ, нѣсколько разъ намекалъ ей объ этомъ. Она ни слова, а всегда увѣряла меня, что это однѣ сплетни говорливыхъ языковъ. Я и отсторонился и издали глядѣлъ лишь, чтобы не пошло въ дурную сторону, что иногда съ нами грѣшными и бываетъ. А между тѣмъ бесѣды у нихъ идутъ чаще, у двухъ замужнихъ моихъ сестеръ, изъ которыхъ одна — дура, а другая — женщина хитрая и въ мелкихъ дѣлахъ жизни довольно умная. Смотрю — начались шушуканья, переговоры, сватанье; спрашиваю у сестры: правда? „Нѣтъ, вздоръ“. Я говорю: сегодня вечеромъ рѣшенье сдѣлаютъ навсегда, подумала-ль ты обо всемъ этомъ хорошенько? какимъ онъ тебѣ кажется, пожалуйста, сообщи? Отвѣтъ, „не ваше дѣло, будьте спокойны — все обойдется безъ васъ; о чемъ нужно — я сама знаю“. Я гдѣ стоялъ, тутъ и сѣлъ, какъ ракъ на мели. Не то ужъ больно, что она

кажется, увлеклась его одной наружностью, и что я всѣ силы употреблялъ хоть немножко очеловѣчить ее, дать ей кой-какія понятія, пробудить всѣ силы жизни; но больно то, что я въ ней въ одну минуту глубоко такъ ошибся. Я былъ съ ней всегда искрененъ и откровененъ, дѣлалъ для нея, что могъ, — все, что ни было у меня за душою, ей все было извѣстно: и хорошее, и дурное — все, все, безъ исключенія. И вотъ чѣмъ она мнѣ заплатила съ своей стороны! Кромѣ того узнаю, что перемѣнился ко мнѣ отецъ черезъ нее. Говоря съ ней откровенно, часто говорилъ и о своей любимой мечтѣ переселиться въ Питеръ; она это передала отцу съ прибавленіемъ, что я хочу обобрать его — и уѣхать; вотъ откуда вышла его низкая осторожность. Еще слова два о будущемъ ея мужѣ. Богатство все его заключено въ одномъ довольно старомъ домѣ на хорошей улицѣ, дающемъ доходу 2,000 р. въ годъ. Теперь я живу спокойно, свадьбой не занимаюсь; досады, которыя меня мучили недѣли двѣ, прошли; я положился: что будетъ, пусть то будетъ. Мать очень уважаю; съ отцомъ веду себя прилично и хладнокровно; съ замужними сестрами схожусь рѣдко, какъ чужой; съ послѣднею ничего не говорю, кромѣ вещей необходимыхъ, — ничѣмъ ей не мѣшаю. Съ женихомъ и прочими по силѣ вѣжливъ, выдерживаю тонъ, будто у насъ между собой ничего нѣтъ, и этакъ идетъ ужъ съ мѣсяцъ. Дѣло свадьбы какъ теперь зависитъ отъ одного старика, а онъ старъ и въ этихъ дѣлахъ большой невѣжда, — поэтому идетъ дурно; и въ ней замѣтно сильное началось страданіе, и мнѣ ее стало очень жаль ... Ужъ я начинаю бранить себя, что я принялъ ихъ подлости горячо, жалѣю, что и не вмѣшался въ это дѣло сначала и не помогаю ей въ самую трудную ея пору жизни. Безъ меня она оказалась совершенно безъ характера, а взяла-то на себя много-много, и оно начало ее давить; время ея приходитъ тяжело. На всемъ какой-то печальный виденъ колоритъ, и я самъ не знаю, что мнѣ дѣлать; пожалуйста скажите, я нарочно вамъ написалъ обо всемъ подробно; такъ-ли я поступилъ какъ должно, или нѣтъ, и что отъ меня въ этомъ случаѣ требуется. Перемѣнить тонъ, — что жь пользы? приняться помогать дѣломъ, — надо войти въ долги и засѣсть въ Воронежѣ еще года на два, на три. Безъ меня старикъ условій не сдержитъ, это родитъ худыя послѣдствія; сдер-

жать ихъ мнѣ — засѣсть дома надолго, а измѣнить ихъ поздно, и они сдѣланы не мною, — старикомъ; и ея жаль, ея печаль начинаетъ дѣлаться моею печалью. Какъ скажете? Ея же замужество ясно улучшаетъ мою будущность, болѣзнь моя понемножку проходитъ, натура замѣтно укрѣпляется, потребность внутренней дѣятельности еще спитъ, память самая плохая: что читаю сегодня, черезъ два дня совершенно забываю; но для физическаго здоровья угрожаетъ одинъ постъ; пройдетъ онъ, — начнется весна, и ежели я доживу до ней, кончено: я еще жилецъ на свѣтѣ. Къ веснѣ свадьба кончится; послѣдняя сестра будетъ замужемъ, останутся дома отецъ, мать да я. Послѣдняя обязанность упадетъ съ моей шеи, тогда счетъ покорочаетъ, здоровье будетъ видно. Сколько долговъ, сколько товара, все что за нами останется, — будетъ видно, и съ старикомъ говорить я буду имѣть причину основательнѣй, а что у отца на умѣ, то тотчасъ выйдетъ наружу. Тогда собравши все въ одно время, и можно будетъ опредѣлить рѣшительное о себѣ заключеніе.

Та женщина для меня все-таки весьма интересна, и я объ ней часто провожу цѣлые часы въ сладкомъ воспоминаніи; она много дала мнѣ такихъ дней, о которыхъ я не скоро забуду. Ваше послѣднее письмо меня чрезвычайно успокоило, оно мнѣ указало, какъ глядѣть кой на какія вещи, что онѣ, и въ какія отношенія себя къ нимъ поставить. А за вашъ радушный, задушевный привѣтъ, за ваше участіе ко мнѣ, за готовность подѣлиться со мною при случаѣ, — за это за все я васъ и не благодарю. Здѣсь всякая благодарность не стоитъ гроша, и всѣ слова — одни слова. Но что я вполнѣ чувствую, скажу вамъ безо всякой лести, — чувствую глубоко-глубоко. Одни вы изъ цѣлыхъ милліоновъ людей объявили подѣлиться со мной чѣмъ богаты. Говорите, что вы не можете въ другихъ забыться вовсе; да кто забывается до того нынче, до чего забываетесь вы? (подобные разговоры, какъ бы ни были отъ души, а все сейчасъ сбиваются на *вы*).

Радъ вѣсточки, что „О. З.“ будутъ издаваться и на слѣдующій годъ. Не знаю, какой онѣ вѣсъ имѣютъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ изо всѣхъ журналовъ кредитъ упрочивается преимущественно за одними ими. „Библіотека“ у всякаго глупца наконецъ упала въ мнѣніи, а печа-

таніе безконечнаго романа Кукольника въ 10-ти №№ одна изъ самыхъ важныхъ ошибокъ редакціи: эта продолжительность не только отбила охоту читать, но и уронила весь журналъ, и я слышалъ отъ многихъ жалобы однѣ: „Бѣда если не окончится романъ въ этомъ годѣ, и если ухитрятся конецъ его напечатать въ первомъ номерѣ слѣдующаго года, тогда поневолѣ для его конца принуждены будемъ выписать еще годъ". Сталъ вашъ журналъ. И особенно васъ сильно ненавидитъ „Москвитянинъ". У насъ, въ Воронежѣ, живетъ одинъ его сотрудникъ, бывшій товарищъ по университету Погодина, довольно ученый человѣкъ, убитый судьбою, чудакъ, съ старыми понятіями, претензіями и похвалами на ихъ молодое время и съ бранью на все новое, особенно на философію, — хоть они прежде всего и корчатъ изъ себя уродовъ-философовъ. При встрѣчѣ съ нимъ, онъ прежде всего объ васъ ни слова, а теперь только слова о „Запискахъ"; ну и бѣда — брань безъ конца. А на васъ пуще всего, и не знаетъ ужъ почему-то, что вы выгнанный студентъ, дурной самой жизни молокососъ, неучъ, а взялся говорить о людяхъ порядочныхъ, умныхъ, воспитанныхъ, образованныхъ.

Я полагаю, Погодинъ это все ему сообщилъ, онъ съ нимъ ведетъ переписку. Фамилія чудака нашего Баталинъ, и убѣдительно всегда проситъ меня участвовать въ „Москвитянинѣ" и бросить этотъ дрянной журналъ „Отечественныя Записки". Вотъ какъ вы стали посоливать. Недѣли двѣ тому назадъ получилъ я письмо изъ Харькова, отъ какого-то Бецкаго, наполненное самой безстыдной лести о моемъ, изволите ли видѣть, огромнѣйшемъ талантѣ, съ изъявленіемъ своей душевной любви, преданности и уваженія, и оканчивающееся просьбою, чтобы я поскорѣй прислалъ въ замышленный имъ издать альманахъ „Молодикъ" нѣсколько своихъ пьесъ. Я къ нему не писалъ ничего и безъ совѣта вашего ничего не напишу. Критика ваша о древнихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова чудо какъ хороша. Я не читаю, но пожираю ее. А переводы ваши изъ стиховъ въ прозу — цѣны имъ нѣтъ, разсказъ о Прометеѣ чрезвычаенъ, — только, кажется, вы весьма много отдаете Гёте; у Эсхила онъ точно таковъ же, идея та же, развѣ Гёте облекъ его въ лучшую, свою нѣмецкую, форму. А если идея во время Эсхила не была такъ выяснена, какъ

во время Гёте, то здѣсь, кажется, главное уясненіе во времени; человѣчество живя и своею жизнью дало ей такой огромный интересъ. Одно нехорошо: ваша эта статья растянулась на 4 номера. Я понимаю эту необходимость, но въ другомъ отношеніи она васъ не оправдываетъ. Можно еще критическую статью раздвоить на 2 номера, одинъ мѣсяцъ еще ничего, но 3 мѣсяца — другое дѣло, Критическая статья, какая бы она ни была, но непремѣнно должна занимать читателя въ одинъ разъ сначала до конца. Это не то, что повѣсть, романъ. То читать легче, — прочелъ половину, прошелъ мѣсяцъ, — другую забылъ. Нѣтъ нужды, послѣдняя половина съ пяти страницъ напомнитъ о прежней, а кто читаетъ съ толкомъ, тотъ или первую половину не будетъ читать, или, при полученіи второй, первую перелистуетъ. Съ критической статьей, особенно съ философской, этого дѣлать нельзя. „Демона“ Лермонтова спишу и къ новому году пришлю; ѣдетъ нашъ купецъ въ Питеръ и свезетъ его. Стихи на память Станкевича посылаю. Гробъ его недавно привезенъ изъ-за границы въ имѣніе Станкевичей и похороненъ съ торжествомъ, и покойникамъ отъ отцовъ дѣтямъ лучшій почетъ, чѣмъ живымъ. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ точно какъ чужіе. Гдѣ Катковъ? Что онъ замолчалъ? Будете писать, напишите, пожалуйста, о немъ. Жаль, что недосугъ вамъ было ничего сказать о моихъ послѣднихъ пьескахъ. Можетъ онѣ всѣ нехороши и вы пожалѣли меня больного сказать правду. Если эта причина, то, пожалуйста, напишите объ нихъ все, что думаете. Я вамъ вѣрю безусловно, а правда мнѣ всего нужнѣе, хороши — хороши, дурны — дурны.

Если у васъ еще милый и любезный Василій Петровичъ, то я его цѣлую отъ души. Люблю какъ нельзя больше. Писать къ нему не пишу особеннаго письма, потому что не могу. Это письмо къ вамъ и къ нему, а будетъ въ Москвѣ — буду писать. А теперь о чемъ? повторять то же? Вы и Василій Петровичъ: два существа на землѣ самыя любезнѣйшія и близкія моему сердцу. И если онъ еще въ Питерѣ, то попросите его сходить къ Полякову, взять 18 экземпляровъ „Кота Мура“. Вѣдь они были мною адресованы на его имя, я позабылъ написать прежде. Да если не въ тяжесть вамъ будетъ, напишите мнѣ о своей Исторіи Словесности,—кончили вы ее, или нѣтъ, и скоро-ль

издастъ ее Поляковъ, или это дѣло разошлось. Берегитесь его, — мошенникъ. И какъ Андрея Александровича денежныя дѣла журнала? — поправляются-ли хоть немного? При изданіи журнала это главное.

Я ничего не пишу. Голова, что лукошко. А къ вамъ опять буду писать скоро . . . . . .
. . . . . Прощайте. Весь вашъ и всякій день бесѣдующій съ вами Алексѣй Кольцовъ.

Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

63. В. Г. Бѣлинскому.

27 февраля 1842 г.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Давно я къ вамъ не писалъ; давно не получалъ отъ васъ ни слова, но я отъ васъ и не жду письма, вамъ теперь не до меня. Я и свободенъ и ничего не дѣлаю, да и то, видите ль, когда наконецъ собрался, — черезъ сколько времени, стыдно сказать; а между тѣмъ, каждый день думаю объ васъ, бесѣдую съ вами по нѣсколько часовъ. Въ декабрѣ послалъ я вамъ письмо, въ которомъ писалъ вамъ обо всемъ, что у насъ дѣлалось въ семействѣ и что дѣлалось со мной. Послѣ его въ скорости у насъ былъ дѣвишникъ, на которомъ я шибко простудился и снова заболѣлъ. Сначала воспаленіе не очень большое было выше праваго костреца, потомъ образовалось довольно опасное въ правомъ боку противу сердца; ну, это воспаленіе мало того что было чрезвычайно мучительно, а больше опасно, и я ужасно трусилъ за жизнь, и духъ мой былъ въ самомъ тревожномъ состояніи; и какъ-то не только упалъ, но этакъ странно какъ-то возмущался. И въ эту пору у насъ была свадьба, пиры, вечеринки почти каждый день. Комната моя была на самомъ проходѣ, черезъ нее съ утра до полночи все ходило, бѣгало, суетилось, шумѣло; а добрая сестра моя, соединившись съ другими замужними, общими силами овладѣли стариками, одурачили ихъ, расположили ко мнѣ отца еще дурнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Дѣлали безо всякаго стыда все мнѣ на зло, до того, что однажды, когда меня жаръ убійственно томилъ, онѣ въ другой комнатѣ положили дѣвушку, накрыли ее простыней и начали отпѣвать покойника. Это по

ихъ называлось шутка!! Въ другой разъ добрая сестра моя, лѣвушка-невѣста, бранила мать, я за нее вступился; она мнѣ говоритъ: „пожалуйста, выйдите изъ комнаты: ваше дѣло молчать, безъ васъ все обойдется". — Ну что жъ, — послѣ этого я и вышелъ молча. Еще какъ-то она меня оскорбляя, мать за меня вступилась; она ей говоритъ: „что вы за него! погодите, онъ вамъ носъ-то скуситъ". Но, слава Богу, все я стерпѣлъ, пережилъ, только онѣ меня такъ озлили, что я началъ сплетничать. Эта сплетня открыла много дурныхъ ихъ сторонъ передъ лицомъ другихъ людей, сдернула маску съ ея суженаго, и онъ оказался скотина дворникъ, безъ совѣсти, безъ души. Теперь я и жалѣю о этой сплетнѣ, но тогда не утерпѣлъ, — былъ очень слабъ и раздражителенъ, а лучше бъ слѣдовало терпѣть до конца. Въ отомщеніе жъ мнѣ за нее, доброй сестрѣ моей хотѣлось свадьбу протянуть до Троицы; этимъ бы онѣ меня дорѣзали рѣшительно. Весной-таки еще ничего, можно бъ уходить куда-нибудь, но до Святой погода дурная, — выходить можно только въ хорошіе дни. Бѣда бъ мнѣ была да и только. Да, къ счастью, сплетня моя такъ на нихъ подѣйствовала, что они сами начали спѣшить кончить свадьбу, и вотъ 10 дней, какъ ихъ обвѣнчали. Но послѣ сейчасъ же встрѣтилась новая бѣда. На третій день послѣ свадьбы отецъ поутру приходитъ ко мнѣ и велитъ мнѣ переходить жить въ другую комнату, въ сырую до смерти. Я заупрямился, онъ сказалъ: „рѣшительно не хочешь — такъ со двора долой, живи гдѣ хочешь". И подобныхъ утѣшеній наговорилъ кучу. Послѣ обѣда уѣхалъ въ гости; я, пользуясь его отсутствіемъ, самъ перешелъ въ сухую покойную комнату и никому не нужную, легъ въ постель и сталъ приготовляться къ рѣшительной послѣдней ссорѣ. Однакожъ, дѣло обошлось безъ нея. Онъ пріѣхалъ — не сказалъ ничего. Я съ своей стороны увидѣлъ его снисхожденіе, пошелъ къ нему поутру, разсказалъ причину моего переселенія, что оно дѣлалось не изъ каприза и упрямства, а по необходимости. Дѣло тѣмъ и кончилось. Комната осталась за мной. Въ ней я живу теперь тихо, покойно, дышу свободно, а отдыхаю сколько угодно, ѣмъ хорошо, обѣдъ готовятъ хорошій, сплю довольно, и это такъ меня успокоило, что здоровье мое стало лучше. Я бросилъ всѣ сплетни и даже нарочно ѣздилъ къ моей доброй сестрѣ и

къ двумъ другимъ съ извиненіемъ, и просилъ прощенія въ нанесенномъ мною имъ, можетъ быть, оскорбленіи. Помирился, просилъ ихъ, чтобъ и онѣ меня не безпокоили и не сердили. Богъ съ ними. Имъ какъ не жить — все равно, онѣ здоровы; да имъ даже моя сплетня дала жизнь, движеніе,—да мнѣ-то что изъ этого? Мнѣ надо думать о себѣ, и о здоровьи, а всякое огорченіе меня разстраиваетъ. Итакъ теперь, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, я живу, слава Богу, хорошо пока. Горе упало съ плечъ. Черное время пережилъ, силы моей жизни и въ самыя горькія убійственныя минуты поддерживали меня, и я еще живу и пишу къ вамъ и силы мои лучшаютъ,—не говорю: духовныя, ихъ еще нѣтъ, но я радъ пока и физическимъ. Онѣ мнѣ необходимы. Съ отцомъ рѣдко вижусь, дѣлъ онъ мнѣ не наваливаетъ. Оскорблять—пока не оскорбляетъ. Необходимое, кромѣ денегъ, даютъ, но я радъ ужъ и послѣднему. Вотъ почему я такъ долго къ вамъ не писалъ. Теперь у меня все положено ждать весны. Постъ своею ростепелью страшитъ; однако лѣкарь мой говорилъ, чтобы я за себя не боялся. Болѣзнь продолжится, но за жизнь онъ ручается, и я ему вполнѣ вѣрю. Конечно, о себѣ, о болѣзни и дѣлахъ семейныхъ я сказалъ вамъ все. Миръ имъ. Мое послѣднее письмо, какъ я и думалъ, васъ ужъ въ Питерѣ не застанетъ. Эту пору вы были въ Москвѣ, и я думалъ оно къ вамъ не дойдетъ, но вчера, получивши второй № „Записокъ“, увидѣлъ „Поминки“ и успокоился: значитъ, вы его получили. „Демонъ“ Лермонтова переписанъ и готовъ, и я бы его ужъ послалъ, да въ первомъ номерѣ увидалъ, что его не напечатаютъ, и потому теперь не пошлю,—онъ вамъ не нуженъ. Журналъ вашъ „Отеч. Записки“ ужасно поздно у насъ получается, послѣ всѣхъ журналовъ, 1 № полученъ 2-го февраля, 2 №—25 февраля. Въ Курскѣ же 1-й полученъ десятью днями раньше. Меня ужасно опечалило, когда я услышалъ, что губернаторъ получилъ отъ Внутренняго министра номера на „О. З.“ и раздаетъ черезъ думу. Это значитъ, что подписка была пустая и Андрей Александровичъ прибѣгъ въ этой мѣрѣ по необходимости. Плохо. Издавай у насъ послѣ этого хорошіе, умные журналы! Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ большая часть голосовъ въ пользу „Записокъ“, а другіе побраниваютъ. Онѣ не по ихъ мозгу. „Библіо-

теку" всѣ бранятъ; но ея кредитъ такъ утвердился, что бранятъ, бранятъ, а все-таки выписываютъ. Они не хотятъ прямо сознаться въ своемъ тупоуміи, а внутри всякій идіотъ чувствуетъ, что „Библіотека" ему по плечу, а съ „Записками" горе: ихъ надо читать съ толкомъ. „Библіотеку" можно читать безъ толку. А о другихъ журналахъ у насъ почти не говорятъ, ихъ какъ будто нѣтъ на свѣтѣ. Первый номеръ „Записокъ" чрезвычайно хорошъ, всѣ отдѣлы полны интересомъ. „Актеона", повѣсть Панаева, весьма хороша, и ее всѣ читаютъ и хвалятъ, кромѣ помѣщиковъ, особенно молодыхъ; тѣмъ она не понутру. Жаль, кой-гдѣ въ ней Иванъ Ивановичъ хочетъ смѣшить и силою натягиваетъ комизмъ. Его у него нѣтъ, а у него очень много свѣтской тонкой, язвительной ироніи. Эта сторона ему далась — и недавно; важное пріобрѣтеніе, владѣть ироніей великое дѣло. Ольга Павловна у него тоже натура новая, удивительная натура и поставлена художественно въ эти мерзкіе характеры, между низкими подлыми душонками. Она погибла между ними безъ воплей, безъ страданій, но за то такіе задушеные внутри ея души вопли и страданія, и какъ они громко раздаются въ каждомъ чувствующемъ человѣкѣ, и какая въ ней возбуждается въ душѣ любовь и сожалѣніе, и какъ готовъ торжественно проклясть ея палачей и губителей! А письмо учителя!.. Его не читаешь, а пожираешь и не въ одинъ разъ, а въ нѣсколько. Статья Сабурова о сельскомъ хозяйствѣ дѣльная, умная статья, за которую многіе, многіе скажутъ спасибо. Это не то, что писалось изъ иностранныхъ теорій статьи въ „Библіотекѣ". Здѣсь видишь человѣка чисто русскаго, образованнаго, умнаго, наблюдательнаго, съ тактомъ, который не простыми, а вооруженными глазами смотритъ и въ воздухъ, и въ землю. Подобныя вещи для журнала сокровище. Письма Анненкова — чудо какъ хороши; онъ пишетъ прямо и просто, какъ что видѣлъ, думалъ, подслушалъ, не мудрствуя лукаво, — и живой интересъ въ нихъ такъ и трепещетъ. Вашу критику прочелъ съ остервенѣніемъ, прочелъ и перечелъ. Въ ней много ужъ вами сказаннаго, но тутъ оно получило новый интересъ, тамъ было отрывочно, здѣсь исторически въ порядкѣ отъ начальнаго интереса слѣдуетъ до послѣдней строки съ такою ясностью, опредѣленностью и убѣжденіемъ. Одно мнѣ не понравилось: напрасно вы ее расположили

въ разговорную форму, — разговорная форма необходима въ драмѣ, на сценѣ, въ драматическихъ отрывкахъ, но кажется ужъ никакъ не въ критикѣ и ученой статьѣ. Какъ-то второе лицо останавливается всегда и охлаждаетъ вниманіе. Видишь каждую минуту въ немъ миѳъ, который по приказу перваго лица иногда затѣетъ новый интересъ, потомъ либо сейчасъ же откажется, или согласится съ первымъ; тогда какъ первое ежеминутно все ползетъ впередъ, какъ жизнь въ человѣчествѣ. По-моему, критика должна высказываться прямо отъ одного лица и дѣйствовать повелительно и державно. Во второмъ номерѣ критика хороша, умна, тактично умна; въ ней на многое указано мѣтко и искусно; но она толпѣ не понравится, она ее не пойметъ. При разборѣ драмы Неѣлова — указанъ матеріалъ для драмы глубоко провидящаго человѣка въ исторію человѣческой жизни; именно на этомъ моментѣ могла бы быть образцовая драма. Лермонтова „На украинскія степи“ чудо какъ хорошо, изъ рукъ вонъ хорошо. „Бѣснующійся“ Одоевскаго повѣсть глубокая, превосходная и мастерски разсказанная. Вы смѣетесь можетъ быть, что я пустился въ такія разсужденія, но я имѣю причину говорить объ нихъ. Болѣзнь такъ меня ошеломила, что у меня до сей поры нѣтъ ни памяти, ни мыслей, и я какъ-то живу дуракомъ, и мнѣ бы хотѣлось услышать отъ васъ, хорошо или глупо понимаю вещи, о которыхъ сейчасъ говорилъ, и о тѣхъ пьесахъ, которыя я вамъ послалъ. Хорошо — ладно, дурно — говорите не жалѣя, и чѣмъ о дурномъ скажете горче, тѣмъ для меня будетъ лучше, полезнѣй. Какъ вы живете? Здоровье ваше? дѣла? Какъ живутъ И. И. Панаевъ, А. А. Краевскій, Комаровъ, Языковъ? За моремъ Катковъ? Мнѣ бы весьма хотѣлось знать. Мѣсяца три назадъ А. А. Краевскій писалъ къ моему знакомому Черткову, чтобъ онъ его увѣдомилъ, какъ я живу, что дѣлаю, въ какомъ здоровьи. Не знаю, по какому случаю и зачѣмъ не ко мнѣ прямо. Правда, больше года я не пишу къ нему, но не потому, чтобы не хотѣлъ и забылъ, а о чемъ я буду писать, и какъ я буду писать, когда я знаю, что у него гора дѣлъ безъ меня, а я еще собой буду время отнимать. Чертковъ же, хотя мнѣ и знакомъ, но онъ монхъ домашнихъ дѣлъ не знаетъ, какъ и всѣ чужіе. Къ чему я буду о нихъ разсказывать, помогутъ-ли мнѣ они? Самъ о

нихъ говори, это другое дѣло. Слѣдственно, что Чертковъ обо мнѣ ни написалъ, все не такъ. Если что нужно, то сообщите Андрею Александровичу обо мнѣ. Люди, которые подписались на „Отечественныя Записки“ въ думѣ, — не получили еще до сей поры ни перваго, ни второго номера. За это сердятся. Новая бѣда грозитъ мнѣ впереди, послѣ святой опять въ Воронежъ пріѣдетъ та женщина, что такъ меня упестила. Если въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ и я съ ней встрѣчусь, то чувствую впередъ, что отъ этой встрѣчи добра будетъ мало; а я ужъ съ охотой жду, и въ моей душѣ къ ней злобы нѣтъ. Кому можно, поклонитесь отъ меня, всѣмъ, кого я люблю, — вы всѣхъ сами знаете. Васъ вижу сію же минуту у себя живого и крѣпко обнимаю и цѣлую. Вашъ Алексѣй Кольцовъ.

Статья Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

64. В. П. Боткину.

27 февраля 1842. Воронежъ.

Вотъ, милый мой, Василій Петровичъ, вы такъ извинялись передо мною весною въ письмѣ, что долго не писали ко мнѣ, что много разъ сбирались и откладывали до завтра. А лучше-ли теперь сдѣлалъ я, исправнѣй-ли поступилъ? Писалъ ли даже на ваше письмо, — не помню. А сколько съ той поры прошло времени, — ужасъ! Вы ужъ заняты, и у васъ больше разсѣянія, больше людей, которыхъ любите, а у меня и время свободно, и ничего не дѣлаю, и людей въ цѣломъ Воронежѣ ни одной души; не только некому сказать двухъ словъ, но и не у кого пожать руки и кажется надо будетъ писать письмо безъ извиненій. Но не думайте, однакожъ, чтобы я не хотѣлъ къ вамъ писать, или не имѣлъ желанія; но были причины, и теперь есть, и ихъ много, и причины уважительныя. И сколько могу, рады-ль вы будете, — не рады, а я вамъ ихъ сообщу, — нельзя не передать, хочется. Больше некому,— Виссаріону Григорьевичу и вамъ. Ему я ихъ всѣ передалъ, теперь — вамъ: Живя въ Москвѣ, вы все знали, что я дѣлалъ, думаю, какія были мои и семейныя обстоятельства, и что ужъ тамъ меня начали тревожить темныя предчувствія, которыя послѣ разрѣшились и много хуже, чѣмъ я думалъ. Съ перваго пріѣзда домой, отецъ мой обошелся весьма холодно. Дѣло,

которое я выигралъ, его нисколько, при разсказѣ о немъ, не порадовало. Это меня поставило въ тупикъ. Я не жилъ никогда въ однѣхъ комнатахъ съ ними. Притомъ, въ домѣ нашемъ есть мезонинъ, я одну зиму ужъ въ немъ зимовалъ; безъ меня его не топили. Я хочу перейти въ него, — мнѣ говорятъ: живи съ нами. Живу недѣлю, — скучно, безпокойно. Топлю мезонинъ, перехожу силой, — мнѣ не даютъ дровъ. Беремъ ночью, крадучи. Не даютъ свѣчей, чаю, сахару. Плохо. Я къ отцу, — говорю объ этомъ. Онъ: „Я говорилъ, — живи съ нами, и я писалъ тебѣ: хочешь остаться въ Москвѣ,—останься; я и не ждалъ тебя. Думалъ, ты тамъ останешься.“ Кой-какъ пробился до весны. Весной дровъ не надо, и я сталъ жить покойнѣй; но отецъ меня шибко огорчилъ. Это на меня шибко подѣйствовало. Я началъ шляться кой-куда и безъ дѣла; дѣла мнѣ опротивѣли. Въ эту пору встрѣчаюсь съ женщиной, о которой я вамъ писалъ, и два мѣсяца убилъ съ нею такъ, какъ никогда не жилъ съ женщинами съ роду. Ну, конечно, объ этомъ дошли слухи и до отца. Подобное мое поведеніе ему не понравилось. Я всегда въ глазахъ его и цѣлаго города велъ себя святошей, и вдругъ онъ увидалъ во мнѣ человѣка распутнаго. И это, конечно, не обошлось бы мнѣ даромъ, да я заболѣлъ. Боль сначала заключалась въ трехъ ....., и лѣкарь мой ихъ въ двѣ недѣли прогналъ. За ними новая боль: распаденіе во всей натурѣ. Вдругъ я упалъ и тѣломъ, и духомъ; вдобавокъ отецъ не даетъ денегъ ни гроша, ни лѣкарю, ни на лѣкарство. Я занимаю. Лѣчусь. Меня плохо кормятъ, и то тихонько отъ отца готовили обѣдъ мнѣ. Я это узналъ, сказалъ лѣкарю. Онъ присовѣтывалъ мнѣ удалиться изъ дома, купаться въ рѣкѣ. Къ счастью, у родственника надъ самымъ Дономъ, въ 12 верстахъ отъ Воронежа, есть дача. Я къ нему, онъ велѣлъ съ охотой переѣхать и далъ мнѣ всѣ средства, и я жилъ на дачѣ три мѣсяца такъ покойно, — пилъ, ѣлъ, спалъ, купался. Здоровье мое немножко поправилось, но только поправилось, а не исправилось. Въ августѣ я домой, съ мѣсяцъ шло лучше, и я началъ прохаживаться. Въ концѣ сентября у меня сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ, и я чуть не отправился на онъ-полъ. Но піявки, припарки, прохладительное,— возвратили къ жизни. Отецъ, не смотря ни на что, мучитъ меня не переставалъ

и очень равнодушно сказалъ мнѣ, что если я умру, онъ будетъ радъ, а если буду жить, то онъ предувѣдомляетъ меня впередъ, чтобъ я ничего не ждалъ и не надѣялся; что онъ дома и ничего мнѣ никогда не предоставитъ; что если не успѣетъ при жизни прожить, то сожжетъ. И это говорилъ онъ тогда, когда я ни слова ему ни о чемъ подобномъ не сказалъ и ничего отъ него не требовалъ. Мать моя простая, но добрая женщина; хотѣла мнѣ помогать, но я ее отклонилъ и поддерживалъ себя займомъ. Воспаленіе прошло, и я немножко опять началъ поправляться. Осень. Мезонинъ холоденъ, по необходимости помѣстился вмѣстѣ. Комнату занялъ на проходѣ, удобнѣй не было, была, — да въ ней жили старики, ее не дали. Ну, ничего, живу. За сестру сватаются. Завязалась свадьба, все начало ходить, бѣгать черезъ мою комнату, полы моютъ то и дѣло, сырость для меня убійственна; трубки благовонья курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ противу сердца, довольно опасное и мучительное, и здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, не смотря на то, что я ему мало очень платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день, и въ эту же пору у насъ вечеринки каждый день,—шумъ, крики, бѣготня; двери до полночи въ моей комнатѣ минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить, — курятъ больше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть половъ, — моютъ. Я началъ бѣситься, злиться, и даже, стыдно сказать, сплетничать. Но эта сплетня помогла, и наконецъ кое-что, чего я не зналъ, открыла. Но объ этомъ послѣ. Не смотря ни на что, старанія лѣкаря и моя натура все превозмогла. Оказалось, что я очень живучъ, какъ кошка. Мнѣ стало лучше. На пестрой свадьба кончилась. Шумъ съ плечъ долой. На третій день послѣ конца свадьбы, отецъ ко мнѣ приходитъ. Говоритъ, чтобы я перешелъ въ его комнату. Я отказался, — она зимой сыра, а это мнѣ вреднѣй всего. Онъ сказалъ: „Не хочу. Ну переходи куда хочешь, или со двора.“ И много наговорилъ въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда уѣхалъ въ гости. Я безъ него перебрался въ комнату сестры моей, теплую, сухую, съ прекраснымъ воздухомъ, и приготовился со старикомъ поспорить за нее. Но дѣло обошлось, слава Богу,

безъ шума. Ему сказали, — я было перешелъ въ его, но сдѣлался нездоровъ — и перебрался въ сестрину. Я точно было и перешелъ, но у меня разболѣлись грудь и голова, я и тягу изъ ней до него. Онъ молчалъ. Я поутру пошелъ къ нему, объяснилъ причину, просилъ не сердиться за комнату, какую занялъ, и дѣло тѣмъ кончилось. Да во время болѣзни и свадьбы за мою сплетню на меня сестра озлилась такъ, что начала ругать всячески и увѣрять мать, что я ей „носъ сверну“, и даже однажды подлѣ меня поставила столъ на средину комнаты, положила дѣвушку и, начала отпѣвать меня, а я лежу и слушаю, и эта-то сестра, которую я весьма любилъ, о которой я много хлопоталъ учить на фортепіанахъ, пѣть, по французски, и за фортепіано мнѣ досталось отъ старика порядочно; но какъ еще пріѣхалъ я изъ Москвы, удивился: пѣніе брошено, фортепіано забыто, языкъ тоже. Ноты, которыя я ей прислалъ, не разыгрывались. Это меня удивило. Послѣ узнаю, — она влюблена. Я и сложилъ все на это, разъ намекнулъ объ этомъ слухѣ; она меня отклонила такъ сухо, будто я это самъ выдумалъ. Я и замолчалъ. Конецъ. Но вы спросите, отчего ко мнѣ сдѣлался такъ дуренъ отецъ и сестра? Отецъ мой отъ природы съ сильною физическою природою человѣкъ, жилъ въ приказчикахъ, пріобрѣлъ кое-что, сдѣлался хозяиномъ, наживалъ капиталу до 70 тысячъ рублей три раза, и проживалъ ихъ вновь; въ послѣдній разъ прожился,— и осталось у него много дѣлъ. Онъ ихъ кое-какъ затушилъ, а окончить было нечѣмъ. Они пали на меня; въ 8 лѣтъ я ихъ поуладилъ, и это дѣло, за которымъ я жилъ въ Москвѣ, было послѣднее. Оно кончилось на время хорошо, теперь у него нѣтъ ихъ, онъ покоенъ. Выстроилъ домъ, приноситъ доходу до 6000 въ годъ, да еще у насъ девять комнатъ за собой. Кромѣ того у него осталось до двадцати (тысячъ). Онъ самолюбивъ, хвастунъ, упрямъ, — хвастунъ безъ совѣсти. Не любитъ жить съ другими въ домѣ человѣчески, а любитъ, чтобы все передъ нимъ трепетало, боялось, почитало и рабствовало, и я все это переносилъ и терпѣлъ, но какъ у меня была особая комнатка, уйду въ нее и отдохну. Не думалъ о себѣ, а только о дѣлахъ. Но принявъ дѣла, уладивъ ихъ, и какъ былъ Жуковскій, онъ далъ мнѣ большой вѣсъ, и старикъ, ради дѣлъ, по необходимости, далъ мнѣ свободы болѣе,

чѣмъ желалъ. Это ему наскучило. Ему хотѣлось одолѣть меня прежде, настаивая жениться. Я не хотѣлъ. Это его взбѣсило. Женись, — онъ бы тогда надо мной разговѣлся. Сестра же послѣ меня его пуще возбудила. Она всѣ мои фантазіи, которыя я ей разсказывалъ, перетолковала по своему, и кончила, что я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы обобрать старика, да и въ Питеръ. Она же такъ сбывала съ рукъ меня, чтобы выйти замужъ и войти во дворъ и овладѣть всѣмъ. И въ кого она влюблена была, и вышла замужъ? Человѣкъ видный, красивый собой,— но пустой, недалекій, ограниченный, безъ совѣсти и пошлый. И теперь оказалось, что она была влюблена, а онъ и не думалъ. Но если бъ я и умеръ, все бы они ошиблись въ разсчетѣ. Отецъ по смерти можетъ и отказать за ними домъ, но при жизни, когда гонитъ послѣдняго сына со двора, чтобы деспотически властвовать одному, то приметъ ли къ себѣ чужого человѣка—зятя. Кажется,—нѣтъ. Устроившись въ комнатѣ, я поѣхалъ къ сестрѣ, просилъ извиненія и прощенія у ней и у двухъ другихъ, буде я ихъ чѣмъ оскорбилъ, и скажу вамъ откровенно, — сплетня мнѣ наскучила, и я былъ ими часто огорченъ, встревоженъ, взбѣшенъ. Чтобы успокоить себя, чѣмъ продолжать ссоры, кончить миромъ, и я теперь, слава Богу, живу покойно, смирно, онѣ меня не безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ больной, самъ старшой; съ отцомъ вижусь рѣдко. Онъ меня не оскорбляетъ пока, и я доволенъ имъ. Обѣдъ готовятъ порядочный, чай есть, сахаръ тоже, — а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше, началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ; но силъ, — не говоря: духовныхъ,—и физическихъ еще нѣтъ, памяти тоже. Волоса начали расти, на лицѣ зелень сошла, глаза чисты пока, слава Богу. Еще одно. Вы не знаете, какая у меня была сплетня? И подумаете, гадкая? Нѣтъ, а въ подобномъ родѣ. Сестра моя зла, желаетъ моей смерти, отпѣла заживо; другая — дура; третья зла и ехидна и скряга. Старикъ меня не любитъ, не даетъ денегъ лѣчиться, женихъ недалекъ, безсовѣстенъ и т. д. Оно все правда, да и правды-то не любитъ. А чтобы я что-нибудь дѣлалъ отцу или сестрамъ во вредъ,— Боже сохрани! Ничего. Вотъ, милый Василій Петровичъ, исторія моей болѣзни и моихъ обстоя-

тельствъ съ той поры, какъ я разстался съ вами, до сихъ поръ. Я подробно разсказалъ вамъ и для того, что, кромѣ васъ и Виссаріона Григорьевича, мнѣ некому передать о себѣ ничего, а во-вторыхъ и для того, что вы мнѣ посовѣтуете дѣлать. Пока я боленъ, конечно ничего, умру — также. Но—выздоровѣю? Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить-ли все, — ѣхать въ Петербургъ? Удерживаться дома,—житье мнѣ будетъ плохое; но все старикъ меня, какъ ни говори, а съ двора не сгонитъ! У меня много знакомыхъ здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаютъ лѣкарь и у кого я жилъ на дачѣ; скажи имъ,—они помогутъ; но расположить человѣка силою, конечно, не могутъ; этого нельзя. Уладить съ нимъ можно легко, — жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ; но за то надо будетъ взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ: пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ, — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать, у меня есть вещей рублей на 300— этого достаточно; но пріѣхавши туда, что̀ я буду дѣлать? Наняться въ приказчики — не могу. Отъ себя заниматься — не на что. Положить надежду на мои стишонки,—что̀ за нихъ дадутъ? и что буду за нихъ получать въ годъ? — пустяки: на сапоги, на чай — и только. Талантъ мой, надо говорить правду въ рѣшительное время,— талантъ мой пустой; нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ 33 года — четвертый, пока то да се — 34. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе, я имъ дорожу больше всего. Виссаріонъ Григорьевичъ пишетъ ѣхать, — да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ да немного, да и то живя въ Москвѣ и въ Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Вы знаете жизнь и людей больше, опытнѣй въ этомъ дѣлѣ, и я вамъ больше всѣхъ повѣрю. Что если въ 40 прійдется нищенствовать? — Плохо, особенно на чужой сторонѣ; жить же на чужой счетъ — вѣкъ не проживешь. Я теперь долженъ вамъ и другимъ. Вы ихъ не просите, а если бъ... Какъ они меня мучаютъ! По дѣламъ торговли затянутъ туда-сюда, — не хорошо, но при нуждѣ еще таки; но эти займы — другое дѣло. Есть: я занялъ у такихъ людей, которые сами для меня заняли. Небольшая сумма, да въ 1000 разъ

хуже большой! Здѣсь занималъ ужъ такъ, съ условіемъ, когда будутъ — тогда отдать. Это еще легче; да легче при крайности. А то отведи Господи отъ моего врага такую легкость. Ради Бога, напишите на все это искренно и откровенно. Писать — ничего не пишу, не въ состояніи. На новый годъ написалъ больной въ минуту горькой скуки, и вамъ ихъ посылаю. Гадость, но онѣ вамъ напомнятъ чудесную ночь, проведенную у васъ многими. Если вамъ подобныя вещи не интересны, то для меня это воспоминаніе весьма дорого. Читать—мало читаю, не могу, слабъ, и памяти нѣтъ. Если читаю два часа, то дѣлаюсь, какъ ледъ. Убиваю время такъ-кое-какъ. Наслаждаюсь спокойствіемъ, важничаю одинъ въ свѣтлой, сухой комнатѣ, сплю до десяти. Необходимое есть — и довольно. Забочусь о здоровьѣ... Благодарю васъ за письмо, присланное ко мнѣ, за приписку къ письму Виссаріона Григорьевича изъ Петербурга, за совѣтъ, котораго я пока и придерживаюсь. Извините меня, что я не пишу вамъ ничего о литературѣ, которую и больной люблю душою, — но писать о ней ничего не могу. Нѣтъ памяти, нѣтъ мыслей. Я пока сдѣлался чисто животное существо и, видите ль, пишу къ вамъ о всякихъ мелочахъ; въ другую пору о нихъ бы, можетъ быть, постыдился намекнуть. Что, если и выздоровѣю, такимъ останусь? Тогда простите, Василій Петровичъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, Москва, Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого паралитическаго состоянія. Или жить для жизни, или маршъ на покой.

(Слѣдуетъ стихотвореніе „На новый 1842 годъ").

Есть еще пьески три новыхъ, хотѣлъ бы сообщить ихъ вамъ, да усталъ; писать мочи нѣтъ. Послѣ когда-нибудь. Отъ души посмѣялся я, читая ваше письмо. Павловы и Бакунины меня бранятъ за Языкова, — это хорошо. Бѣда у меня новая, Василій Петровичъ, готовится впереди; вчера услышалъ: та моя женщина будетъ въ Воронежѣ послѣ Святой. Я какъ-то боюсь ее увидѣть, и хочется видѣть, и если къ той порѣ поздоровѣю и если пойдетъ по старому, тогда ужъ мнѣ матъ; а лучше пусть пріѣзжаетъ; жду. Братцамъ вашимъ мое почтеніе, Ивану Петровичу — глубокое. Васъ цѣлую крѣпко. До свиданія. Вашъ Алексѣй Кольцовъ.

(На поляхъ первыхъ страницъ приписка):

Теперь спросите у меня, для чего я десять лѣтъ ула-

живалъ дѣла отца, торговалъ, хлопоталъ, строилъ домъ, обманывалъ людей и иногда подличалъ? Сестрѣ на свадьбу отецъ нашелъ 10,000 р., а больному сыну нѣтъ 200 — дать лѣкарю. Чудны дѣла на свѣтѣ!

Пропустилъ: Зачѣмъ я снялъ ту маску, что носилъ прежде? Наскучило носить ее, стало въ тягость наряжать себя, обманывать людей и себя. У васъ я былъ — я; въ Воронежѣ и въ дѣлахъ—другой я, не я. И старикъ началъ всюду говорить, что онъ меня кормитъ, что я всѣ у него завелъ дѣла, которыя онъ насилу кончилъ, и что я живу—воздухъ копчу, даромъ хлѣбъ ѣмъ. И это меня огорчило. Отчего моя сестра перемѣнилась? Вотъ отчего: безъ меня она и двѣ другія: одна съ дурью и живетъ богато и ея голосъ былъ важенъ: „Станкевичъ померъ, Сребрянскій тоже, Пушкинъ застрѣлился, Марлинскаго убили, да и нашему молодцу не сдобровать. И кто этихъ людей слушаетъ и держится, тотъ человѣкъ пустой. Главное былъ бы хлѣбъ, а для хлѣба извинительно сдѣлать всякую подлость. Люди побранятъ — да перестанутъ, а мы наживемся". Изъ этого письма увидите, если я самъ не виноватъ. Сдѣлался глупъ, гадокъ, золъ. Пожалуйста, скажите правду. Я за себя теперь не ручаюсь, можетъ мое болѣзненное состояніе меня и перестроило иначе, и можетъ я дѣлаю не такъ, — какъ должно.

65. **В. Г. Бѣлинскому и В. П. Боткину.**

(Въ половинѣ мая 1842. Воронежъ.)

Любезнѣйшіе, добрые мои Виссаріонъ Григорьевичъ, Василій Петровичъ! У меня нѣтъ силъ писать къ вамъ двухъ писемъ, а изъ послѣдняго письма Василія Петровича я знаю, что вы оба живете вмѣстѣ въ Петербургѣ. Благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, за послѣднее ваше письмо: оно меня много успокоило, со многимъ здѣсь дома помирило, и я сталъ на окружающія меня вещи смотрѣть еще равнодушнѣе. Живу не думая о многомъ, стараюсь забыть, что со мной сдѣлали и дѣлаютъ, становлю себя между своими человѣкомъ постороннимъ. Вашъ зовъ въ Питеръ совершенно воскрешаетъ мою душу, но никакъ еще я не справлюсь съ тѣломъ, — оно измѣняетъ. Правда, и физическихъ силъ я чувствую небольшой въ себѣ избытокъ, но все онѣ есть, и больше чѣмъ въ тѣлѣ, — тѣло сколько

разъ падало, хотѣло разрушиться, уничтожиться, а я все живу ... Кто же пересиливаетъ болѣзнь тѣла, какъ не сила духа? Лѣкарь, лѣкарства — они много значатъ, но если бы упала физическая сила, тогда бы и средства были безплодны. Весь постъ я былъ здоровъ какъ нельзя лучше. Сначала это меня радовало, потомъ я сталъ на себя смотрѣть подозрительно, — и подозрѣнье оправдалось: въ половинѣ страстной болѣзнь моя опять меня схватила, да какъ! какъ никогда. Пять сутокъ не было сна, аппетита, шибкій поносъ, ночью жаръ, бредъ безъ сна, кашель всю ночь и ужасъ мокроты; да такъ съ недѣлю (пока мой лѣкарь справился съ этимъ кризисомъ). Меня боль (такъ) измучила, что жизнь висѣла на волоскѣ. И вотъ три недѣли прошло, все еще не въ очень хорошемъ состояніи; однако, мнѣ лучше съ каждымъ днемъ: теперь ѣмъ, сплю, хожу, выѣзжаю за городъ, только силъ нѣтъ. Вы говорите въ письмѣ, что я слѣпо отдался людямъ мерзкимъ обмануть себя. Такъ, это правда. Но Виссаріонъ Григорьевичъ! эти люди не хороши, но вѣдь они — отецъ, сестры. Какже мнѣ было остерегаться отца, гдѣ я жилъ, отъ него началъ дѣйствовать и вмѣстѣ съ нимъ? У кого же должно было быть тогда все въ рукахъ, — у сына-ль, молодого человѣка, или у старика отца? Да, дѣла наши такъ были темны, что я цѣлый годъ топъ въ нихъ по самыя уши, и еще не дома, всегда на сторонѣ; дома былъ гостемъ, и былъ всегда отецъ ко мнѣ хорошъ. Я думалъ, что онъ меня любитъ, какъ порядочнаго сына, который старается дать ему и семейству лучшее значеніе, усилить отношеніе людей съ хорошей стороны, увеличить честь въ обществѣ. Ай, нѣтъ: онъ ласкалъ меня, оказалось, не ради этого, а ради того, что я у него хорошая рабочая лошадь, которая хорошо и ловко дѣлаетъ дѣла, очищаетъ его отъ судебныхъ дѣлъ. Пришло почти это все къ концу, — онъ и показалъ, за что онъ меня любилъ; начни я дѣлать попрежнему, онъ опять меня полюбитъ. Я буду пріобрѣтать — и изъ этого не долженъ смѣть истратить гроша; а онъ ихъ будетъ проживать глупо, — и надо его хвалить! Что не проживаетъ, а все самъ одинъ пріобрѣтаетъ. О себѣ ни слова: вози и молчи. Ошибка моя состояла въ необходимости. Теперь мы рѣдко съ нимъ видимся, въ недѣлю разъ, два, и то какъ-нибудь встрѣтимся нечаянно. Во время самой сильной

болѣзни былъ у меня въ недѣлю на минуту разъ: и то, я замѣтилъ, радостно глядѣлъ на меня, отходящаго къ смерти. Мать одна оказала мнѣ искреннее участіе.

Теперь къ вамъ, Василій Петровичъ! Я писалъ вамъ письмо большое, подробное, все что было со мной и есть. Въ немъ я вамъ писалъ все, что у меня за дущою было и жило долго: про мои намѣренія, и про мои опасенія, и про себя самого. Такое письмо я только и могъ написать вамъ или Виссаріону Григорьевичу, никому больше на свѣтѣ: ни брату, ни женѣ. Горькое было у меня время, горько, — вамъ во всемъ и сознался. Но вы, милый Василій Петровичъ, поскупились отвѣтить мнѣ на все, на что я просилъ отвѣта. Слова нѣтъ, тяжело вамъ о многомъ сказать прямо, щекотливо: я васъ поставилъ въ самое затруднительное положеніе. Но я къ вамъ-то объ этомъ и писалъ, отъ васъ-то и требовалъ и отъ васъ-то я и могу все выслушать и легко снести непріятное; что́ бы вы дурно про меня ни сказали, это все бы только значило, что вы сказали мнѣ не въ укоръ, а въ похвалу, а чѣмъ бы прямѣй и рѣшительнѣй, — тѣмъ бы было для меня пріятнѣе и легче. Видите ли, у меня сдѣлалась нечаянная перемѣна во всемъ, и я, такъ сказать, оторопѣлъ. Мнѣ сдѣлалось нужно броситься въ другую сферу, — но прежде нужно же сознать свои силы и свои недостатки. Упавши разъ, и то никакъ не поднимусь, но упавши другой разъ, — значитъ наповалъ. Вотъ почему мнѣ нужно знать о самомъ себѣ именно отъ васъ, и потому отъ васъ, что я къ вамъ обонмъ неограниченную имѣю любовь и довѣріе, а между своими чиниться въ крайности нечего: что плохо, то и наружу прежде всего. Отъ всего сердца благодарю васъ за ваше письмо... Переселиться въ Питеръ — послѣднее средство; что будетъ, то будетъ — другого выхода нѣтъ. За приглашеніе жить съ вами на дачѣ, за вопросъ: есть-ли у меня на проѣздъ деньги, — за это за все такъ я вамъ благодаренъ, что не умѣю вамъ и высказать. Ваше письмо благодатью повѣяло на меня, въ немъ столько любви, участія, вниманія, теплоты, души, искренности; читая его, такъ и рвешься къ вамъ душою, милые мои, да крыльевъ нѣтъ. Положеніе моего состоянія здоровья лучше опять, Лѣкарь говоритъ, что боль продолжительна, но не опасна, и что онъ за жизнь ручается, онъ же и лѣчитъ годъ, по-

лучивъ бездѣлицу, и знаетъ, если и вылѣчитъ, то тоже получитъ бездѣлицу: много, если я могу передать ему 300 р. Но онъ меня немножко любитъ, и потому всегда ко мнѣ усерденъ. Во время этой самой схватки болѣзни, я даже говорилъ ему: докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ее; необходимо чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ. Онъ сказалъ, что у него есть увѣренность справиться съ моей болѣзнью. Когда такъ, — будемъ лѣчиться. Я сказалъ, что у меня, чтобы жить, выходъ одинъ — въ Питеръ, я это самъ сознаю душою; но пока я боленъ, пока не вылѣчусь, пока сила и тѣло не окрѣпнутъ, пока я не буду годенъ снести длинный путь — до тѣхъ поръ я изъ Воронежа ни ногою. Выгонитъ отецъ со двора больного, — есть родственникъ, готовый меня взять къ себѣ, и безо всякаго счета доставить мнѣ все нужное. Это — Башкирцевъ. Онъ человѣкъ чисто математическій и лѣтъ 50-ти, да онъ меня издавна любитъ, и онъ больше всѣхъ въ городѣ, послѣ матери, обо мнѣ заботится. Какъ скоро выздоровѣю, тогда тотъ же часъ письмо къ вамъ и Виссаріону Григорьевичу. Вчера проѣхалъ за городъ, за 10 верстъ, сбиралъ съ часъ траву. Поѣздка была 8 часовъ; пріѣхалъ — уморился на смерть, насилу отдохнулъ. Если вы взяли у Ширяева послѣдніе три тома Пушкина, пришлите пожалуйста ко мнѣ. Здѣсь ихъ мало, трудно достать прочесть, а деньги, которыя я у васъ взялъ — 345 рублей асс., пождите, пожалуйста. Богъ дастъ поправлюсь, — буду говорить о нихъ съ отцомъ. Теперь не говорю, потому — иногда надобно разсердиться, поговорить съ нимъ круто, а мнѣ это до смерти вредно, и я съ пріѣзда подалъ счетъ, раза два напоминалъ. „Будутъ деньги, — вышлемъ“, былъ отвѣтъ: а больной, ни слова ужъ ни о чемъ интересномъ: боюсь ссоры.

Въ прошедшій разъ писали вы, гдѣ я дѣлъ 18 экземпляровъ „Кота-Мура“. Взявши въ конторѣ Песоцкаго въ тюкѣ не переплетенныя, принесъ положить въ лавку къ Василію Петровичу Полякову. Онъ былъ въ лавкѣ, спрашиваетъ: — Что это? — „Котъ-Муръ“ — Куда? — Къ переводчику Кетчеру послать въ Москву, — взялъ у Песоцкаго по порученію Кетчера“. — Какъ же вы пошлете? — „Черезъ почту“. — Вамъ дорого это будетъ стоить; а

не угодно ли я вамъ пошлю ихъ при дилижансѣ, и это стоитъ бездѣлица, у насъ ужъ заведена съ нимъ годовая корреспонденція. Я пишу адресъ: Въ Москвѣ, В. П. Боткину, купцу такому-то, и оставилъ у него. Черезъ недѣлю зашелъ. „Послали?“ — Давно-съ. — Пріѣхалъ въ Москву, спросилъ у васъ, — вы не получили. Я писалъ къ Полякову изъ Москвы и изъ Воронежа писемъ семь. Отвѣта нѣтъ. Такъ, пожалуйста, зайдите къ нему, побраните его за подлость, и возьмите ихъ, или на эту сумму другихъ. Жаль: ни за что бѣднаго Кетчера, — завладѣлъ подлецъ 18 экз. Кланяйтесь отъ меня Андрею Александровичу, И. И. Панаеву, Языкову, Авдотьѣ Яковлевнѣ. До свиданья. Обнимаю и цѣлую васъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ и Василій Петровичъ! Вашъ Алексѣй Кольцовъ.

Примѣчанія и варьянты.

Примѣчанія.

Стихотворенія.

Стр.

24 **Красавицѣ.** Въ стихахъ 6—13 этого стихотворенія Кольцовъ дѣлаетъ ссылку на стихотвореніе Пушкина 1825 г. „Буря".

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами
. . . . . .
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ и т. д.

31 **„Приди ко мнѣ".** Стихотвореніе своимъ содержаніемъ близко къ „Пѣснѣ" Пушкина 1812 г.

О Делія драгая! —
Спѣши, моя краса,
. . . . . .
... Я весь горю желаньемъ! —
Спѣши, о Делія, свиданьемъ;
Пади въ объятія мои? —

34 **Маленькому брату.** Стихотвореніе посвящено маленькому брату А. В. Кольцова Владиміру, который въ дѣтствѣ умеръ.

52 **Вздохъ на могилѣ Веневитинова.** Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ (1805—1827), даровитый поэтъ пушкинской школы и даровитый критикъ, выдававшійся среди современниковъ литературными взглядами. Кольцовъ, вѣроятно, увлекался его стихами.

59 **Соловей.** Стихотвореніе это — близкое подражаніе Пушкинскому „Соловью", написанному въ 1827 г.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ

Стр.

И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтетъ, взываешь — нѣтъ отвѣта.

74. **Цвѣтокъ.** Отдаленное подражаніе „Цвѣтку“ Жуковскаго:

Минутная краса полей
Цвѣтокъ увядшій, одинокій,
Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой
Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ ... и т. д.

84. **Божій міръ.** Рукопись этой думы имѣется и въ Имп. Публ. Библ. (о чемъ по недосмотру не сказано во „Введеніи“) Она на отдѣльномъ листкѣ въ 8^0, на обѣихъ сторонахъ его. Между 22 и 23 стихами шесть стиховъ, приведенныя въ варьянтахъ, вычеркнуты краснымъ и чернымъ карандашами. Есть даты (см. въ варьянтахъ).

91. **Пора любви.** Г. Лященко считаетъ это стихотвореніе подражаніемъ слѣдующей „Русской пѣснѣ“ Дельвига:

Скучно, дѣвушки, весною жить одной,
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой ...
. . . . . .
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выду во широкія поля
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя.
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой.
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно-больно безнадежной тосковать ...
. . . . . .
Такъ и слезы не свѣжатъ меня младой
Скучно, дѣвушки, весною жить одной.

Какъ видитъ читатель, мысль стихотвореній Кольцова и Дельвига — одна и таже. Но „подражаніе“ далеко оставляетъ за собою „оригиналъ“, обнаруживая могучій талантъ поэта-просола.

Стр.

118. **Послѣдняя борьба** есть подражаніе Пушкинскому „Предчувствію".

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.
. . . . . .
Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду;
Можетъ быть еще спасенный
Снова пристань я найду ... и т. д.

119 **Пѣсня разбойника.** Стихотвореніе это, озаглавленное первоначально „С(т)енька Разинъ", говоритъ намъ о нѣкоторомъ увлеченіи Кольцова судьбою и дѣйствіями народнаго героя-разбойника, иногда защищавшаго слабыхъ противъ сильныхъ, протестовавшаго противъ современнаго ему строя русской жизни и оставившаго въ этомъ смыслѣ имя свое въ народной поэзіи.

143. **Благодѣтелю моей родины.** Дм. Никит. Бѣгичевъ, братъ Семена Никит., друга Грибоѣдова, бывшій Воронежскій губернаторъ, авторъ довольно извѣстнаго въ свое время романа „Семейство Холмскихъ".

166 **Еще старая пѣсня.** Бѣлинскій говоритъ, что „Кольцовъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его". Стихотвореніе „Еще старая пѣсня" можетъ служить образчикомъ пониманія Кольцовымъ личности Ивана Грознаго и его политической роли. Впрочемъ, онъ сходится здѣсь съ тѣмъ, что сохранилось въ памяти народной о грозномъ царѣ.

175 **Первоначальные опыты и наброски,** за исключеніемъ стихотвореній „Прямое счастіе", Я. Я. Переславцеву", „Посланіе Н... П...", „Эпитафіи" и „Когда есть жизнь другая тамъ", напечатаны Малыхинымъ въ „От. Зап." 1867 г. т. 170 съ четырехъ тетрадей, купленныхъ на толкучкѣ. Между ними были и „Не булатный ножъ" и „Эхъ не во время", появившіеся въ „С. Отеч." 1839 г. съ подписью „Лѣсникъ",

Стр.

ноторыя отнесены къ приписываемымъ К—ву (см. ниже). Читатель въ „Варьянтахъ“ усмотритъ что многіе изъ опубликованныхъ Малыхинымъ стихотвореній отнесены не къ „опытамъ и наброскамъ“, а вошли въ собраніе стихотвореній, болѣе совершенныхъ. Всѣ эти стикотворенія свѣрены г-номъ Лященко съ рукописями Кольцова, доставленными ему для этого изъ Воронежа В. Исаевымъ; изъ этихъ рукописей и взяты „Прямое счастіе“ и „Я. Я. Переславцеву“.—Что касается до „Посланія Н... П...“, „Эпитафіи“ и „Когда есть жизнь другая тамъ“, то первое стихотвореніе взято изъ тетради Маркса, а два послѣднія найдены въ рукописяхъ Дашкова. „Эпитафія“ была напечатана, кромѣ того, въ Библ. Зап. 1861 г., въ т. III, ч. 16.

177 **Посланіе къ Е. Г. О.** — Елизавета Григорьевна Огаркова, которой посвященъ этотъ акростихъ,—сестра Варвары Григорьевны, сыгравшей такую пагубную роль въ жизни Кольцова,—заразившей его болѣзнью, которая свела его въ могилу.

178 **Посланіе Я. Я. Переславцеву.** Яша Переславцевъ—другъ дѣтства и товарищъ игръ Кольцова, жившій по сосѣдству. Де-Пуле предполагаетъ, что именно ему приснился три раза одинъ и тотъ же сонъ, давшій Кольцову поводъ написать стихами первое произведеніе, — по выраженію Бѣлинскаго, „пречудовищную піесу“: „Три видѣнія“.

183 **Посланіе А. Д. Вельяминову.** Александръ Дмитріевичъ Вельяминовъ былъ преподавателемъ философіи и математики въ Воронежской семинаріи. Онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Кольцова въ концѣ 20-хъ годовъ и снабжалъ его книгами (см. біографію К.).

188 **Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи.** „Литер. Прибавл. къ Русск. Инв.“ 1838 г., № 32. „Размѣромъ своимъ (стихотвореніе) напоминаетъ многія пѣсни Кольцова“, говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ (Соч. Ломоносова, изд. Импер. Акад. Наукъ. Спб., 1891, стр. 241 примѣчаній). По всей вѣроятности, оно и принадлежитъ Кольцову, многія стихотворенія котораго помѣщены въ „Литер. Приб.“ вышеуказаннаго года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и

Стр.

подпись „К-въ“, только разъ и встрѣчающаяся въ названномъ изданіи 1838 года.

189 **„Во широкой степи“ и „Ахъ не сонъ клонитъ“.** Эти стихотворенія появились въ „Яросл. Губ. Вѣд.“ 1853 г. въ №№ 43 и 44, съ подписью Александръ Мыльниковъ; но въ томъ же году перепечатаны въ „Сѣв. Пчелѣ“, № 282, съ заявленіемъ Сеславина, что они написаны Кольцовымъ и подарены въ разное время, вмѣстѣ съ другими, одному изъ товарищей юности поэта, отъ котораго Мыльниковъ и получилъ ихъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что стихотворенія дѣйствительно принадлежатъ къ раннимъ произведеніямъ Кольцова, хотя Мыльниковъ и включилъ ихъ въ свои „Русскія пѣсни“, изданныя въ 1859 г. (Спб.). Первое изъ нихъ представляетъ въ такомъ случаѣ самую первоначальную редакцію пѣсни: „Не скажу никому“.

190 **Къ тучамъ понизоваго небосклона.** Стихотвореніе появилось въ „Р. Арх.“ 1864 г., № 9 (стр. 990) въ качествѣ принадлежащаго Кольцову. Но г. Малыхинъ („От. Зап.“ 1867 г., т. 170, кн. 3-я, стр. 498), разсмотрѣвшій найденныя имъ тетради Кольцова, совершенно основательно утверждаетъ, что стихотвореніе это написано, вѣроятно, другомъ Кольцова Сребрянскимъ.

191 **„Дюканжъ! ты чародѣй...“** Дюканжъ, Викторъ-Анри-Жозефъ-Брагамъ (1783—1833), въ свое время очень извѣстный французскій драматургъ и романистъ мелодраматическаго характера. Особенной извѣстностью пользовалась его драма „Тридцать лѣтъ“.

191 **„Дюканжъ, ты чародѣй“ и „Когда моей подруги взоръ“** напечатаны въ „От. Зап.“ 1867 г. г. Малыхинымъ въ качествѣ принадлежащихъ Кольцову; но г. Лященко не согласился признать ихъ такими, равно какъ и пѣсни: *„Не булатный ножъ“* и *„Эхъ, не время“*, появившіяся въ „От. Зап.“ съ подписью „Лѣсникъ“, затѣмъ еще *„Малороссійскую пѣсню“* и сообщенное ред. „Ворон. Вѣд.“ г. Струковымъ стихотвореніе „Старый казакъ“. Мы не считали себя въ правѣ отнести ихъ къ дѣйствительно-кольцовскимъ, какъ спорныя.

194 **Утѣшеніе, Баяну** и **Измѣна** напечатаны были съ именемъ Кольцова въ „Пантеонѣ“ 1848 г., т. II,

Стр.

кн. 4 и 6. Но въ „Лит. Газ.“ того же 1848 г., т. II, № 41, въ примѣч. къ пѣснямъ „Вянетъ травка осенью“ и „Пламенѣя, горя“, — сказано было: „Въ іюньской книжкѣ „Репертуара“ („Пантеонъ“) напечатаны двѣ пѣсни: „Баяну“ и „Измѣна“. Подъ ними было также подписано имя Кольцова; но авторъ ихъ объявилъ намъ, что... это заблужденіе... что стихи принадлежатъ М. Владимірову“. Въ справедливости сказаннаго „Лит. Газ.“ сомнѣваться едва ли возможно: какъ названныя ею стихотворенія, такъ и „Утѣшеніе“ (вѣроятно, того же Владимірова) Кольцова напоминаютъ мало.

195 **„Вянетъ травка осенью“** и **„Пламенѣя, горя“** присланы редакціи „Лит. Газ.“ изъ Тулы Колоколовымъ, въ качествѣ принадлежащихъ перу „милаго нашего поэта Кольцова“. Редакція тогда же усомнилась въ принадлежности ихъ Кольцову, а позднѣе Колоколовъ помѣщалъ въ „Лит. Газ.“ подобныя же стихотворенія подъ своимъ именемъ,—обстоятельство, послужившее поводомъ и для позднѣйшихъ библіографовъ заподозрить принадлежность этихъ стихотвореній Кольцову.

Письма.

319 **А. Н. Черткову.** Въ предыдущихъ изданіяхъ это письмо относилось къ 1842 году. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній для этого. Въ 1842 году Кольцову было не до „Исторіи философскихъ системъ“ Галича, — онъ совсѣмъ умиралъ; между тѣмъ, 28 декабря 1839 года онъ писалъ Черткову: „Благодарю за исторію“. Очевидно, это и была исторія философскихъ системъ Галича, которую онъ и возвращаетъ съ письмомъ, о которомъ идетъ рѣчь, извиняясь, что „долго продержалъ“. Вѣроятно Кольцовъ возвратилъ „Исторію“ Галича въ концѣ 1840 или въ началѣ 1841 года, куда мы и относимъ письмо.

356 **Бѣлинскому и Боткину.** Письмо это относилось къ 1841 году. Но это, очевидно, неправильно, какъ это доказывается всѣмъ содержаніемъ

письма, и дѣлалось исключительно на основаніи словъ Бѣлинскаго, что послѣднее письмо отъ Кольцова, имъ полученное, было отъ 27 февраля 1842 года. Бѣлинскій, очевидно, ошибался, забывъ, когда прислано было письмо ему и Боткину вмѣстѣ, безъ даты. Письмо это тоже онъ имѣлъ въ рукахъ и, на основаніи его, пишетъ, будто бы въ 1841 г. Кольцовъ, по возвращеніи изъ столицъ, „на страстной недѣлѣ чуть не умеръ". Но тогда Кольцовъ и боленъ не былъ; это было время сближенія его съ Лебедевой-Огарковой. Кольцовъ пишетъ, что докторъ его „лечитъ годъ"; но докторъ Малышевъ лечилъ его цѣлый годъ именно съ весны 1841 года, значитъ письмо писано весною 1842 года. Въ концѣ 1841 года Кольцовъ сталъ немного поправляться отъ тяжкой болѣзни. Въ февралѣ 1842 года, 27 числа, онъ писалъ не одному Бѣлинскому, а и Боткину, подробно описывая все, что съ нимъ случилось до этого времени. Въ письмѣ безъ даты, о которомъ идетъ рѣчь, онъ пишетъ Боткину: „Я писалъ вамъ письмо большое, подробное, все, что было со мной и есть". Очевидно, слова эти и относятся къ письму отъ 27 февраля 1842 г., другого нѣтъ и быть не могло. Слѣдовательно, письмо безъ даты писано позже 27 февраля 1842 г. Въ немъ говорится: „Весь постъ я былъ здоровъ (значитъ раньше поста онъ былъ боленъ, чего не было въ 1841 году) какъ нельзя лучше. Сначала это меня радовало, потомъ я сталъ на себя смотрѣть подозрительно, — и подозрѣніе оправдалось: въ половинѣ страстной болѣзнь моя о п я т ь схватила... И вотъ три недѣли прошло... мнѣ лучше съ каждымъ днемъ". Въ 1842 году Пасха приходилась на 19 апрѣля, половина страстной — 16 апрѣля, и если прибавить къ этому числу три недѣли, т. е. 21 день, то получится, что письмо безъ даты писано около 7 мая 1842 года. Оно посылалось двоимъ, Боткинъ могъ получить его и сообщить Бѣлинскому только впослѣдствіи; изъ этого, быть можетъ, и возникли недоразумѣніе и ошибка Бѣлинскаго.

Варьянты.

Сокращенія: Изд. 35 = Стихотворенія А. В. Кольцова. М. 1835 г.—Изд. 46 = Стихотворенія А. В. Кольцова. Спб. 1846. — О. З. = „Отечествен. ныя Записки". — М. Н. = „Московскій Наблюдатель". — О. З. 67 = Ст. Малыхина въ „Отеч. Зап." 1867, т. 170: Неизданныя стихотв. Кольцова. — С. О. = „Сынъ Отечества". — Лит. приб. къ Р. И. = „Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду". — Лис. = „Листокъ". — Лит. Г. = „Литературная Газета". — У. З. = Альманахъ „Утренняя Заря". — Л. В. С. = Листки изъ записной книжки Василія Сухачева. М. 1830. — Р. Ар. = „Русскій Архивъ". — Р. С. = „Русская Старина". — Д. и Н. Р. = „Древняя и Новая Россія". — Ст. Юд. = Ст. Юдина въ „Опытахъ студентовъ Харьковск. Университета". — П. Б. = Рук. въ Имп. Пуб. Библ. — Р. Б. = Рук. Бѣлинскаго въ собраніи рук. Дашкова. — Т. Д. = Рукопись въ тетрадяхъ Дашкова. — Р. Д. = Отдѣльная рукопись въ собраніи Дашкова. — Р. Гр. — Рук. отъ Григорьева въ И. П. Б. — Р. М. = Тетрадь рукописей отъ Маркса въ И. П. Б. — Д: или д: = дата. — Вар. = Зачеркнутое и замѣненное другимъ. — Въ скобкахъ печатается зачеркнутое.

1. *Сирота*, стр. 17. (Изд. 46.—П. Б.; д: 1827.—Т. Д. д: 1825. — Др. и Н. Р. 79, № 3, д: 1827.

V, 2: Прошлой радости мечты. (Т. Д.)

2. *Ровеснику*, стр. 18 (Изд. 46, д: 1827. — От. Зап. 67, т. 170, д: 1829, янв. 11, — Т. Д.; д: 1826.

5—8 Скажи, о чемъ твоя печаль
(О чемъ безсмѣнная печаль)
И тяжкія стенанья?
Страшна ли будущаго даль,
(Страшна ли міра темна даль)
Иль съ юностью прощанье?
(Иль жизни волнованье?)

11—12: Ужель житейская нужда
Такъ рано навѣстила?

14: Раскрыла мракъ незнанья (О. З.)

15: Горячимъ пламенемъ вся кровь (Т .Д.)

19—21: Но есть въ лицѣ, но есть въ груди
Примѣтное волненье... (О. З.)

25: Покоя не даваетъ (sic)

29: Прошу подруженька, со мною (Т. Д.)

26—29: Клянусь, когда-нибудь ты, другъ,
Волшебницѣ коварной
Открылъ души своей недугъ
Съ нераздѣлимой тайной.
И, вѣрно, вѣрно, думалъ ты

Съ той дѣвой съединиться
И съ ней въ объятьяхъ красоты
Любовію упиться.
Она-жъ, невѣрная, тебя
Любила... но коварно;
Обманъ и прелести любя,—
Забыла своенравно.
Отмсти-жъ и ты! Забудь ее!
Когда она не любитъ,
Пусть сердце юное твое
Измѣнницу (Невѣрную) забудетъ...
Смотри, мой другъ, какъ все кругомъ
И весело, и мило;
Тебѣ-жъ въ несчастіи твоемъ
Все мертво и уныло.
Внимай, какъ юноши поютъ
И дѣвы веселятся,
Какъ радости сердечны пьютъ
И какъ они рѣзвятся.
Лишь ты суровъ, угрюмъ и тихъ
Межь юными друзьями;
Лишь ты одинъ глядишь на нихъ
Не свѣтлыми очами...
Невольникъ горести своей,
Алкатель сладострастій!
Забудь любовь и плѣнъ сѣтей
И огненныя страсти...
Рѣзвись; друзей въ кругу простомъ
Вновь вкусишь наслажденье,
И въ семъ бокалѣ круговомъ
Потопишь огорченье!
Повѣрь: замѣна всѣхъ утратъ —
Вино; ты имъ цѣлися.
О нашъ ровесникъ, другъ и братъ,
Будь счастливъ, веселися!.. (О. З.)

3. *Если встрѣчусь съ тобой,* стр. 19 (М. Наб. 39, ч. II; д. 1827 — Т. Д.; д: 1827 — Р. М.; д: Сент. 19-го; 1830.

I, 3—4: Что за трепетъ, за огнь
Разольется въ груди! (М. Н.; Рук. М.)

II, Въ Р. М. всей 2-й строфы нѣтъ; въ Т. Д. она приписана на сторонѣ.

IV, 2: А восторгамъ живымъ (М. Н.)
— 4: Выраженія нѣтъ. (Т. Д.)

IV—V: Коль обнимешь меня,
Забываюся я,
Какъ дитя на груди
У родимой своей.
А съ лобзаньемъ твоимъ,
А въ восторгѣ съ тобой
Я, какъ духъ неземной,
Забываю весь міръ. (Р. М.).

4. *Размолвка*, стр. 19. (Изд. 46.—Рук. П. Б.; д: 1828—Т. Д. — О. Зап. 67, т. 170: д: 1829, Марта 28.).

Загл.: Посланіе (О. З.).
3: Что огнь любви. (П. Б.; Т. Д.)
Что дружбы огнь (От. З.)

Между 5 и 6 стих. въ рук. П. Б. обведены чернилами, въ Т. Д. зачеркнуты, въ О. З. сохранены два стиха:

Но что виной —
Могу ли знать?
7—9: Мнѣ другъ и братъ (О. З.)
12—14: Какъ ты ко мнѣ
Суровъ, угрюмъ!
Молчанье, взоръ,
Движенье, видъ
Какъ бы твердятъ: (О. З.)

5. *Путникъ*, стр. 20. (Изд. 1835 г. — Др. и Н. Р. 79 № 3 и „От. З.“ 67, т. 170; д: 1828 г., августа 4).

Въ „О. З.“ это стихотвореніе приведено въ слѣдующей первоначальной редакціи.

Привѣтный огонекъ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Дубрава темная шумитъ;
За вихремъ буйнымъ вихрь летитъ
И даль пространная чернѣетъ.
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженный тайною рукой —
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Усталый странникъ, запоздалый
Одинъ среди родныхъ степей,
Спѣшитъ къ ночлегу поскорѣй, —
И мчится конь подъ нимъ удалый.
Предъ нимъ и блещетъ, и горитъ
Огонь вдали сквозь пологъ черный.

Быть-можетъ, онъ его манитъ
Подъ кровъ родныхъ уединенный;
Ему настанетъ счастья часъ,
Тамъ встрѣтитъ онъ свою отраду;
Тамъ все его... Но мнѣ погасъ
Тотъ огнь, что мнѣ сулилъ награду.
Къ нему стремился я душой,
Я съ нимъ хотѣлъ здѣсь счастье встрѣтить;
Но онъ мнѣ на землѣ не свѣтитъ!
И я одинъ, во тьмѣ ночной,
Скитаюсь въ мірѣ сиротой.

6. *Очи, очи голубыя,* стр. 21. (Изд. 46 г. — Др. и Нов. Рос. 79, № 3; д: 1828 г. ноября 12.

7. *Осень,* стр. 22. (Изд. 46. — Р. П. Б. отъ Краевскаго. — „О. З." 67, т. 170; д: 1828 г., ноября 23—Др. и Н. Р.; д: 1828 г., Ноября 28).

5: Лѣса покрылись синей мглою
15: И такъ же точно для меня. (П. Б.)

Въ „От. З." стихотвореніе приведено въ слѣдующей первоначальной редакціи:

Настала осень; непогоды
Помчались съ юга па востокъ;
Затмилася краса природы,
Унылъ, осиротѣлъ лужокъ.
Поля, лѣса одѣлись тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею,
И вѣтръ порывный съ быстротой
Свиститъ, летитъ на край земной.
Пространство дали почернѣло,
Дожди все льются день и ночь;
Все, будто въ горѣ, помертвѣло,
Забавы улетѣли прочь;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска, печаль, досугъ и лѣнь;
Длиннѣе ночь, короче день,
И солнце и луна затмились.
Надолго-ль осени туманной
Веселый край опустошать?
И долго-ль вѣтеръ непрестанный
Уныло будетъ завывать?
Придетъ весна, придетъ веселье,
Къ людямъ забавы придутъ вновь...
Лишь невозвратно наслажденье
И прошлой юности любовь. (О. З.)

8. *Ночлегъ чумаковъ*, стр. 22. (Изд. 46. — Б. д. Ч. т. 16, кн. 5. („Сельскія картины": „Ночл. Чум." и „Домъ Лѣсника").

8—19. Вся степь роскошно почиваетъ.
Лишь у проѣзжихъ чумаковъ
Огонь горитъ между возовъ.
Старикъ раздѣтый, бородатый,
Готовя ужинъ небогатый,
28: Какой заботой полны?
33: Кто-бъ нынѣ съ горя пѣть началъ?
Вотъ разнеслась игра свирѣли
36: Украйны доблестной сыновъ.

За послѣднимъ стихомъ („Преданьями" и пр.) слѣдуетъ въ „Б. д. Ч.":

Но что, украинцы, они
Все отзываются печалью?
Давнымъ-давно прошли тѣ дни,
Когда у васъ, блистая сталью,
Шумѣлъ раздора буйный гласъ,
И кровь потоками лилась.
Давно прошли тѣ времена;
Вездѣ царюетъ тишина
Подъ скиптромъ Русскаго правленья,
И край вашъ — край теперь веселья.
Любимый, самородный трудъ
Неужли давитъ вашу грудь?
Вы чумакуете по волѣ:
Чего-жъ еще желать вамъ болѣ?
Я познакомился со свѣтомъ...
И если бы... да въ добрый часъ!..
Готовъ остаться я у васъ!
Готовъ чумаковать все лѣто.
Тамъ, други, не живетъ веселье,
Гдѣ роскошь, золото, бездѣлье.
Гдѣ много словъ про наслажденье,
Тамъ для него душа мертва,
Какъ на сухой степи трава.
Живалъ въ большихъ я городахъ;
Бывалъ на вашихъ хуторахъ;
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что̀ горемъ, что̀ добромъ зовутъ;
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ, и тѣ стремятся:
Узналъ, вздохнулъ... И — для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться

У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться;
Пріятно кашу есть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить.
На волѣ любо, братцы, жить!
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.
У васъ все братски: хороша
Бесѣда ваша, безпритворна.
Гдѣ ты, прекрасная душа,
Своей природѣ такъ покорна?..
Что̀ слободской вашъ атаманъ,
Что̀ шитый шелковый кафтанъ,
Каморы полныя, безъ счету,
Снарядовъ разныхъ, серебра,—
Когда въ нихъ искры нѣтъ добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Мѣняться счастіемъ своимъ,
Мѣняться степію широкой
И продовольствіемъ простымъ:
Блистаетъ солнышко — далеко!..
Тутъ рѣчь уныла прервана
Готовой кашею простой;
Они въ кружокъ; шумитъ страна;
Усѣлись на травѣ густой.
Луна изъ облакъ выплываетъ,
Спокойный таборъ озаряетъ;
И свѣтлыхъ звѣздъ — не милліонъ —
На нихъ глядитъ со всѣхъ сторонъ. (Б. д. Ч.)

9. *Спящ, младенцу,* стр. 23. (Изд. 46. — „Лит. Газ.“ 41, № 9. — Т. Д.; д: 1828).

Загл.: „Спящій юноша“.

10: И жизни пасмурной дремоты (Т. Д.)
14: Между 14 и 15 стихами было:
И межъ своими, какъ дитя. (Л. Г.; Т. Д.)
Онъ силы пробуетъ шутя. („Л. Газ.“)
Что мыслитъ, дѣлаетъ шутя (Т. Д.)
(И силы пробуетъ шутя)
(И всѣмъ играетъ онъ шутя) (Вар. Т. Д.)
18: Покойнымъ сномъ невинность спитъ („Л. Г.“)
20: Все за собой они уводятъ (Вар. Т. Д.)

10. *Красавицѣ,* стр. 24. (Изд. 46. — „Пантеонъ“, 40. ч. IV. — Т. Д.; д: 1828).

Заглавіе: „Прекрасной поселянкѣ".

1: Ахъ, чья ты, дѣва красота? (Т. Д.)
4: И въ комъ волшебная мечта (Пант.)
5: Груди бъ младой не волновали
9: Подъ бѣлымъ флагомъ покрывала.
20: Въ избыткѣ чувства, въ изступленьи (Вар. Т. Д.)

11. *Я былъ у ней*, стр. 25. (Изд. 46 — „О. З.", 67, т. 170; д: 1829, янв. 7 — Д. и Н. Р.; д: 1830, янв. 7.)

I, 2: Живи со мною, милый другъ,
4: Хранить мнѣ строго приказала.
II, 1: Я былъ у ней, на кучи злата
III-IV: Я былъ у ней; устами пилъ
Забвенье съ устъ ея прелестныхъ
И на грудяхъ ея чудесныхъ
Я все земное позабылъ.
Я былъ у ней, и вѣчно буду
Къ ней въ теремъ мыслію летать, —
И если буду смертью взятъ,
Ее и тамъ не позабуду. (О. З.)

12. *Отвѣтъ на вопросъ...*, стр. 26. (О. З. 67, т. 170; д: 1829, марта 17).
13. *Не мнѣ внимать...*, стр. 26. (Л. В. С.—Изд. 46).
14. *Мщеніе*, стр. 27. (Л. В.-С. — Изд. 46).
15. *По надъ Дономъ,...* стр. 28. (Изд. 46).
16. *Сребрянскому*, стр. 29. (Изд. 46 — „О. З." 67.)

Загл.: Д. А. Кашкину

1—4: Тебѣ, безцѣнный, милый другъ,
Я посвящаю мой досугъ;
Но признаюсь, въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ много, много. (О. З.)

17. *Пѣснь Русалки*, стр. 30 („О. З." 67)
18. *Приди ко мнѣ ...*, стр. 31 (Изд. 46. д: 1829. — Л. В. С.)
19. *Разувѣреніе*, стр. 32 (Изд. 46 — „Лит. Газ." 41, № 5. — Р. Григорьева; д: Воронежъ 1837 — П. Б. — Т. Д.; д: 1829 — Р. М., д: 17 апр. 1830.)

Загл.: Отшельникъ (Р. Гр.), Пустынникъ (Л. Газ.); Знакомство (Встрѣча) съ опытомъ (Р. М.)

1—10: Дитя, безпечный и свободный,
Съ улыбкой кроткой. благородной
Съ живой и пламенной душой

(Съ живою, пламенной душой)
Плѣнялся жизнію земной
(Плѣняясь жизнію земной)
И доли приторной людской
Въ мечтахъ завидовать дерзая,
Добро и зло благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ!
Но я младенецъ былъ, не зналъ
Измѣнъ непостоянныхъ счастья
И смутныхъ перемѣнъ ненастья (Р. М.)
5: Какъ искренно ее встрѣчая (Р. Гр.)
5: Сперва привѣтливо встрѣчая (П. Б.)
12: Совсѣмъ не то, какъ прежде снилось, (Р. Гр., Р. М.)
—: Но ужъ не то какъ прежде снилось (П. Б.)
—: Совсѣмъ не то что прежде снилось (Вар. Т. Д. и вар. П. Б.)
16: Друзей — и льстивыхъ и притворныхъ
(Въ друзьяхъ обманщиковъ притворныхъ) (Р. М.)
19: Въ обѣтахъ — льстивые обманы (Р. Гр.)
—: Въ обѣтахъ — лживые обманы (Р. М.)
20: Въ невинномъ взорѣ—хитрый взоръ (Р. Гр.; П. Б.; Лит. Газ.; Р. М.)
—: Въ невинномъ взглядѣ (взорѣ)—льстивый взоръ (Т. Д.)
22: Въ спѣсивой гордости позоръ (Р. Гр.; П. Б.; Т. Д.; Вар. Р. М.)
—: Въ надутой гордости позоръ (Р. М.)
—: И глупой гордости позоръ (Лит. Газ.)
23—28: Узналъ — и что жъ? — страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ,
И вѣря въ жизнь души другую —
Туда надежды преселилъ,
И странствую безъ дальнихъ нуждъ,
Земли жилецъ, земнаго чуждъ.
Умолкли грѣшные порывы
И буйство грѣшное страстей,
Какъ молкнетъ ручеекъ игривый
Въ оковахъ льдяныхъ хрусталей. (Р. М.)
25: Душой постигнулъ жизнь иную (Лит. Газ.)
25—26: Святыню я нашелъ другую
Другую вѣру полюбилъ (Р. Гр.)
26: Въ ту жизнь мечты переселилъ (Т. Д.)
28: Земной жилецъ — земного чуждъ П. Б.)

20. *Теремъ*, стр. 32 (Изд. 35. — Дата Др. и Н. Р.: 1829 г. Ноября 16.)

21. *Люди добрые, скажите,* стр 33 (Изд. 35 — Д. Др. и Н. Р.: 1829, Ноября 21).

22. *Маленькому брату,* стр. 34 (Изд. 35 — Дата Др. и Н. Р: 1829, Ноября 23).

23. *Письмо къ Кашкину,* стр. 35 (О. З. 67, т. 170; д: 5 декабря).

24. *Сестрѣ,* стр. 36 (Изд. 35. — Дата Др. и Н. Р.: 1829, декабря 11.)

25. *Молодой четѣ,* стр. 37 („От. З." 67; д: 1830 г. Января 4.)

26. *О не кажи улыбки ...,* стр. 37 (Изд. 46. — Р. М.; д: 8 Апрѣля 1830).

Загл.: Къ (по зачерк.: Посланіе) С. З.

1—12: Когда въ груди твоей булатной
Хранится вмѣсто сердца ледъ,
Когда въ немъ искры чувства нѣтъ,
Когда душѣ твоей пріятно
Такъ жалко надо мной шутить,
Такъ много равнодушной быть, —
То не кажи улыбки страстной,
Не мучь надеждою напрасной
И чувствъ моихъ не горячи;
Прошу! молю, при мнѣ молчи;
Будь больше мною недовольна,
Будь больше, больше хладнокровна;
Прошу! такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи;
Въ бесѣдахъ, съ злобою нѣмою,
Какъ недруга пренебрегай,
Меня порочь, меня ругай...
И ты холодностью такою
Меня, быть можетъ, охладишь,
И всѣ надежды истребишь. (Р. М.)

27. *Утративъ то, что, ...* стр. 38 („Спб. Вѣд.", 1864, № 141 — „О. З." 67; д: Лебедянь. 1830 г., Мая 26.)

I, 1: Утративъ то, что было мило,
II, 4: Земною жизнью заплатилъ.
III, 1: Но нѣтъ, не возвратить (Спб. Вѣд.)

28. *Къ другу,* стр. 39 (Изд. 35; д: 1831 — Р. М.; д: 11 Іюля 1830. Полночь.)

Загл.: Утѣшеніе. Посланіе къ другу.

1: Къ чему намъ духомъ унывать
Предъ маловажною бѣдой?

Мой другъ, не будемъ горевать,
На что намъ грудь питать (томить) тоскою.
Развеселись забудь ...
3: Но все ли, все ль намъ измѣнило?
5: Еще забавъ у жизни много
6: Еще у ней мы погостимъ (Р. М.)
10: У жизни снова мы найдемъ! (Изд. 35)
11: И что мгновенья печали?
12: Иль мы ихъ груза не снесемъ?
23: Но вѣрь, о, вѣрь, другъ, небесамъ!
26: Ахъ, пусть меня людская злоба (Р. М.)

29. *Къ ней,* стр. 40 („Листокъ" 31—Изд. 35. — Дата Др. и Н. Р.: Іюня 19. 1830 г.

Заг.: Посланіе къ А . . . ой (Огарковой) (Лист.); Посланіе (Къ) N. N. (Р. М.). Къ N. (Изд. 35).

3: И старое, былое вновь
5: На что, на что жь мнѣ пламенѣть
(Но какъ на что жь мнѣ пламенѣть)
7: Когда — увы! — о другъ мой нѣжный
11—12: Здѣсь не даны въ странѣ родной (земной).
Въ упрекъ надменности людской
14—18: Любовь! отрадная любовь!
Зачѣмъ забытое ты вновь
Въ груди полмертвой воскресила?
Нѣтъ, міръ тебя еще не знаетъ
(Ахъ міръ не такъ распоряжаетъ!)
Но милая моя! сгораетъ
Твой другъ огнемъ любви святымъ!
Довѣрься жъ, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ; я не нарушу
Обѣтовъ: другъ вѣрно ихъ хранитъ
(Священныхъ клятвъ: ихъ душа хранитъ)
(Священныхъ клятвъ: ихъ другъ хранитъ) (Р. М.)

30. *Элегія. Въ твои объятья гробъ холодный,* стр. 40 (О. З. 67, т. 170; д. 1830, Іюля 30).

31. *Первая любовь,* стр. 41. (Изд. 35. — Р. М.; д: 21 Авг. 1830, близъ Муръ-могилы. — Д. и Н. Р. д: 1830 г. Августа 1).

Загл.: Любовь души. (Р. М.)

5: То все я *тщусь* предать забвенью ...
8—9: Сулю ему я розы рая,
Красы заоблачнаго края,
И къ нимъ любовію сгорая, —

Лишь ихъ желалъ бы я любить.
Но всё вотще: тѣнь прежней милой ...
15—17: И взоръ къ своимъ очамъ прикуетъ!..
Знать то, что въ юности любилъ я въ первыйразъ
Во вѣкъ не разлюбить душою! (Р. М.)

32. *Совѣтъ старца,* стр. 42 (Изд. 35 — Дата Др. и Н. Р.: 1830 г., Авг. 1.)

33. *Къ Ж...,* стр. 43 (Р. М.; д: Августа 8, 1830 г.)

Загл.: Къ ней же.

3—6: Итакъ томительнымъ страданьемъ —
Итакъ уже измученъ я.
Еще ли на рѣсницахъ мало
Горючей влаги засыхало.
10: Иль мнѣ ихъ вѣчно не видать,
12: Доселѣ шутишь надо мною?
17—18: Скажи, скажи! пусть тихій взоръ
Мнѣ дастъ желанный приговоръ. (Вар. Р. М).

34. *Вечеръ,* стр. 43 (Р. М.; д: Старобѣльскъ, 1830 г., Августа 20).

1: Ужъ рощи лиственная сѣнь
9: Одинъ подъ темной тишиною
11: Съ раздумьемъ, съ тихою мечтою
15: И втайнѣ съ грустною душою,
19: О чудныхъ будущихъ мірахъ,
21—22: Какъ мы теперь, они здѣсь жили.
Куда теперь ихъ поселили?
25: Чего здѣсь не постигнулъ геній
30—31: Средь ихъ порой витая тамъ,
Я зналъ какъ жить съ самимъ собою.
35: Мой духъ минутнымъ очарованъ
39: Безсильной думой окриляясь,
47: Свой ходъ урочный совершая
49—51: Тотъ отдаленный неба сводъ
И міръ, притихнувшій какъ гробъ,
Ты свѣтишь лишь, какъ всѣ тѣ звѣзды, (Вар. Р. М.)

35. *Земное счастіе,* стр. 45. (Р. М.; д.: Старобѣльскъ, 1830, августа 20).

19: Не внемля горестной мольбѣ,
26: Но тотъ счастливъ здѣсь и почтенъ
28: Въ душѣ и чувствомъ, и умомъ,
31: Всегда предъ Богомъ кто съ слезою

35: Открытой грудью кто стоитъ
39: Кто и немногое имѣя,
42: Все щедрою даетъ рукой (Вар. Р. М.).

36. *Мука,* стр. 46. (Р. М., д: Кирчинская слобода, 1830, августа 27).

Загл.: Печаль сердца.

5—18: На что же дѣвамъ прелесть мая
Природа добрая дала,
Когда ихъ грудь отраву зла
Таитъ, какъ чаша золотая?
Ужель на то, чтобъ на земли
Въ ихъ взорѣ видя радость рая,
Мы только знать ее могли,
Въ любви лишь муки познавая?..
Коль такъ, земная красота
Не стоитъ моего страданія!
12: Крушить и мучить вѣчно насъ. (Вар. Р. М.)

37. *Сирота,* стр. 47. (Р. М.. д: Кокенское поле. 1830, сентября 4.)

Загл.: Сирота поселянинъ.

7—8: Обширенъ былъ нашъ кругъ полей,—
Былъ хлѣбъ, былъ скотъ рогатый.
26: Но къ довершенью доли
34: Поплакавъ распроститься. (Вар. Р. М.)

38. *На что ты, сердце нѣжное,* стр. 48. (Рук. М., д.: Близъ Славяносербска. 1830, сентября 5).

IV, 3: Зачѣмъ же ты собою всѣхъ. (Вар. Р. М.)

39. *Кольцо,* стр. 49. (Утр. З. 1839. — „Лит. Газ." 1831 г. № 34. — Изд. 46. — Рук. П. Б. — Т. Д. — Р. М. и Др. и Н. Р. д: сентября 20-го 1830 г.)

Загл.: Русская пѣсня, (Лит. Г. и У. З.), Перстень. Пѣсня. (Р. М.); Перстень (П. Б.)

I, 4: Чиста золота
II, 4: Перстень милова.
III, 2: Ты не надобенъ; (Л. Г.; Р. М.)
IV, 2: Растоскуюся (Лит. Газ.)
—, 3—4: Калены, горючи
Слезы выроню.
V, 2: Иль хоть вѣсточкой
VI, 4: Перстень горестный
VII, Всей строфы нѣтъ. (Лит. Г. и Р. М.)

40. *Пѣсня старика,* стр. 50. (Молва 1835, № 11. — Изд. 35.—Р. М.; д: 21 сент. 1830—Дата Др. и И. Р.: 21 сент. 1831).

Загл.: Къ молодости. (Вар. Р. М.)
I, 2: Быстролетнаго
II, 2: Въ дальни стороны.
IV, 2—4; Къ чародѣйницѣ,
Научите-жъ забыть
Видъ прелестницы. (Вар. Р. М.)

41. *Крестьянская пирушка,* стр. 51. (Изд. 35; д: 1834.— Дата Др. и Н. Р.: 1834, сент. 21.—Р. М.; д: 21 сент. 1830).

Загл.: Пирушка русскихъ поселянъ. (Изд. 35 и Р. М.) — Сельская пирушка. (Вар. Р. М.)
II, 8: Взоръ привѣтливый
7—8: Разносила (Обносила) гостямъ
(Обносила кругомъ)
Чашу радостей.
—, 16: Съ словомъ выкушай.
—, 16: Съ лаской дѣвичьей.
—, 16: (Съ поцѣлуями).
III, 5—8: Какъ то впредки Господь
Хлѣбъ уродитъ имъ
Какъ (А) о святкахъ зимой
Долго иней былъ;
Уберутся ль въ степи
Сѣна зелены?
Говорилъ Пантелей
Свату Якову.
IV, 7—10: Призахнулъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ,
На дворѣ же саней
Въѣзжихъ не было,
Отъ воротъ тесовыхъ
Слѣдъ яснѣется. (Вар. Р. М.)

42. *Вздохъ на могилѣ Веневитинова,* стр. 52 (Листокъ 1831, № 22. — Изд. 35. — Дата Др. и Н. Р.: 1830, октября 30).

3: Когда бъ онѣ проискрились вполнѣ. (Лис.)

43. *Къ рѣкѣ Гайдарѣ,* стр. 52 (Изд. 46).
44. *Веселый часъ,* стр. 53. (Изд. 46—Р. М.)

2: Живо—вина!
9: Нынче пируемъ —

13: Завтра жь что будетъ,
15: Пусть же веселыхъ
17: Шумно рѣзвитесь
21—24: Пойте дружнѣе
Пейте до дна. (Рук. М.)

45. *Что значу я,* стр. 54. (Изд. 46 — Рук. П. Б. отъ Краевскаго.—Т. Д.—Ст. Юдина. „Опыты студ. Харьк. унив„. 1846 г.)

3: Въ желаньяхъ счастья время трачу
5: Чего-жь ищу? куда стремлюсь?
8: Такія тайны разгадать (П. Б.)
10: О всемъ мудрено разсуждаютъ (Юд.)
12: Такъ мнѣ нужнѣе знать не много (П. Б. и Ю.).
13—16: Скользаясь жизненной дорогой
Иду ощупью, какъ слѣпецъ,
И что чудное въ людяхъ встрѣчу
Тотчасъ для случая замѣчу. (Юд.)

46. *Утѣшеніе:* Какъ жаль... стр. 55. (Изд. 46).
47. *Утѣшеніе:* Внимай, мой другъ.., стр. 55 (Рук. М.)

Загл.: Къ другу.
24: Не долго быть намъ молодымъ. (Р. М.)

48. *Наяда,* стр. 56. (Изд. 35, съ заглавіемъ: „Видѣніе Наяды“).
49. *Мой другъ, мой ангелъ...,* стр. 58. (Изд. 46. — Листокъ, 31, № 39).

Въ „Листкѣ“ стихотвореніе это — въ слѣдующей редакціи:

Посланіе къ *.**

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя-ль я, въ тишинѣ, унылый
Такъ страстно, пламенно лобзалъ,
Съ такимъ восторгомъ руку жалъ?
Иль былъ то сонъ, иль въ изступленьи
Я обнималъ одну мечту,
Въ жару сердечнаго забвенья,
Въ своей душѣ рисуя красоту?
Твой видъ, твой взоръ смущенный,
Твой пламенный, горячій поцѣлуй
Такъ упоительны душѣ влюбленной,
Какъ изнуренному кристаллъ холодныхъ струй.
Ахъ! мигъ одинъ я былъ съ тобою,—
И мигъ съ тобой я счастливъ былъ;
И этотъ мигъ съ твоею красотою

Навѣкъ я въ сердцѣ затаилъ...
Тобой любимымъ быть—прекрасно;
Прекраснѣй-же—тебя любить.
Что муки мнѣ? Душою страстной
О милой мило мнѣ грустить,
Съ тобою чувствами мѣняться
И на привѣтливый твой взглядъ
Отвѣтнымъ взоромъ отвѣчать;
Съ тобою плакать, забываться —
Прекрасно, милая моя!..
Счастливъ, счастливъ тобою я!..
Пускай, пускай огнемъ тяжелымъ
Лежитъ въ груди моей любовь;
Пусть сердце съ чувствомъ онѣмѣлымъ
Мою изсушитъ кровь, —
Какъ вóрона о смерти предвѣщанье, —
Она не возмутитъ мнѣ грудь:
Любви мнѣ сладостно страданье,
Мнѣ сладко о тебѣ вздохнуть!
Пусть безнадежна страсть моя;
Пусть гробъ—любви моей награда!
Но, милый другъ мой! за тебя
Снесу я муки ада.
Что до меня?.. лишь ты спокойна будь
И горе забывать старайся;
Живи, и жизнью наслаждайся, —
И бѣднаго страдальца не забудь...

50. *Соловей,* стр. 59. (Изд. 46).

51. *Пѣсня пахаря,* стр. 59. (Молва 1835 г. № 11. — Изд. 1835.—Дата Др. и Н. Р.: 1831, ноября 26).

52. *Домикъ лѣсника,* стр. 61. (Б. д. Ч. 36, т. 16; д: 1832.—Изд. 46).

Загл.: Сельскія картины. Домъ Лѣсника.

IV, 3—4: Тамъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной
V, 1—4: Лѣсной староста съ женою
Съ третьей дочкой молодою.
Онъ живетъ здѣсь съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ.

Конецъ стихотворенія: „Изступленіе" съ нѣкоторыми варьянтами.

53. *Изступленіе,* стр. 62. (Б. д. Ч. 36, т. 16. — Изд. 46).

Въ Библ. д. Чт. стихотвореніе напечатано какъ продолженіе „Дома Лѣсника“, съ слѣдующими варьянтами:

1: Духи лѣса, дайте мнѣ
8: Налюбуюсь, насмотрюсь,
11: Нѣгой, счастьемъ усыпленный (Б. д. Ч.)

54. *Размышленіе поселянина,* стр. 62. (Изд. 35. — Изд. 46, д.: 1831.—Дата Др. и Нов. Р.: 1832 г.).

55. *Ты не пой соловей,* стр. 64. (Изд. 35.—Изд. 46).

I, 3: Улети въ лѣса (Изд. 35).

56. *Поэтъ и няня,* стр. 65. (Изд. 46. — Т. Д.).

8: Будетъ горестно и хило

Между 10 и 11 стихами въ Т. М.:

Не прельститъ меня природа,
Съ скукой смолвится свобода,
Улетитъ отъ ложа сонъ,
Иль взволнуетъ сердце онъ. (Т. М.)

21: Ей раздумье... и слеза
25—26: Предсказаньямъ не внимай,—
Плюнь на книжку, и играй. (Т. Д.).

57. *Удалецъ,* стр. 66. (Изд. 35. — Изд. 46. — С. От. 1836, ст. Невѣрова).

VI, 1: Любо въ тѣхъ лѣсахъ (Изд. 35).

VI, 3—4, VII, VIII, IX и X, 1—2 въ изд. 35 г. нѣтъ. VIII, IX и X строфы въ изд. 46 г. замѣнены точками.

VIII, 2: Убью барина (С. От.)
X, 3: Но душой за кровь (Изд. 35).

58. *Великая тайна,* стр. 68. (Телескопъ 35, кн. 26,— Изд. 35.—Р. Д.; д: 1836. Степь графини Орловой. — П. Б.).

59. *Не шуми ты, рожь,* стр. 69. (Изд. 35).

60. *Урожай,* стр. 70. (Совр. 36 г. т. 2 — Изд. 46; д.: 1835. — Дата Др. и Нов. Р.: 1836).

V, 1: Понесли ее
IX, 3—4: Напилась земля
Воды до-сыта.
XIII, 4: Убирать въ воза.

61. *Глаза,* стр. 73. (Сборникъ, альм. 1838 г. загл.: „Русская пѣсня“. — Изд. 46 г.).

62. *Цвѣтокъ,* стр. 74. (С. От. 38, т. 2 — Изд. 46. — Рук. П. Б.—Т. Д.—От. З. 67, т. 170; д.: декабря 21.)

4—20: Чудесный, милый! Красотой
Какъ ты цвѣтешь, какъ ты алѣешь,

Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышешь чѣмъ-то неземнымъ!—
Но для кого въ степи широкой?..
Конечно, дѣвамъ молодымъ
Здѣсь не найти тебя, далеко;
Быть-можетъ, мой же конь ногой
Потопчетъ здѣсь тебя съ травой!—
И я, съ душою нѣжной, страстной,
Сюда, вздыхая о прекрасной,
Въ прохладѣ утренней приду —
И ужъ тебя здѣсь не найду.
О дѣва, цвѣтъ моей души!
Такъ безмятежно ты въ тиши
Растешь, цвѣтешь красой небесной...
Но, милый дру́гъ, мой другъ прелестный,—
Я-ль, съ вѣрной, пламенной душой,
Путь жизни раздѣлю съ тобой?.. (О. З.).
IV, 4: Вы, травки, зрѣете въ тиши
V, 3: Пока еще твоей косой (С. От.)
— 4: Не тронулъ ты степи своей (П. Б.; Т. Д.)

63. *Женитьба Павла,* стр. 75. (Изд. 46; д.: 1836).

64. *Молодая жница,* стр. 76. (Изд. 46.—Рук. П. Б.: д.: 1836.—Двѣ рук. Д.)

I, 1—2: Рано въ бѣлый день
Вышло солнушко
II, 1—2: Что-то грустно мнѣ
Одной на полѣ
III, 1: Всю сожгло меня
IV, 1—4: Какъ сѣдой туманъ,
Роса на землю
Пала на сердце
Грусть тяжелая. (2-я Р. Д.)
IX, 1: Разминется съ ней. (П. Б. и 1-я Р. Д.)

Вмѣсто строфъ V—XII, во 2-ой рук. Дашкова, въ качествѣ продолженія этого стихотворенія, написаны десять строфъ, по началу и по мысли составляющія первоначальный набросокъ стихотворенія „Грусть дѣвушки“; какъ варьянты послѣдняго стихотворенія, эти строфы и отнесены къ нему.

65. *Умолкшій поэтъ,* стр. 78 (От. З, 40, т. 8 — Изд. 46. — Т. Д. и четыре рук. Д.; д. Т. и 2-й Р.: 1836).

1: Съ душою могучей
15: Задумали взоръ (3-я Р. Д.)
15: Но отняли радость (4-я Р. Д.)
27: Отъ взоровъ могучихъ! (О. З.)

49—52: Тебѣ уступилъ,
Рабъ случая?—Да,
Жди, будетъ отъ скуки
Онъ брататься съ чернью
И тѣшить ее!
Жди этого, жди!
Тебѣ незамѣтна
Высокая дума,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...
Возьми же, безумецъ,
Возьми и мою
Улыбку презрѣнья. (3 и 4-я рук. Д.; въ 3-ей рук. трехъ послѣднихъ стиховъ нѣтъ).

66. *Перстенечекъ золотой...*, стр. 79 (От. Зап. 41, т. 15; д. 1840.—Изд. 46.—Рук. Д.)

Загл.: Перстень (Р. Д.)

III, 2: Душа чувство проживетъ (О. З.)
III, 4: Ты разсыпься самъ собой. (О. З.; вар. въ Р. Д.)

67. *Косарь,* стр. 80 (Телескопъ 35 г. т. 28—Изд. 46.—Т. Д.; д.: Москва, 1836).

I, 29: Но онъ, старый хрѣнъ,
— 41: Я по ней грущу:
— 48: Охъ, вчера по мнѣ
51: Что же, Груня, мнѣ
Дѣлать надобно?
Охъ, не свыкнуться
II, 2—5: Косу новую...
Не плачь, милая;
Твоего отца
Не зарѣжу я...
Куплю косу я,
Отобью ее,
Наточу ее
Востро-на-востро,—
И прости-прощай,
— 9: Не зарѣжусь я
— 18: Степь широкая
— 21: И ковыль-травой
— 35: Вдоль и впоперекъ
III, 4: Вѣтеръ полудня! (Тел.)
— 7—8: Зажужжи, коса,
Какъ пчелиный рой!
Молоньей, коса,

Засверкай кругомъ! (Тел. и Т. Д.)
— 13: По рядамъ съ травой (Тел.)
— 23: Возвращусь въ село (Вар. Т. Д.)
— 26: Я слезой любви. (Т. Д.)

68. *Человѣкъ,* стр. 83 (Лит. Газ. 41, № 3. — Изд. 46.—Двѣ Т. Д.; д.: Воронежъ, 1836, іюня 15).

II, 2: То собою дорожитъ
III, 1—2: Дастъ желаньямъ онъ свободу —
Кровь на землю побѣжитъ;
(Что захочетъ побѣдитъ) (Т. Д. и вар. 2-ой Т. Д.)
IV, 1: Но измѣнятся желанья (Лит. Г.; Т. Д.)
Все на свѣтѣ затемнитъ. (Т. Д. и вар. 2-ой Т. Д.)

69. *Божій міръ,* стр. 84 (От. З. 40, т. 11, кн. 8. — Изд. 46.—Рук. П. Б.; д. Воронежъ, 1836,—Р. Д.; д.: 1837).

3: Сынъ силы есть жизнь (О. З.)
12: Сквозь небо глядитъ (П. Б.)

Между 22 и 23 стихами въ рук. П. Б.:

Плоть ихъ укрѣпляетъ,
Свѣтъ даетъ имъ силу,
Возрождаетъ душу;
Творецъ Всемогущій
Собой обнимаетъ,
Живитъ, сохраняетъ. (П. Б.):

Въ О. З. и Рук. Дашк. изъ этихъ стиховъ есть только 2-й и 3-й.

25—26: Нѣтъ бездушной смерти
Нѣтъ безсмертной жизни. (О. З.)

70. *Неразгаданная истина,* стр. 85 (Лит. Приб. къ Р. Инв. 1838.—Изд. 46 г.—Рук. Д.).

IV, 2: Кровью обагрялись; (Лит. Пр.)
— 4—5: Въ бездну властелины
Съ шумомъ низвергались. (Р. Д.)
VIII, 1: Подрублю жь я крылья (Р. Д.)
— 3: Воздержу усилья. (Лит. Пр.).

71. *Великое слово,* стр. 86 (Совр. 38, т. 11 — Изд. 46.—Двѣ рук. П. Б.; д.: 1836. Степь гр-ни Орловой.—Т. Д.—Р. Д.; д.: та-же).

Загл.: Великая истина (1-я р. П. Б.)

I, 2: Словомъ огласилось: (Совр. и 2-я р. П. Б.)
II, 1: Свобода души (Совр.)
IV, 11: Оно—ея слава,
Оно—искупленье (1-я р. П. Б.)

72. *Могила,* стр. 88 (Моск. Набл. 38, ч. 16; д.: 1837.—Изд. 46.—Рук. П. Б.; д.: Воронежъ, 1836.—Т. Д.—Р. Дашк.)

Въ III строфѣ, въ рук. Дашк., вмѣсто 6 — 10-го стиховъ, а въ рук. П. Б. послѣ 10-го стиха—слѣдуетъ:

Что-жь съ твоей невинной,
Чистою душою,
Ангелъ мимолетный?..

За послѣднимъ (IV, 10) стихомъ стихотворенія въ рук П. Б.и въ Р. Д. слѣдуетъ продолженіе:

И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой,
Завѣтныя думы,
Смутныя мечты.
Свяжите тотъ вѣтеръ!
Окуйте неволей
Тревожную душу!
Напрасно! Блуждая,
Осеннимъ туманомъ,
По доламъ, по горамъ,—
Она въ поднебесье
Отъ узъ улетитъ...
Не такъ-ли, младенецъ,
Свободною мыслью
Уходишь ты въ небо,
Родное тебѣ...

Въ Т. Д. имѣются только два первыхъ стиха этого продолженія.

73. *Молитва,* стр. 89 (Сборникъ, альм. 38 г. — Изд. 46.—Рук. П. Б.; д.: Степь гр-ни Орловой. 1836.— Двѣ Т. Д.—Р. Д.; даты: въ Р.: Воронежъ, 1836; въ Т.: 1837).

Загл.: Слеза молитвы. (П. Б.: Р. Д.)

I, 3: Стиха нѣтъ въ рук. П. Б.
II, 2: На небо и землю (П. Б.; Сборн.)
— 7: Положилъ печать (П. Б.; Т. и Р. Д.)
Печать положилъ (Сборн.)
IV, 2: Слезу моей грустной (П. Б.; Сбор.; Т. и Р. Д.)

За IV, 5 зачеркнуто въ Р. Д.:

Холодное горе
Ее отогрѣло
Надеждой души
И дѣтскимъ довѣрьемъ
Святой твоей волѣ.

74. *Раздумье селянина,* стр. 90. (М. Наб. 38, ч. 16.—Изд. 46.—Двѣ тетр. Д.; д.: Москва, 1837 г., апрѣля 9).

Загл.: Русская пѣсня. (М. Н.)

V, 4: Всю размыкала (М. Наб.)

75. *Пора любви,* стр. 91. (Лит. Пр. къ Р. Инв. 38; дата 1837.—Изд. 46.—Т. Д.)

I, 3—4: Вся птичками пѣвучими
Населена полнымъ-полна;
—16: Не то какъ разъ бѣду наслушаешь:
II, 3: Блеснула мысль, какъ молнія,
Зажгла любовь сердечушко;
Запала въ грудь недобрая: (Лит. Пр.)
— 4: Этого стиха въ тетр. Дашкова нѣтъ.
— 7: Со дна песка не выкинетъ. (Л. Пр.)

76. *Ура,* стр. 93. (Лит. Приб. къ Р. Инв. 38, № 10.—Т. Д.; д: 1837).

IV-ой строфы нѣтъ въ Лит. Пр., а въ Т. Д. она зачеркнута.

77. *Первая пѣсня Лихача Кудрявича,* стр. 95. (Утр. Заря 39 г.—Изд. 46. — Т. Д.; дата: 1837. — Р. Д).

I, 1: Въ золотое время (У. З.)

78. *Вторая пѣсня Лих. Кудр.,* стр. 96. (Утр. Заря 39. — Изд. 46. — Т. Д.; д. 1837. — Р. Д.).

79. *Горькая доля,* стр. 79. (С. От. 38, т. 2. — Изд. 46. — Т. Д.: д. 4 авг. 1837 г.).

III, 4: И та измѣнила
IV, 3: Лицо—зима знобитъ (С. О.)

80. *Два прощанья,* стр. 99. (Лит. П. къ Р. И. 38.—Изд. 46.—Т. Д.; д: 1837 г., 18 сентября).

II, 1—4: Прощалась съ нимъ
Я весело;
Разсталася—
Смѣялася
III, 3: Слезамъ его (Лит. Пр.)
IV, 3: Но и теперь
V, 5: И до-воли
VII, 3: Но я люблю. (Л. Пр.; Вар. Т. Д.)

81. *Двѣ жизни,* стр. 101. (Лит. Пр. къ Р. И. 38. — Изд 46.—Т. Д.; д: 1837).

I, 7—8: И это—жизнь святого духа:
Она долга,—долга, какъ Божья вѣчность (Л. Пр.)
II, 6: Наклоннѣе, во тьмѣ, она къ молчанью.(Изд. 46: Т. Д.)

82. *Человѣческая мудрость,* стр. 102. (Лит. Пр. къ Р. И. 38.)

83. *Вопросъ,* стр. 103. (Моск. Набл. 38 т. 16; д: 1837 г., 20 сентября. — Изд. 46. — Т. Д.; д. та же. — Р. Д.)

II, 1: Выдь на берегъ (Рук. Д.).

84. *Царство мысли,* стр. 105. (Совр. 38, т. 9. — Изд. 46. — Т. Д.; д: 1837. — Р. Д.)

10: Повсюду царствуетъ одна идея (Совр.).
20: Въ глубокомъ снѣ разряженнаго камня (Сов.; Р. Д.; Т. Д.).
22: И въ дикой силѣ львиной мышцы крѣпкой (Совр.;
24: Одна она — идея бытія (Совр.). Р. Д.).
Она одна — царица бытія (Т. д.: Р. Д.)

За послѣднимъ стихомъ слѣдуетъ:

О, (И) какъ великъ, какъ счастливъ человѣкъ,
Благоговѣйно, тихо созерцая
Поэзію святую Божьей мысли (Совр.; Р. Д.; Вар. Т. Д.)

85. *Лѣсъ,* стр. 106 (С. От. 38 т. 2.—Изд. 46.—Т. Д.; д.: 1837.—Эпиграфъ только въ С. О.).

VIII, 2: Въ дни — роскошество
XII, 4: Зашатается:
XVIII, 3: Такъ подрѣзала (С. О.).

86. *Измѣна суженой,* стр. 109 (М. Набл. 38, ч. 17 От. Зап. 39, т. I,—Ст. Юд.—Изд. 46.—Р. Д.—Т. Д.; д: Москва 1838 г., 20 генваря).

Загл.: Пѣсня. (М. Наб.)
I, 2: Да не грѣетъ оно молодца (М. Наб.)
— 3: Сердце замерзло отъ холода (О. З.)
— 4: Отъ измѣны красной дѣвицы (Юд.)
II, 1: Пала грусть-тоска глубокая (М. Н.).

87. *Къ милой,* стр. 110 (Совр. 38. т. 12.—Моск. Набл. 38, ч. 16.—Изд. 46.—Двѣ Т. Д.; д: 1-ой Т.: Москва. 1838., 1 февр.).

4: Тебя отъ тихаго забвенья
7: Роскошнѣе былыхъ твою лелѣетъ душу. (Совр.)
16: Подобье храму божества (М. Н.; въ Совр. стиха нѣтъ)
— Чудеснѣй храма божества (2-я Т. Д.)

18: Прелестныя мечты толпой собралъ (Совр.)
20: Живыми лицами одѣлъ (Совр.)
21: Святой любовью прояснилъ (Совр.; М. Набл.; Вар. 1-ой Т. Д.)
24: О, если такъ, то ты счастлива (М. Набл.; Совр.)
25—26: Этихъ стиховъ нѣтъ въ Совр.
27: Что жь я теперь?—ненужное созданье? (М. Н.)
27: Что жь я? ненужное творенье? (Совр.)
30: Возьми съ собой въ его прекрасный міръ (Совр.).

88. *Ахъ, зачѣмъ меня,* стр. 111 (Моск. Набл. 38 г., т. 17.—Изд. 46.—Двѣ Т. Д.—Д. 1-ой Т.: Москва, 1838 г.. апрѣля 5.

Между I и II строфами имѣются еще двѣ въ 1-ой Т. Д., зачеркнутыя.

Хорошо глядѣть
На цвѣтистый садъ
Хорошо гулять
Лѣтомъ по полю;
Каково-жъ смотрѣть
На немилова,
Цѣлый вѣкъ съ нимъ жить,
Мукой мучиться?

89. *Послѣдній поцѣлуй,* стр. 112 (От. З. 39, т. 2. Изд. 46—Т. Д.; д: Москва, 1838 г., 12 апрѣля.—Р. Д.)

Послѣ I, 10 слѣдуетъ:

Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня... (О. З.; Т. и Р. Д.)

III, 5: Разберись—уберись (О. З.)

90. *Деревенская бѣда,* стр. 113 (М. Набл. 39, ч. I. — Изд. 46.—Т. Д.; д: Москва, 1838, мая 14 дня, полночь.—Р. Д.)

Загл.: Русс. пѣсня. (М. Н.); Сельская бѣда (Т. Д.)

VI, 1: Аль ни потъ съ лица посыплется (М. Наб.)
VII, : Всей строфы нѣтъ въ М. Набл. и Р. Д.; въ Т. Р. Д. она вычеркнута.
X, 3: Что есть духу проскакалъ злодѣй (Т. Д.).
XII, 2: Тамъ они горятъ, тамъ пѣсенки
Поютъ дѣвушки, товарищи (Т. Д.)
3: Пьютъ, гуляютъ, забавляются (М. Набл.)
XVI, 2: Гдѣ была моя избушка бѣдная (М. Н.)
— 4: Только уголья дымилися (М. Н.; Р. Д.).

91. *Примиреніе,* стр. 115. (Совр. 41, т. 21.—Моск. Набл. 38, ч. 17.—Изд. 46. — Рук. П. Б. — Р. Д. — Т. Д.; д: 1838, іюня 20, Москва.)

I, 11—17: На смертный бой судьбу я вызвалъ,
Противъ гиганта грудью сталъ
Схватилъ его въ объятьяхъ мощныхъ;
И этотъ страшный призракъ
Упалъ, — и все крутомъ меня
Склонилося безмолвно ницъ.
А я стоялъ, смотрѣлъ на небо.
II, 3: Между 3 и 4 стихами въ Р. Д. слѣдуетъ:
Ни низкими дарами счастья,
9: И вотъ ужь нѣтъ межъ нами пустоты (Р. Д.)

II, 12 и III, 1—2 отсутствуютъ.
III, 7—8 отсутствуютъ (М. Набл.)

92. *Міръ музыки,* стр. 117, (М. Набл. 39 ч. 1 д: 1838 г., 20 іюня.—Лит. Пр. къ Р. И. 39, № 1.—Изд. 46. — Р. Д. — 1-я р. въ Т. Д.; д: Москва, 1838. Вечеръ музыкальный у Боткина. — 2-я р. въ Т. Д.)

Загл.: Концертъ (М. Наб.); Пѣсня. (Т. и Р. Д.)
II, 3: Въ тихомъ сладостномъ забвеньи (Л. Пр.)
„ 3: И въ пространствѣ безпредѣльномъ (М. Н. и Р. Д.)
— 4: Обниму весь міръ собой.(1-я въ Т. Д.).
IV, 3: Безконечною любовью (М. Н. и Р. Д.)
— 4: Оживился міръ земной (М. Н. и Р. Д.)
— — Озарила міръ земной (Лит. Пр.)
— — Со мной слился ангелъ мой (1-я въ Т. Д.)
V, 2: Исчезайте вы во мнѣ (М. Набл.)
— — Исчезайте вы во мглѣ (1-я въ Т. Д.)
— — Исчезайте вы вдали (Р. Д.).

93. *Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,* стр. 117. (М. Наб. 39. ч. 1. — Изд. 46. — 1-я р. Т. Д.; д: Москва, 10 іюля 1838. Утро 12 час.—2-я р. Т. Д. — Р. Д.)

Загл.: Русская пѣсня (М. Н. и всѣ рук.)
V, 2: Недоля людская (М. Н.).
— —: Не судьба людская (Вар. 2 Т. и Р. Д.)

94. *Послѣдняя борьба,* стр. 118. (От. З. 41. т. 18. — Изд. 46.—Т. Р. и Д. — Р. П. Б.—Даты вездѣ: 1838, сент. 20.)

I, 2: Громъ на небѣ грохоталъ (О. З. и Р. Д.).

Между II и III строфами въ Т. Даш. имѣются еще двѣ зачеркнутыя:

Тѣ же бури } надо мною
И теперь вотъ }
Идутъ { и шумятъ } опять
{ страшныя }

(Такъ же идутъ и шумятъ)
Но спасаетъ подъ грозою
Чистой вѣры благодать.
Съ ней покойно я любуюсь
На { житейскую / ихъ вѣчную } вражду,
Въ мірѣ бѣдъ земныхъ волнуюсь —
И погибели не жду.

95. *Пѣсня разбойника,* стр. 119. (О. Зап. 1840 т. 11.— Изд. 46.—Тетр. Д. (безъ посвященія); д: 1838, октября 15.)

Загл.: С(т)енька Разинъ.

Въ Т. Д. на поляхъ написана строфа, мѣсто которой, вѣроятно, между VI и VII-ой:

„Среди лѣта, среди краснова
Что ты грустно поле чистое?
Послѣ дождя благодатнова
О чемъ воешь ты, дремучій лѣсъ? (Т. Д.)

V, 3: Живетъ дѣвица-красавица,
VI, 2: Подъ окномъ сидитъ отвореннымъ:
VIII, 2: Ты бѣги со мной изъ терема (О. З.)

96. *Бѣдный призракъ,* стр. 120 (От. З. 41 т. 16. — Изд. 46. — Двѣ Р. Д. — Двѣ Т. Д.; д. 1-ой Т: 20 октября 1838 г.)

Загл.: Такая жизнь. (2-я д.: Д.)

I, 1—2: Въ несчастіи страдать о счастьи
До смерти больно, мочи нѣтъ. (1-я д.: Д.)
— 2: Несчастій много — счастья нѣтъ
— 3: Пойду жь къ друзьямъ на пиръ старинный (О. З.; 2-я Р. и вар. 2 Т. Д.).
IV, 2: Пришелъ ихъ счастіе присвоить (О. З. 1-я 2-я Р. Д.; вар. 1 и 2-ой Т. Д.)
— — Пришелъ ихъ счастіе разрушить (Вар. 1-ой Р. Д.)
— 4: Свое имъ горе передать (О. З.; 2-я Р. Д.; вар. 1-ой Т. Д.)
Насильно горе навязать. (Вар. 1 Р. Д.)
V, 1—2: И вотъ, на сторость лѣтъ
Мнѣ не съ кѣмъ слова перемолвить.
— 4: И доброй ночи пожелать . . .
VI, 1: Придешь ли (Приди хоть) ты! Но съ этой мыслью (1-я Р. Д.)
— — Гдѣ жь ты теперь? . . Но съ этой мыслью (О. З.)
— 4: И страшно мучаетъ меня (1-я Р. Д.).

97. *Бѣгство,* стр. 121 (Совр. 39 т. 14. — Р. П. Б.— Т. Д.; д: 13 декабря 1838.—Изд. 46.)

IV, 1: Я чрезъ рѣку огородомъ (П. Б.)
VIII, 3: Чтобъ я съ милой до разсвѣта
IX, 2: Есть гдѣ, будетъ—отдохнуть (Совр.; П. Б.; вар. Т. Д.)
X, 1: Будемъ жить съ тобой мы пански (Совр.; П. Б.)
— — Будемъ жить мы здѣсь попански (Вар. Т. Д.)

98. *Товарищу,* стр. 125 (Изд. 46; д: 1838—Т. Д.)

Загл. Старому товарищу.
I, 3—4: Имъ не внятенъ, смѣшонъ
Крайнихъ нуждъ разговоръ
II, 1—2: На заботы свои
Ты съ зарей поднимись
III, 3—4: Но съ зарею опять
Къ своимъ нуждамъ иди.
Не сердись ты на нихъ. (Вар. Т. Д.)

99. *Я дома,* стр. 124 (О. Зап. 67 г.; д: 1839, января 5.)
100. *Предъ образомъ Спасителя,* стр. 125 (Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д.; д: 1839, февраля 20.).
101. *Путь,* стр. 125 (О. Зап. 39, т. 4, кн. 6—Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д.; д: 1839, марта 10 дня.)

I, 3: Но нельзя мнѣ по немъ (О. З.; П. Б.; Т. Д.)
VIII, 3: Отъ грозы роковой (О. З.; П. Б.)

102. *Въ непогоду вътеръ,* стр. 127 (От. Зап. 40, т. 11. д: Августа 5, 1839.—Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д.; д: та же.)

I, 1—4: Цѣлый день на небѣ
Солнышко сіяетъ;
Цѣлый вѣкъ мнѣ душу
Злая грусть терзаетъ.
II, 3: Цѣлый вѣкъ любовью
III, 1: Нѣтъ ужъ силъ—усталъ я (О. З.; вар. Т. Д.)
—, 3 Но на свѣтъ посмотришь, (Вар. Т. Д.; О. З.: П. Б.)
IV, 1—4: Гдѣ-жъ ты, моя душка,
Разошлась со мною?
Что-жъ ты, моя доля,
Пала предъ судьбою? (От. З.; вар. Т. Д.)
— 3: Безъ поры, безъ время (Вар. Т. Д.)
— 4: Камнемъ въ воду пола (П. Б.; вар. Т. Д.)
V, 2: Размахнись крылами (О. З.; вар. Т. Д.)
VI, 3: Безъ любви мы съ горемъ (вар. Т. Д.)

103. *Тоска по волѣ,* стр. 127 (О. З. 41 т. 14; д: 1839, сент. 25. — Изд. 46.—Т. Д.; д: 1839, сент. 2.)

II, 3: Тяжелѣй того въ чужой странѣ
IV, 1: Гдѣ-жь друзья мои пріятели?
— 4: Иль ужь голосъ мой разноситъ вѣтръ?
V, 2: Какъ бывало, въ полночь темную, (Вар. Т. Д.)
— 3: Крикну свистну имъ изъ-за лѣсу (О. З.)
— 4: Аль ни густой лѣсъ шелохнется.
VII, 3: И друзья мои пріятели (Вар. Т. Д.)
VIII, 2: Отъ тебя я службы требую (О. З)

104. *Хуторокъ*, стр. 129. (О. З. 40, т. 8; д.: 5 сент. 1839.—П. Б.; д: та же—Т. Д.; д: та же.).

VII, 3: Завтра, другъ мой, съ тобой
XIV, 4: И головка твоя (П. Б.)
— — Вся головка твоя (О. З.; вар. Т. Д.)

105. *Къ ***. „Ты въ путь иной"*, стр. 132 (Изд. 46—Т. и Р. Д.; д: 10 сент. 1839 г.).

Загл.: Къ ней же. (Т. и Р. Д.).
I, 1: Ты не взяла меня съ собой,
Ты въ путь иной отправилась одна...
— 5: Но этотъ путь далеко ли пройдетъ?
II, 1: Но что, какія впечатлѣнья. (Т. и Р. Д.)
Послѣ II, 2, слѣдуетъ:
И свѣтлой юности прекрасныя желанья
Какою жизнію полны? Т. Д.)
(И тѣ прекрасныя желанья)
(Все той ли жизнію полны?) (Вар. Т. Д.)
Вар.: И чѣмъ вдали твои желанья
Навѣки могутъ обладать? (Р. Д.).
II, 4: Съ тобою есть ли хоть одинъ (Р. Д.).
III, 7: Одна ты грустная стоишь! (Т. и Р. Д.).
IV, 1—2: Одна предъ Сыномъ Божьимъ
Рѣкой ты слезы льешь. (Р. Д.).
— 5: Дай руку мнѣ: съ тобой пойдемъ (Т. Д.)
— 5: Постой, дай руку мнѣ: еще есть время (Р. Д.)
— 8—9: Какъ зябну я съ тобой!
И какъ намъ тѣсно, тяжело
На путь оставленный взойтить! (Р. Д.)
— 10: Но я взялся, но я пойду... (Т. и Р. Д.).

106. *Не различай волшебныхъ звуковъ*, стр. 133. (О. З. 41 т. 15.—Изд. 46—Р. П. Б. д: 1839, сент. 15,—Т. и Р. Д. д: та же)

I, 4: Твоя вся жизнь—какъ свѣтлый день (О. З.; П. Б., вар. Т. Д.; Р. Д.)
II, 2: Создать невидимыхъ духовъ (О. З.).

II, 3—4: Они въ твоихъ владѣньяхъ чудныхъ
До рая неба возведутъ (Р. Д.).
— 4: Въ твоихъ видѣньяхъ разовьютъ (П. Б.).
III, 4: Святого духа благодать (П. Б.; Вар. Т. Д.).
IV, 1: А предо мной—они лишь прошлыхъ дней (Р. Д.).
— 3: Мгновенно ото сна пробудятъ (Вар. Т. Д.; Р. Д.)

Между IV и V строфами — еще строфа:

Иныхъ духовъ одѣнутъ лица
Въ пустую даль (Т. Д.: тьму) на гибель поведутъ.
И безконечнымъ сожалѣньемъ
(И въ безконечномъ сожалѣньи) (Вар. Р. Д.)
Терзать мученьями начнутъ.
VI, 3—4: Ни мертвой, ни живой воды
Я не найду ужь никогда (Вар. Т. Д; Р. Д.).

107. *Что ты спишь мужичекъ*, стр. 134. (О. З. 41, т. 14; д: 1839, сент. 25—Изд. 46—Р. П. Б.—Т. Д.; д: та же).

Загл.: Земляку (П. Б.); Русачку-мужичку (зачерк.), Къ сонѣ-земляку (зач.), Лѣнивцу (Т. Д.).

III, 4: Хоть шаромъ покатись (О. З.; П. Б.; Вар. Т. Д.)
V, 4: Какъ старушка глядитъ (П. Б.).
4: Какъ старушка стоитъ (Вар. Т. Д.)

IV и V строфы въ Т. Д., зачеркнутыя, читаются такъ:

Что ты спишь, мужичекъ?
Что ты дурь напустилъ?
Чѣмъ свой вѣкъ вѣковать,
Знать совсѣмъ позабылъ...
Или руки твои
Работать не могутъ?
Иль въ пустой головѣ
Нѣтъ ума ни на грошъ? (Т. Д.).

IX, 2: Ты съ бѣдою сидишь (О. З.).
X, 1: На пашнѣ жь сиротой (Вар. Т. Д.).

108, *Говорилъ мнѣ другъ*, стр. 135. (О. З. 40 т. 9; д: 1839, ноября 2—Изд. 46—Двѣ Т. Д.—Р. Д.; д: 2 ноября.

IV, 4: Кудрямъ шелковымъ счастливится (Вар. Р. Д.)
V, 3: Не къ отцу идти—въ другомъ селѣ (О. З.; Р. Д.)
V, 3: Не къ отцу идтить — въ чужой странѣ (Вар. Т. Д.)
VI, 1: Но Господь съ тобой, мой милый другъ, (О. З.; Вар. Т. Д.)

109. *Лѣсъ (Дума)*, стр. 136. (О. З. 40, т. 13.—Изд. 46—

Двѣ Р. П. Б.—Т. и три Р. Д.; д: 10 ноября 1839 г.—Рус. Арх. 71 г.).

I, 2: Какія въ немъ чернѣютъ думы. (Вар. Т. Д.; Р. Д.)
— 3: Ужель въ его суровомъ царствѣ (1-я П. Б.; Вар. Т. и 2-я Р. Д.; Р. Ар.)
II, 1: Коня скорѣй! Какъ соколъ ясный (О. З., вар. Т. Д.; рукописи (кромѣ 1-ой Д.) и Р. Ар.)
— 2: На немъ весь лѣсъ я облечу (2-я П. Б. и 3-я Р Д.)
III, 1: Когда нибудь его живыя силы (2-я Р. П. Б).
— 2: Хотѣла землю всю покрыть (2-я Р. и вар. Т. Д).
— 2: Хотѣла землю всю обнять (1-я П. Б.; Р. Ар.)
Рвалися землю всю покрыть (2-я П. Б.)
— 4: Въ живомъ движеніи стоитъ (Вар. 2-ой Р. Д.)
IV, 3: Изъ глубины своей выходятъ (1-я П. Б.; Вар. Т. Д.; 2-я Р. Д.)
V, 4: Печаль глубокая лежитъ (1-я П. Б.; Вар. Т. Д.; 2-я Р. Д.; Р. Арх.)
— 4: Печаль безмолвная лежитъ (Вар. 2-ой Р. Д.; Т. Д.)
VI, 3: Въ забвенье погружаетъ чувство (3-я Р. Д.; Вар. Т. Д.; 2-я П. Б.; Р. Ар.)
— 3: Въ забвенье душу погружаетъ (1-я П. Б.; 2-я Р. Д.)
— 4: И силы (вар.: тайны) новыя рождаетъ въ немъ? (3-я Р. Д.)
— 4: И мысли новыя рождаетъ въ немъ. (Вар. Т. и 2-я Р. Д.)
— 4: И воскрешаетъ чувство въ ней (1-я П. Б.; 2-я Р. Д.)
VII, 1: Ужели въ насъ живая воля (2-я Р. Д.; Вар. Т. Д.; 1-я П. Б.; Р. Ар.)
— 1: Ужели въ насъ живая сила (Вар. 2-ой Р. Д.)
— 2: Такой свободою живетъ (2-я Р. Д.; 1-я П Б.; Вар. Т. Д.; Р. Ар.)
— 3: Что нужно ей въ предѣлахъ смерти (2-я Р. Д.; в. Т. Д.; 1-я П. Б.; Р. Ар.)
— 3: Что въ царствѣ безотрадной смерти (3-я Р. Д.)
— 3: Что въ царствѣ безотрадной ночи (2-я П. Б.)
— 4: Свое величье сознаетъ. (2-я П. Б.; 3-я Р. Д.).

Во 2-ой р. П. Б. третья строфа занимаетъ мѣсто второй и обратно.

Свое величье сознавать (1-я П. Б.; 2-я Р. Д.; Вар. Т. Д.; Р. Арх.)

110. *Безъ ума, безъ разума,* стр. 137 (О. З. 40 т. 10, д: 1840, февр. 12.—Изд. 46.—Р. и Т. Д.: д: 1839, ноября 15.)

Загл.: Русская пѣсня. (О. З.; Р. Д.)
I, 4: Силой укоротали. (Т. Д.)
V, 4: По разсчетамъ сравнивать! (О. З.)

111. *Посланіе Бѣлинскому*, стр. 137 (Двѣ Т. Д. и Рук. Д.; д: 1839, ноября 16).

I, 9: Когда жь надъ ней самой есть воля,
— 13: Пусть всѣ они возстанутъ
— 14: Противъ тебя идутъ. (Обѣ Т. Д.)
— 18: Главы предъ нею не склоняй
— 22: Твоей разумной воли (Вар. 1-ой Т. Д.)
— 23: Пока дыханье въ тѣлѣ (Т. Д.)
— 24: Безумьемъ умъ не побѣдить (Вар. 1-ой Т. Д.)
II, 7: Вездѣ одна живая (есть) сила (Обѣ Т. Д.)
— 8: Одно святое торжество. (Вар. 2-ой Т. Д.)
— 11: Но тьма и холодъ вмѣстѣ (въ небѣ.)
— 12: Другова солнца не зажгутъ.
III, 3: Когда съ такимъ презрѣньемъ люди (Обѣ Т. Д.)
3—4: Судьба людей тебя зоветъ
— (Твоя судьба тебя зоветъ)
— (На брань съ людьми судьба зоветъ) (Вар. 1-ой
7—8: Въ ея борьбѣ — сознанье Т. Д.)
Въ ея побѣдѣ — смерть. (Вар. 1-ой Т. Д.)

112. *Дума сокола*, стр. 140 (О. З. 40 т. 10.—Изд. 46—Р. П. Б., безъ посвященія.—Т. Д. и Р. Д.—Д. 1840, янв. 15.)

I, 4: Ни за что губить (О. З.)
II, 3: По дорожкѣ вдаль (Т. и Р. Д.)
VIII, 4: День и ночь глядѣть (О. З.; Р. Д.)
IX, 2: Куда путь лежитъ (Р. Д.)

113. *Свѣтитъ солнышко*, стр. 141 (О. З. 40, т. 10—Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д.—Р. Д.; д: 1840, февр. 12.)

Загл.: Русская пѣсня (Рук.)
I, 1: Грѣетъ солнышко (О. З.; Рук.)
II, 3: Тучи плавали (П. Б.; Р. Д.)
— 3: Тучи шли надъ ней (Вар. Р. Д.)
— 3: Тучки шли надъ ней (О. З.)
— 4: Да безъ дождика (О. З.)
IV, 1: И все пташечки (П. Б.; Р. Д.)

Въ Т. Д. зачеркнуты еще двѣ строфы:

И пришла она
Къ сѣдымъ кудрямъ,
А сѣдымъ кудрямъ
Что надобно?
Межъ друзей сижу,
На добро гляжу,
Друзей ищу,
По людямъ хожу
Душой грущу.

114. *Не скажу никому*, стр. 142 (Утр. З. 41.—Изд. 46—Р. П. Б.—Р. Д.—Т. Д.; д. 1840 г., 26 февраля).

Загл.: Русская пѣсня. (У. З. и всѣ рук.)

II. 3—4: Изъ которыхъ я съ нимъ
Завивала вѣнки. (Рук.).

115. *Вопль страданія*, стр. 143 (Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д. и Р. Д.; д: 6 марта 1840).

Загл.: Вопль страданій (П. Б.); Послѣдній вопль земныхъ страданій (Т. и Р. Д.)

II, 3: Чтобъ могъ я равнодушно перенесть (П. Б.; Вар. Т. Д.)
— 3: Чтобы равнодушно могъ я перенесть (П. Б).
— 4: Земныхъ страстей безумное гоненье (Р. Д.)
III, 2: Разноситъ вѣтръ съ негодованьемъ (Р. Д. и вар. Т. Д.)
IV, 3: Прекрасной жизни, свободно не упившись (Р. Д.).

116. *Благодѣтелю моей родины*, стр. 143 (С. О. 40 т. 2; д: 1840. Воронежъ. — Рус. Арх. 74 т. I. — Рук. Д. и Т. Д.; д: 1840 г. 14 марта.)

Загл.: Въ самой книжкѣ С. О. и въ оглавленіи къ ней: Благодѣтелю; а въ оглавленіи къ тому: Благотворителю; въ Р. Арх. и въ рукописяхъ: Его Превосходительству Дмитрію Никитичу Бѣгичеву.

I, 3: Кругомъ ихъ шумный блескъ и слава (С. О.).
— 6: Съ безумной гордостью глядятъ (С. О.; Т. Д.).
— 7: Въ страстяхъ порока утопаютъ (Т. Д.).
— 8: Проводитъ безполезный вѣкъ.
— 11: Взглянуть на лица ихъ боятся;
— 14: Клянутъ — и презираютъ ихъ (С. О.).
II, 7: И искренно для пользы царства (Т. Д.).
— 8: Работаютъ свой вѣкъ они... (С. О.; Р. Д.).
X, 10: Колѣна гнутъ, благоговѣйно
— 11: Молитвы чистыя творя...
— 14: Любилъ глядѣть я молчаливо, (С. О).
— 19: Сіяло ваше доброе лицо. (С. О.; Т. Д.)

117. *Такъ и рвется душа*, стр. 144 (О. З. 41 т. 13.—Изд. 46. — Р. П. Б. — Двѣ рук. въ Т. Д. — Р. Д. — Дата: 1 апр. 1840).

Загл.: Русская пѣсня (Рукоп,).

I, 1: Рвется душка моя
III, 3—4: Пылкой страстью сгорать

Всю себя забывать
— 3—4: На груди въ забытьи
Огнемъ страсти сгорать
IV, 1: На румяной зарѣ (Вар. 1 Р. въ Т. Д.)

Въ рукописяхъ слѣдующія продолженія:

1—2: То ли дѣло вдвоемъ
Хороводы водить (Р. Д.)
— 2: Въ хороводѣ (При дорожкѣ) грустить (Р. Д.).
1—2: То ли дѣло по немъ
Въ хороводѣ грустить (П. Б.; 1-я Р. въ Т. Д.
3—4: То ли дѣло душой
Мила друга любить (П. Б.; Р. Д.; 1-я Р. въ Т. Д.

118. *Разлука: На зарѣ туманной юности*, стр. 145 (О. З. 40 т. 13; д: 1840, мая 21.—Изд. 46—Р. П. Б.—Т. Д.; д: та же—Рук. Д.; д: та же).

III, 2: Когда съ вами дѣлишь грусть свою (О. З.; П Б.; Вар. Т. Д.)
IV, 3—4: Когда Богъ велѣлъ—разстанемся,
Можетъ быть, опять увидимся (О. З.)
— 3—4: Намъ разстаться съ тобой надобно
Богъ поможетъ—вновь увидимся (Вар. Т. Д.;Р. Д.)
VI, 4: Замерла рѣчь... и задумалась (Р. Д.)

119. *Не на радость, не на счастье*, стр. 146 (О. З. I. 41 т. 16.—Изд. 46—Р. П. Р.—Т. Д.—Двѣ Р. Д.—Д: 1840 іюня 12. Бобровъ).

Заглавіе: Русская пѣсня (О. З. и рук.)

I, 4: Другъ мы друга душой поняли (Р. Д.; в. Т. Д.
— 4: Одну долю съ тобой выбрали (О. З.)
— 4: Одну долю душой выбрали (П. Б.)
III, 3—4: Какъ бы гдѣ съ тобой увидѣться
Лишнимъ словомъ перемолвиться (О. З.)
IV, 4: Ты всю ночь меня во снѣ зовешь (П. Б.)
IV, 2—4: Ты подлѣ меня, съ ума нейдешь,
Рѣчью сладкою на бѣлу́ грудь
Въ ночку темную во снѣ зовешь.
V, 3—4: Гдѣ мнѣ взять дары? какъ будемъ жить?
Какъ противъ людей поправиться? (Р. Д.)
VI, 1: Но куда умомъ ни кидаюсь (П. Б.)
VI, 1: Но куда умомъ ни кидаю
VI, 4: Смѣшать разумъ мой стараются.
VII, 1: Кончить жизнь свою?—не хочется ... (Р. Д).

120. *Перепутье*, стр. 147 (О. З. 40 т. 12; д: 14 авг. 1840.—Изд. 46.—Т. Д.; д. 11 іюля 1840. Бобровъ).

Загл.: Разгульная головка (Вар. Т. Д.)
I, 4: Въ свѣтѣ бѣломъ тѣсно жить (Вар. Т. Д.)
V, 1: Сидѣть дома, болѣть, стариться (О. З.)

121. *Дуютъ вѣтры,* стр. 148 (О. З. 40, т. 13; д: 14 авг 1840.—Изд. 46.—Р. П. Б.—Т. Д; д: та же).

Загл.: Русская пѣсня (О. З.)
III, 3: Темна ночка (О. З.)
— 3: Одна ночка (П. Б.)
V, 3: Огонь пламя (О. З.; П. Б.; Вар. Т. Д.)

122. *Военная пѣсня,* стр. 149 (Утр. З. 42. д: 1840 г., 22 авг.—Рус. Арх. 69 № 11—Р. П. Б.;)

I, 4: За царя, за домъ, за родину. (У. З.: Р. Ар.)

123. *Всякому свой таланъ,* стр 150 (Изд. 46.—Р. Б.—Т. Д.; д: 28 авг. 1840).

Загл.: Свой таланъ (Р. Б.; Вар. Т. Д.). Судьба (Т. Д.)
II, 2: Иль обманомъ или хитростью (Р. Б.; Вар. Т. Д.)
V, 3—4: Да проживши свое доброе
Въ долги сталъ я неоплатные (Вар. Т. Д.)
VIII, 1: Теперь придетъ время тѣсное,—
2: Кто, скажи, жена, поможетъ намъ?
(Что, скажи, жена, мы сдѣлаемъ?)
— Какъ прожился мой безумный мужъ—(Р. Б.)

124. *Дума двѣнадцатая,* стр. 151 Т. Д. — Рук. Б.—Р. Д.; д: 1840.

3: Волненье умственной стихіи (Вар. Т. Д.; Д.)
4: Волненье чувствъ въ народѣ (Т. Д.; Вар. Р. Б.)
5: Одно лишь напряженье мысли. (Р. Д.: Вар. Т. Д.)
5: Все той же напряженье мысли. (Вар. Р. Б.; Т. Д.).
6: Перерождаетъ атмосферу, воздухъ (Р. Д.)
8: И правитъ всѣмъ по произволу духа. (Вар. Т. Д.)
(И движетъ міръ по произволу духа!) (Вар. Т. Д. и вар. Р. Б.)
И движетъ жизнь по произволу духа (Р. Д.)

125. *Поэтъ,* стр. 151 (Изд. 46. — Рус. Арх. 75, III.; д.: Москва. 1840 г., 7 декабря.—Т. Д.; д: та же. — Р. Б.)

Загл.: Шакспиръ. Дума (Р. Арх. Посв. кн. П. А. Вяземскому; вар. Т. Д. р. 2; Проявленіе Бога. (Т. Д. р. 2; Р. Б.)

II, 3: Онъ и природа (Р. Ар.)
3: Но Богъ и природа (Т. Д.. 2 р. Р. Б.)
IV, 1: Гражданинъ-художникъ (Р. Ар.; Вар. Т. Д. 1 р.)

VI, 4: Духомъ торжествуя.. (Т. Д. 1 р. Р. Б.)
VII, 1: Вѣчныя явленія (Р. Ар.)
VII, 1—4: Наконецъ, народы,
Въ прахъ уничтожаясь,
Познаютъ созданье,
Бога не познавши. (Т. Д. 2 р.; Р. Б.)

126. *Гдѣ вы, дни мои,* стр. 152 (О. З. 41, т. 15; д: 3 дек. 1840 г. Москва.—Изд. 46.—Р. Арх. 75, III.—Т. Д.; д: та же).

Загл.: Русская пѣсня. (О. З.; Т. Д.)

127. *Много есть у меня,* стр. 153 (О. З. 41, т. 15.—Изд. 46. — Т. Д.; д: Москва, 1840, дек. 8. — Р. Арх. 75. III; д: та же)

Загл.: Русская пѣсня. (О. З.; Т. Д.; Р. Ар.)
IV, 3: Для бесѣды—рѣчей.—(Вар. Т. Д.; О. З.; Р. Арх.)

128) *Разсчетъ съ жизнью,* стр. 154 (О. З. 41, т. 15.; д: Москва, 1840, дек. 8.—Изд. 46.—Р. Арх. 75, III; д: Москва, 1840, дек. 9—Т. Д.; д: та же).

Загл.: Жалоба (Р. Ар.; Т. Д.)
IV, 1: Да румянецъ съ лица (Р. Арх.)
VII, 1: Жизнь! Зачѣмъ ты собой
— 3: Еслибъ силы Богъ далъ (О. З.; Р. Арх.)

129. *Грусть дѣвушки,* стр. 155 (О. З. 41, т. 14. — Изд. 46.—Р. Арх. 75, III.—Т. Д.—Общ. д: Москва, декабря 10, 1840 г.).

II. 3: По милу дружку (О. З.; вар. Т. Д.)
— 3: Безъ мила дружка (Вар. Т. Д.)
IV, 3: Одного лишь нѣтъ (О. З.; Р. Арх.)
VI, Въ О. З. вся строфа отсутствуетъ
VI, 2: Въ небѣ плаваетъ (Р. Арх.)
VII, 1—4: Не къ добру туманъ
Безъ росы упалъ;
Нѣтъ, не такъ тоска
Давитъ душу мнѣ (Вар. Т. Д.)
— 3: Ахъ, не къ радости (О. З.)

Въ одной изъ рукописей Дашкова „Молодая Жница" озаглавлена „Грусть дѣвушки" и съ IV строфы имѣетъ тамъ нижеслѣдующее продолженіе, составляющее, очевидно, первоначальный набросокъ именно „Грусти дѣвушки":

Какъ сѣдой туманъ
Роса на землю

Пала на сердце
Грусть тяжелая
Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Не играешь ты
Краснымъ солнушкомъ,
Не блистаешь ты
Чистымъ золотомъ,
Иглой аглицкой
Не щетинишься?
Отчего, скажи,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя—
Коса черная?
Отчего, мой серпъ,—
Черна бровь моя,
Въ одинъ жаркій день
Изогнулся ты?
Али солнушко
Горячѣй огня
Разожгло тебя
И расправило?
Али милый другъ
На чужой степи
Косой вострою
Вырылъ гробъ себѣ?
Съ Дона тихаго
Не воротится,
Съ края дальнева
Не придетъ ко мнѣ?
Часто матушка
Замѣчала мнѣ:
„Когда выглянетъ
Солнце изъ тучи,—
То за нимъ какъ разъ
Либо бурѣ быть,
Либо дождичку
Цѣлый день идтить.
Иль ко мнѣ, младой,
Какъ къ землѣ сырой,
Того жди, придетъ
Непогодушка.

130. *Ночь*, стр. 156 (О. З. 41. т. 14.—Изд. 46.—Т. Д.—двѣ рук.—Р. Арх. 75 т. III.—Об. дата: Москва, 1840 г., декабря 11.)

V, 1—4: Изъ пригорка дубъ
Онъ схватилъ рукой,
Бросилъ вверхъ его—
Словно прутъ какой...
VII. 1—4: Самъ не помню, что
Мнѣ старикъ сказалъ,
Только долго трупъ
Я въ ногахъ топталъ
X и XI: Ея нѣтъ давно...
И мой конченъ путь...
Но ея слова
Все съ ума нейду́тъ:
„Не любила я
Старика душой...
Но мнѣ стало жаль
Головы сѣдой.
„Прости-жъ, мирный сонъ,
Прости, старый мужъ,
Прежде-жъ всѣхъ прощай,—
Ты, мой милый другъ!
„На полу одинъ
Онъ убитъ лежитъ,
За тобой—другой
Весь въ крови стоитъ ...“ (Т. Д., 1-я р.)

131. *Поминки*, стр. 158 (О. З. 42. т. 20.—Изд. 46.—Т. Д.—Р. Ар. 75, III.—Об. д: Москва, 1840, 12 декабря).

III, 4: Ихъ рѣчи кипятъ
X, 1: И юноша вздрогнулъ (О. З.)

132. *Доля бѣдняка*, стр. 159 (О. З. 43. т. 26; д: 1 апр. 1841 г. Воронежъ.—Изд. 46.—Т. Д.—Р. Б.; д: та же).

I, 1: Жить въ чужихъ людяхъ
— 4: Не разборчива (О. З.; Р. Б.; Вар. Т. Д.)

133. *Ты прости-прошай*, стр. 160 (Изд. 46.—Т. Д.—Р. Б.—Об. д: 25 апрѣля 1841).

Загл.: Русская пѣсня. (Т. Д.; Р. Б.)
III. 1—2: Я пойду опять
Къ отцу въ хижину (Вар. Т. Д.)
IV, 1: Тамъ найду себѣ (Вар. Р. Б.)
3: Съ ней начну я жить
3: (Доживу съ ней вѣкъ) (Р. Б.)

134. *Не весна тогда*, стр. 161 (От. З. 42. т. 20—Изд. 46.—Т Д.—Р. Д.—Общ. д: 2 мая 1841 г.)

Загл.: Русская пѣсня (Рук.)
IV, 3: Шли, какъ облачко
4: Мимо солнушка (О. З.)

Въ Т. Д. есть зачеркнутыя строфы—продолженіе стихотворенія:

1—4: Но и гдѣ-жъ они—
Вьюги, ночи, сны?
Иль въ другой—съ тобой
Не придутъ они
Вар.: 1—2: Гдѣ-жъ ты, ноченька,
Золотые сны?..
Вар.: 1—4: Гдѣ-жъ вы, темныя
Ночи ноченьки?
Иль въ другой—съ тобой
Не видать мнѣ васъ?..
5—8: Не придутъ-придутъ,
Но я помню ихъ ...
Та пора съ души,
Изъ ума нейдетъ
Вар.: 5—6: Но то время вѣкъ
Не прожить душѣ
9—12: Какъ тогда, теперь
На меня всю ночь
Ты сидишь-глядишь
Глазъ не сводючи. (Т. Д.)

135. *Звѣзда,* стр. 162 (Изд. 46. — Т. Д. — Р. Б. — Д.: 5 мая 1841).

6: Но я ее и часъ тотъ позабылъ! (Р. Б.)
10: Порой въ восторгъ и въ восхищенье, (Р. Б)
12: И мнѣ ее, погибшую (одну ее), не жаль (Т. Д.)

136. *Разступитесь, лѣса темные,* стр. 162 (О. З. 43, т. 26.—Изд. 46.—Р. Б.; д: 1841, мая 10.—Т. Д.; д.: та же.

Загл.: Русская пѣсня. (О. З.; рук.)
V, 4: Въ свое время счастье пробовалъ. (Р. Б.)
VI, 1: Здѣсь мнѣ доля все туманится,
3—4: Сукна, шолка, много золота
Будемъ жить съ тобой, какъ хочется! (Р. Б.)
Въ О. З. этой строфы нѣтъ,

137. *Какъ здоровъ да молодъ,* стр. 163 (О. З. 43. 26.—Изд. 46.—Р. Б.—Т. Д.; д: 1841, мая 15)

Загл.: Сельская пѣсня. (Р. Б.)
I, 4: Идетъ отовсюду (Р. Б.; Т. Д.)

II, 3: Проходи самъ баринъ—(Т. Д.)
IV, 4: Про былое время... (О. З.; Вар. Т. Д.; Р. Б.)

138. *Старая пѣсня,* стр. 164. (Изд. 46. — Т. Д.; д: 17 октября 1841. — Р. Б.; д: 18 октября 1841.)

Загл.: Русская пѣсня (Вар. Т. Д.)
III, 3: Къ бусурману — звѣрю лютому,
IV, 2: Какъ ужъ бьется Русь съ татариномъ (Вар. Р. Б.).

139. *Жизнь,* стр. 165. (Изд. 46. — Двѣ Р. Д.—Т. Д. д: 1841, октября 18.)

Посвящ.: (Посвящено кн. Петру Андреевичу Вяземскому). (2-я Р. Д.)

I, 3: Чего не дано понимать (Всѣ рук.)

Послѣ VI-ый строфы въ Т. и въ 1-ой Р. Д. есть еще одна:

И если бъ не было дано
У духа чувства убѣжденья,—
Такъ родъ людской бы весь давно
Себя сгубилъ безъ сожалѣнья.

140. *Еще старая пѣсня,* стр. 166. (Р. Арх. 71, № 6.— Р. Б. — Р. Д.)

Загл.: Русская пѣсня. (Посвящаю Василію Петровичу Боткину). (Рук.)
II, 3—4: Тихо псалмы распѣваетъ,
Въ полъ жезломъ своимъ стучитъ (Р. Д. и Б.)

Въ Р. Бѣлинскаго сохранились только 4 строфы, а въ рук. Дашкова только недостающій въ ней конецъ, на одномъ листкѣ съ стих. „Жизнь"; очевидно, вторая рукопись есть оторванное продолженіе первой.

VII, 4: Того скушаемъ съ дѣтьми (Р. Д.)

141. *Не время-ль намъ оставить,* стр. 167. (О. З. 43. т. 26.—Изд. 46.—Т. Д.—Р. Д.—Общ. дата: 18 декабря 1841).

Загл.: Изъ Горація (Р. Д.; Вар. Т. Д.)
I, 2: Про небеса мечтать (Т. Д.; Р. Д.)
IV, 1: Глядишь—страшна могила (Т. Д.)
— 1: (Всему конецъ—могила) (Вар. Т. Д.)
— 1: Черна, темна могила (О. З.; Р. Д.)

142. *Я любила его,* стр. 168. (О. З. 43. т. 26.—Изд. 46.— Т. Д. — Р. Д. — Д.: 1841, 20 дек.).

Загл.: Русская пѣсня. (О. З. и рук.)
I, 4: Какъ другія любить

— 4: Не могутъ никогда. (Р. Д.; Т. Д.)
— 4: Не смогутъ никогда (О. З.)

III, 3: И блѣдна, холодна,
IV, 4—5: И кипитъ горячо,
И блистаютъ глаза
Лучезарной звѣздой!..
Я жила для него—
Я любила душой !.. (О. З.; Вар. Р. Д. и Т. Д.).

143. *На новый 1842 годъ,* стр. 169. (Изд. 46.—Т. Д.; д: 1842, янв. 1, полночь)

III, 2: Въ томъ духъ восторженныхъ кипитъ
IV, 4: Всю ночь неисчерпаема была.
V, 2: Другимъ онъ молоньей мелькнулъ; (Вар. Т. Д.).

144. *Что онъ ходитъ за мной,* стр. 170. (Изд. 46. — Д.Д.; д: февраля 2.—Р. Д.; д: 1842 г., 8 февраля).

145. *Нынче ночью къ себѣ,* стр. 171 (Изд. 46. — Т. Д. 5 марта. — Р. Д.; д: 1842 г., 5 марта.

Приложенія:

Пѣснь утру, стр. 175 (Рук.)

4: И шумитъ живой потокъ

Первый шагъ любви, стр. 175 (Рук.)

8. Отказъ Лизы я забуду.

Семинаристу, писав. Эпиграмму, стр. 176 (Рук.)

3: Кого жь онъ ею укорялъ?

Отцвѣтшая краса, стр. 176 (Рук.)

Стихотвореніе имѣетъ продолженіе:

Старость не отрада
Для поблекшаго лица....
Мнѣ жь одна отрада
Терпѣливо ждать конца.

Прямое счастье, стр. 177 (Рук.)

III. 4: Тотъ долгу заплатилъ:
IV, 2. Злой страстію гонимъ.

Въ рукописи имѣется неотдѣланное продолженіе:

. . . . . въ союзѣ съ нимъ
. . . . . гремящій
Лишь честь свою хранилъ;

Стезей прямой идущій, —
Тотъ долгу заплатилъ;
И въ роскоши богатства
Въ пороки не впадалъ,
Но честью безъ препятства
Ихъ храбро отражалъ.
Кто бѣдностью гонимый
Отъ бурей защитилъ
И участью томимый
Себя лишь охранилъ;
Сирыхъ подъ кровъ собравшій
Отъ бурей-непогодъ
Пріютъ имъ давшій, —
Вѣчно счастливъ тотъ.
Кто райскіе цвѣточки
Въ путь горній насадилъ
И свилъ любви вѣночки,
Тотъ дружбѣ посвятилъ.

Посланіе Я. Я. Переславцеву, стр. 178 (Рук.)

II. 4: Лишней славы не ищу (Вар. рук.)
VII, 1: Жизнь всегда текетъ (sic.) въ премѣнѣ,
IX, 3: Живемъ,—бьетъ часъ урочный,
X, 3—4: Взоръ погасъ и ликъ затмился
По тѣлу черви поползли...
XI, 2: Живи, бури берегись!
— 4: Хоть куда ни повернись.
Не знай ты бури грозной,
Бѣги ябеды людей
Во случаѣ, если можно,
Уклоняйся отъ сѣтей (Рук.)

Плачъ, стр. 181 (Рук.)

2: Далъ жизнь и бытіе

Между 15 и 16 стихами зачеркнутъ стихъ:

Чѣмъ можешь, чѣмъ богатъ,

Повѣсть моей любви, стр. 184 (Рус. Арх. 64, № 9; д. 1828, ноября 1.—Рук.)

27—29: Домой въ городъ ѣзживалъ
За дѣлами крайними,
Чаще жь — за отцовскими
32: Двадцать лѣтъ ударило

Посланіе Н.... П..... стр. 186 (Т. Маркса; д: 1830 г., іюля 25).

Загл.: Къ * * *.

Между 10 и 11 стихами:

Кто жь слову нудитъ измѣнить?

15: (Стихъ зачеркнутъ) — (Вар. Т. М.)

Эпитафія, стр. 187 (Биб. Зап. 61, т. III. № 16. — Т. Д.: д: 1841, октября 18.)

Загл.: Ивану Гордѣевичу Козлову.

3: И добросердечною слезой (Т. Д.; См. письмо къ Малышеву, на стр. 337.)

„Хмуритъ брови сине небо", стр. 190 (Рук.)

Загл.: Къ тучамъ (небеснаго) понизоваго небосклона.

16: Кручинную съ мыслей (Рук.)

„Не булатный ножъ", стр. 193 (С. Отеч. 39, т. IX; подпись: „Лѣсникъ". — О. Зап. 67, т. 170.)

II, 1—2: Забралась ли туда
Злодѣйка грусть
IV, 3: Что мой милый другъ
VI, 1: Сохни жь, бѣла грудь,
— 4: Коса черная!
VII 4: Братцу родному —
VIII 1: Отнести къ дружку
— 3: На подарокъ ему (С. Отеч.)

„Эхъ, не во время", стр. 193 (С. От. 39, т. IX; подпись: „Лѣсникъ". — О. З. 67, т. 170)

III, 1: Завылъ не-въ-пору
IV, 2: Впало горюшко
IX, 3: Слово данное
X, 3—4: Безъ нея мнѣ лечь
Въ мать сыру землю. (С. От.).

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8⁰. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. иностр. и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1. 10] Редакція *В. В. Каллаша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4. 8. 10] Редакція *И. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Редакція *А. И. Введенскаго.* 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. . .	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4. 8. 10] Редакц. *А. И. Введенскаго.* 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллаша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. кол. пер.	13	50
Танъ В. Г. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	15	—
Ольга Шапиръ. Съ портретомъ автора. 10 том. Цѣна 15 руб., въ перепл.	20	—
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *П. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8. 10] Портр. и біогр. автора, составл. *И. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл. . . .	4	—
Островскій, А. Н. [4. 8. 10] Ред. *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4. 8. 10] Ред. *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. пер.	18	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Невѣжинъ, П. М. Съ портрет. и факсимиле автора 12 том. 18 руб., въ изящн. перепл. . .	24	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Н. Я. Соловьевъ. Съ портр. автора. 2 т. по 1 р. 25 к., въ перепл.	3	50
Чарльзъ Диккенсъ. Пер. съ англ., со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго.* 30 том. по 75 к., въ пер.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. *М. В. Лучицкой.* 20 том. по 75 коп., въ перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ ред. *С. С. Зелинскаго.* 12 том. по 75 коп., въ перепл.	15	—
Гюи де-Мопасанъ. Переводъ съ франц., со вступ. стат. *З. А. Венгеровой.* 15 т. 15 р., въ пер.	22	50
Эдгаръ По. Перев. съ англ., съ критико-биограф. очерк. *М. А. Энгельгардта.* 3 т. 3 руб., въ пер.	4	50
Эмиль Зола. Перев. съ франц., подъ ред. и со вступит. статьями *Е. В. Аничкова* и *Ѳ. Д. Батюшкова.* 30 т. по 1 р. 50 к., въ перепл.	60	—
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 т. 6 р., въ изящн. перепл.	7	25

Современная библіотека.

Стихотворенія П. Я. (Якубовича-Мельшина). 2 т. I т. ц. 1 р. 50 к; II т. ц. 1 р. 25 к.	2	75
Дѣвушки. Сборн. разсказ. *Б. А. Лазаревскаго* .	1	—
Колымскіе разсказы. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
На тумбѣ. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
Жертвы Дракона. Романъ *В. Г. Тана.* . .	—	80
Княжна. Романъ *А. В. Амфитеатрова*	1	50
Жаръ-цвѣтъ. Фант. ром. *А. В. Амфитеатрова.*	1	50
Черныя маски. Пьеса *Леонида Андреева* . .	—	50
Анфиса. Пьеса *Леонида Андреева*	—	75
Братья Карамазовы. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго* За 3 тома.	3	—
Преступленіе и наказаніе. Ром. *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома.	2	—
Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ *К. Д. Бальмонта*	1	25
Цари Биржи. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко*	1	50
Стихотворенія. *Д. С. Мережковскаго*	1	50
Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра* . .	1	25
Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.*	1	25
Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.*	1	75

Восемь племенъ. Книга для юношества *В. Г. Тана,* съ 24, прилож. въ худож. обложкѣ	1	50

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* 4. 7 Общ. ред. *Г. Гельмольта.* Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра *Г. Шурца.* Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* 1. 2. 9 Соч. профф. *Фр. Фогта* и *М. Коха.* Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 в. по 50 к., въ перепл. . . .	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государств. расходы. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. подук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. *А. Л. Погодина.* Цѣна 3 р., въ изящн. перепл. . .	3	75
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* 8. Соч. проф. *К. Вермана.* Пер. подъ ред. *А. И. Сомова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. пер.	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. 4. Сочин. проф. *Г. Крэмера.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 в. по 40 к. или 5 т. въ перепл. . .	55	—
Міровоззаніе, *общедост. астрономія.* 3. 4. 5. 10 Соч. д-ра *В. Мейера.* Пер. съ доп. и указ. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 в. 7 р. 50 к., въ перепл.	8	60
Исторія земли. 1. 2. 4. 6 Сочиненіе проф. *М. Неймайра.* Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 р. 80 к., въ 2 перепл. . .	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра *Вильгельма Мейера.* Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роскош. перепл.	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. *Ф. Ратцеля.* Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 в. по 50 к. или 2 т. въ перепл.	17	—
Жизнь растеній. 1. 4. 6 Соч. проф. *А. Кернера фонъ-Марилауна.* Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 в. 12 р. 80 к. или 2 т. въ пер.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. 4. 5. 6. Соч. проф. *В. Гааке.* Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 р., въ перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. 4. 5. 6. 10 Перев. подъ ред. профф. *А. С. Догеля* и *П. Ф. Лесгафта.* 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл.	24	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Человѣкъ. [1. 4] Соч. проф. *I. Ранке.* Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. *Фр. Ратцеля.* Пер. съ доп. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. *Э. Геккеля.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ описс. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к., въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8. 10] Соч. проф. *В. Сиверса* и *Ф. Гана.* Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. *В. Сиверса.* Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра *Э. Декерта.* Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. *В. Сиверса.* Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. *В. Сиверса* и *В. Кюкенталя.* Пер. съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. *А. Филиппсона.* Пер. съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. *К. Э. Бока.* Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл	6	—
Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зелепкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл.	1	75
2) по зоол. птицъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
3) по зоолог. рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл.	1	75
4) по зоол. низшихъ животныхъ [4. 8. 10] Текстъ проф *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл	1	75
5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра		

	Р.	К.
М. Кронфельда. Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
6) по географіи Европы. [5.6.7.10] Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	50
7) по географіи внѣевр. странъ. [5.6.7.10] Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма. [8.10] *Отд. зоол.* 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8.10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. [6.8.10] Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева* и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. [8.9.10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. Н. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. [8.10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *П. И. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. ***Н. А. Гезехуса.*** 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. .	6	—

Маньчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 руб., въ изящн. коленкор. пер. — 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. Цѣна 2 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ.*** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. кол. пер. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. ***Стэда.*** Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Соч. ***Бержъ.*** Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роскош. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей ***Архимандрита Михаила.*** Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

Bers

*
357

462756
LR
K8175V
Kol'tsov, Aleksyei Vasil'evich
Полное собраніе стихотвореній и писемъ ...
под ред. Арс. И. Введенскаго.
[Title translitereated: Polnoe sobranie stikhot-

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED